

Институт Ближнего Востока

**ИЗРАИЛЬ И ЕГИПЕТ:
ПОЛВЕКА БЕЗ ВОЙНЫ**

Алек Д. Эпштейн

Москва

2022

*Во время подготовки этой книги к печати
пришло трагическое известие о том, что безвременно
оборвалась жизнь перспективного московского
политолога-ближневосточника Романа Александровича
Колесникова (1992–2020), диссертация которого об
истории отношений России и Израиля в 2008–2018 гг.
была утверждена уже после его гибели.
Эта книга посвящается его памяти.*

Алек Д. Эпштейн
ИЗРАИЛЬ И ЕГИПЕТ: ПОЛВЕКА БЕЗ ВОЙНЫ
Москва, 2022

Dr. Alek D. Epstein
ISRAEL AND EGYPT:
HALF A CENTURY WITHOUT WAR
Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2022

ISBN

*Книга публикуется в авторской редакции
и не обязательно отражает позицию
Института Ближнего Востока*

*Автор благодарит Александра Александровича Тара
и Дмитрия Александровича Санояна
за важную помощь в работе над книгой*

© Институт Ближнего Востока
© Алек Д. Эпштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....5

I. НА ПУТИ К МИРНОМУ СОСУЩЕСТВОВАНИЮ: ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 ГОДА ДО УБИЙСТВА АНУАРА САДАТА

1. «Синайские» соглашения 1974–1975 годов:
Укрепление американо-египетского
политического диалога за счет Израиля19

2. Порывая с предшественниками:
Ануар Садат, Джимми Картер и Менахем Бегин
в поисках иных решений.....55

3. «Хоть на край света, даже в Кнессет»:
От переговоров Моше Даяна в Марокко –
к визиту Ануара Садата в Иерусалим91

4. От топтания на месте – к прорыву в Кемп-Дэвиде:
Триумф Джимми Картера127

5. Договор, стоивший жизни А. Садату:
Израильско-египетский мирный процесс
в 1979–1981 годах163

Карты поэтапного отступления Израиля
с Синайского полуострова, согласно подписанным
в 1974–1989 годах соглашениям199

II. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ ХОСНИ МУБАРАКА: УСТАНОВЛЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ РЕЖИМА «ХОЛОДНОГО МИРА»

6. Отступление, арбитраж, отступление:
От Ямита до Табы207
7. Двусторонние отношения в 1982–1992 гг.:
Шоссе с односторонним движением.
Политическая психология «нормализации»243
8. И всё равно топтание на месте:
Отношения с Египтом после начала Израилем
диалога с ООП, 1993–1999 гг.279
9. Третье десятилетие Х. Мубарака:
Израильско-египетские отношения до и после ухода
Израиля из сектора Газа, 1999–2011 гг.315
10. В лабиринтах израильской политики:
Х. Мубарак и его сменявшие друг друга собеседники –
дипломаты и военные351

III. ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

11. Воплощенные кошмары:
погром израильского посольства в Каире
и приход к власти «Братьев-мусульман»389
12. Возвращение к «холодному миру»: двусторонние
отношения после прихода к власти А.Ф. ас-Сиси425
- Список литературы.....461

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую читатель держит сейчас в руках, посвящена отношениям двух приграничных государств – Израиля и Египта – на протяжении почти полувека, со дней окончания последней войны между ними в конце октября 1973 года по настоящее время. Изданная полтора года назад монография *«Израиль и Египет: пять войн за четверть века»* покрывала период с 1948 по 1973 годы. Этот том посвящен другой эпохе, которую довольно сложно охарактеризовать однозначно. Несмотря на подписанный двумя странами в марте 1979 года мирный договор, представляется (и этот тезис подробно обоснован в тексте монографии), что подлинный мир между двумя странами так и не наступил. *Эпоха войн закончилась, но ей на смену не пришла эпоха мира.* В Израиле принято описывать отношения с Египтом как «холодный мир», но автор настоящей монографии склонен согласиться с четвертым послем Израиля в Египте Эфраимом Дубеком, любящим повторять: «У мира нет температуры: он либо есть, либо его нет». Несмотря на все возвышенные слова, бесчисленное количество раз повторенные, *мира между Израилем и Египтом до сих пор нет, хотя две страны прошли длинный – и в целом довольно успешный – путь, чтобы оставить эпоху войн в прошлом.*

Именно этому пути посвящен первый раздел настоящей книги, покрывающий сравнительно короткий – продолжительностью всего восемь лет, – но очень

интенсивный период, на протяжении которого стороны четырежды заключали те или иные соглашения, причем каждое из них воспринималось как значительный шаг вперед: так называемые Первое Синайское (1974), Второе Синайское (1975), Кемп-Дэвидское (1978) и, наконец, Договор об установлении мира, подписанный в марте 1979 года. Как показано на страницах настоящей монографии, все четыре соглашения в очень существенной мере были следствием успешной работы американской дипломатии, без участия каких бы то ни было других международных посредников. При этом, вопреки доминирующему в значительном количестве публикаций подходу, я убежден, что переговорный процесс 1977–1979 годов неправильно рассматривать как дальнейшее развитие векторов, приведших к подписанию Первого и Второго Синайских соглашений; различия между этими двумя фазами израильско-египетского переговорного процесса существенно превышают сходства между ними. Убийство президента Египта А. Садата 6 октября 1981 года очевидным образом подвело черту под определенным историческим периодом, которому посвящены первые пять глав настоящей монографии.

Об израильско-египетском переговорном процессе написано немало число серьезных книг; особенно отметим в этой связи фундаментальную монографию эксперта Совета по национальной безопасности США Уильяма Квандта, участвовавшего почти во всех встречах Дж. Картера и С. Вэнса с израильскими и египетскими руководителями, книги воспоминаний бывшего тогда министром обороны Израиля Эзера Вейцмана, министра

иностранных дел Моше Даяна и его советника Эльякима Рубинштейна (позднее – юридического советника правительства Израиля, а затем – заместителя председателя Верховного суда страны), а также книгу государственного министра по иностранным делам Египта (впоследствии – генерального секретаря ООН) Бутроса Бутроса-Гали. Все эти люди участвовали в переговорах на разных этапах, и, несомненно, знали тему очень глубоко.

Вместе с тем, важно понимать, что ключевая роль все-таки принадлежала высшим руководителям Египта и Израиля, Ануару Садату и Менахему Бегину, неоднократно встречавшимся один на один, без посторонних; но, к большому сожалению, ни президент Египта, ни премьер-министр Израиля воспоминаний о ходе переговоров не оставили. Десять лет назад, в 2011 году, иерусалимским Центром наследия Менахема Бегина была подготовлена антология, включающая переписку руководителей двух стран, начиная с первых чисел марта 1978 года и до последнего письма М. Бегина А. Садату, отправленного 5 октября 1981 года. Отметим, что даже самое первое из упомянутых посланий было отправлено спустя три с половиной месяца после исторического визита А. Садата в Иерусалим, и не так просто поверить, что это письмо в самом деле является первым. Учитывая, что и А. Садат, и М. Бегин давно ушли из жизни (равно как и Э. Вейцман, М. Даян и Б. Бутрос-Гали), сложно ожидать, что в будущем историкам станут известны какие-либо новые значимые детали, касающиеся израильско-египетского мирного процесса. Важно при этом понимать, что сколь многое мы бы о нем ни знали, эти знания не являются полными.

Об израильско-египетском переговорном процессе нет, увы, ни одной глубокой, сбалансированной в анализе книги на русском языке. Нельзя же считать таковой опубликованную в 1985 году монографию «История одного сговора», издательская аннотация к которой гласила: «В книге академика Е.М. Примакова освещаются узловые моменты ближневосточной политики США в 1970 – 1980-е годы. Эта политика привела к сепаратной кэмп-дэвидской сделке, заблокировала процесс достижения справедливого и всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. В работе убедительно показано, что империалистическому курсу США на Ближнем Востоке, направленному на поддержку экспансионистских планов Израиля и на раскол арабского мира, противостоит последовательная миролюбивая политика СССР, выступающего за справедливое, всеобъемлющее урегулирование ближневосточной проблемы». Политика была настолько «миролюбивая», что за два года до выхода этой книги тогдашний заместитель начальника Генштаба генерал армии С.Ф. Ахромеев проводил совещание, на котором обсуждалось нанесение ядерного удара по отдельным объектам на территории Израиля. Это, якобы, должно было подтолкнуть арабов к объединению и вступлению в войну против еврейского государства единым фронтом (об этом рассказал в своих воспоминаниях участвовавший в том совещании заведующий отделом Ближнего Востока в МИД СССР Олег Гриневский). Политико-идеологической предвзятости бывает не просто избежать, но она все-таки не должна «зашкаливать». Очень жаль, что за почти 45

лет, прошедших со дня исторического визита президента Ануара Садата в Иерусалим, на русском языке так и не вышло ни одной книги, посвященной едва ли не самому нетривиальному процессу урегулирования длительного кровопролитного конфликта в новейшей истории.

Другая проблема касается непосредственно документальной базы. Хотя эта книга покрывает период, начавшийся почти полвека назад, еще в 1974 году, протоколы заседаний израильского правительства за все эти годы остаются засекреченными. Не обнародованы и протоколы заседаний высших органов власти Египта. Двухтомник документов из Архива внешней политики России «Ближневосточный конфликт» покрывает только период 1948–1967 годов. Чуть лучше обстоит дело с документами из американских архивов, но и в многотомной антологии *Foreign Relations of the United States* последний, изданный к настоящему времени, том (он был опубликован в 2018 году) покрывает участие американских руководителей и дипломатов в арабо-израильском переговорном процессе во времена президента Дж. Картера, то есть только до января 1981 года! Материалы по этой теме, относящиеся к восьмилетнему периоду президентства Рональда Рейгана, находятся лишь в процессе снятия с них грифа секретности (*under declassification review*), что же касается последующих администраций, то даже и этот процесс еще не начат. Совершенно очевидно, что когда – это еще, вестимо, займет годы – соответствующие документы станут доступны исследователям, эту книгу (как и многие другие) нужно будет существенно доработать.

Второй раздел книги охватывает период продолжительностью тридцать лет – время президентства Хосни Мубарака. Хотя хронологические рамки этого периода вчетверо шире, чем предшествующего, он был намного менее интенсивным: *за эти годы между двумя странами не было подписано ни одного значительного соглашения*. Несмотря на то, что первый раздел посвящен периоду сравнительно короткому, ему совершенно необходима внутренняя периодизация, ибо израильско-египетский переговорный процесс в 1978 году качественно отличался от того, который имел место на три-четыре года раньше. Напротив, израильско-египетские отношения в 2000–2001 годах, когда на Западном берегу Иордана и в секторе Газа бушевала вторая интифада, и конце 1980-х годов, когда бушевала интифада первая, очень мало чем отличались друг от друга: как содержание двусторонних связей, так и риторика египетских официальных лиц и средств массовой информации в отношении Израиля почти неотличимы, несмотря на более чем десять прошедших лет. Эпоху президентства Хосни Мубарака, которой посвящен второй раздел книги, применительно к отношениям с Израилем довольно сложно делить на те или иные периоды, ибо сформированный с самого начала курс оставался практически неизменным на протяжении трех десятилетий.

Как указывалось выше, израильско-египетскому переговорному процессу посвящено значительное число весьма информативных и в целом достоверных книг. Опубликованные по-английски в серии *Foreign Relations of the United States* тома, в которых рассматривается

ближневосточная политика администраций Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера, содержит многие сотни документов; их внимательное изучение существенно помогает понять весь комплекс отношений между Израилем, Египтом – и США, не просто «патронировавшими», а руководившими переговорным процессом между ними. Напротив, сборники документов внешней политики США в отношении Израиля и Египта за тридцать лет президентства Х. Мубарака, начавшихся в октябре 1981 года, не опубликованы. Понимая, как много мы узнали из антологий американских документов, относящихся ко времени президентства А. Садата, очевидно, сколь огромна «дыра» в источниковой базе, которую не может заполнить никакой, даже самый усердный исследователь. Практически никакие израильские документы этого времени, касающиеся отношений с Египтом, также не опубликованы, а у египтян подобной традиции открытия архивов нет в принципе.

Всё это способствовало – и способствует и поныне – распространению сведений очевидно недостоверных. В опубликованной почти сорок лет назад статье «Ближневосточный конфликт в 1982 году» Евгений Пырлин, не приводя ни единой цитаты, писал (под псевдонимом Е. Дмитриев), будто «премьер-министр Израиля М. Бегин в “дружественных посланиях” президенту Арабской Республики Египет Х. Мубараку неоднократно давал понять, что израильские танки могут вновь появиться на Суэцком канале, если египетское руководство “посмеет” отойти от устраивающего США и Израиль внешнеполитического курса, прежде всего в

вопросах ближневосточного урегулирования». В 2000-е годы эта дезинформация повторяется более молодыми исследователями как истина. Настоящая книга важна, как минимум, тем, что воссоздает матрицу двусторонних израильско-египетских отношений без фантазий и лжи.

Как уже говорилось выше, переговорному процессу между Израилем и Египтом посвящено значительное количество мемуарных книг, авторами которых были люди, игравшие в этих переговорах ключевые роли. И с этой точки зрения тридцатилетие президентства Х. Мубарака ставит исследователей перед практически неразрешимой проблемой: ни Х. Мубарак, ни кто бы то ни было из руководителей египетской дипломатии, ни кто бы то ни было из израильских лидеров, вовлеченных в выстраивание двусторонних отношений в период с 1981 по 2011 годы, не посвятил им ни единой книги. В воспоминаниях Шимона Переса, Ицхака Шамира и Эхуда Барака, в отдельные периоды возглавлявших МИД Израиля, а в другое время бывших премьер-министрами, то тут, то там можно найти лишь отдельные страницы, посвященные данной теме; это же касается и воспоминаний бывшего в 2006–2009 годах премьер-министром Израиля Эхуда Ольмерта. При этом целый ряд израильских руководителей высшего ранга, встречавшихся с Хосни Мубараком, – прежде всего, Ицхак Рабин и Ариэль Шарон, воспоминаний не оставили; нет пока и книги воспоминаний Биньямина Нетаньяху.

Принимая во внимание всё вышесказанное, следует отметить, что наиболее обстоятельными и достоверными мемуарными свидетельствами являются изданные на

иврите книги нескольких дипломатов, в разные годы возглавлявших работу израильского посольства в Каире: Элияху Бен-Элисара, бывшего послом в 1980–1981 годах, Моше Сассона, занимавшего тот же пост в 1981–1988 годах, Эфраима Дубека, бывшего послом Израиля в Египте в 1990–1992 годах, Давида Султана – в 1992–1996 годах. К этому же роду литературы относится и книга «Супруга посла», написанная Мишель Мазаль, муж которой, Цви Мазаль, был послом в Каире в 1996–2001 годах. Автор настоящей книги также лично встречался с Моше Сассоном (ныне уже, к сожалению, покойным), Эфраимом Дубеком и Давидом Султаном в их иерусалимских квартирах; в ходе наших бесед эти многоопытные дипломаты делились со мной и такими воспоминаниями, которые на страницах их книг отражения не нашли. Очень ценя этих специалистов и будучи сердечно благодарным им за время, которое они мне уделили, я все же вынужден отметить, что уровень вовлеченности и информированности послов существенно ниже, чем глав государств, правительств и министров иностранных дел; даже если послы присутствовали при встречах премьер-министров и министров иностранных дел Израиля с Ануаром Садатом и Хосни Мубараком, их не было на заседаниях правительства, на которых обсуждались эти переговоры и их итоги.

Немаловажно и то, что полную картину двусторонних отношений очень сложно восстановить на основании свидетельств только с одной стороны. Египетские же послы в Израиле, даже отслуживший больше всех Мухаммед Басьюни, работавший в Израиле

на протяжении восемнадцати лет, с 1982 по 2000 годы (в последние годы своей жизни он занимал пост председателя Комиссии по иностранным делам Народного собрания Египта), воспоминаний не оставили. Не опубликовали мемуары ни Саад Муртада, бывший послом Египта в Израиле до начала первой израильско-ливанской войны, ни Мухаммед Ассам Ибрахим, бывший послом Египта в Израиле в 2005–2008 годах, ни другие их коллеги. Историк международных отношений не может отказаться от работы над книгой только потому, что в его распоряжении нет всего корпуса нужных ему документов и мемуарных свидетельств, однако необходимо предупредить читателя, что тогда, когда такие документы и свидетельства будут опубликованы, второй, равно как и третий, разделы настоящей монографии будут нуждаться в существенной доработке.

Третий раздел книги посвящен более чем десятилетнему периоду после свержения Хосни Мубарака, когда руководителями Египта последовательно были представитель высшего военного командования эпохи Х. Мубарака Мухаммед Хусейн Тантауи, председатель созданной панисламистской организацией «Братья-мусульмане» Партии свободы и справедливости Мухаммед Мурси, юрист и профессиональный судья Адли Мансур (он был, скорее, чисто номинальным главой государства, но считался временно исполняющим обязанности президента Египта на протяжении почти года), а с 8 июня 2014 года (а де-факто – и всё время формального правления А. Мансура) – генерал Абд эль-Фаттах ас-Сиси. Если М. Мурси был одним из лидеров движения, в период

правления А. Садата и Х. Мубарака не имевшего легальной возможности участвовать в политической жизни страны, то М.Х. Тантауи принадлежал к числу ближайших соратников Х. Мубарака, а А.-Ф. ас-Сиси не входил в их круг исключительно в связи с относительно молодым возрастом; по мировоззрению и ценностям он от свергнутого в 2011 году президента отличается весьма незначительно. Никто из четырех вышеупомянутых руководителей не опубликовал книг или статей, посвященных Израилю и диалогу с ним. На протяжении долгих десяти лет, до состоявшейся 13 сентября 2021 года в Шарм-аш-Шейхе встречи А.-Ф. ас-Сиси с новым премьер-министром Израиля Нафтали Беннетом, не было ни одной встречи руководителей двух стран, о которой сообщалось бы в средствах массовой информации; детали непубличных контактов не разглашались ни израильской, ни египетской стороной.

Понятно, что живя в Иерусалиме, и вот уже более четверти века занимаясь изучением происходящих в Израиле и приграничных с ним странах процессов, я собрал определенную информацию, и даже хотя на страницах этой монографии она публикуется впервые, она ни в коей мере не может считаться исчерпывающей. Пройдут еще многие годы, прежде чем появится возможность описать и проанализировать израильско-египетские отношения в последние сорок лет с желаемой достоверностью и детализованностью. Несмотря на всё вышесказанное, я надеюсь, что представленный вниманию читателей анализ двусторонних отношений и в последние десятилетия является пусть и очевидно

неполным, но в целом верным, точно суммирующим основные достижения и проблемы, как объективного, так и субъективно-психологического свойства. Не будучи сторонником принципа исторического детерминизма, я осознаю, что историю, в том числе и историю израильско-египетских отношений, вершат люди, без понимания мировоззрения и ценностей которых невозможно понять ни то, что они сделали, ни то, чего они не сделали – и второе порой не менее важно, чем первое.

*

Я выражаю искреннюю благодарность двум своим помощникам, с максимальной отдачей работающим со мной на протяжении многих лет: кандидату исторических наук Дмитрию Александровичу Санояну и чрезвычайно внимательному высокопрофессиональному редактору Александру Александровичу Тару, внесшим существенный вклад в работу над текстом настоящей монографии. Я благодарен редакции журнала РАН «Новая и новейшая история» (гл. редактор – В.С. Мирзеханов, отв. секретарь – И.А. Фадеев), где была опубликована первоначальная версия первой главы настоящей книги, с тех пор, впрочем, существенно доработанная. Я очень признателен Елене Борисовне Герцог за внимание и поддержку. Моя особая благодарность – руководителям Института Ближнего Востока Евгению Яновичу Сатановскому и Ефиму Леонидовичу Жигуну: вот уже более двадцати лет этот Институт остается домом, куда я приношу свои новые рукописи. Надеюсь, что так будет всегда!

Алек Д. Эпштейн, Иерусалим, 15 ноября 2021 г.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**НА ПУТИ К МИРНОМУ СОСУЩЕСТВОВАНИЮ:
ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 ГОДА
ДО УБИЙСТВА АНУАРА САДАТА**

«СИНАЙСКИЕ» СОГЛАШЕНИЯ 1974–1975 ГОДОВ: УКРЕПЛЕНИЕ АМЕРИКАНО-ЕГИПЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА ЗА СЧЕТ ИЗРАИЛЯ

I

Научные публикации, посвященные израильско-египетскому мирному договору 1979 года, а также заключенному за год до этого соглашению «Рамки мира на Ближнем Востоке», весьма многочисленны. При этом почти нет статей, и уж тем более книг, в которых подробно рассматриваются предшествовавшие «промежуточные» израильско-египетские соглашения, обозначаемые в англоязычной научной литературе как «Синай I» и «Синай II», подписанные в 1974–1975 годах. Настоящая глава полностью посвящена данным договоренностям. Кроме уже опубликованных материалов, она базируется на двух крайне важных корпусах первоисточников, ни один из которых, насколько нам известно, ни разу не цитировался в российской научной литературе.

Первый корпус документов включает в себя подробные записи переговоров, которые вела в 1973–1974 годах премьер-министр Израиля Голда Меир с президентом США Ричардом Никсоном и государственным секретарем Генри Киссинджером. Эти записи сделал сопровождавший Голду Меир на переговорах генеральный директор ее канцелярии и политический советник премьер-министра (а в 1972–1973 годах – генеральный директор Министерства иностранных

дел) Мордехай Газит (урожденный Вайнштейн, 1922–2016); они хранятся в Архиве Армии обороны Израиля и были рассекречены лишь несколько лет назад. Аналогичные американские протоколы были напечатаны в изданном в 2012 году XXVI томе хорошо известной специалистам серии *Foreign Relations of the United States, 1969–1976*, посвященном арабо-израильскому конфликту и переговорам 1974–1976 годов. Однако, в отличие от них, документы, о которых идет речь, включают в себя также подробные записи обсуждений американских предложений Голдой Меир с ее наиболее близкими советниками, что придает протоколам двусторонних бесед дополнительное – и очень важное для понимания динамики событий – измерение.

Второй корпус документов включает в себя папку, содержащую материалы переговоров Генри Киссинджера в Израиле в процессе выработки второго Соглашения о разьединении сил, подписанного полномочными представителями Израиля и Египта 4 сентября 1975 года. Этот корпус документов держал у себя тогдашний президент США Джеральд Форд; ныне, как это принято в США, он, наряду со всеми остальными его рабочими материалами, хранится в его именной президентской библиотеке, где был рассекречен – и стал доступен для изучения исследователями – несколько лет назад.

Тщательное изучение этих двух корпусов документов позволило существенно расширить понимание процессов, определявших динамику двусторонних отношений между еврейским государством и крупнейшей страной арабского мира – Египтом, с которой Израиль до этого воевал пять

раз. В условиях Холодной войны, когда Израиль воспринимался, оправданно или не совсем, как «клиент», патронируемый Соединенными Штатами, а Египет, даже после высылки А. Садатом в 1972 году советских военных специалистов, как «клиент», патронируемый Советским Союзом, дальнейшее усиление напряженности в отношениях между этими двумя ближневосточными государствами грозило перерасти в противостояние куда больших масштабов, в которое могли оказаться втянуты две крупнейшие мировые державы того времени – США и СССР. Подписание Египтом и Израилем каких бы то ни было соглашений, направленных на снижение остроты конфликта между ними, а также отвод войск этих двух стран на позиции, уменьшавшие вероятность начала новой войны, являлись факторами, укреплявшими не только региональную, но и международную безопасность.

Во многих как российских, так и зарубежных публикациях утверждается, что подписанные в 1974–1975 годах двусторонние соглашения были «преамбулой» к полноценному мирному договору, заключенному в 1979 году, будто Менахем Бегин лишь завершил работу, начатую правительством Партии Труда сразу же после окончания Войны Судного дня (Октябрьской войны) 1973 года. Анализ документов опровергает эту точку зрения, свидетельствуя о том, что никто из руководителей не только Израиля, но и Египта и США, вовлеченных в ведение переговоров, завершившихся подписанием первого (1974) и второго (1975) соглашений о разъединении войск на Синайском полуострове, не воспринимал их в качестве предвестников

всеобъемлющего мирного договора между двумя странами. Напротив, эти соглашения рассматривались как абсолютно самодостаточные, и даже при подписании 18 января 1974 года первого из них, никто не был уверен в том, что менее чем через два года будет подписано второе.

Нужно отметить, что, во-первых, после окончания Войны за независимость Израиля, с февраля по июль 1949 года между Израилем и всеми четырьмя граничащими с ним арабскими странами были подписаны соглашения, аналогичные заключенным Израилем и Египтом в 1974–1975 годах договоренностям о прекращении огня и разъединении войск, но ни с одной из четырех приграничных стран Израиль за прошедшие к тому времени четверть века не смог продвинуться к подписанию мирного договора. Во-вторых, в 1974 году Израиль заключил соглашение о разъединении сил не только с Египтом, но и – 31 мая 1974 года – с Сирией; излишне упоминать, что никакой мирный договор с Израилем Сирия не согласилась подписать до сих пор. Из сказанного очевидно, что *первое и второе соглашения о разъединении войск на Синае представляли собой документы, вырабатывавшиеся и подписывавшиеся как самодостаточные и фактически финальные.*

Нужно отметить, что президент Египта Ануар Садат был единственным из всех высших государственных руководителей, кто был непосредственно вовлечен в процесс выработки израильско-египетских соглашений как в 1974–1975, так и в 1978–1979 годах. *И в Израиле, и в США «мирным» процессом в эти два – пусть и разделенных сравнительно небольшим временным*

отрезком – периода руководили совершенно разные люди. Более того, и в Израиле, и в США к власти пришли не продолжатели и преемники тех, кто управлял страной в предшествовавшие годы, а, наоборот, их антиподы.

3 июня 1974 года Ицхак Рабин сменил Голду Меир на посту главы правительства Израиля, Шимон Перес – Моше Даяна на посту министра обороны, а Игаль Алон – Аббу Эвена во главе МИДа; все шестеро принадлежали к Партии Труда, разделяли в целом общее мировоззрение, свидетельством чего, в частности, был тот факт, что бывший заместителем главы правительства в кабинете Г. Меир Игаль Алон сохранил свой пост и у И. Рабина. Ставший 9 августа 1974 года президентом США Джеральд Форд до этого был заместителем Ричарда Никсона; он сохранил Генри Киссинджера и в качестве советника по национальной безопасности (до 3 ноября 1975 года), и на посту руководителя американской дипломатии (до окончания своей президентской каденции).

Напротив, в 1977 году к власти в Израиле впервые в истории страны пришло правительство, не связанное с Партией Труда, избранное именно по причине утраты этой партией общественного доверия. Сменивший 21 июня 1977 года Ицхака Рабина на посту премьер-министра глава Партии Свободы Менахем Бегин был не продолжателем его политического пути, а антитезой ему. Аналогичным образом, ставший 20 января 1977 года президентом США демократ Джимми Картер баллотировался на выборах против республиканца Джеральда Форда и, пусть с небольшим перевесом, победил его. Джимми Картер и назначенный им госсекретарем Сайрус Вэнс стремились

демонстрировать американскому народу не свою преємственность с администрацией Форда – Киссинджера, а, наоборот, отличия от нее. *Принимая во внимание важнейший личный вклад Менахема Бегина и Джимми Картера в заключение израильско-египетских договоров 1978–1979 годов, важно осознавать, что они лишь в очень небольшой мере базировались на соглашениях 1974–1975 годов, в куда большей степени будучи документами фундаментально иными: соглашений о разъединении войск между Израилем и арабскими странами к тому времени было подписано уже семь, а вот полноценный мирный договор был заключен впервые.* Соглашения 1974–1975 годов нужно анализировать в контексте событий того времени, а не последующих лет.

II

Израильско-египетская война 1973 года продолжалась менее трех недель, и если дата ее начала – 6 октября – сомнений не вызывает, то вопрос о том, когда она закончилась, остается дискуссионным: в различных публикациях называются и 24 октября, когда вступило в силу второе прекращение огня, и 25 октября, когда была принята резолюция Совета Безопасности ООН №340, и 26 октября, когда Третья египетская армия предприняла последнюю отчаянную попытку прорвать окружение, атаковав танками и артиллерией израильские понтонные мосты к югу от Малого Горького озера.

Уже 27 октября, в тот день, когда Совет Безопасности ООН только принял резолюцию №341, зафиксировавшую

выполнение предыдущих резолюций о прекращении боевых действий между сторонами, Г. Киссинджер принял в Вашингтоне египетского дипломата Исмаила Фахми (1922–1997), уже 31 октября назначенного министром иностранных дел своей страны. По поручению А. Садата, И. Фахми деликатно, но настойчиво предложил американцам сделку: Египет будет готов возобновить связи с Соединенными Штатами, несмотря на поставки ими оружия Израилю по «воздушному мосту», начиная с девятого дня Войны Судного дня, если Вашингтон добьется отвода израильских сил на позиции, которые они занимали на момент первого прекращения огня 22 октября 1973 года¹. За несколько последних дней войны израильская армия значительно продвинулась вперед, заняв позиции к югу от Исмаилии, не только на восточном, но и на западном берегу Суэцкого канала, взяв под контроль оба берега канала со стороны Суэцкого залива, включая город Суэц; именно в эти дни в окружении оказалась Третья египетская армия численностью около двадцати тысяч человек. И. Фахми, ориентируясь на полученные от А. Садата инструкции, предлагал американцам «размен» следующего содержания: Египет в большой мере переориентируется с СССР на США, если американская администрация добьется вывода израильских войск из района города Суэц и Суэцкого залива, что позволит египтянам вначале обеспечить постоянный коридор для снабжения

¹ Говард Сакер, *История Израиля* [2007] / пер. с англ. (Москва: «Книжники», 2011), том II (1952–1978), стр. 509.

окруженной Третьей армией, а затем и полностью эвакуировать ее вглубь территории Египта². Израиль соглашался на снабжение Третьей армией исключительно по линии Красного Креста, обуславливая свое согласие на какие-либо уступки встречными шагами со стороны Египта. Исмаил Фахми предложил Генри Киссинджеру сделку другого плана: в ответ на уступки Израиля Египту, Египет, в свою очередь, выражал готовность сделать шаги навстречу не Израилю, а Соединенным Штатам.

Генри Киссинджеру эта возможность показалась очень привлекательной, и он начал активно убеждать своих израильских собеседников в необходимости скорейшего отступления войск к тем рубежам, на которых они стояли 22 октября. Будучи неприятно удивленной позицией госсекретаря и его неприкрытым давлением на Израиль, Голда Меир попросила президента Ричарда Никсона о срочной встрече и уже 31 октября отбыла в Вашингтон. О предшествовавших этому дням Г. Меир вспоминала: «Всю неделю шли обмены посланиями между нами, в которых президент Никсон и Киссинджер просили нас уступить – по одному пункту, по другому, по третьему, – и хоть я очень хорошо понимала американскую позицию в отношении Советского Союза, этот непрерывный поток требований очень меня

² Backchannel Message From the Egyptian Presidential Adviser for National Security Affairs to Secretary of State Kissinger, October 27, 1973 // *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIV. Middle East Region and Arabian Peninsula, 1969–1972* (Washington: Department of State, 2008), pp. 776–777.

беспокоил. Я написала Киссинджеру, что мы просим сказать нам сразу все, чего он хочет, и тогда мы соберемся и примем собственное решение – а не посылать нам каждые несколько часов новые требования. ... 31 октября я полетела в Вашингтон – попытаться наладить несколько напряженные отношения и лично объяснить, почему некоторые предъявленные нам требования не только несправедливы, но и неприемлемы»³.

Встреча главы правительства Израиля с президентом США состоялась в Белом доме 1 ноября 1973 года. Надежда Голды Меир переговорить с президентом США с глазу на глаз не оправдалась; или президент сам пригласил госсекретаря на эту продлившуюся полтора часа встречу, или же Г. Киссинджер своими интригами навязал Р. Никсону факт собственного присутствия. В тот же день, а также 2, 3 и 4 ноября, Г. Киссинджер встречался с Г. Меир один на один.

Как свидетельствуют протоколы бесед Г. Меир с американскими руководителями, глава израильского правительства предлагала следующие меры обеспечения безопасности и создания атмосферы взаимного доверия. Во-первых, и Египет, и Израиль должны гарантировать скрупулезное соблюдение режима прекращения огня, не совершая враждебных вылазок и диверсий друг против друга. Во-вторых, под совместным контролем израильской армии и ООН Голда Меир была готова гарантировать ежедневную поставку воды, продуктов питания и лекарств

³ Голда Меир, *Моя жизнь* [1976] / пер. с иврита (Чимкент: «Аурика», 1997), стр. 537.

как солдатам и офицерам окруженной Третьей армии, так и в город Суэц. В-третьих, обе стороны должны осуществить обмен всех раненых и военнопленных, включая солдат и офицеров Третьей армии; Израиль настаивал на получении точного поименного списка своих военнослужащих, захваченных в плен египтянами. В-четвертых, Израиль требовал от Египта гарантии израильского судоходства в Баб-эль-Мандебском проливе (обеспечивавшем проход в порт Эйлат на южной оконечности Израиля) и в Суэцком заливе⁴. Относительно египетского требования об отступлении израильских сил к тем рубежам, которые они занимали 22 октября, Голда Меир настаивала, что данный вопрос должен быть обсужден и урегулирован в общем контексте переговоров о соглашении о разъединении войск, но никак не ранее⁵.

Пытаясь убедить Голду Меир в том, что Соединенные Штаты всячески стремятся отстаивать интересы Израиля, поддерживая еврейское государство на международной арене, Г. Киссинджер, ни словом не упомянув о своей обстоятельной беседе с И. Фахми, уверял главу израильского правительства в том, что ее предложения не могут служить отправной точкой, которая устроит египтян. Г. Киссинджер угрожал Г. Меир, что в случае, если Израиль не согласится гарантировать немедленную

⁴ См.: Minutes of the meeting between the Prime Minister and the Secretary of State, November 1, 1973, записал М. Газит // Архив Армии обороны Израиля, папка 14-58/79.

⁵ См.: Протокольные записи встреч Г. Меир с Г. Киссинджером, 2 и 3 ноября 1973 г., записал М. Газит [на иврите] // Там же.

эвакуацию солдат и офицеров Третьей армии, Египет обратится за помощью к руководителям Советского Союза, а может быть и к президенту США, который не сможет равнодушно взирать на укрепление советских позиций на Ближнем Востоке. Более того, по словам Г. Киссинджера, угроза нефтяного эмбарго приведет к ситуации, при которой и страны Западной Европы, и Япония, тотально зависевшие от поставок энергоносителей из арабских стран, выступят против Израиля, поддерживая Египет. Г. Киссинджер настаивал на том, что Израиль должен принципиально согласиться на отступление к «рубежам 22 октября», замечая, что подобное согласие является во многом декларативным, ибо точную дату своего отступления Израиль может и не называть, а точных карт этих «рубежей» всё равно не существовало. Г. Киссинджер заметил, что если Израиль откажется гарантировать бесперебойное снабжение окруженной Третьей армии по суше, Совет Безопасности или Генеральная Ассамблея ООН с высокой степенью вероятности примут резолюцию об обеспечении этих поставок по «воздушному мосту», чему Израиль не сможет противостоять. Госсекретарь выразил мнение, что подобное развитие событий будет для Израиля куда более проблематичным, чем принятие его предложений⁶. Еще раз повторим: о том, что предложения эти были не столько его, сколько переданные А. Садатом через И. Фахми, Г. Киссинджер не

⁶ Протокол встречи Г. Меир с Г. Киссинджером, 4 ноября 1973 г., записал советник-посланник посольства Израиля в Вашингтоне Мордехай Шалев (1915–2006) [на иврите] // Там же.

упомянул, фактически дезинформировав главу правительства Израиля.

5 ноября 1973 года советник начальника Генерального штаба, бывший глава военной разведки Израиля генерал Аарон Ярив (урожденный Рабинович, 1920–1994) передал дополнительные материалы, касавшиеся переговоров как с Египтом, так и с Сирией, заместителю госсекретаря США Джозефу Сиско (Joseph John Sisco, 1919–2004)⁷. Сам по себе факт контактов высокопоставленного действующего армейского офицера с государственным деятелем другой страны являлся, очевидно, нетривиальным событием, отчетливо свидетельствуя о глубочайшей степени вовлеченности Г. Киссинджера и его ближайших сотрудников в переговоры Израиля со своими арабскими соседями.

В тот же день Мордехай Газит подготовил обстоятельную аналитическую записку, касающуюся деталей переговоров Голды Меир и сопровождавших ее в ходе визита в США лиц. Согласно записям М. Газита, американцы прежде всего были озабочены выполнением обязательств, которые взял на себя Г. Киссинджер в ходе его визита в Москву 20–22 октября 1973 года⁸. Из аналитической записки М. Газита очевидно, что проблемы израильско-египетских отношений рассматривались

⁷ См.: Шимон Голан, *Разъединение сил под угрозой войны на истощение* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2019), стр. 76 [на иврите].

⁸ См. его воспоминания об этом визите: Henry Kissinger, *Years of Upheaval* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1982), pp. 545–559.

американцами как производные от их отношений с Советским Союзом в контексте переписки Р. Никсона и Л.И. Брежнева в заключительные дни Войны Судного дня. Кроме того, Г. Киссинджер придавал большое значение перспективам укрепления американско-египетских отношений, для чего планировал визит в Каир⁹, куда он прибыл 11 января 1974 года. Проблемы, касавшиеся безопасности Израиля и свободы израильского судоходства, интересовали госсекретаря лишь в той мере, в которой они бы способствовали, а не вредили его дипломатическим усилиям в Москве и Каире.

Руководители Египта могли искать поддержку как в Вашингтоне, так и в Москве, и в Лондоне, и в других мировых столицах, однако, и Г. Киссинджер, несомненно, осознавал это, для Израиля США были единственным возможным партнером и «патроном». За благосклонность А. Садата Г. Киссинджеру нужно было бороться в нелегкой конкурентной борьбе, тогда как приезжая в Иерусалим или принимая израильтян в Вашингтоне, госсекретарь США знал, что искать поддержки им больше все равно не у кого. Описывая события, произошедшие после Войны Судного дня, Голда Меир отмечала:

«Нас заставили пойти на компромисс во имя “мира во всем мире”.

– Давайте, наконец, называть вещи их истинными именами, – сказала я кабинету министров. – Есть лишь

⁹ См.: Мордехай Газит, «Визит главы правительства [Г. Меир] в США (выводы)», 5 ноября 1973 г. [на иврите] // Архив Армии обороны Израиля, папка 14–58/79.

одна страна, к которой мы можем обращаться, и иногда нам приходится ей уступать, хотя мы и понимаем, что не должны бы. Но это наш единственный друг, и очень могущественный. Мы не должны на все отвечать “да”, но будем же называть вещи своими именами. Ничего нет позорного, что в такой ситуации маленькая страна – Израиль – вынуждена иногда уступать Соединенным Штатам»¹⁰.

Г. Киссинджер понимал всё это не хуже, чем Г. Меир, и потому настойчиво требовал от Израиля пойти на болезненные уступки, очевидно ослаблявшие еврейское государство, но укреплявшие статус в арабских столицах и самого госсекретаря, и страны, которую он представлял.

По окончании Войны Судного дня Израиль обратился к США с просьбой о содействии в скорейшем восстановлении своего оборонного потенциала, запросив поставки современных самолетов, танков и других видов вооружений, аналогичных тем, которые СССР обещал поставить – и позднее действительно поставил – Египту и Сирии. Как свидетельствуют записи М. Газита, израильские просьбы были отклонены Г. Киссинджером, мотивировавшим свой отказ кризисом доверия между американским обществом и президентом Р. Никсоном в связи с Уотергейтским скандалом¹¹. К этому внутриамериканскому политическому кризису Израиль не имел никакого отношения, однако именно им объяснялся

¹⁰ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 532–533.

¹¹ См.: Мордехай Газит, «Визит главы правительства [Г. Меир] в США (выводы)», 5 ноября 1973 г.

тот факт, что американцы молча и равнодушно взирали на существенное изменение баланса сил на Ближнем Востоке в пользу враждебных Израилю арабских стран. Вашингтонские собеседники, принимавшие израильских руководителей, также отметили, что на складах армии США находилось очень ограниченное количество вооружений, в которых не нуждались американские войска, а потому, несмотря на то, что СССР обещал поставить Египту полторы тысячи танков, США едва ли смогут поставить Израилю хотя бы 250. Р. Никсон и Г. Киссинджер также пожаловались на давление, которому они подвергались со стороны Великобритании, Японии и других дружественных государств, в связи с их (в отличие от самих США, кстати) почти полной зависимостью от поставок нефти из арабских стран¹².

Г. Киссинджер также откровенно шантажировал своих израильских собеседников, повторяя, что если его дипломатическая миссия не приведет к успеху, то Египет обратится к Советскому Союзу и в ООН, чье посредничество, конечно же, будет куда более проблематичным для Израиля, чем его¹³. Так оно, несомненно, и было, но условия, выдвигавшиеся Г. Киссинджером, никоим образом нельзя было

¹² См.: Протокольная запись встречи главы правительства Г. Меир с президентом США Р. Никсоном, 1 ноября 1973 г., записал М. Газит [на иврите] // Архив Армии обороны Израиля, папка 14-58/79.

¹³ См.: Протокольные записи встреч Г. Меир с Г. Киссинджером, 2 и 3 ноября 1973 г., записал М. Газит.

охарактеризовать как соответствовавшие израильским интересам. Хотя численность египетских военных, взятых в плен израильскими силами, в десятки раз превышала количество израильских военнослужащих, взятых в плен египтянами, Г. Киссинджер утверждал, что в случае, если он добьется египетского согласия на обмен пленными по формуле «всех на всех», то Израиль должен, в свою очередь, пойти на встречные уступки. Г. Киссинджер прогнозировал, что в случае провала его переговоров в Каире, А. Садат категорически откажется освобождать кого-либо из захваченных в плен израильтян¹⁴. Как справедливо указал в своей обобщающей книге всю жизнь глубоко вовлеченный в ближневосточные политические процессы Е.М. Примаков, «одержимый идеей сепаратного египетско-израильского соглашения, Киссинджер осуществлял ее с присущей ему целеустремленностью, не останавливаясь перед давлением на Израиль, когда тот мог ему помешать своим стремлением усложнить разъединение войск на фронтах»¹⁵. Голду Меир всё это очень изматывало – и в своей книге воспоминаний она высказалась резко, напомнив, что бросила Г. Киссинджеру в лицо: «Знаете, всё, что у нас есть – это наш дух. Теперь вы хотите, чтобы я отправилась домой и помогла уничтожить этот наш дух. Но тогда уже не нужна будет

¹⁴ См.: Мордехай Газит, «Визит главы правительства [Г. Меир] в США (выводы)», 5 ноября 1973 г.

¹⁵ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, 2-е издание (Москва: «Российская газета», 2012), стр. 167.

никакая помощь»¹⁶.

Важно отметить, что уже с 28 октября 1973 года на 101-м километре к востоку от Каира шли прямые переговоры между израильскими и египетскими офицерами, на которых обсуждались вопросы, касавшиеся снабжения захваченной в плен египетской Третьей армии и жителей города Суэц, обмена пленными, поиска пропавших без вести и установления режима прекращения огня. Тогдашний посол Израиля в США Симха Диниц (1929–2003) практически в режиме реального времени докладывал Г. Киссинджеру о ходе переговоров, не только информируя его о позициях, отстаиваемых египтянами, но и спрашивая совета, какой из вариантов израильского ответа на них кажется ему более предпочтительным¹⁷.

В ходе переговоров офицеров двух стран был достигнут целый ряд договоренностей. Уже на первой встрече было согласовано, что 125 грузовиков, после их проверки израильской армией, под эгидой ООН и Международного Красного Креста, будут доставлять воду и продовольствие солдатам и офицерам окруженной Третьей армии; на следующий день было согласовано увеличение числа грузовиков еще на пятьдесят. 11 ноября был согласован режим поставок воды, продовольствия и лекарств в город Суэц; реализация этой договоренности началась 15 ноября 1973 года и продолжалась до 26 января

¹⁶ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 540.

¹⁷ См.: Шимон Голан, *Разъединение сил под угрозой войны на истощение*, стр. 78.

1974 года, когда город вернулся под египетский контроль. Тогда же, 11 ноября, был согласован обмен пленными, начавшийся 15-го и закончившийся 22 ноября; за это время египтяне освободили 241 израильского солдата и офицера, а в Египет вернулись 8 301 военнослужащий¹⁸.

Сторонам при этом не удавалось договориться о параметрах разъединения войск и новых фактических пограничных линиях между двумя странами, и к решению именно этой задачи Г. Киссинджер намеревался приложить свои усилия. Приступил к работе он, прямо скажем, весьма своеобразно, оказав давление на Израиль с целью *прекращения* прямых переговоров между израильскими и египетскими военными; под нажимом госсекретаря Израиль из этих переговоров 29 ноября 1973 года вышел. Как справедливо указывал израильский политолог Саадия Туваль, «основной причиной [этого шага] было то, что он [Киссинджер] хотел, чтобы организация израильского отступления, каким бы ограниченным оно ни было, воспринималась как заслуга США»¹⁹. Госсекретарь считал, что если арабские страны убедятся в том, что именно США заставили Израиль отступить, то это приведет к кардинальной переоценке ими своих отношений с мировыми державами, во-первых, и к прекращению нефтяного бойкота, во-вторых²⁰.

¹⁸ Там же, стр. 73–74.

¹⁹ См.: Saadia Touval, *The Peace Brokers: Mediators in the Arab-Israeli Conflict, 1948–1979* (Princeton: Princeton University Press, 1982), p. 242.

²⁰ Там же, p. 243.

Проанализировав значительный корпус документов и воспоминаний советских государственных деятелей и дипломатов, Владислав Зубок отметил: «Война Судного дня еще больше убедила Брежнева в том, что мир между Израилем и арабскими странами можно построить лишь совместными усилиями США и СССР»²¹. Но у американской администрации были иные планы: в то время как Советский Союз был готов к совместной работе с США во имя мира между Израилем и арабскими странами, в Вашингтоне в вероятность достижения такого мира никто не верил. США искали возможности добиться куда менее амбициозной цели – снижения напряженности в регионе, но, главное, – без участия СССР.

Отсутствие дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем, разорванных по инициативе СССР 10 июня 1967 года, облегчало американцам движение к этой цели. Как отметили Т.В. Носенко и Н.А. Семенченко, «разработанная и осуществлявшаяся Киссинджером стратегия вытеснения СССР с Ближнего Востока при сохранении видимости советско-американского сотрудничества в вопросах ближневосточного урегулирования давала свои плоды»²². В течение трех месяцев после окончания Войны Судного

²¹ Владислав Зубок, *Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева* [2007] / пер. с англ. (Москва: РОССПЭН, 2011), стр. 346.

²² Татьяна Носенко и Нина Семенченко, *Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений, 1948–1991 гг.* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2015), стр. 108.

дня госсекретарь США неоднократно встречался с высшими руководителями как Египта, так и Израиля. В Москве же побывала лишь делегация из трех членов руководства Коммунистической партии Израиля²³. Ни Тауфик Туби (1922–2011), ни Рут Любич (1906–2010), ни Вольф Эрлих, никогда не входившие в правительство (а двое последних не избирались и депутатами Кнессета), считаться полномочными представителями Израиля не могли. Пользы от встреч с ними для продвижения советских дипломатических инициатив не было никакой.

В ходе Женевской конференции, открывшейся 21 декабря 1973 года и не проработавшей и двух дней²⁴, по просьбе Г. Киссинджера министр иностранных дел СССР А.А. Громыко принял своего израильского коллегу Аббу Эвена. Израильский министр поднял вопрос о возможности восстановления дипломатических отношений между двумя странами. А.А. Громыко, однако, указал, что Советский Союз не готов пойти на этот шаг. По свидетельству Е.М. Примакова (в опубликованном в 1988 году двухтомнике А.А. Громыко «Памятное» об этой

²³ Сообщение о встрече в ЦК КПСС с делегацией Компартии Израиля // *Правда*, 2 ноября 1973 г. Опубликовано в антологии: *СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы* (Москва: Издательство политической литературы, 1989), стр. 181–182.

²⁴ См.: Алек Д. Эпштейн, *Выжить и выстоять: Израиль в Организации Объединенных Наций. Первые четверть века* (Иерусалим – Санкт-Петербург: Центр изучения Израиля и диаспоры – «Деан», 2021), стр. 358–360.

встрече не упоминается, увы, ни единым словом), А.А. Громыко сказал: «По мере того как [Женевская] конференция будет делать прогресс и будет обеспечено соглашение об окончательном урегулировании, тогда, конечно, вопрос созреет»²⁵.

Тайный канал связи с Израилем, который поддерживали Е.М. Примаков и полковник Первого главного управления КГБ СССР Ю.В. Котов, был отнюдь не регулярным. С 22 по 26 марта 1973 года они встретились в Вене с Мордехаем Газитом и Хананом Бар-Оном (1924–2003), совмещавшим работу в Министерстве иностранных дел с деятельностью в Службе внешней разведки «Моссад»²⁶. Следующие встречи Е.М. Примакова и Ю.В. Котова с израильскими представителями (а в этот раз в них участвовали и высшие руководители страны, включая премьер-министра Ицхака Рабина) прошли только два года спустя, с 4 по 6 апреля 1975 года²⁷.

В Вашингтоне дела обстояли иначе. 7 декабря 1973 года Г. Киссинджер принял тогдашнего министра обороны Израиля Моше Даяна. Израильский военачальник вспоминал, что госсекретаря больше всего волновало возобновление судоходства в Суэцком канале. Под американским давлением М. Даян объявил о согласии Израиля отвести все свои вооруженные силы на километр от Суэцкого канала, что позволило бы, очистив его от

²⁵ Цит. по: Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, 2-е издание, стр. 289.

²⁶ См. там же, стр. 286–287.

²⁷ См. там же, стр. 291–298.

последствий боевых действий, возобновить судоходство в нем. Израиль, со своей стороны, требовал от Египта гарантировать прекращение враждебных диверсионных вылазок против израильских войск и открытия для израильского судоходства Баб-эль-Мандебского пролива. Очевидно, что это предложение было сделано М. Даяном с ведома Г. Меир, которой министр обороны слал из Вашингтона обстоятельные телеграммы²⁸.

Только побывав в пяти арабских странах – Алжире, Египте, Саудовской Аравии, Иордании и Сирии, – встретившись с руководителями каждой из них, 16 декабря 1973 года Г. Киссинджер и сопровождавшие его лица прибыли в Израиль. Госсекретарь сообщил, что А. Садат согласен на создание к востоку от Суэцкого канала демилитаризованной зоны, которая должна стать своего рода буфером между израильскими и египетскими войсками. Согласно этому предложению, численность египетских и израильских войск в полосах, непосредственно примыкавших к буферной зоне, должна быть ограничена, и там не могут быть размещены батареи ракет «земля–воздух».

Г. Меир обратила внимание Г. Киссинджера на то, что за словосочетанием «разъединение войск» скрывается требование к Израилю об одностороннем отступлении, тогда как египтяне в ответ не должны поступиться вообще

²⁸ См.: Запись встречи М. Даяна с главой правительства Г. Меир в Кнессете, 10 декабря 1973 г., записал военный секретарь министра обороны Арье Браун (1935–1997) [на иврите] // Архив Армии обороны Израиля, папка 92–281/2010.

ничем. Глава правительства также отметила, что в случае удовлетворения Израилем этого требования Египет и солидарные с ним арабские страны будут настаивать на дальнейшем отступлении Израиля, угрожая возобновлением боевых действий и/или введением нефтяного эмбарго против якобы союзников Израиля, хотя ни страны Западной Европы, ни Япония ничем не поддерживали Израиль в Войне Судного дня. Однако Г. Киссинджер предупредил израильских руководителей, что провал переговоров о разъединении войск приведет к тому, что от Израиля будут настойчиво требовать полного отхода к границам, существовавшим до 5 июня 1967 года, и США в этих обстоятельствах ничем не смогут помочь...²⁹

Моше Даян выдвинул три условия, при выполнении которых Израиль согласился бы на египетское требование об отводе войск от Суэцкого канала. Египет должен гарантировать, во-первых, что отступление израильских сил является следствием прекращения состояния войны между двумя странами; во-вторых, что передислокация не будет использована египтянами для укрепления рубежей с целью подготовки нового нападения на Израиль; в-третьих, что Суэцкий канал будет открыт для судоходства, в том числе израильского³⁰.

Позиция, занятая М. Даяном, продемонстрировала

²⁹ См.: Matti Golan, *The Secret Conversations of Henry Kissinger: Step-by-step Diplomacy in the Middle East*, translated from the Hebrew (Toronto: Quadrangle, 1976), p. 152.

³⁰ См.: Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография* (Иерусалим: «Эйданим», 1976), стр. 697–698 [на иврите].

госсекретарю, что его давление принесло свои плоды: Израиль готов к одностороннему отступлению и ищет фактически лишь символическую компенсацию за него. Верно оценив ситуацию, Г. Киссинджер счел, что эту цену А. Садат будет готов заплатить.

О своем визите на Ближний Восток Г. Киссинджер объявил 10 января 1974 года. Уже на следующий день он встретился с президентом Египта А. Садатом, а 12 января – с военно-политическим руководством Израиля. Голда Меир в связи с недомоганием в этой встрече не участвовала, но, кроме нее, все высшее руководство страны, включая министров иностранных дел, обороны и финансов, посла Израиля в США, главы Администрации премьер-министра, начальника Генерального штаба, к встрече с госсекретарем готовилось, проведя совещание, на котором председательствовал заместитель главы правительства Игаль Алон. Первым на этом совещании выступил посол Симха Диниц, справедливо отметивший, что согласие на вывод израильских войск из зоны Суэцкого канала Моше Даян уже дал госсекретарю в ходе своего визита в Вашингтон, поэтому диалог с американской администрацией, очевидно, будет посвящен преимущественно тактике ведения переговоров с Египтом, а не их содержанию³¹. Еще 1 января 1974 года, то есть буквально на следующий день после выборов в Кнессет восьмого созыва, правительство приняло (но не

³¹ См.: Стенограмма совещания перед приездом Г. Киссинджера в Израиль, Тель-Авив, 12 января 1974 г. [на иврите] // Архив Армии обороны Израиля, папка 193–609/1976.

опубликовало никакого пресс-релиза об этом) решение №227, касавшееся согласия Израиля на отвод войск как с восточного, так и с западного берегов Суэцкого канала (напомним, что в районе к югу от Исмаилии израильские войска контролировали оба берега канала). Г. Киссинджер прекрасно об этом знал, но убеждал египетского президента, что сумел добиться согласия Израиля на вывод своих войск из зоны канала лишь в ходе своих «челночных» поездок между Каиром и Иерусалимом.

М. Даян информировал Г. Киссинджера о готовности Израиля отвести войска на десять километров от Суэцкого канала; дальше должна была располагаться буферная зона минимальной ширины, а за ней – израильские войска. А. Садат же настаивал на том, чтобы ширина зоны под исключительным контролем Египта составляла пятнадцать километров, а буферная зона, контролируемая ООН, – еще двадцать. А. Садат утверждал, что Египет будто бы не сможет гарантировать безопасный проход судов по Суэцкому каналу, если израильские войска не будут отдалены от него на расстояние не менее 35 километров. Переговоры между Г. Киссинджером и А. Садатом продолжались в египетском городе Асуан, где президент Египта восстанавливал силы после бронхита, на протяжении почти всего дня 12 января. Пять последующих дней госсекретарь фактически потратил на навязывание Израилю продиктованных А. Садатом параметров. В конце концов, израильские руководители согласились на территориальные уступки, обуславливая их однозначными ограничениями египетского военного присутствия на восточном берегу Суэцкого канала: там

могло быть не более семи тысяч солдат и офицеров, 36 артиллерийских орудий и 30 танков³². Эти условия А. Садат, стремившийся скорее вернуть контроль над Суэцким каналом и его окрестностями, принял.

Первое израильско-египетское соглашение о разъединении войск было подписано уже 18 января 1974 года. Помимо официального двустороннего соглашения, текст которого был подготовлен Г. Киссинджером и сотрудниками его аппарата, сопутствующий пакет документов включал одиннадцать писем, подписанных президентами США и Египта и главой правительства Израйля, что превращало этот договор фактически в трехсторонний, исключая из политического процесса ООН, Советский Союз, Великобританию и какие бы то ни было другие страны и международные организации. Учитывая, что с согласия обеих конфликтовавших сторон США принимали на себя обязательство осуществлять инспекционные полеты в зоне разъединения войск, они оказывались единственной державой, получавшей право усиления своего военного присутствия в регионе.

Голда Меир писала в книге воспоминаний: «В один из вечеров, когда в Москве шли переговоры Киссинджера с Брежневым о прекращении огня, я возвращалась из канцелярии по затемненным улицам Тель-Авива и клялась себе, что сделаю все, что от меня зависит, чтобы эта война кончилась мирным договором, который

³² Цит. по: Стенограмма совещания перед встречей с Г. Киссинджером, Иерусалим, 15 января 1974 г. [на иврите] // Архив Армии обороны Израйля, папка 193–609/1976.

навсегда зачеркнет тройное арабское отрицание (на наше предложение сесть за стол переговоров арабы ответили в Хартуме: “Ни признания, ни переговоров, ни мира”)»³³. Выполнить свою клятву главе правительства Израиля не удалось. Более того, нельзя не обратить внимания на тот факт, что в январе 1974 года *Израиль согласился на отступление с части территорий, которые были заняты им в ходе войны, однозначно иницизированной его противниками, не получив при этом даже символического признания факта легитимности своего существования со стороны Египта.*

Несмотря на значительные территориальные уступки, Израилю не удалось добиться и права на свободу судоходства в Суэцком канале (он был вновь открыт для судоходства после восьмилетнего перерыва 5 июня 1975 года). Египет лишь гарантировал, что через канал из Израиля и в Израиль могут доставляться грузы невоенного характера, но исключительно на судах, следовавших под флагами иностранных государств. В публицистике нередко отмечается тот факт, что глава правительства Израиля Голда Меир, будучи человеком сугубо гражданским, затруднялась принимать оптимальные решения, касавшиеся разъединения войск и других подобных действий, однако важно помнить, что ее единственным заместителем в правительстве был командовавший Южным фронтом в Войне за независимость Израиля генерал Игаль Алон, а министрами обороны, во-первых, и промышленности и

³³ Голда Меир, *Моя жизнь*, стр. 528; курсив добавлен.

торговли, во-вторых, являлись бывшие начальники Генерального штаба израильской армии, генералы армии Моше Даян и Хаим Бар-Лев (урожденный Броцлавский, 1924–1994). Все трое были привлечены к работе по выработке израильско-египетского соглашения о разъединении войск, и если его итоговые параметры были невыгодными для Израиля, то виной тому являлась не недостаточная компетентность Голды Меир в военных вопросах, а жесткое давление госсекретаря США, коему израильские руководители не были в силах противостоять.

18 января 1974 года был подписан не мирный договор и не пролог к нему, а акт одностороннего отступления Израиля, правительство которого, в условиях международной изоляции, оказалось не в силах противостоять прессингу администрации США. Это был не столько договор между Каиром и Иерусалимом, сколько между Каиром и Вашингтоном, оплаченный израильскими уступками.

III

Подписание 18 января 1974 года соглашения о разъединении войск между Израилем и Египтом, а 1 мая того же года – между Израилем и Сирией, создало весьма своеобразную политико-правовую ситуацию. Возникшие в результате этих соглашений пограничные линии и буферные зоны, где были размещены «голубые каски» ООН, не только не соответствовали никаким резолюциям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, но и, как черным по белому указывалось в самих соглашениях,

юридически *не имели* статуса государственных границ. Вместе с тем, в этих соглашениях *не были прописаны* никакие последующие шаги и механизмы в отношении того, что должно произойти после их реализации. Очевидно, что Египет и Сирия были очень заинтересованы в выводе израильских сил с Синайского полуострова и Голанских высот, но при этом не были готовы признать Израиль и заключить с ним мирные договоры. Эта позиция Египта и Сирии делала невозможной реализацию принятой Советом Безопасности ООН на исходе Войны Судного дня, 22 октября 1973 года, резолюции №338, согласно которой стороны должны приступить к переговорам, «направленным на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке»³⁴.

В этих условиях американская дипломатия встала перед непростым вопросом о том, чем же ей, собственно говоря, заниматься. Израиль и приграничные государства не находились в состоянии вооруженного конфликта, а заключенные в 1974 году соглашения о разъединении войск, пусть и не всегда безупречно, но соблюдались. Г. Киссинджеру же было очень важно продолжать демонстрировать А. Садату свою незаменимость.

В то время как советская дипломатия однозначно и бескомпромиссно придерживалась принципа «территории в обмен на мир», настаивая на том, что Израиль должен полностью уйти со *всех* территорий, занятых им в ходе Шестидневной войны в июне 1967 года, Г. Киссинджер

³⁴ Резолюция №338 Совета Безопасности ООН, принятая на 1747-м заседании 22 октября 1973 г., п. 3 [документ S/RES/338].

убедил ставшего новым премьер-министром Израиля Ицхака Рабина и получившего в его правительстве пост министра иностранных дел Игала Алона принять принцип «часть территорий в обмен на некоторую долю мира»³⁵. Автор биографии И. Рабина профессор Йоси Гольдштейн даже охарактеризовал израильско-египетский политический процесс как «поэтапный мир»³⁶. Он отмечал, что И. Рабину было ясно, что «не существует прыжка, которым можно достичь мира», что необходимо вести переговоры с руководителями Египта, Сирии и Иордании о подписании неких дополнительных «промежуточных соглашений, которые постепенно приведут к всеобъемлющим мирным договорам»³⁷.

Если И. Рабину на самом деле именно это «было ясно», то он глубоко заблуждался. С момента подписания соглашения о разъединении войск с Сирией и до настоящего времени прошло уже более сорока семи лет, но с этой страной не достигнут не только всеобъемлющий мирный договор, но даже и хотя бы еще одно «промежуточное» соглашение. Король Иордании Хусейн на протяжении многих лет вел с Израилем тайные переговоры, в том числе и на территории еврейского государства, но никаких «промежуточных» соглашений он открыто и официально никогда не подписывал. В октябре 1994 года, когда И. Рабин во второй раз – после

³⁵ Говард Сакер, *История Израиля* [2007], том II, стр. 546.

³⁶ Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография* (Тель-Авив: «Шокен», 2006), стр. 264.

³⁷ Там же, стр. 265.

пятнадцатилетнего перерыва – возглавил правительство Израиля, две страны заключили всеобъемлющий мирный договор, причем без каких-либо промежуточных этапов. Сказанное однозначно свидетельствует о том, что если работа над вторым «промежуточным» соглашением о передислокации израильских войск была частью какой-либо доктрины «поэтапного» достижения мира, то даже успешное завершение этих переговоров и подписание 4 сентября 1975 года второго израильско-египетского соглашения об успехе данной доктрины никак не свидетельствует. Г. Киссинджер, игравший центральную роль в ходе и этих переговоров (они были начаты им в Асуане 8 марта 1975 года), боролся не столько за мир между Израилем и арабскими странами (войны и так не было, а мир так и не наступил), сколько за сохранение за США доминирования в регионе Ближнего Востока.

Как представляется, И. Рабин и Ш. Перес сделали в отношении А. Садата в 1975 году ту же самую ошибку, что и в отношении Я. Арафата восемнадцать лет спустя, в ходе так называемого «процесса Осло». В обоих случаях они соглашались на территориальные уступки в обмен на некоторые политические декларации со стороны арабских лидеров, которые при этом даже не обещали признать легитимность существования Израиля как еврейского государства и заключить мирный договор с ним. В январе 1974 года правительство Голды Меир подписало соглашение с Египтом, пусть и невыгодное для Израиля, но хотя бы существенно снизившее опасность новой вспышки боевых действий: военнослужащие двух стран, стоявшие буквально друг напротив друга, оказались

разъединены буферной зоной, в которой были размещены миротворческие силы ООН. В 1975 году перед Израилем не стояло аналогичная проблема, ибо «голубые каски» уже отделяли египетских военнослужащих от израильтян. Подписание еще одного соглашения о разъединении войск, когда эти войска и так уже более полутора лет были разъединены, являлось действием абсолютно бессмысленным с военно-стратегической точки зрения. От Израиля вновь требовали уступок (А. Садат представил Г. Киссинджеру карту, согласно которой претендовал на возвращение 40% Синайского полуострова), причем даже демилитаризация оставляемой им территории не гарантировалась. И. Рабин согласился не требовать от А. Садата подписания полноценного мирного договора, но просил, чтобы президент Египта «сделал однозначное и не подлежащее отмене заявление о принятии принципа мирного разрешения всех споров и конфликтов»³⁸. А. Садат категорически отказался от этого, заявив, что принцип мирного разрешения всех споров и конфликтов может быть приемлемым лишь при условии, что Израиль выведет свои силы со *всех* занятых им в 1967 году территорий, вернув их, соответственно, Египту, Сирии и Иордании. А. Садат был готов взять обязательство лишь «о неприменении силы», но *в рамках непрекращающегося состояния войны!* Следует напомнить, что подобное крайне странное обязательство А. Садат уже взял на себя в январе 1974 года, и теперь требовал от Израиля заплатить ему новыми территориальными уступками за те же

³⁸ Говард Сакер, *История Израиля* [2007], том II, стр. 548.

расплывчатые декларации! Г. Киссинджер употребил все свои риторические таланты, убеждая главу правительства и министра обороны Израиля не придавать большого значения декларациям, и у И. Рабина и Ш. Переса не хватило силы воли настоять на своем. Восемнадцать лет спустя все повторилось в ходе переговоров, которые те же И. Рабин и Ш. Перес вели с Я. Арафатом. Последний также отказывался от подлинного мира с Израилем, раз за разом принимая на себя одни и те же обязательства, которые не спешил выполнять, но в обмен требовал от Израиля передачи под его контроль все новых и новых территорий, и эти требования раз за разом удовлетворялись.

1 июня 1975 года президент США Дж. Форд лично встретился в австрийском Зальцбурге с А. Садатом. И все же материалы из находившейся у него «папки Киссинджера» свидетельствуют, что американцы до самого последнего момента не были уверены в успехе своих дипломатических инициатив. 21 августа 1975 года тогдашний посол США в Израиле Малкольм Тун (Malcolm Toon, 1916–2009), более известный по работе в 1977–1979 годах в Москве, откровенно предупреждал госсекретаря, что «политическая ситуация в Израиле трудная», и И. Рабин сможет «протащить» утверждение второго соглашения об отступлении на Синайском полуострове только, «если Вы [обращался он к Г. Киссинджеру] готовы заплатить [должную] цену за это»³⁹; цена после этого и

³⁹ Memorandum of Conversation, King David Hotel, Jerusalem, от 21 августа 1975 г. // Gerald R. Ford Presidential Library, University of Michigan, Ann Arbor – Kissinger Reports, Box 4, листы 1–2.

обсуждалась – поставки вооружений Израилю на сумму примерно в два миллиарда долларов. Г. Киссинджер возмущался, что принимали его в Израиле не «хлебом и солью», а демонстрациями протеста, перекрывшими, в частности, путь его кортежу по пути следования с приема в Кнессете. Среди «своих» он выражал злость в уничижительной для Израиля форме: «Так принимать госсекретаря страны, которая дает им каждую отвертку! [Так в оригинале: «*of a country that gives them every screwdriver*»]. Ни в какой другой стране этого бы не произошло!»⁴⁰ На следующий день, когда он принимал Г. Киссинджера и сопровождавших его лиц в своей канцелярии, И. Рабин начал со слов: «Во-первых, позвольте мне извиниться за то, что произошло вчера вечером»⁴¹. После этого глава правительства еврейского государства сразу же попросил гостя представить черновик того соглашения с Египтом, которое от Израиля требовалось подписать, задав уточняющий вопрос, есть ли у него с собой копия этого документа. Г. Киссинджер ответил утвердительно, достал его, но указал, что «мы еще не передавали его египтянам»⁴². Спустя несколько минут он добавил: «Они [египтяне] не могут изменить проект соглашения, которого никогда не видели». На случай,

⁴⁰ Там же, лист 4.

⁴¹ Memorandum of Conversation, Prime Minister's Residence, Jerusalem, от 22 августа 1975 г. // Gerald R. Ford Presidential Library, University of Michigan, Ann Arbor – Kissinger Reports, Box 4, лист 1.

⁴² Там же, лист 2.

если его не поняли, госсекретарь повторил: «Они никогда не видели этого соглашения»⁴³. Из этого обмена репликами совершенно очевидно, что хотя соглашение именовалось израильско-египетским, вырабатывалось оно отнюдь не в Каире и не в Иерусалиме. Г. Киссинджер положил на стол карту израильского отступления, и министру обороны Ш. Пересу оставалось бороться лишь за то, чтобы египтяне согласились на создание шести станций раннего оповещения, причем и те должны были контролироваться американцами, представляя собой «исключительно американскую территорию»⁴⁴. Начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Мордехай (Мота) Гур (1930–1995) напомнил госсекретарю, что, в соответствии с подписанным в январе 1974 года соглашением, на восточном берегу Суэцкого канала могло быть не более семи тысяч египетских солдат и офицеров, а на самом деле их там двадцать тысяч, «и поверьте мне, это верная информация»⁴⁵. М. Гур сказал госсекретарю в лицо, что тот ошибается, утверждая, будто предлагаемые им новые пограничные линии «лучше для Израиля», чем существовавшие на тот момент времени. «Нет-нет, не лучше, чем нынешние, – тут же признал Г. Киссинджер. – Я говорил в целом. Я сказал, что в стратегическом плане у вас [станет] не намного хуже». «Но эти линии – хуже», – честно сказал генерал армии М. Гур. Увы, генерал армии в отставке И. Рабин подобной политической волей не

⁴³ Там же, лист 3.

⁴⁴ Там же, лист 15.

⁴⁵ Там же, лист 52.

обладал, и буквально сразу же после этих слов М. Гура вернул диалог в удобное американцам русло: «Господин госсекретарь, мы согласились отступить. Мы согласились, что египтяне продвинулись вперед. Теперь вопрос в том, насколько далеко?»⁴⁶ В этот момент Г. Киссинджеру стало ясно, что дело сделано. Госсекретарь считал, что «для достижения урегулирования, которое имело первостепенное значение для американских интересов, США должны оказать жесткое давление и вынудить израильтян принять предложенный им проект соглашения»⁴⁷. Этой цели ему достичь удалось.

4 сентября 1975 года второе соглашение об отступлении Израиля с части территории Синайского полуострова, включавшее девять статей и приложение, было подписано в Женеве. Израиль отступил с территорий, большой кровью отвоеванных в ходе навязанной ему войны, но *между двумя странами так и не были установлены ни дипломатические отношения, ни консульские, ни экономические, ни научные, ни культурные, ни какие бы то ни было другие связи*. Египет продолжал, что называется, «в упор не видеть» Израиль; в 1974–1975 годах А. Садат подписывал соглашения не с еврейским государством, а с администрацией США.

⁴⁶ Там же, лист 53.

⁴⁷ Moshe Gat, “Kissinger, the Architect of Sinai-2 Agreement between Israel and Egypt, September 1975” // *Athens Journal of History*, volume 2, issue 4 (2016), pp. 239–248.

ПОРЫВАЯ С ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ: АНУАР САДАТ, ДЖИММИ КАРТЕР И МЕНАХЕМ БЕГИН В ПОИСКАХ ИНЫХ РЕШЕНИЙ

На протяжении многих лет в научной литературе, прежде всего в израильской и американской, повторяется утверждение о том, что израильско-египетский мирный договор будто бы стал непосредственным следствием Войны Судного дня (Октябрьской войны 1973 года). Это очевидно парадоксальное утверждение объясняется разными авторами в целом одинаково: президент Египта А. Садат принял решение напасть на Израиль в самое благоприятное для подобного действия время – в иудейский Судный день, когда жизнь в Израиле замирает, наибольшее число военнослужащих находятся в отпусках, а не в действующей армии, а мобилизация резервистов крайне затруднена, ибо ни телевидение, ни радио в этот день в Израиле не вещают, а сами солдаты и офицеры преимущественно находятся не в своих домах и квартирах, а в синагогах. Не сумев выиграть войну, начатую им внезапно и в столь выгодных условиях, А. Садат, якобы, осознал, что единственный путь к возвращению Синайского полуострова пролегает через подписание мирного договора с Израилем. Иными словами, что не удалось вернуть на поле боя, не удастся вернуть иначе, как пойдя на мирное урегулирование, и этим, дескать, объясняется решение А. Садата прибыть в Иерусалим и начать переговорный процесс с Израилем.

Эта гипотеза выглядит убедительной лишь на первый взгляд. Во-первых, не забудем, что войну против Израиля начал не только А. Садат с целью вернуть Синайский полуостров, но и президент Сирии Х. Асад с целью вернуть Голанские высоты. Х. Асаду получить желаемое не удалось в той же мере, в какой это не удалось А. Садату, но ни тогда, ни впоследствии Хафез Асад (а он правил Сирией до своей кончины 10 июня 2000 года) в Израиль не прибыл и мирный процесс с еврейским государством не начал. Войну в октябре 1973 года А. Садат и Х. Асад начали вместе, но те «выводы», которые якобы сделал из ее результатов А. Садат, Х. Асад не сделал, и уже одно это ставит под вопрос тезис о центральном значении Октябрьской войны 1973 года для мирного процесса.

Во-вторых, уместно напомнить, что между окончанием Войны Судного дня 24 октября 1973 года и сделанным А. Садатом 9 ноября 1977 года заявлением о готовности прибыть в Иерусалим во имя достижения мира между двумя странами прошло четыре года – срок очень значительный. Совершенно непонятно, почему А. Садат сделал те «выводы», которые ему приписываются, спустя столь продолжительное время. Учитывая, что в 1974–1975 годах между Израилем и Египтом при американском посредничестве шел интенсивный переговорный процесс, приведший к подписанию двух соглашений, о чем подробно рассказывалось в предыдущей главе, и все это отнюдь не сопровождалось ни поездкой президента Египта в Кнессет, ни признанием Израилем и установлением дипломатических отношений с ним, очевидно, что ни в 1974, ни в 1975 годах А. Садат не сделал

те «выводы», которые, как утверждается, он якобы сделал из итогов войны 1973 года.

Напрашивается вывод о том, что у событий 1977 года были совершенно иные причины, которые необходимо рассмотреть, принимая во внимание совокупность беспрецедентных процессов, произошедших в Египте в 1976–1977 годах, а в США и в Израиле – в 1977 году. Визит А. Садата в Иерусалим – результат именно этих процессов, а отнюдь не войны, случившейся за четыре года до этого.

I

В литературе советского периода было принято объяснять многие процессы, в частности во внешней политике, экономическими причинами, – как это и предписывалось марксистской парадигмой. В то же время западные и израильские авторы, анализировавшие резкий поворот в политике Ануара Садата в отношении еврейского государства, экономическими факторами нарочито пренебрегали. Данный подход в каком-то смысле понятен: за первые тридцать лет существования Государства Израиль арабские страны, в том числе и непосредственно граничащие с ним, пережили многочисленные политические и экономические кризисы, острота которых зачастую была куда большей, чем это имело место в Египте в 1970-е годы, однако ни один арабский лидер, кроме, может быть, Хусни аз-Заима (1897–1949), правившего Сирией на протяжении двух с половиной месяцев в 1949 году, не искал решения своих внутренних проблем путем установления мира с

еврейским государством. Признание Израиля, и тем более подписание мирного соглашения с ним, воспринимались в арабском мире как нарушение непререкаемого табу, которое не может быть оправдано никакими внутренними причинами. Понимая это, важно избежать ошибочного вывода о том, будто кардинальный поворот курса Ануара Садата, приведший его к решению совершить визит в Иерусалим и выступить в Кнессете, был вызван стремлением к преодолению внутривосточного и экономического кризиса, однако столь же ошибочным представляется игнорирование данных факторов.

*Ануар Садат был особенным человеком и особенным лидером; в конце концов, он стал первым и единственным после окончания в 1949 году Войны за независимость Израиля арабским лидером, сознательно начавшим – 6 октября 1973 года – войну против еврейского государства, на что, при всем желании «сбросить еврейское государство в море» и «стереть его с карты мира», ни разу не решился никто из других арабских правителей. В октябре 1973 года Ануар Садат доказал, что к нему невозможно подходить с обычными мерками; в ноябре 1977 года, прибыв с официальным визитом в Иерусалим, он доказал это еще раз. Принимая во внимание вышесказанное, гипотезу о том, что на этот драматичный поворот во внешней политике существенное влияние оказали факторы экономические и внутривосточные, нельзя априорно сбрасывать со счетов. *Радикальные политические и экономические реформы в своей стране проводил тот же человек, который отправился выступить в Кнессет.**

Ануар Садат пришел к власти в период, когда Египет являлся однопартийной страной, а Арабский социалистический союз имел статус, весьма близкий к статусу КПСС в Советском Союзе в эпоху «развитого социализма». Устав 1962 года определял Арабский социалистический союз как «социалистический авангард» всех трудовых сил египетской нации, определяющий принципы как внутренней, так и внешней политики страны. К концу 1971 года Ануар Садат укрепил свое положение непререкаемого лидера правящей партии, ему ничего не угрожало, как ничего не угрожало статусу М.С. Горбачева после избрания на пост генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 года. Утвержденные Арабским социалистическим союзом цели внешней политики, включавшие освобождение части территории страны, оккупированной «сионистским врагом», были неоспоримыми, дискуссия могла вестись только о том, какие пути наилучшим образом приведут к их достижению, но не о них самих. В период просоветской ориентации Египта это выглядело вполне нормальным, ибо программа КПСС и сформулированные в ней внешнеполитические цели имели точно такой же статус в советском обществе. М.С. Горбачев инициировал перестройку и «новое мышление» не чтобы удержаться у власти (ей как раз эти его шаги только угрожали), а потому, что считал их насущным благом для государства и общества. Этими же соображениями в схожих в немалой мере обстоятельствах был движим и А. Садат.

Он получил «в наследство» от Г.А. Насера, пожалуй, самую социалистическую из несоциалистических стран

мира, полностью ориентированную на Советский Союз. Однако именно в этом состояла немалая проблема: как показала война 1967 года, Советский Союз был готов поддерживать Египет только в той мере, которая не угрожала перерастанием Холодной войны между СССР и США в открытое военное противостояние. Кроме того, египетская пропаганда объясняла причины военной катастрофы 1967 года, в частности, низким качеством поставленного Советским Союзом оружия, что вызывало гнев и возмущение в Москве. Еще одной важной проблемой, осложнявшей советско-египетские отношения, являлся статус местной Коммунистической партии в этой крупнейшей стране арабского мира. Ситуация была для Москвы крайне странной: с одной стороны, египетские руководители повторяли, что строят в стране социализм, однако те, кто с точки зрения Советского Союза представлялись авангардом социалистического строительства – активисты Коммунистической партии, – томились в тюрьмах Каира и Александрии, где нередко подвергались пыткам. Возглавлявший Арабский социалистический союз президент А. Садат воспринимал Коммунистическую партию Египта как угрозу своей гегемонии. От природы человек недоверчивый и подозрительный, он опасался мятежа, который местные коммунисты могли начать при поддержке Москвы.

Ни одна страна арабского мира, из тех, кто не имел богатых запасов нефти и газа, не могла похвастать успешно функционирующей экономикой, Египет здесь не был исключением, но ситуация, при которой безработица была огромной, а фабрики работали на треть своей

мощности из-за нехватки сырья и неисправного оборудования, вызывала серьезную обеспокоенность египетского руководства. Приток же иностранного капитала сдерживался крайне негативным историческим опытом: после Июльской революции 1952 года иностранные инвесторы потеряли в Египте практически всё, и даже война, на которую Великобритания и Франция пошли осенью 1956 года с целью сохранения своего контроля над Суэцким каналом, не только не улучшила, а существенно ухудшила положение.

Просоветская ориентация Египта отнюдь не способствовала тому, чтобы американские, британские, французские или немецкие предприниматели хотели рисковать там своими деньгами. Советская экономическая помощь Египту была очень значительной, но А. Садату – оправданно или нет – казалось, что на других берегах можно добиться большего.

В 1972 году, к явному неудовольствию Советского Союза, в Египте был принят закон, призванный стимулировать иностранные инвестиции в определенные сферы экономики и дававший зарубежным инвесторам не только налоговые льготы на пять лет (с возможностью их продления еще на три года), но и гарантии того, что их компании не будут национализированы. Этот шаг был первым и весьма значимым этапом в разрыве с наследием Гамалы Абд эль-Насера, в переходе от панарабского социализма – к египетскому либеральному социализму⁴⁸.

⁴⁸ См.: Tarek Osman, *Egypt on the Brink: From Nasser to Mubarak* (New Haven & London: Yale University Press, 2010), pp. 116–118.

Несмотря на подписание в мае 1971 года нового Договора о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, уже в июле 1972 года А. Садат объявил о высылке из страны советских военных экспертов. В ходе Октябрьской войны 1973 года А. Садат проявил себя как не очень удачливый полководец, но как чрезвычайно эффективный дипломат, сумевший заставить обе противостоявшие друг другу державы – и СССР, и США – предпринимать действенные шаги, призванные сдержать Израиль и не дать ему добиться окончательной военной победы. В семье, где вырос президент Египта, было тринадцать сестер и братьев, младший из которых – Атеф Садат (1948–1973) – пилот египетских военно-воздушных сил – на этой войне погиб, что стало тяжелой травмой для главы государства. После войны А. Садат провозгласил новый курс, который менял, прежде всего, экономическую политику Египта, но во многом влиял и на изменение внешней политики страны.

Этот курс, представленный самим А. Садатом в апреле 1974 года, получил название *инфита* [политика открытости]. Президент Египта не только пригласил предпринимателей со всего мира инвестировать в египетскую экономику, но и объявил, что некоторые компании, национализированные при Г.А. Насере, будут вновь приватизированы. Закон №43 «Об арабских и иностранных инвестициях», принятый Народным собранием (Национальной ассамблеей) Египта в июне 1974 года, не только гарантировал инвесторам налоговые и таможенные льготы, но и отменял существовавшие прежде в стране ограничения на импорт и экспорт,

разрешал открытие в Египте филиалов иностранных банков, а также поощрял создание совместных предприятий с участием как государственного, так и частного капитала. Некоторые предприниматели, арестованные при Г.А. Насере, были освобождены, причем с возвращением им значительной части реквизированной у них собственности⁴⁹. При Г.А. Насере в египетском законодательстве были сформулированы требования о выплате всем работникам минимальной заработной платы, размер которой устанавливался правительством; был также введен государственный контроль над ценами на основные товары и услуги. В рамках «нового курса» А. Садата эти социальные гарантии были отменены.

Меры, предпринятые А. Садатом в середине 1970-х, очень напоминали политику «шоковой терапии» в странах бывшего социалистического лагеря в начале 1990-х годов, и последствия у них были аналогичные: в Египте начался резкий рост цен, вынудивший власти ввести субсидии на потребительские товары для бедных. В 1976 году эта статья расходов превысила треть государственного бюджета Египта, достигнув 433,5 миллиона египетских фунтов⁵⁰. Из-за невозможности обеспечить приемлемый уровень жизни своим семьям, всё больше египтян – в особенности мужчин трудоспособного возраста – покидали страну, направляясь в государства Персидского залива, где

⁴⁹ Alain Roussillon, “Republican Egypt interpreted: Revolution and beyond”, in M.W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt* (Cambridge University Press, 1998), vol. 2, p. 361.

⁵⁰ Там же, p. 362.

обычно находили более высокооплачиваемую работу; с 1974 по 1985 год трудовая эмиграция из Египта превысила три миллиона человек!⁵¹ Стремясь сгладить масштабы социальных последствий экономических реформ, власти начали переговоры с Международным валютным фондом о выделении стране экстренных кредитов, а 17 января 1977 года объявили о полной отмене субсидий на некоторые товары первой необходимости, в том числе муку, рис, сахар и масло. Отмена субсидий немедленно привела к росту цен на эти товары на 15–45%, что вызвало массовые бунты по всей стране. На подавление беспорядков были брошены силы не только полиции, но и армии; на улицы Каира и Александрии были выведены танки. В ходе уличных противостояний более ста человек погибли, тысячи были ранены и арестованы. Хотя А. Садат обвинил в мятеже «коммунистических саботажников», правительство пошло на уступки, аннулировав решение об отмене субсидий на продовольственные товары. Впервые с 1952 года армия оказалась частью внутреннего конфликта в стране. Восстание 18–19 января 1977 года показало А. Садату хрупкость его казавшегося незыблемым режима: этот колосс стоял на глиняных ногах.

К тому времени Египет уже весьма далеко ушел от советской модели политического устройства. В апреле 1974 года А. Садат был полон внутренних противоречий; он, в частности, писал: «Я отвергаю призыв искусственно расщепить национальное единство путем создания

⁵¹ Tarek Osman, *Egypt on the Brink: From Nasser to Mubarak*, p. 122.

партий, но я не согласен также с теорией о единственной партии, которая опекает массы, лишая народ возможности пользоваться политическими свободами»⁵². Как позднее при М.С. Горбачеве в КПСС появились т.н. Демократическая, Марксистская и Большевицкая платформы, так и А. Садат представил 9 августа 1974 года проект создания внутри Арабского социалистического союза нескольких платформ или «трибун». Как и в СССР, где занятие государственных и правительственных должностей лицами, не состоявшими в КПСС, было практически невозможным, так и в Египте высокопоставленные государственные должности могли занимать только члены Арабского социалистического союза; А. Садат инициировал отмену этого положения⁵³. После продолжавшейся почти год дискуссии, в июле 1975 года III конгресс Арабского социалистического союза одобрил создание в партии различных «трибун».

4 марта 1976 года Центральный комитет Арабского социалистического союза и Народное собрание Арабской Республики Египет, рассмотрев, как было объявлено, сорок заявок, решили создать в партии три «трибуны», получившие следующие названия: Арабская социалистическая организация, главой которой был утвержден премьер-министр страны Мамдух Мухаммед Салем; Организация либералов-социалистов, во главе с председателем Экономической комиссии Народного

⁵² Цит. по: Александр Князев, *Египет после Насера, 1970–1981* (Москва: «Наука», 1986), стр. 97.

⁵³ Там же, стр. 100.

собрания Мустафой Камалем Мурадом; Национально-прогрессивная организация труда, во главе с бывшим членом Совета революционного командования Египта Халедом Мохи ад-Дином⁵⁴. Последняя «трибуна» была наиболее близкой к наследию Г.А. Насера, и именно она пользовалась поддержкой Советского Союза. При этом за самим собой А. Садат закреплял положение «третьей стороны» между различными «трибунами»; в записке ЦК Арабского социалистического союза разъяснялось, что его председатель «будет сдерживающим началом перед лицом любых отклонений. Он не будет занимать сторону какой-либо трибуны, а будет арбитром между ними»⁵⁵.

По сути же ситуация была другой: Арабская социалистическая организация фактически заранее была объявлена правящей партией, своего рода правопреемницей Арабского социалистического союза, тогда как две другие «трибуны» были призваны не столько обеспечивать политический плюрализм, сколько имитировать его. Значительным было давление снизу с целью создания в стране партии, которая стала бы правопреемницей или аналогом запрещенной в 1954 году по приказу Г.А. Насера организации «Братьев-мусульман» (напомним, что возникла она в 1928 году именно в египетском городе Исмаилия), но А. Садат категорически отказался согласиться даже на создание Исламской трибуны в рамках Арабского социалистического союза⁵⁶.

⁵⁴ Там же, стр. 109.

⁵⁵ Там же, стр. 104.

⁵⁶ Там же, стр. 117–118.

На выборах в Народное собрание, прошедших в октябре 1976 года, кандидатов выдвигал уже не Арабский социалистический союз, а различные его платформы; пропрезидентская Арабская социалистическая «трибуна» получила 285 мест, Либерально-социалистическая – двенадцать, левая Национально-прогрессивная – всего два места; еще сорок мест заняли кандидаты, позиционировавшие себя как независимые. Роль Арабского социалистического союза была, таким образом, выхолощена. 11 ноября 1976 года А. Садат объявил о преобразовании «трибун» в партии, а в июле 1978 года Арабский социалистический союз был распущен. Любопытно, что при этом в Египте продолжала действовать конституция, объявлявшая Арабский социалистический союз «авангардом общества»; эта аномалия была устранена только в мае 1980 года, когда в ходе конституционной реформы из Основного закона страны были изъяты все упоминания об Арабском социалистическом союзе, который в период правления Г.А. Насера, напомним, был остоном управления страны.

14 марта 1976 года А. Садат сделал самый решительный шаг по изменению внешнеполитического курса страны. По «предложению» президента, Народное собрание Арабской Республики Египет приняло решение прекратить действие Договора о дружбе и сотрудничестве с СССР от 27 мая 1971 года. Таким образом, Договор утратил силу за более чем десять лет до минимального предусмотренного срока окончания его действия! Через день после этого события было опубликовано Заявление ТАСС, в котором египетское руководство подвергалось

резкой критике, а вся ответственность за последствия денонсации договора возлагалась на египетскую сторону⁵⁷. Отношения бывших союзников стали открыто враждебными; в заявлении советского правительства, переданном посольством в Каире египетской стороне 31 марта 1976 года, говорилось, что «египетское руководство встало на путь извращения всего того, что связано с сотрудничеством с СССР», что «политика нынешнего руководства Египта идет вразрез с подлинными интересами египетского народа»⁵⁸.

Из сказанного очевидно, что под руководством А. Садата Египет переживал процесс фундаментальных преобразований в сферах экономики и внутренней политики, которые, однако, отнюдь не были легкими. В ходе описанных в первой главе настоящей книги переговоров 1974–1975 годов А. Садат убедился, что, несмотря на определенную поддержку Израиля во второй половине Октябрьской войны 1973 года, во имя укрепления отношений с Египтом США готовы оказывать весьма существенное давление на Иерусалим. Вопреки в

⁵⁷ Заявление ТАСС в связи с прекращением действия Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ, *Правда*, 16 марта 1976 г. // *СССР и Ближневосточное урегулирование, 1967–1988. Документы и материалы* (Москва: Издательство политической литературы, 1989), стр. 227–228.

⁵⁸ Заявление правительства СССР правительству Египта, *Правда*, 1 апреля 1976 г. // *СССР и Ближневосточное урегулирование, 1967–1988. Документы и материалы*, стр. 228–230.

значительной мере ошибочной убежденности арабских руководителей в том, что американские «яйца» однозначно и бесповоротно лежат только в израильской корзине, А. Садат осознал, что ситуация намного более сложная, и США заинтересованы в отношениях с крупнейшей страной арабского мира отнюдь не в меньшей мере, чем с еврейским государством. Отсюда он сделал вывод, что, выразив готовность на признание Израиля и заключение мира с ним, он сможет добиться от США как дипломатической поддержки в борьбе за достижение своей цели – возвращения всей территории Синайского полуострова, так и существенной финансовой помощи, сравнимой с «планом Маршалла», способствовавшим восстановлению экономик стран Западной Европы после Второй мировой войны⁵⁹. Предпринятый А. Садатом визит в Израиль нужно рассматривать именно в этом контексте: дорога из Каира в Иерусалим на самом деле была призвана соединить Каир с Вашингтоном. При этом А. Садат перестраивал политический режим и экономическую систему в своей стране таким образом, чтобы ни в президентской Администрации, ни в Конгрессе США никто не смог выступить против помощи Египту, мотивируя это тем, что страна «идет по советскому пути». Как верно отмечалось в научной литературе, «Садат исходил из того, что переориентация экономики Египта на капиталистический рынок предопределяет необходимость установления стабильности в регионе, что подразумевает,

⁵⁹ Alain Roussillon, “Republican Egypt interpreted: revolution and beyond”, p. 363.

в свою очередь, достижение в какой-либо форме взаимопонимания, пусть для начала негласного, с Израилем»⁶⁰. Дальнейшее развитие событий показало, что гамбит, инициированный А. Садатом, базировался на верной оценке им ситуации, хотя сам процесс египетско-израильского урегулирования, над которым американцы сразу взяли плотное и исключительное «шефство», оказался куда более трудным, чем можно было предположить изначально.

II

По неведомым причинам считается, что решающего прорыва в израильско-египетском мирном урегулировании сумел добиться легендарный дипломат Генри Киссинджер. Мнение это распространено широко, однако является в корне неверным, ибо к процессу переговоров по заключению израильско-египетских договоров, подписанных в 1978–1979 годах, Г. Киссинджер никакого отношения не имел, так как американскую дипломатию на посту госсекретаря возглавлял в те годы Сайрус Вэнс (Cyrus Roberts Vance, 1917–2002), а советником президента по национальной безопасности (Г. Киссинджер, напомним, занимал оба этих поста) был Збигнев Бжезинский (Zbigniew Brzeziński, 1928–2017), и именно они играли ключевую роль в выработке политики США в отношении Ближнего Востока. Оба они были назначены на свои посты ставшим 20 января 1977 года

⁶⁰ Александр Князев, *Египет после Насера, 1970–1981*, стр. 128.

тридцать девятым президентом США Джимми Картером; З. Бжезинский проработал все четыре года до окончания срока полномочий Дж. Картера, а С. Вэнс – три года и три месяца – до 28 апреля 1980 года; к этому времени израильско-египетский политический процесс был благополучно завершён. Збигнев Бжезинский, бывший в 1965–1969 годах советником по внешней политике вице-президента США Хьюберта Хамфри-мл. (Hubert Horatio Humphrey, 1911–1978), последовательно критиковал политику Р. Никсона – Г. Киссинджера, поэтому ни о какой преемственности между Г. Киссинджером и теми, кто пришел ему на смену, говорить не приходилось. На совещании с участием Дж. Картера 23 февраля 1977 года З. Бжезинский заметил: «Госсекретарь Киссинджер пытался делать маленькие шаги к неопределённому будущему на Ближнем Востоке. Мы должны сначала попытаться определить будущее, а затем шаг за шагом продвигаться к реализации соглашения. Это ключевое отличие». «Да», – согласился президент⁶¹.

Хотя сам Джимми Картер до избрания на пост президента США практически не занимался внешней политикой (пост губернатора штата Джорджия, который он занимал в 1971–1975 годах, был вершиной его политической карьеры в «допрезидентский» период), с первых дней своего пребывания в должности он крайне

⁶¹ Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, February 23, 1977 // *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978 (Washington: U.S. Department of State, 2013), p. 128.

активно включился в процесс поиска «прорыва» в арабо-израильском урегулировании. Дж. Картер один раз побывал в Израиле, в 1973 году⁶²; ни одну из арабских стран он до избрания президентом не посещал, ни с одним арабским лидером не встречался⁶³. Однако Ближний Восток в целом, и Святую Землю в особенности, Дж. Картер воспринимал глубоко лично, что было связано с его беспрецедентно глубокими для американских президентов религиозными чувствами. *Джимми Картер считал урегулирование конфликта на Святой Земле своей и политической, и духовной обязанностью первостепенной важности.* Г. Киссинджер был движим прагматичным пониманием американских интересов, стремясь выбить Советский Союз отовсюду, откуда только можно, Дж. Картер же вполне соглашался возобновить Женевскую международную конференцию по Ближнему Востоку под совместным патронажем СССР и США⁶⁴.

К моменту прихода Дж. Картера в Белый дом на Ближнем Востоке не шел никакой процесс политического урегулирования. Под руководством Г. Киссинджера были подписаны два промежуточных соглашения между Израилем и Египтом и одно – между Израилем и Сирией, согласно каждому из которых Израиль отступил с

⁶² См.: William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics* (Washington: The Brookings Institution, 1986), p. 31.

⁶³ Там же, p. 49.

⁶⁴ См.: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy: Sadat, Kissinger, Carter, Begin and the Quest for Arab-Israeli Peace* (New York: Routledge, 1999), p. 189.

некоторой части территорий, занятых его армией в ходе Шестидневной войны в июне 1967 года. Г. Киссинджер убедил президента Дж. Форда, что такой формат в наибольшей мере соответствует американским интересам, ибо так и Израиль, и арабские страны находились в зависимости от США, которые обуславливали свое согласие на ту или иную военную и дипломатическую поддержку еврейского государства его готовностью подчиниться требованиям о территориальных уступках; эти уступки американская дипломатия преподносила арабским лидерам как свою заботу об их интересах. По логике Г. Киссинджера – Дж. Форда, этот процесс должен был продолжаться и далее, но ни в коем случае не закончиться, ибо подписание мирного договора между Израилем и какой-либо арабской страной превращало американское дипломатическое посредничество в излишнее – два государства, поддерживающие полноценные двусторонние отношения между собой, могут урегулировать возникающие разногласия напрямую, без внешнего вмешательства. Цель же Г. Киссинджера состояла в том, чтобы без американского вмешательства невозможно было сделать нигде и ничего.

Мировоззрение Дж. Картера и представителей его команды было принципиально иным: они чистосердечно стремились к достижению мира на Святой Земле и прилегающих к ней государствах, думая не о том, на каких условиях может быть заключено третье, четвертое, или пятое промежуточное Синайское соглашение, а как *добиться мирного урегулирования раз и навсегда*. Дж. Картер руководствовался не столько соображениями

реальной политики, сколько внутренним чувством справедливости, подходя ко всем вовлеченным в конфликт сторонам с беспристрастной общечеловеческой меркой. З. Бжезинский и С. Вэнс соглашались с Дж. Картером в том, что «пошаговый» подход Г. Киссинджера себя исчерпал, считая подписанное в 1975 году II Синайское соглашение, в целом, пустопорожней тратой времени и ресурсов⁶⁵.

Отметим, что новая американская Администрация не проводила комплексной оценки ситуации с целью выработки рекомендаций в отношении внешней политики США на Ближнем Востоке; вместо этого за основу был взят отчет, озаглавленный *Toward Peace in the Middle East*, опубликованный в декабре 1975 года находящимся в Вашингтоне Брукингским институтом. Этот институт, вырабатывающий рекомендации в сфере государственного управления, был создан в 1916 году и поныне является частным. Хотя в его работе принимают участие многие политические деятели высшего ранга, причем не только США (так, Д.А. Медведев выступал там в ходе своего визита в США 14 апреля 2010 года, будучи президентом Российской Федерации), этот «мозговой центр» не подотчетен ни Государственному департаменту, ни какому бы то ни было другому органу власти. Когда Збигнев Бжезинский, Сайрус Вэнс и Уильям Квандт совместно написали программу *Toward Peace in the Middle East*, опубликованную с предисловием тогдашнего директора Брукингского института экономиста Кермита Гордона

⁶⁵ См.: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, p. 187.

(Kermit Gordon, 1916–1976), никто из них не был на государственной службе. Документ этот не посылался на предварительное ознакомление в Иерусалим, и ни один израильский руководитель не имел возможности высказать свои замечания и комментарии по его поводу. В принципе, подобного рода аналитических докладов в США публикуется довольно много, и большинство из них не оказывают никакого влияния на государственную политику. С приходом же в Белый дом Дж. Картера и назначением С. Вэнса и З. Бжезинского на высшие посты в его Администрации, сложилась принципиально иная ситуация: независимый аналитический доклад группы общественных деятелей, не находившихся на государственной службе, стал основой внешней политики США в отношении Израиля и региона в целом.

В отчете Брукингского института утверждалось, что «какими бы ни были достоинства промежуточного соглашения по Синаю, оно по-прежнему оставляет практически нетронутыми основные элементы арабо-израильского спора. Если эти элементы в ближайшее время не будут устранены, рост напряженности в этом регионе приведет к увеличению риска насилия. Мы считаем, что лучший способ решения этих проблем – это поиск всеобъемлющего урегулирования»⁶⁶. Кроме того, в нем был провозглашен тезис о признании права на «самоопределение палестинцев при условии признания

⁶⁶ “Toward Peace in the Middle East”. Report of the Middle East Study Group (Washington: Brookings Institution, 1975), Summary, § 2.

ими суверенитета и целостности Израиля в согласованных границах. Это может принять форму независимого Палестинского государства или иного образования, добровольно вошедшего в федерацию с Иорданией, но обладающего широкой политической автономией»⁶⁷.

Показательно, что на протяжении всего отчета лишь дважды упоминается Египет, причем оба раза – в довольно-таки негативном ключе. Напоминая о II Синайском соглашении, авторы указывали: «Из арабов только Египет получил выгоду от него. Другие вовлеченные в конфликт арабы также желают удовлетворения своих требований. Последовавшие за этим разногласия и взаимные обвинения между арабами усложнили процесс урегулирования». Авторы отчета предостерегали, что «если Сирия, палестинцы и Иордания не будут вовлечены в мирный процесс, они будут прилагать еще большие усилия, чтобы подорвать египетско-израильское соглашение и спровоцировать напряженность и беспорядки, привлекая внимание международного сообщества к своим заявлениям».

Израиль всегда стремился к двусторонним сепаратным переговорам с каждой из арабских стран, категорически отказываясь при этом вести переговоры с Организацией Освобождения Палестины. Администрация Дж. Картера же была настроена именно на комплексное всеобъемлющее урегулирование с участием всех заинтересованных сторон, полагая, что рамки Женевской международной конференции вполне подходят для этого.

⁶⁷ Ibid., § 4 (d).

В Израиле крайне опасались ситуации, при которой еврейское государство будет вынуждено противостоять сразу всем, видя в отходе новой Администрации от принципов и методики работы Г. Киссинджера проявления внешнеполитической неопытности и завышенных амбиций. Напомним, что премьер-министром Израиля был тогда Ицхак Рабин, министром обороны – Шимон Перес, а министром иностранных дел – Игаль Алон, и, при всех известных сложностях, частично описанных в первой главе настоящей книги, к «формату Киссинджера» они привыкли – и считали его в целом эффективным. Так, однако, не считали те, кто пришли на смену Дж. Форду и Г. Киссинджеру в Вашингтоне.

Проблемы возникали не только вследствие разногласий по тактическим или мировоззренческим вопросам. Прибывший с визитом в Израиль 16 февраля 1977 года новый госсекретарь С. Вэнс шокировал И. Рабина отказом выполнить обещание президента Дж. Форда поставить в Израиль кассетные бомбы большой ударной силы. По свидетельству Эфраима Эврона (1920–1995), бывшего в то время первым заместителем генерального директора Министерства иностранных дел Израиля, И. Рабин сделал из этого вывод, что на новую американскую администрацию полагаться нельзя: «Сегодня это кассетные бомбы, завтра будет что-то другое»⁶⁸. И. Рабин и так уже негодовал в связи с наложенным США вето на продажу Израилем Эквадору

⁶⁸ Беседа К. Стейна с Э. Эвроном от 15 ноября 1992 г., цит. в его книге: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, p. 190.

двадцати четырех израильских истребителей-бомбардировщиков «Кфир», оснащенных двигателями американского производства. Для И. Рабина, генерала армии в отставке, гарантиями безопасности было самое современное оружие, с одной стороны, и военное сотрудничество с максимальным числом государств, с другой. Администрация Дж. Картера подрывала положение Израиля на обоих направлениях; Э. Эврон охарактеризовал состоявшийся в феврале 1977 года визит С. Вэнса в Израиль как «ужасный»⁶⁹.

Вскоре после этого И. Рабин получил приглашение на встречу с самим президентом в Белом доме, которая состоялась 7 марта 1977 года. Представив премьер-министру Израиля доклад Брукингского института, Дж. Картер попросил своего собеседника высказать мнение об этом документе. И. Рабин охарактеризовал доклад как не имеющий абсолютно ничего общего со взглядами Израиля на окончательные границы⁷⁰. Услышав это, президент США предложил И. Рабину изложить ему свое видение границ окончательного урегулирования арабо-израильского конфликта. Премьер-

⁶⁹ Как свидетельствуют документы, Э. Эврон был одним из семи участников встречи С. Вэнса с И. Алоном и одним из двенадцати участников встречи С. Вэнса с И. Рабиным с израильской стороны. См. записи этих встреч: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 26–51.

⁷⁰ См.: Ицхак Рабин, *Служебный блокнот* (Тель-Авив: «Маарив», 1979), стр. 512–513 [на иврите].

министр Израиля не без оснований полагал, что «раскрытие карт» на этом этапе приведет к тому, что «окончательные» «красные черты» Израиля будут превращены американцами в стартовую позицию для начала переговоров. (В 1990-е годы, кстати сказать, ровно таковой была тактика Билла Клинтона, глубоко вовлеченного лично в процесс арабо-израильских переговоров). И. Рабин не стал отвечать президенту на этот вопрос по существу, будучи больше заинтересован в диалоге о перспективах американо-израильского сотрудничества, чем в выслушивании предостережений Дж. Картера о том, что «упрямство Израиля в мирном процессе будет резко осуждено американским обществом, и Администрация не сможет игнорировать это». И. Рабин не был готов к уступкам, когда в его адрес звучали неприкрытые угрозы, а заявления Дж. Картера о том, что, в конечном счете, Израилю нужно будет уйти практически со всех занятых им в 1967 году территорий, а также серьезно взвесить возможность ведения переговоров о всеобъемлющем урегулировании с единой арабской делегацией (в оригинале – *“to consider going to a conference with a single unified Arab delegation”*), привели к фактическому провалу встречи на высшем уровне, ибо И. Рабин четко ответил: «Мы хотим вести переговоры с каждым суверенным государством. Многосторонние переговоры не работают»⁷¹. Вечером того же дня

⁷¹ См. протокол этой встречи: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 132–145; цитируемое высказывание И. Рабина – на стр. 141.

Дж. Картер встретился с И. Рабиным еще раз, на этот раз – один на один. Суммируя свои впечатления от встречи, Дж. Картер написал в книге воспоминаний: «Мне кажется, что израильтяне, по крайней мере Рабин, не доверяют ни нашему правительству, ни кому-либо из своих соседей»⁷². Годы спустя Дж. Картер с удивительной «деликатностью» уподобил свою встречу с премьер-министром Израиля «беседе с мертвой рыбой»⁷³.

8 марта Дж. Картер, в присутствии своего заместителя, госсекретаря и советника по национальной безопасности, вновь встречался с И. Рабиным и сопровождавшими его лицами. Президент проявил еще большую напористость, сказав израильтянам: «Территории, которые вы в конечном итоге сохраните, будут, по моему мнению, включать лишь незначительные изменения по отношению к границам 1967 года» (в оригинале – *minor modifications in the 1967 borders*)⁷⁴. Спустя сутки, 9 марта 1977 года, когда премьер-министр еврейского государства еще не покинул США, Дж. Картер во всеуслышание заявил о том, что Израиль должен отступить к пограничным линиям, существовавшим до 5

⁷² Jimmy Carter, *White House Diary* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010), p. 31.

⁷³ В оригинале – “It was just like talking to a dead fish”, из беседы К. Стейна с Дж. Картером, цит. в его книге: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, p. 192.

⁷⁴ См. протокол этой встречи: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 148–156; цит. высказывание Дж. Картера – на стр. 149.

июня 1967 года, с минимальными корректировками⁷⁵. Спустя еще неделю, 16 марта 1977 года, Дж. Картер заявил, что «палестинским беженцам, страдающим очень много лет, должна быть предоставлена Родина»⁷⁶. Никто из американских президентов никогда так не разговаривал. Этот пассаж президента шокировал не только руководителей Израиля, но и короля Иордании, отношения которого с ООП, после совершенной ею в сентябре 1970 года попытки государственного переворота в его стране, были крайне натянутыми; Иордания не меньше Израиля стремилась не допустить создания палестинского государства, которое угрожало бы самому ее существованию. Встречи короля Хусейна с Дж. Картером в Белом доме 25 и 26 апреля 1977 года были, поэтому, несмотря на соблюдение сторонами дипломатического этикета, крайне натянутыми⁷⁷. Дж. Картер надеялся, что его резкие проарабские и пропалестинские высказывания откроют ему умы и сердца арабских руководителей, однако встреча с президентом Сирии Хафезом Асадом 9 мая 1977 года⁷⁸ также ни к чему не привела.

⁷⁵ Цит. по: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, p. 193.

⁷⁶ См.: *Public Papers of the Presidents of the United States: James E. Carter, Jr. 1977*, book I. January 20 to June 24, 1977 (Washington, 1977), pp. 386–387.

⁷⁷ См. протоколы этих встреч: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 214–225 и pp. 226–238.

⁷⁸ См. протокол этой встречи там же, pp. 239–258.

Сложилась парадоксальная ситуация: президент США, не получив от арабских правителей согласия на изменения их политики и даже не попросив их о таковых, сделал несколько беспрецедентных заявлений, в которых однозначно поддержал их позицию и требования. Этим Джимми Картер надеялся добиться признания всеми арабскими странами, и даже Организацией Освобождения Палестины, Соединенных Штатов стороной, на которую они могут полагаться и которой могут доверять. Придя к ошибочному мнению о том, что нежелание арабов вести переговоры при американском посредничестве якобы являлось следствием излишне произраильской позиции США, Дж. Картер кардинально переформулировал ее; З. Бжезинский назвал выступление президента 16 марта «палестинской Декларацией Бальфура»⁷⁹. Всё это, однако, ничем и ни в чем не помогло. Арабские лидеры оставались на своих непримиримых позициях безотносительно того, какой точки зрения касательно возможных параметров урегулирования их конфликта с Израилем придерживался президент США; они не были готовы к миру с Израилем ни в каких границах и ни на каких условиях.

После возвращения С. Вэнса из поездки в Иерусалим, Каир, Дамаск, Амман и Эр-Рияд, Дж. Картер пригласил руководителя дипломатического ведомства выступить 23 февраля 1977 года на заседании Совета национальной безопасности США⁸⁰. С. Вэнс излучал

⁷⁹ Цит. по: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, p. 195.

⁸⁰ См. его протокол: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 122–130.

оптимизм, сообщив, будто лидеры всех пяти посещенных им государств согласились с идеей о важности и желательности возобновления международной конференции в Женеве, которая, по всей видимости, состоится в сентябре 1977 года, и что все они готовы плотно взаимодействовать с представителями США в подготовительной работе, направленной на успех этого форума⁸¹. Все процедурные вопросы С. Вэнс, «если смотреть на вещи реалистично», обещал закрыть в августе, а президент замечал, что это слишком «поздно»⁸²! Как ни удивительно, никто из присутствовавших на этом мероприятии не выразил каких-либо сомнений в анализе и прогнозах госсекретаря, хотя, как мы сегодня знаем, Женевская конференция так и не возобновила свою работу ни в сентябре 1977 года, ни впоследствии – все надежды С. Вэнса и Дж. Картера были не более, чем иллюзиями.

Требовательно настаивая в беседе с И. Рабиным на том, чтобы премьер-министр Израиля сообщил точные параметры «окончательного» израильского отступления «во имя мира», американцы странным образом не поинтересовались в арабских столицах, а готовы ли те на мир с Израилем в принципе. В ходе встречи с Дж. Картером в Женеве 9 мая 1977 года, Х. Асад, несмотря на лившиеся из уст Картера потоки лести (президент США назвал своего сирийского коллегу, пришедшего к власти в результате военного переворота, и которого он видел впервые в жизни, «выдающимся лидером Сирии» и своим

⁸¹ Там же, р. 125.

⁸² Там же, р. 127.

«близким другом»⁸³), отметил, что будет в самом лучшем случае готов не к миру с Израилем, а лишь к декларации о прекращении состояния войны. Когда же президент США заговорил о значении межгосударственного экономического сотрудничества, являющегося практической реализацией мирных отношений, неважно, формально продекларированных или нет, Х. Асад ответил, что «для взаимовыгодной торговли нужны двое партнеров, а никто в Сирии не будет готов торговать с Израилем»⁸⁴. Если этого Дж. Картеру могло показаться мало, то Х. Асад повторил свое требование об уходе Израиля из Восточного Иерусалима, который, по его мнению, должен быть возвращен арабам⁸⁵. Требование о передаче Восточного Иерусалима под его контроль выдвинул на встрече с президентом Картером за две недели до этого король Иордании Хусейн, причем согласие Израиля на уход с Западного берега и из Восточного Иерусалима было обозначено иорданским

⁸³ См.: William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 56.

⁸⁴ См. там же, стр. 58 и протокол этой встречи: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, p. 257.

⁸⁵ См. там же, p. 258. Присутствовавший на этой встрече У. Квандт утверждал в своей книге, что Х. Асад «выразил согласие на предоставление особого статуса находящимся в Старом городе святым местам» (см.: William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 58); в протоколе встречи подобное согласие Х. Асада не отражено.

монархом как *предварительное* условие, выполнением которого он оговаривал свое участие в Женевской конференции. Поскольку обсуждать уход из какой-либо части Иерусалима, еще в конце июня 1967 года объявленного единой и неделимой столицей Израиля, И. Рабин и И. Алон были категорически не готовы, а руководители Сирии и Иордании отказывались умерить свои запросы, найти «общий знаменатель» для созыва международной конференции оказалось невозможно.

Дж. Картер пошел на беспрецедентно значительные уступки арабам, которые, однако, совершенно ни к чему не привели. Единственным арабским лидером, выразившим готовность к ведению политического диалога с Израилем, оставался президент Египта А. Садат. Три его встречи с Дж. Картером в Вашингтоне 4–5 апреля 1977 года прошли в очень позитивной атмосфере, между двумя лидерами установились на удивление теплые отношения⁸⁶. Президент США прямо сказал своему египетскому коллеге, что стремится не к продолжению «пошагового политического процесса», как это было во времена его предшественника, а к полномасштабному израильско-египетскому мирному урегулированию, в рамках которого Египет сможет вернуть не те или иные отдельные части Синая, а полуостров целиком. При этом Египет должен согласиться не на прекращение состояния войны с

⁸⁶ См. протоколы этих встреч: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 166–190.

Израилем, а на полноценный мирный договор с ним, включающий признание еврейского государства и установление дипломатических отношений с ним. Хотя А. Садат отверг призыв Дж. Картера открыть Суэцкий канал для израильского судоходства (А. Садат сказал, что это, возможно, произойдет, «но не в течение моей жизни»), египетский президент не исключил возможность признания Израиля и подписания мирного договора с ним в обмен на возвращение всего Синайского полуострова⁸⁷.

По сути, именно Дж. Картер еще в начале апреля 1977 года определил ключевые параметры израильско-египетского мирного урегулирования. Фактически, все последующие два года стороны потратили на безуспешные попытки как-то изменить их в свою пользу. Амбициозная попытка Администрации Дж. Картера добиться разрешения всех арабо-израильских противоречий методом «бури и натиска» провалилась за считанные месяцы, однако на египетском направлении именно Дж. Картер сформулировал ту новую «линию горизонта» (Г. Киссинджер и Дж. Форд от А. Садата мирного урегулирования и установления с Израилем дипломатических отношений не требовали), к которой стороны шли на протяжении двух последующих лет.

III

17 мая 1977 года политическая конфигурация в Израиле изменилась столь кардинально, как никогда за

⁸⁷ См.: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, pp. 195–196.

все предшествовавшие двадцать девять лет существования еврейского государства. Впервые в истории страны Партия Труда не сформировала самую крупную фракцию в Кнессете, получив всего 32 мандата – на одиннадцать меньше, чем блок «Ликуд» [«Единство»], созданный «вечными оппозиционерами»: Партией Свободы, Либеральной партией и их идеологическими союзниками и попутчиками. 20 июня 1977 года главой правительства страны впервые стал Менахем Бегин (1913–1992).

Новое правительство Израиля кардинально отличалось от кабинета Ицхака Рабина. До назначения на пост главы правительства И. Рабин работал послом в США, он был хорошо лично знаком с ключевыми фигурами администраций Р. Никсона и Дж. Форда, огромное количество раз встречался и беседовал с Г. Киссинджером, который убедил его, что поэтапно заключаемые промежуточные соглашения являются оптимальной моделью арабо-израильского политического процесса, в чем И. Рабин даже пытался уверить Дж. Картера в ходе их встреч в Белом доме в марте 1977 года. Напротив, М. Бегин был противником территориальных уступок, не совершавшихся «во имя мира»; *поэтапный уход израильских сил с тех или иных территорий, не сопровождавшийся признанием Израилем той арабской страной, по отношению к которой делались эти уступки, виделся М. Бегину бессмысленным и абсурдным.* Сложно сказать наверняка – и едва ли он точно знал это сам, – какую цену М. Бегин изначально был готов заплатить за достижение полноценного мирного соглашения с Египтом, но совершенно очевидно,

что во имя еще одного «промежуточного» соглашения, будь то «Третье Синайское», «Четвертое Синайское» или какое-либо еще, М. Бегин не был готов идти ни на какие территориальные уступки.

Вопреки культивировавшемуся его оппонентами образу М. Бегина как непримиримого «ястреба войны», на самом деле он был совершенно другим. В письме видному израильскому писателю Амосу Озу М. Бегин отмечал: «В связи с особым периодом борьбы в подполье, сложилось ложное представление, а точнее его сформулировали определенные круги, которые, возможно, близки Вам, будто я – человек войн, и по природе своей стремлюсь к кровопролитию. Всю свою жизнь я знал, что нет ничего столь далекого от правды, чем это. Всю свою жизнь я ненавидел войны»⁸⁸. Еще до выборов Менахем Бегин сказал встретившемуся с ним Гарри Горовицу, с которым был близок долгие годы: «Если народ предоставит нам право сформировать следующее правительство, ... мы предложим президентам Египта и Сирии и королю Хусейну встретиться с нами в любом месте и в любое время для ведения переговоров о подлинном мире»⁸⁹. Арье Наор, позднее ставший секретарем правительства М. Бегина, вспоминал, как еще до выборов тот сформулировал тезис о том, что «границы Государства Израиль будут определены путем переговоров по

⁸⁸ Письмо М. Бегина А. Озу приводится в книге *Бегин*, под ред. Мирона Изаксона (Тель-Авив: «Едиот Ахронот», 2008), стр. 183.

⁸⁹ Цит. по: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин* (Иерусалим: «Эйданим», 1978), стр. 233.

заключению мирных договоров и пройдут по Синайскому полуострову и Голанским высотам»⁹⁰. А. Наор рассказывал, как встречался с М. Бегиним еще до выборов в офисе председателя партии; М. Бегин уверенно сказал: «Арье, мы добьемся мира», а затем повторил: «Да, мы добьемся мира»⁹¹. В ходе встречи с президентом США 19 июля 1977 года М. Бегин выступил категорически против признания ООП и ведения переговоров с нею, во-первых, и подчеркнул, что все представленные в Кнессете партии, кроме имевших всего пять мандатов коммунистов, считают единый и неделимый Иерусалим столицей Государства Израиль, во-вторых, и никакая конференция, проводимая где бы то ни было, не изменит это. При этом М. Бегин отметил, что выступает за прямые переговоры с арабскими лидерами лицом к лицу: *We ask for direct, face-to-face negotiations*. Он дважды отметил, что речь должна идти не о промежуточном соглашении, а о полноценном мирном договоре: *We want to negotiate peace treaties*⁹².

Вскоре после возвращения из Вашингтона М. Бегин отправился с государственным визитом в Румынию, где был принят тогдашним президентом этой страны Николае Чаушеску в его летней резиденции. М. Бегин знал, что вскоре в Бухарест должен прибыть А. Садат, поэтому глава

⁹⁰ Воспоминания А. Наора // *Бегин*, под ред. М. Изаксона, стр. 185.

⁹¹ Там же.

⁹² См. протокол этой встречи: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 336–352; цит. высказывания М. Бегина – на стр. 343 и 345.

правительства Израиля попросил президента Румынии передать египетскому коллеге, что он готов встретиться с ним «в любое время и в любом месте». Н. Чаушеску передал слова М. Бегина А. Садату, добавив, что, по его мнению, новому израильскому премьеру можно доверять⁹³. И. Рабин не верил в то, что А. Садат пойдет на прямые переговоры с Израилем, и тем более согласится на мирный договор с еврейским государством, а потому предлагал Дж. Картеру продолжать идти тропой, протоптанной Г. Киссинджером. Однако демократы не для того выигрывали выборы у республиканцев, чтобы продолжать их политику, а потому предложения И. Рабина были для Дж. Картера и его Администрации неприемлемыми. Дж. Картер, как государственный деятель и глубоко верующий христианин, стремился добиться мира, подлинного и настоящего, и «ястреб» М. Бегин во многом неожиданно для самого президента оказался для него партнером и единомышленником в куда большей мере, чем столь хорошо знакомый американцам И. Рабин. *Дж. Картер увидел в М. Бегине человека во многом близкого себе самому: глубоко знающего и уважающего религиозные традиции государственного деятеля, не столько пытающегося сбавить остроту того или иного якобы «заведомого неразрешимого» конфликта, сколько стремящегося к его окончательному урегулированию.* Этот подход М. Бегина нашел у Дж. Картера полное понимание и горячую поддержку.

⁹³ См.: Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин*, стр. 237.

«ХОТЬ НА КРАЙ СВЕТА, ДАЖЕ В КНЕССЕТ»: ОТ ПЕРЕГОВОРОВ МОШЕ ДАЯНА В МАРОККО К ВИЗИТУ АНУАРА САДАТА В ИЕРУСАЛИМ

I

В Службе внешней разведки «Моссад», как и в Военной разведке Израиля, очень тяжело переживали провал недостаточно точно предсказанной войны 1973 года. Успех освобождения заложников в Энтеббе в начале июля 1976 года несомненно стал событием, укрепившим положение израильского разведсообщества и внутри страны, и на международной арене, однако опасения, связанные с возможной неполной информированностью о подготовке арабских стран к очередной войне, лишали сна руководителей разведслужб. При этом руководители разведсообщества не придали должного значения изменившимся векторам общественного мнения внутри страны, и, по меткому наблюдению израильских аналитиков Д. Равива и Й. Мелмана, «как и все израильтяне, были шокированы победой Бегина»⁹⁴; в отличие от «всех» израильтян, для них это был еще один, наряду с октябрём 1973 года, профессиональный провал. Руководители Общей службы безопасности Авраам Ахитув (1930–2009) и Службы внешней разведки «Моссад» Ицхак

⁹⁴ Ден Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля* (Москва: «Международные отношения», 2000) [перевод с английского], стр. 267.

Хофи (1927–2014), назначенные на свои посты в 1974 году Ицхаком Рабиным, направили новому премьер-министру почти идентичные заявления, в которых выражали готовность уйти в отставку, чтобы новое правительство могло отдать их должности тем, кому в наибольшей мере доверяло. М. Бегин, однако, эти заявления не подписал, объявив несколько удивленным подобным великодушием руководителям разведслужб, что ценит их профессионализм и просит продолжать работать на благо Родины вне связи с партийной принадлежностью.

Более того: М. Бегин дал «Моссаду» задачу, которая перед ним никогда прежде не ставилась. Организации, весь смысл существования которой состоял в том, чтобы держать руку на пульсе «врагов», было дано поручение постараться превратить врагов в партнеров по достижению мира. И. Хофи взялся за дело с присущей ему энергичностью. При помощи короля Марокко Хасана II, с которым у Израиля уже были, пусть и тайные, но налаженные связи, «Моссад» сумел организовать две встречи Ицхака Хофи и его заместителя Давида Кимхи (1928–2010) с заместителем премьер-министра Египта Хасаном эль-Тухами (1924–2009), прошедшие в резиденции короля Марокко в городке Ифран в окрестностях Феса⁹⁵. И. Хофи сообщил своему

⁹⁵ В книге Дена Равива и Йосси Мелмана *История разведывательных служб Израиля* упоминается одна встреча (стр. 269), однако автор настоящей книги двадцать лет назад присутствовал на лекции И. Хофи для ограниченного круга слушателей, в ходе которой оратор рассказал, что встреч на

собеседнику, что, в противоположность тому, что о нем пишут в Израиле и за рубежом, М. Бегин на самом деле хочет добиться мира с Египтом – и имеет политические возможности для реализации подобных планов.

Нужно отметить, что Партия Труда возглавляла правительство в условиях существования сильной правой оппозиции, которая вполне могла выступить против каких-либо соглашений, если бы сочла их содержащими чрезмерные уступки со стороны Израиля. Кроме того, глава правительства И. Рабин, чем дальше, тем меньше доверял «своему» министру обороны Ш. Пересу, которого он к тому же считал абсолютно не подходившим для этой должности – и не скрывал этого. Внутриполитические скандалы привели к тому, что на всеобщих выборах в мае 1977 года И. Рабин был вынужден уступить Ш. Пересу пост лидера Партии Труда, с чем он внутренне не смирился. Все эти обстоятельства крайне сужали возможности маневра, которые были у возглавляемого И. Рабиным кабинета. Напротив, М. Бегин не имел причин сомневаться в том, что оставшаяся в оппозиции Партия Труда полностью поддержит заключение мирных договоров на более или менее любых условиях. При этом и в Партии Свободы, и в блоке «Ликуд», и в правительстве М. Бегин имел статус непререкаемого лидера, которому не угрожала никакая

самом деле было две: на первой Х. Тухами выступал с агрессивно антиизраильских позиций, а в ходе второй, состоявшийся на следующий день, тон ведения им переговоров изменился кардинальным образом, что и позволило организовать его последующую встречу с Моше Даяном.

внутренняя оппозиция.

Одним из самых удивительных для всех решений, принятых М. Бегиним после победы на выборах, был выбор бывшего начальника Генерального штаба и министра обороны Моше Даяна в качестве министра иностранных дел. В августе 1977 года он совершил поездку в Дели, где встретился с премьер-министром Индии Морарджи Десаи (1896–1995), а также в Тегеран для переговоров с шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви (1919–1980). Однако наиболее важной для самого М. Даяна была поездка в Лондон, где он 22 августа 1977 года тайно встретился с королем Хусейном. Это была уже не первая встреча М. Даяна с королем Иордании, однако первая – в качестве члена правительства М. Бегина, настроенного добиваться заключения полноценного мирного договора между двумя странами. М. Даян свидетельствовал в своих воспоминаниях, что король с негодованием жаловался на решение саммита Лиги арабских государств в Рабате (1974), объявившем ООП представительницей арабского народа Палестины. Хусейн прямо сказал, что не хочет и не будет действовать вопреки позиции Лиги арабских государств, и что если они не нуждаются в нем для решения проблемы Западного берега, то он сосредоточится на решения проблем Иорданского Хашимитского королевства в границах, которые к тому времени существовали уже более десяти лет, когда вся страна располагалась на Восточном берегу реки Иордан. Король категорически отказался обсуждать возможность раздела территории Западного берега между Израилем и Иорданией, заявив, что достижение мира

возможно только на условиях полного отступления Израиля к границам, существовавшим до 4 июня 1967 года, то есть до начала Шестидневной войны⁹⁶.

Весной 1977 года «Моссаду» стало известно, что под патронажем Муаммара Каддафи сформирована группа палестинских боевиков, готовившая покушение на президента Египта. Когда И. Хофи доложил об этом М. Бегину, тот поручил главе Службы внешней разведки довести данную информацию до египетских коллег. Встреча между главой «Моссада» и руководителем египетской военной разведки генералом Камалем Хасаном Али (1921–1993) была организована при помощи их марокканского коллеги и состоялась в Касабланке; И. Хофи передал К.Х. Али все известные ему детали, включая имена и каирские адреса террористов⁹⁷.

В июле и августе 1977 года американская администрация продолжала бесплодные попытки добиться созыва Женевской конференции с участием ООП, хотя еще 27 июля посол Израиля в США Симха Диниц (1929–2003) передал госсекретарю Сайрусу Вэнсу послание от Менахема Бегина, в котором подчеркивалось категорическое несогласие с присутствием на конференции представителей ООП и ведением диалога с

⁹⁶ См.: Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно? Переговоры о мире – личные записки* (Иерусалим: «Эйданим», 1981), стр. 35–37 [на иврите].

⁹⁷ Говард Сакер, *История Израиля* / пер. с англ. (Москва: «Книжники», 2011), том II, стр. 597–598.

этой организацией⁹⁸. Получив информацию о не удовлетворившей его реакции госсекретаря на данное обращение, 30 июля М. Бегин направил послание лично президенту Дж. Картеру⁹⁹. В августе С. Вэнс совершил новый вояж в ближневосточные столицы, начавшийся и закончившийся встречами с А. Садатом в Александрии. Когда 9 августа С. Вэнс прибыл в Иерусалим, то М. Бегин, зачитав госсекретарю основные положения Хартии ООП, отрицающие право Израиля на существование, назвал ее «организацией, стремящейся к геноциду, уничтожению Израиля, его народа и созданной им цивилизации»¹⁰⁰. У. Квандт, присутствовавший на этой встрече, утверждал, что М. Бегин даже сравнил согласие США на ведение переговоров с ООП с политикой Невилла Чемберлена, стремившегося задобрить Адольфа Гитлера¹⁰¹. Ясно, что таким путем руководитель американской дипломатии ни к чему хорошему прийти не мог.

По не до конца понятным причинам, американцы предлагали сформировать единую арабскую делегацию

⁹⁸ William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 84.

⁹⁹ Полный текст этого послания включен в телеграмму С. Вэнса послу США в Израиле от 31 августа 1977 г. и опубликован в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 372–374.

¹⁰⁰ См. изложение хода этой встречи: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 426–435; цит. высказывание М. Бегина – на стр. 432.

¹⁰¹ См.: William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 91; в протокольном изложении такой фразы нет.

для участия в переговорах в Женеве, но эту позицию отвергли и Менахем Бегин, и Ануар Садат¹⁰². Американцы продолжали готовить Женевскую конференцию, для обсуждения которой Дж. Картер 28 августа собрал совещание с участием вице-президента, госсекретаря, министра обороны и советника по национальной безопасности¹⁰³. Действуя в абсолютном отрыве от реалий, 30 августа госсекретарь С. Вэнс представил президенту меморандум, к которому, в частности, приложил проект израильско-сирийского (!) мирного договора¹⁰⁴. Показательно, что это произошло еще до того, как был получен ответ президента Сирии на письмо Дж. Картера, направленное ему еще 14 августа и переданное два дня спустя¹⁰⁵. Ответ этот был направлен в Вашингтон из Дамаска только 12 сентября; повторив все свои прежние требования о полном отступлении израильских сил с позиций, занятых в ходе войны 1967 года, и необходимости участия в конференции представителей ООП, Х. Асад в принципе отказался согласиться на мир с Израилем, указав, что итогом переговоров может стать лишь окончание состояния войны – *“ending the state of*

¹⁰² Там же, р. 93.

¹⁰³ В соответствующем томе антологии *Foreign Relations of the United States* протокол этого совещания, увы, не опубликован.

¹⁰⁴ Там же, р. 105.

¹⁰⁵ Письмо Дж. Картера было направлено Госдепартаментом послу США в Сирии для передачи Х. Асаду; оно опубликовано в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 474–475.

war” – между двумя странами¹⁰⁶. Стало совершенно ясно, что достижение всеобъемлющего арабо-израильского мирного урегулирования, к чему стремилась американская администрация, является невозможным.

Позиции, занятые президентом Сирии Х. Асадом и королем Иордании Хусейном, закрывали возможности продвижения к миру между этими государствами и Израилем: на полный уход из Иудеи, Самарии, Иорданской долины и Восточного Иерусалима (а именно эти территории объединены под аморфным словосочетанием «Западный берег») не были готовы ни М. Бегин, ни М. Даян, ни кто бы то ни было другой из израильских руководителей. В этих условиях переговоры о мирном урегулировании с Египтом превратились в единственную хоть сколько-то реалистичную опцию, которая стала разрабатываться с утроенной энергией. В ходе встречи с Х. Тухами И. Хофи получил согласие египетского вице-преьера на продолжение контактов с израильтянами. Для укрепления налаженного канала связи 4 сентября 1977 года на встречу с Хасаном II тайно прилетел М. Даян, обратившийся к королю Марокко с просьбой помочь в организации переговоров с А. Садатом, его заместителем Х. Мубараком или каким-либо другим ответственным египетским руководителем¹⁰⁷. 9 сентября через «Моссад» М. Даян получил послание из Рабата о том, что египтяне готовы на встречу с ответственным

¹⁰⁶ Ответное письмо Х. Асада Дж. Картеру было направлено через посла США в Сирии; опубликовано там же, pp. 495–497.

¹⁰⁷ См.: Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно?*, стр. 40.

израильским представителем, отклонив при этом предложение о личной встрече М. Бегина и А. Садата¹⁰⁸.

16 сентября М. Даян вновь прибыл в Марокко, где его ждал все тот же Х. Тухами, с которым до этого дважды встречался И. Хофи (однако на встрече с ним М. Даяна глава «Моссада» не присутствовал). На начальном этапе беседы в ней участвовал и король Марокко, затем оставивший своих собеседников наедине. Х. Тухами прямо сказал М. Даяну, что никто в Египте, кроме А. Садата, не знает о факте их встречи, настоятельно попросив никого, включая американцев¹⁰⁹, о ней не информировать. Уже на первой встрече с М. Даяном Х. Тухами сформулировал основу подхода А. Садата к диалогу с Израилем. Х. Тухами подчеркнул, что «А. Садат абсолютно серьезен в своем стремлении к миру», который будет включать полноценный мирный договор в обмен на полный уход с занятых Израилем в ходе Шестидневной войны территорий¹¹⁰. При этом египетский вице-премьер не прояснил, согласится ли его страна заключить мирный договор с Израилем, если это условие будет выполнено только в отношении территорий, утерянных в июне 1967 года самим Египтом. Этот вопрос имел чрезвычайно важное значение, ибо к тому времени было ясно, что с Х. Асадом и королем Хусейном мирный процесс не вызревает, а вести переговоры с ООП израильское руководство категорически отказывалось в принципе. От

¹⁰⁸ Там же, стр. 41.

¹⁰⁹ Там же, стр. 43.

¹¹⁰ Там же, стр. 45.

Египта, поэтому, требовалось согласиться на *ведение сепаратных мирных переговоров с Израилем, в отрыве от каких бы то ни было других арабских стран.*

Эта встреча имела очень большое значение для министра иностранных дел Израиля, ибо состоялась буквально накануне его визита в Вашингтон. Давление американской администрации на правительство Израиля было очень сильным, и необходимо было понимать, на что именно можно рассчитывать в реальности. В ходе встреч с госсекретарем и президентом США, состоявшихся в расширенном составе 19 сентября 1977 года, М. Даян ни словом не упомянул о своих переговорах с Х. Тухами, сказав, однако: «Египет хочет мира и прогресса в переговорах»¹¹¹. Оставшись с С. Вэнсом один на один, он госсекретаря о деталях своей поездки в Марокко в общих чертах проинформировал¹¹². Американцы, впрочем, эту информацию не оценили, продолжая впустую тратить время и силы на подготовку Женевской конференции, которая так и не собралась. Напротив, в Каире и Иерусалиме ветры готовности к переменам набирали силу.

II

После встречи М. Даяна с Х. Тухами А. Садат, по всей видимости, в целом принял решение о начале

¹¹¹ См. протоколы этих встреч: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 520–547; цит. высказывание М. Даяна – на стр. 545.

¹¹² William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 111.

переговорного процесса, тщательно взвешивая, с кем обсудить, а от кого скрыть данную инициативу. Е.М. Примаков указывал, что, возвращаясь из очередной поездки в Румынию в октябре 1977 года, А. Садат сделал остановки в Иране и Саудовской Аравии, но если с шахом он свои планы обсудил, получив от него горячую поддержку, то с королем Фахдом – нет¹⁴³. Профессор Б. Бутрос-Гали, бывший членом Политбюро Арабского социалистического союза, рассказывал о том, как слушал выступление А. Садата в зале Народного собрания Египта 9 ноября 1977 года. В этой речи египетский президент, в частности, объявил: «Я готов поехать хоть на край света, если это поможет защитить египетского солдата или офицера от участи быть убитым или раненым. Я заявляю, что абсолютно готов поехать в любой конец света. Я готов поехать в их страну и даже в Кнессет, чтобы говорить с ними»¹⁴⁴. Б. Бутрос-Гали вспоминал, что среди тех, кто слушал египетского президента, в первом ряду, на месте почетного гостя, сидел никто иной, как председатель ООП Я. Арафат, который «после этих слов разразился аплодисментами, но ни Арафат, ни мои коллеги, ни я, – честно признавал Б. Бутрос-Гали, – не поняли смысла того, что сказал президент... Начало распространяться мнение, согласно которому, то, что принималось за чистую

¹⁴³ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, 2-е изд., перераб. и доп. (Москва: «Российская газета», 2012), стр. 177.

¹⁴⁴ Цит. по: Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим* / пер. с англ. (Москва: Институт Африки РАН, 1999), стр. 28.

риторику, на самом деле выражает намерение А. Садата поехать в Израиль. Я не согласился с этим. Я считал, что президент сделал сильный пропагандистский ход, но разговоры о его намерении отправиться в Израиль не имеют под собой никакой почвы»¹¹⁵. Обратим внимание, что так думал человек, входивший в состав Политбюро Арабского социалистического союза, за две недели до этого – 25 октября 1977 года – к тому же получивший назначение на пост министра и вошедший в состав правительства страны, причем, как гласила опубликованная в египетских газетах 2 ноября 1977 года информация, в его круг обязанностей входили «контакты с зарубежными политическими партиями и организациями»¹¹⁶. Даже член правительства и Политбюро правящей партии не был в курсе столь кардинальной перемены политического курса в отношении Израиля, инициированной президентом страны! Прошла всего неделя, когда тогдашний вице-президент Хосни Мубарак, встретившись с Б. Бутросом-Гали, передал ему поручение президента подготовить проект его выступления в Кнессете. Только тогда, – как честно вспоминал позднее Б. Бутрос-Гали, – он «впервые понял, что президент А. Садат действительно намерен поехать в Израиль»¹¹⁷.

Вероятно, тогда же это поняли и остальные члены правительства. 18 ноября Исмаил Фахми (1922–1997) и

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, стр. 27.

¹¹⁷ Там же, стр. 30.

Мухаммед Риад (1924–1981), занимавшие, соответственно, существовавшие в Египте раздельно посты министра иностранных дел и государственного министра по иностранным делам, подали в отставку. В тот же день А. Садат выпустил президентский указ, которым назначил Б. Бутроса-Гали на пост государственного министра по иностранным делам, одновременно с этим исполняющего обязанности министра иностранных дел. Ситуация была крайне напряженной, что отмечалось прессой во многих арабских странах: оба ушедших в отставку министра были мусульманами, тогда как им на смену был назначен христианин-копт, к тому же женатый на еврейке. В Министерстве иностранных дел Б. Бутрос-Гали успел провести лишь несколько часов, ибо на следующий день, 19 ноября 1977 года, отбыл с визитом в Израиль в составе делегации, во главе с президентом А. Садатом.

Как свидетельствовал глава «Моссада» Ицхак Хофи, руководители израильских разведслужб разрывались между двумя противоположными опасениями. С одной стороны, по его словам, «нельзя игнорировать факторы, свидетельствующие о готовности наших противников к мирному урегулированию, как нельзя игнорировать факторы, свидетельствующие об их подготовке к войне»¹¹⁸. И. Хофи вспоминал, что еще до прихода М. Бегина к власти, в марте 1977 года, докладывал на заседании Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне о значительных изменениях в настроениях руководства

¹¹⁸ Здесь и далее цит. фрагменты лекции И. Хофи в Центре наследия разведки, 2000 г. [на иврите], запись автора книги.

Египта, более озабоченного внутренними проблемами и менее заинтересованного в продолжении и, тем более, эскалации конфликта с Израилем. По его воспоминаниям, депутаты, как от Партии Труда, так и от «Ликуда», охарактеризовали сделанный им анализ как «абсурдный». С другой стороны, он признавал, что «визит Садата был сюрпризом для нас. До выступления Садата в египетском парламенте о желании прибыть в Кнессет для установления мира, мы не знали, что он вынашивает такие планы. Насколько я знаю, для Военной разведки это тоже стало полной неожиданностью». И. Хофи вспоминал, что в разведывательном сообществе были и те, кто считали жест А. Садата обманом, усыпляющим бдительность израильтян, и скрывающим под собой стремление к новой войне. В то время египетская армия находилась в состоянии повышенной боеготовности, и И. Хофи не скрывал, что он, после выступления А. Садата в Народном собрании, попросил о срочной встрече с М. Бегиным отнюдь не для обсуждения радужных перспектив светлого будущего. Напротив, И. Хофи предупредил главу правительства, что, учитывая опыт Войны Судного дня, нужно брать в расчет и возможность того, что реальные планы А. Садата диаметрально противоположны его миротворческому заявлению, а потому Армия обороны Израиля должна принять соответствующие меры, с чем тогдашний начальник Генерального штаба Мордехай Гур (1930–1995) полностью соглашался. Министр обороны Израиля Эзер Вейцман (1924–2005) вспоминал, что был шокирован интервью М. Гура, опубликованном 14 ноября 1977 года, за считанные дни до прибытия А. Садата в

Иерусалим, в котором начальник Генштаба сказал: «Мы знаем, что египетская армия интенсивно готовится к нападению на Израиль еще до начала 1978 года, несмотря на декларацию Садата о его готовности прибыть в Израиль»¹¹⁹. Однако начальник Генерального штаба, к тому времени уже три с половиной года находившийся на своем посту, сказал ровно то, что думал. Когда президент А. Садат во всеуслышание объявил о своей готовности к мирным переговорам, руководители Внешней разведки и Генерального штаба предупреждали о том, что все это может оказаться лишь прикрытием для планов нового египетского нападения на Израиль! Это показывает, насколько нестабильными и неуверенными были оценки экспертов, насколько даже те, в чьем распоряжении, как говорят, – одни из лучших разведслужб мира, блуждали в потемках и терялись в догадках...

Встречу египетской делегации в аэропорту имени Д. Бен-Гуриона Б. Бутрос-Гали описал так, что это невозможно пересказывать, а можно только цитировать: «Я чувствовал себя так, будто смотрел на страницу истории, написанную огненными буквами. ... Садат стоял, окруженный ослепительным сиянием, казавшимся мириадами световых волн. Сцена походила на библейское видение»¹²⁰. Хотя в домашней библиотеке Б. Бутроса-Гали хранились книги Теодора Герцля, Хаима Вейцмана, Давида Бен-Гуриона, Моше Даяна и Менахема Бегина,

¹¹⁹ См.: Эзер Вейцман, *Битва за мир* (Иерусалим: «Эйданим», 1981), стр. 27 [на иврите].

¹²⁰ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 35.

которые он внимательно читал, министр не скрывал, каким далеким было от него соседнее государство: «Израиль представлялся мне такой же загадкой, как планета в другой галактике»¹²¹.

Первый визит египетского президента и сопровождавших его лиц в Израиль продлился менее двух суток, начавшись на исходе субботы и закончившись в понедельник, 21 ноября. Вопреки надеждам Менахема Бегина, встречного предложения посетить Каир он тогда не получил, отметив при этом на пресс-конференции, что надеется всё же посетить египетскую столицу¹²². Корреспондент газеты «Маарив» Шмуэль Сегев на заключительной пресс-конференции обратил внимание Ануара Садата, что израильское правительство разрешило многим египетским журналистам прибыть в Иерусалим с целью освещения его визита, поинтересовавшись, будут ли открыты двери Египта для журналистов израильских. А. Садат ответил: «Когда господин Бегин совершит визит к нам, обязательно приедете и Вы». «Не раньше?», – настойчиво спросил Ш. Сегев. «Господин Сегев, встретимся в Каире», – на иврите парировал М. Бегин, избавив египетского гостя от необходимости отвечать¹²³; приглашения в Каир М. Бегин тогда еще не получил, хотя до его визита в Исмаилию оставалось менее двух месяцев.

¹²¹ Там же, стр. 31.

¹²² *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, ed. by Harry Hurwitz & Yisrael Medad (Jerusalem: Gefen Publishing House, 2011), p. 38.

¹²³ Там же, стр. 41.

Ключевым событием в ходе визита А. Садата в Иерусалим стало выступление в Кнессете, где его приветствовал спикер израильского парламента, ветеран борьбы за свободу и независимость еврейского государства Ицхак Шамир. Хотя Б. Бутрос-Гали вспоминал, что Х. Мубарак поручил ему подготовить проект выступления А. Садата в Кнессете на английском языке, выступал президент Египта на арабском¹²⁴. Это была впечатляющая речь, в которой он неоднократно цитировал строки из Библии, в том числе один из Псалмов Давида и призыв пророка Захарии «Только любите истину и мир» (Зах. 8:19)¹²⁵. Особенно важными были две отобранные А. Садатом цитаты из «Книги Притчей Соломоновых»: «Лучше кусок сухого хлеба, и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота, с раздором» (Притч. 17:1) и «Коварство – в сердце злоумышленников, радость – у миротворцев» (Притч. 20:2). Напомнив, что «мы долгое время отрицали вас, ... мы называли вас “так называемым Израилем”, мы встречались на международных конференциях, и наши и ваши делегаты не здоровались друг с другом – так было и так продолжается до сих пор», А. Садат объявил о решительном разрыве с прошлым: «Я говорю вам, что мы приветствуем вас среди нас ... Сегодня я говорю вам, и объявляю это всему миру, что мы готовы жить с вами в условиях постоянного мира, основанного на справедливости ... Поскольку мы искренне и честно стремимся к миру, мы искренне и честно приветствуем

¹²⁴ Текст его выступления опубликован там же, pp. 16–28.

¹²⁵ Здесь и далее цит. по Синодальному переводу Библии.

нас, живущих среди нас в мире и безопасности»¹²⁶.

Но кто «мы» и среди кого «нас»? Египет – это страна, с которой связана история формирования еврейского народа, она упоминается в Библии больше, чем какая-либо другая территория, кроме различных названий Эрец-Исраэль¹²⁷. Однако после 115–117 годов н.э., когда вспыхнуло и было подавлено восстание евреев Египта, Кирены и Кипра, египетское еврейство, составлявшее в тот период около девятой части всего населения страны, было фактически уничтожено. Начиная с 640 года, когда Египет был завоеван арабами, постепенно происходило некоторое увеличение еврейского населения Египта, а период непосредственно после 1517 года, когда Египет был завоеван турками, многими считается «золотым полувеком» египетского еврейства. Позднее реформы Мухаммеда Али и открытие в 1869 году Суэцкого канала способствовали превращению Каира и Александрии в самые «европейские» города на Ближнем Востоке, следствием чего стало и увеличение еврейского населения страны, в первую очередь, за счет притока евреев из Европы. Согласно переписи 1897 года, в Египте жили 25 тысяч евреев, а по данным переписи 1947 года – 65 тысяч (из них 64% – в Каире, 32% – в Александрии)¹²⁸. Однако в

¹²⁶ *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, стр. 21.

¹²⁷ См.: «Египет» // *Краткая еврейская энциклопедия*, том 2 (Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982), колонка 466.

¹²⁸ Там же, колонки 472–473.

1950-е – 1960-е годы почти все они были вынуждены покинуть страну, и к 1970 году в Египте оставалось лишь около тысячи евреев, число которых за последующие годы сократилось примерно вдвое. Поскольку ни израильтяне, ни какие-либо другие евреи к тому времени *не жили* среди египтян, ясно, что, произнося эти слова, *А. Садат говорил не как президент Египта, а как человек, считающий себя лидером, представляющим весь арабский мир.*

Вопрос о том, насколько египтян можно считать неотъемлемой частью арабского мира, или же отличий больше, чем сходств, занимал многих ученых и мыслителей как в самом Египте, так и за его пределами; Алексей Васильев, на протяжении многих лет бывший директором Института Африки РАН, посвятил обсуждению данной темы седьмую главу своей прекрасной монографии «Египет и египтяне», написанной спустя всего несколько лет после визита А. Садата в Иерусалим. В этой книге он выделил значение работ французского востоковеда Жана-Франсуа Шампольона (1790–1832), расшифровавшего древнеегипетский язык: «Первым из людей, возможно за две тысячи лет, он смог читать надписи, сделанные иероглифами»¹²⁹. Автор книги подчеркивал: «Знакомство с блеском и величием фараоновского Египта стало питать египетский национализм. Я не оговорился – египетский, а не арабский»¹³⁰.

¹²⁹ Алексей Васильев, *Египет и египтяне* (Москва: «Мысль», 1986), стр. 189.

¹³⁰ Там же, стр. 190.

Лозунг «Египет для египтян» вдохновлял Ораби-пашу (1841–1911), возглавившего в 1881 году успешное восстание каирского гарнизона, приведшее к отставке правительства Рияд-паши. А.М. Васильев указывает, что «это был египетский национализм с исламской окраской»¹³¹. Вплоть до 1920-х – 1930-х годов египетский национализм, с одной стороны, и возникший в Сирии, Ливане и Ираке национализм арабский, с другой, текли двумя несливающимися потоками: у них были разные враги и разные цели¹³².

Лидер Революции 1919 года, основатель партии «Вафд» Саад Заглул (1859–1927) считал национальной задачей освобождение Египта, включая Судан, из-под британской зависимости. Как отмечал А.М. Васильев, «повторяя лозунг “Египет для египтян”, Саад Заглул в своих речах иногда даже нападал на арабский национализм, хотя чаще просто игнорировал его»¹³³. Интересно, что при этом один из виднейших идеологов арабского национализма, уроженец Сирии Саты эль-Хусри (1881–1968), на протяжении многих лет жил в Египте. Эль-Хусри отвергал границы между арабскими странами, считая их наследием колониализма, утверждая, что все, для кого родной язык арабский, связаны общим сознанием и принадлежат к единой нации. «Каждый египтянин должен понимать, что древнеегипетская цивилизация – как и цивилизации шумеров, ассирийцев,

¹³¹ Там же, стр. 191.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, стр. 193.

финикийцев – мертва и ее не вернешь к жизни, – писал эль-Хусри. – Арабизм же – это не мумифицированное прошлое, а живое настоящее»¹³⁴.

Эта идеология была очень близка Г.А. Насеру и его сподвижникам; принятая ими в 1956 году Конституция провозгласила Египет частью арабской нации. Идеологией Г.А. Насера стал отнюдь не лозунг «Египет для египтян», а панарабизм; он видел свою страну авангардом и объединяющей силой арабского мира. Г.А. Насер был даже готов отказаться от самого слова «Египет»: в 1958 году, в ходе процесса объединения с Сирией, он переименовал страну в Объединенную Арабскую Республику, причем, когда три года спустя Сирия вышла из ОАР, Египет, ни с кем уже не объединенный, еще десять лет (!) продолжал существовать под этим названием. Не забудем, что и правившая в стране партия (все остальные были запрещены) называлась Арабский социалистический союз; в этом наименовании вообще не упоминается страна, в которой партия действовала. Сложно представить себе, чтобы, например, нынешняя Белоруссия, при всех ее интеграционистских устремлениях и сближении с Россией, была переименована в Объединенную Славянскую Республику, а ее правящая партия называлась бы Славянский социалистический союз. А. Садат же получил в наследство от Г.А. Насера страну, политическая самоидентификация которой была именно нарочито не национальной, а панарабской. А. Садата тема эта крайне занимала; его единственная

¹³⁴ Цит. там же, стр. 199.

опубликованная по-английски автобиографическая книга называлась, напомним, – *In search of Identity*¹³⁵.

Этот поиск идентичности – своей и своей страны – привел А. Садата к выводам, в целом, противоположным тем, которые сделал Г.А. Насер. Не будучи панарабистом, А. Садат не был и антиарабистом, и потому страну он переименовал не просто в Египет, но в Арабскую Республику Египет. Штаб-квартира Лиги арабских государств оставалась в Каире, а генеральным секретарем этой организации продолжал работать бывший министр иностранных дел Египта Махмуд Риад (1917–1992); его предшественником на протяжении двадцати лет оставался его коллега и соотечественник Абдул Халек Хассуна (1898–1992), бывший министром иностранных дел Египта на протяжении нескольких месяцев, предшествовавших Революции «Свободных офицеров» 23 июля 1952 года. Нельзя сказать, что Ануар Садат отказывался от арабского характера Египта; вместо этого *он искал новый баланс между национализмом египетским и национализмом общеарабским*, считая, что выдвижение Египта на международной арене будет способствовать укреплению позиций арабского мира в целом.

А. Садат, возможно, до конца и не понимал, насколько другие арабские лидеры возмущены его поездкой в Иерусалим, но он, в свою очередь, всячески стремился продемонстрировать, что отстаивает не только узко египетские, но и общеарабские интересы. Условия,

¹³⁵ Anwar El Sadat, *In Search of Identity: an Autobiography* (New York: Harper and Row, 1977).

выдвинутые им Израилю в его речи в Кнессете (а их он сформулировал пять), касались не двусторонних отношений – ни в одном из этих пяти условий Египет как таковой ни разу не упоминался, – а арабо-израильского конфликта, в целом, и реализации прав арабского народа Палестины, в частности. Среди условий достижения мира А. Садат указал «прекращение израильской оккупации арабских территорий, оккупированных в 1967 году» и «реализацию основных прав палестинского народа и его права на самоопределение, включая право на создание собственного государства»¹³⁶.

А. Садат не получал ни от Лиги арабских государств, ни от каких-либо палестинских организаций мандата на ведение переговоров от их имени. Но поскольку штаб-квартира Лиги арабских государств находилась в Каире, и там же была создана в 1964 году под патронажем Г.А. Насера Организация освобождения Палестины, А. Садат, вероятно, считал, что никакой дополнительный мандат для того, чтобы выступать от имени всего арабского мира, ему и не требуется.

Шломо Бен-Ами, бывший министром иностранных дел в правительстве Эхуда Барака, утверждал, будто «Израиль ошибался, полагая, что Египет может стать воротами в арабский мир»¹³⁷. Однако эту «ошибку»

¹³⁶ *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, p. 26.

¹³⁷ Shlomo Ben-Ami, “Sadat’s Journey, 30 Years After”, November 5, 2007, <https://www.project-syndicate.org/commentary/sadat-s-journey--30-years-after-2007-11>

выдумал сам Ш. Бен-Ами, ибо его предшественник, возглавлявший МИД Израиля в ходе визита А. Садата в Иерусалим, Моше Даян, уже тогда спросил Бутроса Бутроса-Гали: «Как Вы сможете вести переговоры от имени палестинцев, сирийцев и иорданцев, если они в принципе против переговоров?»¹³⁸ Египетский министр ответил, что «цель Египта – убедить арабские страны в необходимости переговоров и в том, что они могут привести к положительным результатам»¹³⁹. Очевидно, что с этой задачей египетская дипломатия справиться не смогла: все арабские страны, одна за другой, не говоря уже об ООП, выступили против А. Садата, обвинив его в предательстве общеарабского дела. Как верно суммировал Е.М. Примаков, «ничего не помогало: в глазах арабского мира Садат оставался политиком-одиночкой, взявшим курс на подписание мирного договора с Израилем в рамках чисто египетско-израильских отношений»¹⁴⁰.

А. Садат искренне стремился совместить египетские и общеарабские интересы, но, когда это оказалось невозможным, отказался от вторых в пользу первых. Чувствуя, что он может вернуть под свой контроль территории, втрое превосходившие площадь Государства Израиль, он не хотел зависеть в своих решениях ни от Х. Асада, ни от короля Хусейна, ни от Я. Арафата, ни от

¹³⁸ Цит. по: Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 42.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 179.

кого бы то ни было еще. И М. Бегин, и М. Даян вполне отдавали себе отчет в том, что работают над подготовкой исключительно израильско-египетского двустороннего соглашения; иллюзий ни у кого не было. Однако путь и к этому соглашению оказался отнюдь не простым.

III

Осознавая, что его поездка в Иерусалим была воспринята в арабском мире крайне негативно, А. Садату пришла в голову идея провести в Каире международную конференцию, которая формально имела бы статус подготовительной по отношению к конференции в Женеве, но, по сути, подчеркнула бы, что Египет действует не в одиночку, а, наоборот, при поддержке и мировых держав, и ООН, и государств региона, и Организации освобождения Палестины. Исполнявший в то время обязанности министра иностранных дел Египта Б. Бутрос-Гали свидетельствовал, что даже он узнал об этой инициативе А. Садата из выступления президента в Народном собрании. После окончания заседания парламента, президент пригласил министра к себе и объявил ему, что назначает проведение этой конференции на 3 декабря¹⁴¹. В последующие дни Б. Бутрос-Гали вручил приглашения на эту конференцию послу США в Египте Герману Эйлтсу (1922–2006), советскому послу Владимиру Полякову (1931–2002), члену исполкома ООП Ахмеду Сидки ад-Даджани (к которому было передано приглашение

¹⁴¹ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 46–47.

участвовать в конференции на имя Ясира Арафата), а также послам Сирии, Иордании и Ливана. Кроме того, Б. Бутрос-Гали проинструктировал постпреда Египта в ООН Исмата Абд эль-Магида передать приглашения генеральному секретарю ООН, а также постпреду Израиля. «В то время не было ни официальных, ни неофициальных отношений между египетской и израильской делегациями в ООН, – вспоминал Б. Бутрос-Гали. – Поэтому мы согласовали следующий план: посол Нидерландов в ООН пригласил Абд эль-Магида и израильского посла в ООН Хаима Герцога в свою миссию в одно и то же время. Вот тогда-то Исмаат, как бы между прочим, и передал послание»¹⁴².

Однако, несмотря на все усилия Б. Бутроса-Гали, инициатива А. Садата потерпела крах. Уже 28 ноября об отказе своих стран участвовать в Каирской конференции объявили послы Иордании, Советского Союза и Ливана. Египтяне, при не очень активной поддержке американцев, пытались все-таки провести конференцию, перенеся ее дату на 14 декабря. В конце концов, конференция прошла с 14 по 17 декабря 1977 года с участием представителей лишь самого Египта, Израиля, США и ООН. Ее статус был низведен до уровня встречи экспертов, и на ней не присутствовал не только сам А. Садат, но даже его министр иностранных дел¹⁴³. Не было на конференции и министра иностранных дел Израиля М. Даяна, отправившегося как раз в те дни с визитом в ФРГ; израильскую делегацию, по

¹⁴² Там же, стр. 52.

¹⁴³ Там же, стр. 59.

решению М. Бегина, возглавлял глава его администрации доктор политологии Элияху Бен-Элисар (урожденный Готлиб, 1932–2000)¹⁴⁴, позднее ставший первым послом Израиля в Египте, а в 1982 году – председателем Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне.

А. Садат был возмущен тем, что все арабские страны повернулись к нему спиной, и, не проконсультировавшись даже с министром иностранных дел, он 6 декабря объявил о разрыве дипломатических отношений с Сирией, Алжиром, Ливией и Южным Йеменом¹⁴⁵. На следующий день глава египетского правительства Мамдух Салем объявил о закрытии консульств СССР в Александрии, Порт-Саиде и Асуане, а также консульств Чехословакии и Польши¹⁴⁶. Это было окончательным и бесповоротным разрывом с наследием Г.А. Насера, создавшего с Сирией объединенное государство, годами направлявшего египетские войска в Южный Йемен и стремившегося к максимальному расширению сотрудничества с СССР.

В этих обстоятельствах 10 декабря в Каир прибыл госсекретарь США Сайрус Вэнс. Перед встречей в расширенном составе с участием делегаций обеих сторон¹⁴⁷, госсекретарь США и президент Египта на

¹⁴⁴ См.: Илан Кфир и Яков Маор, *Израиль и Египет – мирный процесс* (Иерусалим: «Ревивим», 1980), стр. 21 [на иврите].

¹⁴⁵ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 55.

¹⁴⁶ Там же, стр. 56.

¹⁴⁷ Протокол этой встречи опубликован в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 807–812.

протяжении двух часов беседовали один на один. Именно тогда С. Вэнс поставил перед А. Садатом вопрос ребром: будет ли он готов продолжать мирный процесс с Израилем, если ни одна другая арабская страна не присоединится к нему; А. Садат дал положительный ответ. В ходе встречи с С. Вэнсом А. Садат попросил госсекретаря «надавить на израильтян», чтобы они публично заявили «о своей готовности во имя мира полностью уйти с занятых в 1967 году территорий и разрешить палестинскую проблему во всех ее аспектах»¹⁴⁸.

Из Каира С. Вэнс отправился в Иерусалим, где был принят М. Бегиним: двадцать минут они беседовали один на один, а затем к ним присоединились вице-премьер Игаль Ядин, Моше Даян, министр обороны Эзер Вейцман, члены американской делегации и посол США в Израиле¹⁴⁹. На этой встрече глава правительства Израиля сообщил госсекретарю, что тщательно готовит свой новый визит в Вашингтон, куда планировал прибыть (и в самом деле прибыл) 15 декабря, чтобы представить президенту Дж. Картеру план автономии для палестинских арабов на Западном берегу (в Иудее и Самарии) и в секторе Газа. Переданную А. Садатом через госсекретаря просьбу М. Бегин вежливо, но настойчиво отклонил.

¹⁴⁸ Протокол этой встречи не найден в архивах и не опубликован; ее содержание известно по телеграмме С. Вэнса Дж. Картеру и З. Бжезинскому от 11 декабря 1977 г. // *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 820–825; здесь цитируется п. 3.

¹⁴⁹ Протокол этой встречи опубликован там же, pp. 812–818.

Обращал на себя внимание тот факт, что еще более чем за неделю до этого, 2–3 декабря, М. Даян в Марокко вновь встретился с Х. Тухами, изложив ему свои и М. Бегина идеи в отношении палестинской проблемы. М. Даян сказал египетскому политику, что данный план не является окончательным, находится в разработке, и потому не может быть представлен в законченном виде. Вместе с тем, М. Даян поделился с Х. Тухами основными положениями этого плана, состоявшими в следующем:

1) ни при каких обстоятельствах не будет создано независимое Палестинское государство на Западном берегу и в Газе;

2) израильские силы и уже созданные еврейские поселения останутся на своих местах и не будут эвакуированы;

3) палестинским арабам на Западном берегу и в Газе будет предоставлена широкая автономия, которая даст им возможность самим определять параметры своей повседневной жизни в различных сферах;

4) урегулирование статуса Иерусалима должно происходить с участием всех заинтересованных сторон, включая представителей христианского мира.

Кроме того, М. Даян указал, что и после подписания мирного договора с Египтом Израиль заинтересован сохранить созданные на Синайском полуострове небольшие еврейские поселения, для защиты которых нужен будет небольшой воинский или полицейский контингент¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Цит. по: Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно?*, стр. 51.

И Х. Тухами, и участвовавший в переговорах король Марокко Хасан II подчеркивали: мирный процесс между Израилем и Египтом может продвигаться только параллельно аналогичному процессу между Израилем и арабскими странами¹⁵¹. М. Даян напомнил своим собеседникам об отказе арабских стран приехать в Каир на инициированную президентом А. Садатом мирную конференцию. В ответ египетский вице-премьер отметил, что еще рано делать окончательные выводы, и зачитал М. Даяну документ, написанный от руки на арабском языке, который, по словам египетского вице-преьера, был получен им непосредственно от президента А. Садата. Президент настаивал на полном возвращении Египту всей территории Синая до последнего сантиметра и на эвакуации с полуострова всех израильских поселенцев и войск¹⁵². Х. Тухами добавил, что Египет не согласится ни на какие корректировки пограничной линии в пользу Израиля. М. Даян ответил, что сразу же по возвращении М. Бегина из Великобритании, где тот находился с государственным визитом, подробно проинформирует главу правительства о позиции Египта, однако выразил свое мнение, что на только что услышанных им условиях мирное урегулирование достигнуто не будет, ибо многие положения являются неприемлемыми для Израиля¹⁵³.

12 декабря Сайрус Вэнс прибыл в Амман для встречи с королем Хусейном, а днем позже – в Дамаск с

¹⁵¹ Там же, стр. 52.

¹⁵² Там же, стр. 53.

¹⁵³ Там же.

президентом Сирии Х. Асадом: если король Иордании избегал атаковать А. Садата, указывая, что у него с президентом Египта существует взаимопонимание по целому ряду вопросов¹⁵⁴, то министр иностранных дел Сирии Абд эль-Халим Хаддам (1932–2020) и президент Хафез Асад были неприкрыто враждебны. В своем обстоятельном меморандуме, поданном президенту Дж. Картеру, С. Вэнс указал, что единственными странами арабского мира, которые, может быть, поддержат египетскую инициативу, являются Иордания и Саудовская Аравия. Госсекретарь подчеркнул, что изложенный ему М. Бегиным план автономии для арабов Западного берега и Газы, который планируется реализовать без вывода из этих районов израильских войск и поселений, очень далек от ожиданий президента Египта. По мнению С. Вэнса, автономия может быть не окончательным, а промежуточным этапом на пути к решению палестинской проблемы. С. Вэнс суммировал свой доклад президенту, указав, что американская дипломатия должна работать с израильскими и египетскими партнерами на основе принципа *peace for withdrawal* [«мир в обмен на отступление»]¹⁵⁵. Таким образом, еще до прибытия М. Бегина в Вашингтон с целью представить президенту израильский план автономии для арабов Западного берега

¹⁵⁴ Протокольное изложение этой встречи опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 827–839.

¹⁵⁵ Cyrus R. Vance, *Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy* (New York: Simon and Schuster, 1983), pp. 196–198.

и Газы, Дж. Картер и руководители его администрации договорились о том, что не будут поддерживать израильские предложения¹⁵⁶.

М. Бегин прилетел в Вашингтон, чтобы представить президенту США план, который еще даже не был обсужден и утвержден правительством Израиля. Президент США суммировал обсуждение израильского предложения, обратив внимание М. Бегина на то, что его план может быть воспринят как поиск пути избежать вывода с оккупированных территорий войск и поселений и как документ, в котором не нашло никакого отражения стремление найти справедливое решение палестинской проблемы. Кроме этого, президент США выразил опасение, что израильские предложения будут рассматриваться президентом Египта как оскорбление – и даже предположил, что это может привести к его падению или отставке [в оригинале – *this could be a blow to Sadat and it might even bring him down or lead him to resign*]¹⁵⁷.

После встречи с М. Бегиным Дж. Картер позвонил президенту Египта. Вероятно, к некоторому удивлению американцев, А. Садат отнесся к израильскому плану, детали которого он услышал от Дж. Картера, а до этого, напомним, от Х. Тухами, встречавшимся с М. Даяном, в целом, положительно. Со своей стороны, он выдвинул три требования: чтобы с Синайского полуострова израильские

¹⁵⁶ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 155.

¹⁵⁷ Протокол этой встречи опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 861–870, цит. фрагмент – на стр. 869.

силы и поселения были выведены полностью; чтобы Восточный Иерусалим не остался под израильским контролем; и чтобы в конце пятилетнего переходного периода палестинские арабы могли перейти от автономии к самоопределению¹⁵⁸. В собственных глазах А. Садат продолжал оставаться «патроном» палестинского дела и представителем общеарабских интересов. Вместе с тем, он стремился к тому, чтобы никакие внешние факторы не смогли сорвать выполнение основной задачи, которую он поставил, – возвращение Синайского полуострова.

25–26 декабря 1977 года состоялся ответный визит М. Бегина в Египет. Он не получил приглашение в Каир; его встреча с А. Садатом состоялась в Исмаилии. За несколько дней до этого, там же, в Исмаилии, А. Садат принимал министра обороны Израиля Эзера Вейцмана, изначально отправившегося в Египет для встречи со своим непосредственным коллегой Мохамедом Абд эль-Гани эль-Гамаси¹⁵⁹. Интенсивные переговоры в Исмаилии продолжались два дня и начались с беседы А. Садата и М. Бегина один на один. М. Бегин представил свой план, до этого изложенный им Дж. Картеру. А. Садат же раз за разом повторял, что израильские войска должны быть выведены со всех территорий, занятых Израилем в 1967 году, а палестинским арабам должно быть предоставлено право на самоопределение. В своем выступлении по итогам саммита А. Садат не скрыл различий между сторонами, указав: «Позиция Египта состоит в том, что на

¹⁵⁸ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 156.

¹⁵⁹ См.: Эзер Вейцман, *Битва за мир*, стр. 20–22.

Западном берегу и в секторе Газа должно быть основано Палестинское государство. Позиция Израиля состоит в том, что палестинским арабам на Западном берегу Иордана и в секторе Газа должно быть предоставлено самоуправление»¹⁶⁰. М. Бегин в ответном слове ограничился общими словами о том, что «эти два дня были очень хорошими для Египта, Израиля и дела мира», что «мы беседовали как друзья и хотим установить реальный мир», не сказав конкретно ничего о темах, обсуждавшихся им с А. Садатом¹⁶¹.

Отвечая на вопрос египетского журналиста, отрицает ли он право палестинцев на самоопределение, М. Бегин сказал: «Я тоже принадлежу к палестинскому народу, потому что я – палестинский еврей, а есть и палестинские арабы. Конечно, мы хотим жить во взаимном уважении, свободе, справедливости и равноправии, и поэтому, я представил президенту предложения о самоуправлении – впервые в истории – палестинских арабов»¹⁶².

Хотя в ходе пресс-конференции А. Садат сказал, что обязательно проинформирует короля Хусейна обо всех деталях переговоров в Исмаилии, и что он надеется, что другие арабские лидеры присоединятся к мирному процессу на следующем этапе¹⁶³, никаких ясных договоренностей ни по этой, ни по другим проблемам

¹⁶⁰ *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, p. 52.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, p. 57.

¹⁶³ Там же, p. 55.

достигнуто не было. Отвечая на вопрос, «обсуждали ли вы будущее Голанских высот?», А. Садат сказал, что не может говорить за Сирию и обсуждать Голанские высоты; «каждый должен вести свои переговоры сам»¹⁶⁴. Отвечая на вопрос, «присоединится ли Сирия к переговорам?», А. Садат повторил: «Я не могу ответить на это, Вы должны спросить об этом президента Асада. Я не могу отвечать за него»¹⁶⁵. М. Бегин, в свою очередь, выразил надежду на то, что «президент Асад присоединится к нашим совместным усилиям. Мы стремимся к полноценному мирному договору. Мы стремимся к миру с нашими соседями на юге, на севере и на востоке, и когда президент Асад согласится вести переговоры с нами, мы будем готовы к переговорам с ним»¹⁶⁶. Эти надежды не сбылись: никто из арабских лидеров к израильско-египетскому мирному процессу не присоединился.

На саммите в Иσμαилии было принято решение о создании двух комиссий: было согласовано, что первая, под руководством министров обороны обеих стран, будет собираться в Каире, а вторая, под руководством министров иностранных дел, – в Иерусалиме; в состав второй комиссии были включены представители аппарата генерального секретаря ООН и Госдепартамента США. Это были шаги, напоминавшие дипломатию Киссинджера: процесс шел при отсутствии согласия в отношении целей, которых вовлеченные в него стороны стремятся достичь.

¹⁶⁴ Там же, р. 57.

¹⁶⁵ Там же, р. 60.

¹⁶⁶ Там же, р. 57–58.

Явным индикатором трудностей стал тот факт, что по итогам переговоров не были подписаны никакие документы; не была опубликована даже совместная израильско-египетская декларация по итогам встречи. Уже тогда стало ясно, что единственным возможным достижением может стать заключение израильско-египетского двустороннего сепаратного мирного договора, но даже путь к нему – крайне сложен, ибо в египетском руководстве отнюдь не все разделяли убежденность А. Садата в том, что задача возвращения Синайского полуострова оправдывает разрыв со столь многими арабскими странами и ООП, а в Израиле совсем не все, включая главу правительства и министра иностранных дел, полагали, что за достижение мирного договора лишь с одной страной арабского мира еврейское государство должно платить отступлением с территорий, площадь которых втрое больше его собственных, и что наступление мира должно ознаменоваться разрушением израильских поселений, созданных после 1967 года на Синайском полуострове и очевидно недобровольной эвакуацией их жителей. И М. Бегин, и А. Садат, и М. Даян и Б. Бутрос-Гали, несомненно, хотели мира, контуры которого они, однако, представляли очень по-разному.

Спустя полтора месяца после исторического визита первого руководителя арабской страны в Кнессет путь к мирному договору между Израилем и Египтом по-прежнему не просматривался.

ОТ ТОПТАНИЯ НА МЕСТЕ – К ПРОРЫВУ В КЕМП-ДЭВИДЕ: ТРИУМФ ДЖИММИ КАРТЕРА

I

В ситуации, когда израильско-египетский переговорный процесс, начавшийся с такой помпой, забуксовал, инициативу взял на себя Джимми Картер. 4 января 1978 года он совершил внеплановый визит в Египет, формально для дозаправки своего самолета. Американский президент возвращался из Саудовской Аравии, где 3 января встречался с королем Халидом ибн Абдул-Азизом аль-Саудом (1913–1982). В ходе беседы с американским президентом король Саудовской Аравии поддержал инициативу А. Садата, но не сделал никаких публичных заявлений на этот счет. Американский лидер выразил мнение, что если Израиль согласится на уход с занятых территорий и признает право палестинцев на самоопределение, то к переговорам присоединится и король Иордании Хусейн¹⁶⁷. Саудовский монарх не прокомментировал эту гипотезу, которая, однако, оказалась в целом неверной: мирный процесс между Израилем и Иорданией в период президентства Дж. Картера так и не начался. Сопровождавший президента в поездке госсекретарь обсуждал с министром

¹⁶⁷ Протокол этой встречи опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 908–913, цит. фрагмент – на стр. 910–911.

иностранных дел Саудовской Аравии варианты возможной декларации Дж. Картера по палестинскому вопросу, причем американцы изначально планировали, что она будет провозглашена на земле Египта; во многом именно ради нее Дж. Картер и сделал остановку в Асуане.

В аэропорту два президента беседовали один на один, без свидетелей¹⁶⁸. Перед тем, как самолет американского президента взлетел, Джимми Картер зачитал заявление, в котором, в частности, говорилось: «Палестинская проблема должна быть решена во всех ее аспектах. Должны быть признаны законные права палестинского народа, которому должно быть позволено участвовать в определении своего собственного будущего»¹⁶⁹. Дж. Картер понимал, что нападки на А. Садата мотивировались главным образом тем, что он, якобы, предал палестинских арабов, самоустранившись от борьбы за их права. *Своей декларацией американский президент стремился защитить А. Садата, которого более всего интересовало возвращение Синая, а не что бы то ни было другое.* Дж. Картер оказывал на Израиль сильнейшее давление с целью добиться прекращения поселенческой деятельности не только на Синае, но и в Иудее, Самарии, Иорданской долине и на Голанских высотах, о чем 10 января направил острое письмо

¹⁶⁸ Насколько можно судить, протокол этой встречи не велся; он не опубликован ни в соответствующем томе антологии *Foreign Relations of the United States*, ни в других сборниках документов.

¹⁶⁹ См.: Henry Tanner, "Carter and Sadat ask role for Palestinians in Determining Future" // *New York Times*, January 5, 1978, p. 19.

Менахему Бегину¹⁷⁰. Совсем не факт, что это давление в сферах, не обладавших в глазах А. Садата первостепенной значимостью, реально помогало достижению израильско-египетского урегулирования, но заслуживает внимания тот факт, что Дж. Картер с самого начала отстаивал арабские интересы перед израильскими руководителями, а отнюдь не интересы Израиля перед египтянами.

А. Садата убеждали выйти из мирного процесса с Израилем не только другие арабские лидеры, но и советские руководители, а также президент Югославии Иосип Броз Тито, призывавший египетского лидера «вернуться к арабской солидарности». Пригласив А. Садата направить делегацию на Белградскую конференцию министров иностранных дел неприсоединившихся стран, посвященную проблемам Ближнего Востока, президент Югославии выразил мнение о том, что Египет сможет вернуть себе ведущую роль в арабском мире, лишь отказавшись от переговоров с Израилем. Получив 24 января письмо от И.Б. Тито, президент Египта делегировал в Белград Бутроса Бутроса-Гали, которому, однако, не удалось изменить мнение югославского президента: «Мы проговорили два часа; я оказался не в состоянии убедить его принять позицию А. Садата»¹⁷¹. Бесплодной была и встреча Б. Бутроса-Гали с

¹⁷⁰ Это послание, переданное через З. Бжезинского и посла США в Израиле Сэмюэла Льюиса (Samuel Winfield Lewis, 1930–2014), опубл. в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 924–925.

¹⁷¹ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 81.

главой югославской дипломатии Милошем Миничем (1914–2003) : «Я покинул кабинет министра иностранных дел с ощущением беспомощности. ... Я покидал Белград с сознанием того, что мои беседы с югославами были диалогом людей, разделенных горным хребтом»¹⁷².

Первое заседание Израильско-египетской Политической комиссии, собравшейся в Иерусалиме 17 января 1978 года, соруководителями которой были назначены министры иностранных дел двух стран, закончилось провалом: рассерженный докладом нового главы МИДа Мухаммеда Камеля (1927–2001) о якобы «высокомерном» выступлении М. Бегина, А. Садат потребовал от египетской делегации собрать вещи и покинуть Израиль¹⁷³. Находившийся в это время в Иерусалиме госсекретарь С. Вэнс (16 января он встречался с М. Бегиным и М. Даяном¹⁷⁴) срочно связался с Дж. Картером, попросив его позвонить А. Садату и попытаться повлиять на него, чтобы он изменил свое решение. Американский президент сразу же позвонил своему египетскому коллеге; протокол их десятиминутной беседы заслуживает пристального изучения:

Картер: Добрый день, как Вы?

Садат: Здесь ночь. Здравствуйте! Я очень разочарован

¹⁷² Там же, стр. 83–84.

¹⁷³ Там же, стр. 74–76.

¹⁷⁴ Протокол этой встречи опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 933–943.

позицией Израиля. Они не поняли мою инициативу. Они предпочитают землю – миру. Они не должны были поднимать вопрос о поселениях. Они думают, что я хочу мира любой ценой.

Картер: Я разговаривал с [госсекретарем] Вэнсом сегодня. Несмотря на выступление Бегина, сегодня был некоторый прогресс. Я был бы рад узнать, разрешите ли Вы своей делегации остаться еще на день или два и продолжить переговоры?

Садат: Я очень гибок, но мы не должны баловать израильтян. Скажем им откровенно: мы принимаем их в этом регионе, но не за счет нашего суверенитета или нашей земли.

Картер: Я согласен с тем, что Вы говорите, но будет трудно возобновить переговоры после того, как они будут прерваны. Это может занять несколько недель. Так почему бы Вам не продолжить их сейчас?..

Садат: Это [решение об отзыве египетской делегации из Иерусалима] уже транслировалось [по радио и телевидению]. Однако Комиссия по военным вопросам продолжит свою работу. Я встречаюсь с ними [ее членами].

Картер: Не могли бы Вы объявить, что через несколько дней снова собираете и Политическую комиссию?

Садат: Я готов встретиться с Комиссией по военным вопросам. Политическую комиссию же поставим пока на паузу. Я, в целом, гибок.

Картер: Вэнс не может оставаться надолго. Он останется в Иерусалиме еще на один день. Затем он встретится с Вами в Каире. Разве Политическая комиссия не может продолжить свою работу еще один день?

Садат: Учитывая Вашу просьбу, я буду готов встретиться с Комиссией по военным вопросам, когда она возобновит свою работу. [Эзер] Вейцман более податливый, чем другие [израильтяне].

Картер: Вэнс проделал большую работу, готовя Декларацию о принципах [урегулирования]. Я попрошу Вэнса позвонить и доложить Вам. На данный момент Вас очень поддерживают в этой стране [США], а Бегин вызывает разочарование. Это может измениться.

Садат: Израильтянам нужен урок. Они не могут вести себя так, как ведут себя с нами¹⁷⁵.

Этот разговор примечателен по ряду причин, главная из которых – полная солидарность Дж. Картера с А. Садатом по существу его требований. Американцы десятилетиями объясняют израильтянам, что у них нет друзей лучших и более преданных, чем они, но президент США сказал, что «Бегин вызывает разочарование», не найдя ни единого слова в поддержку Израиля и позиций, занимаемых безусловно демократически избранными руководителями этой страны!

20 января 1978 года Джимми Картер провел совещание со Збигневом Бжезинским с целью оценки ситуации и поиска путей выхода из кризиса. Именно на этой встрече была впервые высказана идея пригласить А. Садата и М. Бегина в США для прямых переговоров на

¹⁷⁵ Расшифровка этого телефонного разговора опубликована там же, стр. 952–954. Подготовленный С. Вэнсом проект Декларации о принципах урегулирования см. там же на стр. 954–955.

все темы, представлявшие взаимный интерес¹⁷⁶. 23 января в ходе встречи высшего руководства (присутствовали и вице-президент, и госсекретарь, и советник по национальной безопасности) Дж. Картер предложил пригласить А. Садата и М. Бегина на переговоры в резиденцию Кемп-Дэвид. З. Бжезинский горячо поддержал эту идею, тогда как С. Вэнс нашел ее «преждевременной», считая более правильным на том этапе пригласить в США только президента Египта.

Так в итоге и произошло; А. Садат получил приглашение в Вашингтон, и 4 февраля 1978 года был принят Дж. Картером. Вначале на протяжении более чем часа они говорили наедине; на этой встрече египетский президент занял позу «оскорбленного достоинства». Он заявил Дж. Картеру, что реакция израильтян на его мирную инициативу оказалась разочаровывающей, что стремление сохранить созданные на Синайском полуострове еврейские поселения абсолютно неприемлемо, а потому уже в понедельник, 6 февраля, он готов объявить о приостановке всех контактов с Израилем. А. Садат также, с известной степенью манипулятивности, указал, что его решение посетить Иерусалим, якобы, в значительной мере было вызвано желанием ослабить давление сионистского лобби в США на президента Картера¹⁷⁷.

¹⁷⁶ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 165.

¹⁷⁷ Протокол этой встречи не велся; ее содержание излагается по пересказу президента США; см.: Jimmy Carter, *Keeping Faith* (New York: Bantam Books, 1982), pp. 306–308.

Далее переговоры продолжились в расширенном составе. Госсекретарь, вице-президент и советник по национальной безопасности стали хором убеждать А. Садата не прерывать переговорный процесс с Израилем. В конце встречи А. Садат переложил на американцев всю полноту ответственности, указав, что теперь всё зависит от позиции США, ибо «Израиль будет слушать только американцев. ... Необходимо сформулировать основные принципы переговоров, согласно которым никто не может удерживать силой чужие территории или лишать другой народ права на суверенитет»¹⁷⁸. Поддержав сказанное А. Садатом по существу, Дж. Картер добавил, что если США выступят с этой позицией немедленно, сразу после переговоров А. Садата в Вашингтоне, это будет выглядеть как американо-египетский сговор в глазах американских евреев, общественного мнения и Израиля¹⁷⁹. Ведя дело к такому сговору, Дж. Картер предложил, дабы как-то затушевать его, вначале переговорить с М. Бегиним, и лишь затем выдвинуть предложения от имени США, которые «будут трудными для М. Бегина», но легко смогут быть приняты Египтом¹⁸⁰. Умело разыгранным шантажом А. Садат добился своего: под угрозой прекращения Египтом мирного процесса с Израилем, Дж. Картер согласился принять египетскую позицию полностью.

¹⁷⁸ Протокол этой встречи опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 988–1002; цит. фрагмент на стр. 999.

¹⁷⁹ Там же, стр. 1000.

¹⁸⁰ Там же, стр. 1001.

II

Важно отметить, что идею израильско-египетской встречи в верхах в США Джимми Картер обсуждал с Ануаром Садатом еще до того, как сделал это предложение публично. Подготовительная работа была проделана Сайедом Марейем (1913–1993), бывшим в 1975–1978 гг. вице-президентом и председателем Народного собрания Египта, и Збигневом Бжезинским, которые фактически выработали проект двухфазового соглашения. На первом этапе от Израиля ожидалось согласие с общими принципами урегулирования его конфликта с арабскими странами на условиях, согласованных египетской и американской делегациями. Эта декларация позволяла любой арабской стране присоединиться к мирному процессу; сложно сказать, действительно ли американцы и египтяне на это рассчитывали, но они до последнего на это надеялись. На следующем этапе предусматривалось подписание двусторонних мирных договоров между Израилем и приграничными арабскими странами, первой из которых готов был стать Египет.

Ключевым для американской администрации, да и для израильтян, был вопрос о том, какие *конкретные* уступки, реальные или декларируемые, потребует А. Садат от Израиля на «палестинском» направлении как предварительное условие своей готовности подписать мир с еврейским государством. Позиция Менахема Бегина состояла в том, что между урегулированием палестинской проблемы и израильско-египетским мирным договором нет и не может быть юридической взаимосвязи. М. Бегин

обращал внимание американцев на то, что поскольку А. Садат в любом случае не имеет каких бы то ни было формальных полномочий говорить от имени палестинских арабов и соглашаться или не соглашаться на что бы то ни было от их имени, то двусторонний договор не может включать обязательства в отношении третьей стороны. М. Бегин также обращал внимание на то, что Израиль и Египет являются двумя суверенными, международно признанными государствами, и юридическая природа договоренностей между ними принципиально отличается от договоренностей, которые предусматривали бы создание лишь некоторой формы режима самоуправления для палестинских арабов, которых Менахем Бегин ни в коей мере не предполагал наделять статусом независимого государства.

Американская администрация соглашалась с первым аргументом М. Бегина, отвергая второй, ибо выдвинутый М. Бегиним план автономии для арабов Западного берега и Газы Дж. Картер воспринимал как промежуточный этап на пути к созданию независимого Палестинского государства. Американцы также согласились с требованиями А. Садата в отношении того, чтобы все созданные Израилем на Синайском полуострове поселения и военные базы были полностью ликвидированы. «Насколько мне известно, никто в американской администрации никогда не признавал необходимость, уместность или законность израильских гражданских поселений на оккупированной территории», – однозначно и бескомпромиссно написал 7 февраля 1978

года Дж. Картер в записке З. Бжезинскому¹⁸¹. Этот настрой лидера крупнейшей мировой державы, под патронажем и при личном участии которого шли переговоры, не оставлял израильским представителям каких-либо надежд на то, что их позиция будет принята во внимание, хотя М. Бегин отнюдь не сразу осознал это, довольно долго пребывая в иллюзиях относительно мнимого взаимопонимания, якобы достигнутого им с президентом США в ходе переговоров 16–17 декабря 1977 года.

8 февраля 1978 года, сразу после отъезда А. Садата из США, Белый дом опубликовал заявление, в котором не только полностью повторялась Асуанская декларация Дж. Картера о важности обеспечения легитимных прав палестинцев, но и говорилось, будто «израильские поселения на оккупированной территории противоречат международному праву и являются препятствием к миру, и дальнейшая поселенческая деятельность несовместима с усилиями, направленными на достижение мирного урегулирования»¹⁸². Два дня спустя, на своей очередной пресс-конференции, госсекретарь С. Вэнс с беспрецедентной резкостью выступил против израильской поселенческой деятельности на Синайском полуострове,

¹⁸¹ В оригинале – “No one in U.S. gov’t to my knowledge has ever accepted the need, propriety or legality of Israeli civilian settlements on occupied territory”. Эта записка опубликована в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, p. 1005.

¹⁸² См.: *Public Papers of the Presidents of the United States: James E. Carter, Jr. 1978*, book I, pp. 291–292.

отметив, что, по его мнению, поселений там быть вообще не должно.

Как свидетельствовал Моше Даян, «израильское правительство считало себя пострадавшей стороной от несправедливости, творимой теми, кто претендуют на роль справедливого беспристрастного посредника, и при этом даже утверждают, что поддерживают особые дружеские отношения с нами»¹⁸³. 13 февраля израильское правительство пошло на весьма драматичный шаг, выразив в официальном заявлении разочарование и возмущение в связи с американской позицией. При этом подвергавшейся критике стороной был исключительно госсекретарь С. Вэнс, подход которого противопоставлялся взвешенной и якобы позитивной реакции Дж. Картера на план, представленный ему М. Бегиним в ходе их встреч 16–17 декабря 1977 года. Невозможно поверить, что израильское правительство не понимало очевидное: Сайрус Вэнс являлся голосом Джимми Картера; Асуанская декларация президента, равно как и вышеупомянутое заявление Белого дома, не оставляли в этом никаких сомнений. М. Бегин и М. Даян не чувствовали себя в силах выступить против Дж. Картера. Поняв это, американский президент делал всё возможное для того, чтобы заставить своих израильских собеседников согласиться в том числе и на уступки, изначально казавшиеся им невыносимыми.

На следующий день после отъезда А. Садата из Вашингтона, в США прибыл М. Даян. 16 февраля ему была назначена аудиенция с Джимми Картером. Первые

¹⁸³ Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно?*, стр. 103.

четверть часа они беседовали наедине, а затем к ним присоединились госсекретарь Сайрус Вэнс, Збигнев Бжезинский и Альфред Аттертон-мл. (1921–2002), тогда бывший заместителем госсекретаря США по Ближнему Востоку, а в 1979 году назначенный американским послом в Каире. Президент подчеркивал важность подключения короля Иордании к мирному процессу; американцы утверждали, что в случае, если Израиль заявит о готовности отступить с территорий Западного берега, иорданский монарх присоединится к мирному процессу (хотя сам Дж. Картер честно заметил, что подобного обязательства он от короля Хусейна не получал¹⁸⁴). Госсекретарь С. Вэнс добавил, что А. Садат сказал, что ему необходимо согласие Израиля с принципами, которые Хусейн примет в качестве основы для присоединения к переговорам¹⁸⁵. Далее Дж. Картер отметил, что резолюция Совета Безопасности ООН №242 касается всех занятых Израилем в 1967 году территорий, в том числе и Западного берега Иордана. М. Даян ответил, что данная позиция неприемлема для израильского правительства. Он добавил, что хотя Израиль не стремится управлять повседневной жизнью палестинских арабов, стремление сохранить военные объекты и поселения, созданные на занятых в 1967 году территориях, остается неизменным.

¹⁸⁴ Протокольное изложение этой встречи опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 1014–1018; цит. фрагмент на стр. 1015.

¹⁸⁵ Там же.

И М. Даян, и М. Бегин подчеркивали, что Израиль не может согласиться на то, чтобы какие бы то ни было вооруженные силы, кроме его собственных, были размещены к западу от реки Иордан. Кроме этого, Израиль не видел причин эвакуировать еврейские поселения из Иудеи, Самарии, Иорданской долины и сектора Газа. По свидетельству самого М. Даяна, его попытка хоть в чем-то переубедить президента и его помощников успеха не имела¹⁸⁶.

На очередной пресс-конференции 9 марта 1978 года Джимми Картер указал, что резолюция №242 Совета Безопасности ООН, требовавшая израильского отступления с занятых в ходе Шестидневной войны территорий, должна быть применена и к Западному берегу, и к сектору Газа, и к Голанским высотам¹⁸⁷. В тот же день Дж. Картер через посла США в Египте Г. Эйлтса направил личное послание А. Садату, однозначно свидетельствовавшее не просто об американо-египетском сговоре, но и ясно показывавшее, кто был в нем ведущей стороной (президент Египта), а кто – ведомой (как ни удивительно, глава крупнейшей державы планеты):

«Как мы договорились, когда Вы были здесь, мы рассматриваем визит премьер-министра Бегина как важную возможность обсудить, что необходимо сделать для ускорения прогресса в переговорах. Я сконцентрируюсь на двух важных вопросах – необходимости вывода войск на всех фронтах, как это

¹⁸⁶ См.: Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно?*, стр. 105.

¹⁸⁷ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 182.

предусмотрено в резолюции №242, и необходимости справедливого решения палестинской проблемы во всех ее аспектах, позволяя палестинцам участвовать в определении своего собственного будущего. Я хочу, чтобы Вы знали, что я постоянно мысленно возвращаюсь к нашим [с Вами] переговорам в Кемп-Дэвиде, и что на встречах с премьер-министром [Израиля] я буду преследовать цели, которые мы обсуждали с Вами. Я пришлю Вам отчет вскоре после завершения визита премьер-министра Бегина»¹⁸⁸.

Когда 21 марта М. Бегин и сопровождавшие его лица прибыли в Вашингтон, то уже в ходе краткой приветственной церемонии в аэропорту президент Дж. Картер воздал должное А. Садату, совершившему визит в Иерусалим, отметив, что «обнадеживающая атмосфера тех дней сошла на нет». «Было нетрудно понять, что в случившемся обвинялись мы», – замечал присутствовавший на церемонии М. Даян¹⁸⁹.

Переговоры Менахема Бегина с Джимми Картером были очень сложными. В завершение их первого раунда американский президент обвинил главу правительства Израиля в том, что он «закрывает двери миру»: «На мой взгляд, препятствием на пути к миру, мирному договору с

¹⁸⁸ Текст послания Дж. Картера был направлен госсекретарем С. Вэнсом послу Г. Эйлтсу для немедленной передачи А. Садату; опубликовано: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 1054–1055.

¹⁸⁹ Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно?*, стр. 107.

Египтом, является решимость Израиля сохранить политический контроль над Западным берегом и сектором Газа не только сейчас, но и сохранить его даже через пять лет. Это может привести к тому, что мы потеряем возможность достижения мира, которого Вы желаете». «Я хочу попросить Вас проявить максимальную гибкость», – настаивал Дж. Картер¹⁹⁰.

Новая встреча двух лидеров 22 марта проходила в не менее напряженной обстановке. Дж. Картер обвинил Израиль в том, что он не прекращает поселенческую деятельность, не готов отказаться от поселений на Синае, не готов согласиться на отступление с Западного берега, не признаёт применимость требований резолюции №242 ко всем занятым им в 1967 году территориям и не готов гарантировать, что по истечении пяти лет, в ходе которых будет реализовываться предложенный им самим план создания палестинского самоуправления, жителям этих территорий будет дано право самостоятельно решить, хотят ли они в дальнейшем быть связаны с Израилем, Иорданией, либо же создать независимое государство. Не отрицая, что Дж. Картер верно суммировал его позицию, М. Бегин отказался ее как бы то ни было менять¹⁹¹. С точки зрения израильского премьера, мирный процесс между Израилем и Египтом должен был фокусироваться на проблемах, касавшихся этих двух стран – и только их.

¹⁹⁰ Протокол этой встречи опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978, pp. 1062–1080; цит. фрагмент на стр. 1079.

¹⁹¹ Протокол этой встречи опубликован там же, стр. 1082–1093.

Переговоры Дж. Картера и М. Бегина состоялись после обмена посланиями между А. Садатом и М. Бегиним, инициированного Альфредом Аттертоном (копии этих писем получал и Дж. Картер). 1 марта 1978 года А. Садат передал А. Аттертону письмо, обращенное к М. Бегину, в котором египетский президент, подтверждая свою приверженность делу мира, обвинил израильское правительство в отсутствии подобной доброй воли: «Моя инициатива имела своей целью активизировать наши усилия по достижению мира. Заслуживает сожаления, что правительство Израиля, очевидно, не понимает устремлений, стоящих за моей инициативой»¹⁹². 5 марта М. Бегин ответил на письмо А. Садата, подтвердив готовность к скорейшему мирному урегулированию с Египтом, но подчеркнув категорическое несогласие с требованием отступления Израиля к пограничным линиям, существовавшим до 4 июня 1967 года, а также с идеей создания Палестинского государства в Иудее, Самарии и секторе Газа: «Господин президент, я должен сказать это вновь. Как я объяснял в Исмаилии, такое государство – в любой форме – превратится в смертельную опасность для Израиля. ... Смертельная опасность ни в коем случае не должна быть создана» [в оригинале – *“The mortal danger must not be created”*]¹⁹³. Ответное письмо А. Садата М. Бегину не вселяло

¹⁹² Этот документ опубликован в книге: *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, pp. 62–66, цит. на стр. 65.

¹⁹³ Там же, стр. 66–71, цит. на стр. 69.

оптимизма: «Господин премьер-министр, мы можем до бесконечности вести юридические дебаты по вопросам, которые Вы подняли. Мы можем также снова и снова возвращаться к вопросам о том, чьи слова были процитированы [в СМИ] верно, а чьи – нет»¹⁹⁴. А. Садат, однако, подчеркивал: «Я по-прежнему готов, как я уже доказал, к подлинному миру, если Вы чувствуете, что и Вы к нему готовы»¹⁹⁵. Никакие новые конкретные шаги А. Садат не предложил. Неизвестно, ответил ли М. Бегин на второе письмо президента Египта, в архивах такой ответ обнаружен не был.

Не собирались и согласованные на саммите в Исмаилии комиссии во главе с министрами иностранных дел и обороны Израиля и Египта. Называя вещи своими именами, мирный процесс между двумя странами застопорился.

В начале июля 1978 года вице-президент США Уолтер Мондейл (1928–2021) прибыл в Израиль и выступил с трибуны Кнессета, а затем встретился с М. Даяном, но и это обсуждение не дало ничего нового. Однако встреча У. Мондейла с А. Садатом в Александрии 3 июля ознаменовалась кардинальным изменением египетской позиции: А. Садат сказал, что настаивает не столько на предоставлении палестинцам права на самоопределение, сколько на израильском отступлении со всех занятых в 1967 году территорий. Теперь он был готов полностью переписать итоги Шестидневной войны: сектор

¹⁹⁴ Там же, стр. 72.

¹⁹⁵ Там же, стр. 73.

Газа он предлагал вернуть под контроль Египта, а Западный берег – Иордании¹⁹⁶.

Эти перемены в египетской позиции, хоть и кардинальные, мало что, однако, меняли, ибо от Израиля и в этом случае требовалось вывести из Иудеи, Самарии, Иорданской долины и Газы все свои войска, разрушить все созданные там поселения и согласиться на то, что на этих территориях будут размещены вооруженные силы арабских государств. Всё это для Израиля было неприемлемым, хотя, конечно, отказ А. Садата от требования создания независимого Палестинского государства был шагом, значительно увеличивавшим шансы на достижение взаимовыгодного компромисса.

Последовавшие 18–19 июля в Лондоне переговоры госсекретаря С. Вэнса с министрами иностранных дел Египта и Израиля Мухаммедом Камелем и Моше Даяном ни к чему, однако, не привели. 26 июля Дж. Картер получил письмо А. Садата, в котором египетский президент выражал свое возмущение и разочарование, делая вывод о том, что проведение дальнейших встреч с израильтянами не представляется оправданным¹⁹⁷. Дж. Картер ответил А. Садату 29 июля¹⁹⁸, но сделал вывод,

¹⁹⁶ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 197.

¹⁹⁷ Текст послания А. Садата Дж. Картеру был получен послом Г. Эйлтсом и немедленно переслан в Вашингтон; опубликовано: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab-Israeli Dispute, 1977–1978*, pp. 1245–1247.

¹⁹⁸ Его ответ, направленный С. Вэнсом для передачи А. Садату послом Г. Эйлтсом, опубликован там же, стр. 1256–1258.

что политика «челночной» дипломатии между Каиром и Иерусалимом исчерпала себя, что сепаратные переговоры американских эмиссаров с египетскими и израильскими руководителями по отдельности ни к чему не приводят. 30 июля Дж. Картер объявил своим помощникам о решении пригласить А. Садата и М. Бегина на прямые переговоры в летнюю резиденцию президента США в Кемп-Дэвиде. Президент сразу же сказал, что не устанавливает временные ограничения, что саммит должен продлиться столько, сколько потребуется для достижения договоренностей.

III

Приглашения, написанные Джимми Картером от руки 3 августа 1978 года, и переданные Ануару Садату и Менахему Бегину госсекретарем Сайрусом Вэнсом в ходе встреч с обоими лидерами¹⁹⁹, были ими немедленно приняты. Следует сказать сразу, что *ни одна из трех присутствовавших в Кемп-Дэвиде делегаций не отличалась внутренним единством мнений относительно того, к чему и как этот саммит должен прийти.*

С американской стороны Збигнев Бжезинский и Сайрус Вэнс считали, что успех всего проекта зависит от того, сумеет ли Дж. Картер добиться от М. Бегина существенных уступок по палестинскому вопросу.

¹⁹⁹ Письмо Дж. Картера М. Бегину опубликовано там же, стр. 1282–1283, письмо А. Садату – стр. 1284–1285.

Госсекретарь и советник президента по национальной безопасности были убеждены, что без таковых шансы на то, что египетская делегация согласится подписать мирный договор с Израилем, – минимальны. Джимми Картер, в свою очередь, считал главным достижение соглашения *той ценой, которую оно потребует, но не больше*; он всячески поддерживал борьбу за права палестинцев, но ни в коем случае не был готов лишиться израильско-египетского договора вследствие того, что не удастся найти общий знаменатель с М. Бегиним и М. Даяном по этому вопросу²⁰⁰. Как отмечал Б. Бутрос-Гали, «Садат придавал значение только тому, что его интересовало, – прежде всего, полному уходу [израильтян] с Синая»²⁰¹. Поняв это, Джимми Картер сбавил давление на израильских руководителей по другим темам.

Между представителями американской делегации не было принципиальных разногласий по существу: все они поддерживали идею ухода израильских войск практически со всех занятых в 1967 году территорий и ликвидации всех созданных на этих землях еврейских поселений. Различие состояло в том, что Дж. Картер, осознавая, что никакого договора, кроме израильско-египетского, на повестке дня реально не стоит, боялся рисковать срывом и этой возможностью, если М. Бегин и М. Даян категорически откажутся действовать на тех направлениях, которые напрямую не связаны с урегулированием с Египтом, так,

²⁰⁰ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, pp. 207–208.

²⁰¹ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 171.

как этого хотели С. Вэнс, З. Бжезинский, да и он сам.

С египетской стороны различия между участниками переговоров были более существенными, причем как содержательного, так и личного характера. В делегацию входили, в частности, уже упоминавшиеся на этих страницах Бутрос Бутрос-Гали и Хасан Тухами, встречавшийся в Марокко с Моше Даяном. Б. Бутрос-Гали характеризовал Х. Тухами как «садатовского астролога, дворцового шута, святошу и моралиста»; «он верил, что во сне получал инструкции от пророка Мухаммеда»²⁰². В один из дней переговоров, появившись за завтраком, Хасан Тухами «объявил, что провел всю ночь в контакте с Небом»²⁰³. После одной из бесед Х. Тухами и М. Даяна в Кемп-Дэвиде Б. Бутрос-Гали назвал своего коллегу по египетской делегации «спятившим»²⁰⁴. Государственный министр по иностранным делам охарактеризовал заместителя премьер-министра собственной страны следующими словами: «Он считал себя кем-то вроде египетского Саладина, которому поручена миссия вернуть Иерусалим и защитить ислам. Садат чувствовал себя с ним легко, ему нравилось его общество, но мы все думали, что он сумасшедший»²⁰⁵. Отношения между Х. Тухами и остальными членами египетской делегации оставались напряженными на протяжении всего времени ее пребывания в Кемп-Дэвиде.

²⁰² Там же, стр. 161.

²⁰³ Там же, стр. 171.

²⁰⁴ Там же, стр. 168.

²⁰⁵ Там же, стр. 161.

Министр иностранных дел Мухаммед Камель, назначенный на свой пост А. Садатом лишь за несколько месяцев до этого, чувствовал себя чем дальше, тем хуже. Вот как Б. Бутрос-Гали описал свои впечатления от М. Камеля на завершающем этапе Кемп-Дэвидских переговоров: «Он, казалось, находился на грани нервного срыва. ... Он был глубоко разочарован теми решениями, которые должны были приниматься без его участия, но за которые ему придется отвечать. “Садат непредсказуем”, – сказал он [М. Камель]. – Садат соглашается на что-то утром, час спустя он отказывается от того, на что соглашался, а потом, во второй половине дня снова соглашается с тем же самым»²⁰⁶.

Когда 11 сентября сам Б. Бутрос-Гали деликатно убеждал А. Садата изменить свою позицию по одному из вопросов, то президент рассердился. «Ты ничего не понимаешь в политике», – сказал он своему государственному министру по иностранным делам. «Он прогнал меня, заявив, что собирается отдохнуть», – свидетельствовал Б. Бутрос-Гали²⁰⁷. Похожим образом, 17 сентября А. Садат выгнал руководителя правового департамента МИД Египта (а впоследствии – постпреда Египта в ООН и генерального секретаря Лиги арабских государств) Набиля эль-Араби; по свидетельству Б. Бутроса-Гали, «его замечания рассердили Садата, и тот накричал на него»²⁰⁸.

²⁰⁶ Там же, стр. 175.

²⁰⁷ Там же, стр. 170.

²⁰⁸ Там же, стр. 178.

Фактически, единственным человеком в египетской делегации, который делал то, что соответствовало представлениям и ожиданиям А. Садата, был имевший ранг посла советник президента Усама эль-Баз (1931–2013), получивший степень магистра на юридическом факультете Гарвардского университета. На заключительном этапе переговоров, с 13 по 16 сентября 1978 года, он остался едва ли не единственным человеком, кроме самого А. Садата, максимально вовлеченным в них с египетской стороны.

Непростыми были отношения и в израильской делегации. Хотя Э. Вейцман сохранял доверительные отношения с М. Бегиним, как минимум, со времени Шестидневной войны, когда передавал ему точную и актуальную информацию о происходившем на фронтах²⁰⁹, а М. Даян был наиболее близким М. Бегину по мировоззрению членом президиума правительства Л. Эшколя в 1967–1969 годах²¹⁰, необходимо помнить, что эти три государственных деятеля никогда не состояли в одной и той же партии, их не связывали ни общие годы борьбы в подполье, ни десятилетия пребывания в оппозиции. Это были люди очень разных судеб, что во многом определяло различия в их взглядах.

²⁰⁹ См.: Алек Д. Эпштейн, *От Владимира Жаботинского до Биньямина Нетаньяху: Национально-либеральное движение Израиля – прошлое и настоящее* (Москва: Институт Ближнего Востока – Центр изучения Израиля и диаспоры, 2019), том I, стр. 342 и 382.

²¹⁰ Там же, стр. 361–367.

Родившийся 20 мая 1915 года Моше Даян был менее чем на два года моложе Менахема Бегина, но у него за плечами были четыре года на посту начальника Генерального штаба, почти пять лет на посту министра сельского хозяйства и семь лет на посту министра обороны. Родившийся 15 июня 1924 года Эзер Вейцман был моложе Менахема Бегина на одиннадцать лет, но у него позади была впечатляющая карьера, включавшая службу в британской армии, должности командира летной эскадрильи, командующего Военно-воздушными силами Израиля, начальника оперативного отдела Генерального штаба. Накануне и в первые дни Шестидневной войны, когда из-за тяжелого душевного кризиса Ицхак Рабин не мог исполнять свои обязанности начальника Генерального штаба, армией руководили М. Даян как министр обороны и Э. Вейцман. После демобилизации из армии, он, пусть и небольшой срок, но успел поработать в правительстве, возглавляя Министерство транспорта. И М. Даян, и Э. Вейцман имели огромный опыт военной и государственной службы; и это не говоря уже о том, что их жены Рут и Реума, дочери адвоката Цви Шварца, были родными сестрами. М. Бегин подобного опыта не имел, он не служил в израильской армии, и до избрания на пост главы правительства никогда не руководил работой никакого конкретного министерства.

М. Даян и Э. Вейцман были практиками, всегда державшими перед глазами карты бывших и возможных будущих боевых действий. М. Бегин был совершенно другим, для него куда большее значение имела идеология. Он воспринимал себя лидером не только Государства

Израиль, но и всего еврейского народа. Моше Даян родился в киббуце Дгания на берегу озера Кинерет, Эзер Вейцман родился в Тель-Авиве, оба они безусловно принадлежали к числу тех, кого принято называть «стопроцентными израильтянами». Менахем Бегин, напротив, родился в Брест-Литовске и прибыл в Палестину/Эрец-Исраэль только в мае 1942 года, за три месяца до своего 29-летия. Память об уничтоженном нацистами и их пособниками мире европейского еврейства была чрезвычайно значимой для М. Бегина; не будет преувеличением сказать, что своей основной задачей на посту главы правительства еврейского государства он видел недопущение нового Холокоста.

Э. Вейцмана трудно отнести к числу интеллектуалов, но М. Даян, несмотря на свои военные достижения, очень глубоко интересовался и хорошо знал древнюю историю и археологию Палестины/Эрец-Исраэль. Оба они, однако, принципиально отличались от М. Бегина, на протяжении десятилетий изучавшего политическую историю и международное право, читавшего на эти темы книги и журналы на разных языках. Э. Вейцман и М. Даян, видя карты предполагавшихся пограничных линий, прежде всего, задавались вопросом о том, смогут ли защитить их в случае новой войны, М. Бегин же был движим не подобными оперативно-тактическими, а глубинными историко-философскими соображениями, рассматривая каждый свой шаг сквозь призму истории еврейского народа, его настоящего и будущего.

При этом совершенно очевидно, что, с политической точки зрения, статус М. Бегина был несравним с

положением М. Даяна и Э. Вейцмана. Выборы 17 мая 1977 года выиграла Партия Свободы, бессменным лидером которой на протяжении 29 лет был Менахем Бегин. Эзер Вейцман присоединился к этой партии только в 1976 году (получив четвертое место в ее предвыборном списке), а Моше Даян вообще в ней никогда не состоял. М. Бегин в израильской делегации был первым отнюдь не среди равных, и в этом отношении его статус мало чем отличался от положения А. Садата, пусть даже Израиль и является, в противоположность Египту, демократической страной. В отличие от, скажем, Моше Шарета, Леви Эшколя и даже Голды Меир, которые занимали пост премьер-министра потому, что так решила их партия, М. Бегин, подобно Д. Бен-Гуриону, был в своей партии и правительстве не номинантом, а неоспоримым лидером, а потому никакие договоренности американцев или египтян с М. Даяном или Э. Вейцманом не могли считаться окончательными до тех пор, пока они не получали одобрения М. Бегина.

Несколько неожиданным образом, на завершающем этапе переговоров ключевую роль в израильской делегации играли не министры обороны и иностранных дел, а юридический советник правительства Аарон Барак (в 1995–2006 годах – председатель Верховного суда Израиля). А. Барак не строил политическую карьеру, он не мог угрожать выходом из правительственной коалиции, и в этом было его несомненное преимущество в глазах М. Бегина перед М. Даяном и Э. Вейцманом. Это был высокообразованный государственный служащий, облакавший в безупречную юридическую форму те идеи,

которые ему высказывал М. Бегин. Хотя он был существенно моложе не только М. Даяна, но и Э. Вейцмана, А. Барак был во многом ближе М. Бегину, чем министры иностранных дел и обороны: он родился в 1936 году в Каунасе, лично видел все ужасы погромов и Холокоста, который ему удалось чудом пережить благодаря заступничеству литовского крестьянина Ярослава Раквичюса, и прибыл в Палестину/Эрец-Исраэль с родителями на пять лет позже Бегина, в 1947 году. Эта схожесть судеб (а многие родственники как М. Бегина, так и А. Барака были убиты нацистами и их приспешниками), наряду с отсутствием у А. Барака политических амбиций, способствовали установлению доверительных отношений между ним и премьер-министром.

Начиная с девятого дня саммита, именно А. Барак, наряду с У.эль-Базом, играл решающую роль в переговорах, в которых с американской стороны участвовали отнюдь не юридические советники, а лично Дж. Картер и С. Вэнс²¹¹. По свидетельству У. Квандта, «в ходе переговоров в Кемп-Дэвиде Дж. Картер проникся особым уважением к А. Бараку, который неустанно искал пути решения проблем тогда как остальные “специализировались” в их создании. А. Барак также проявил себя как человек, способный добиться смягчения некоторых из наиболее непримиримых позиций М. Бегина. Напротив, У.эль-Баз и другие египетские советники отстаивали на переговорах позиции более

²¹¹ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 232.

жесткие, чем сам А. Садат, поэтому, когда президент США не мог достичь взаимопонимания с ними, то обращался напрямую к А. Садату»²¹².

IV

Переговоры в Кемп-Дэвиде шли трудно, и сложно сказать, как и когда бы они закончились, если бы 15 сентября Джимми Картер не обратился к Ануару Садату и Менахему Бегину с записками идентичного содержания, написанными им от руки. А. Садату и М. Бегину эти послания передал вице-президент США У. Мондейл. В этих сравнительно коротких записках президент указал, что переговоры достигли финального этапа и должны быть завершены в последующие двое суток²¹³. Как и на каких условиях – американцам было, в общем, всё равно: как угодно, но соглашение должно быть подписано.

²¹² Там же, стр. 233. В переводе книги У. Квандта на иврит (Иерусалим: «Кетер», 1982) утверждается, будто особым уважением к А. Бараку проникся А. Садат (стр. 202). Это грубая ошибка переводчика или редактора, не имеющая отношения к реальности. Единственным израильтянином, к которому А. Садат испытывал искреннюю симпатию, был Э. Вейцман. В книге *Путь Египта в Иерусалим* Б. Бутрос-Гали вспоминал, как 14 сентября 1978 г. президент Египта совсем расчувствовался: «Вейцман не может быть евреем, – сказал А. Садат с восхищением. – Это мой младший брат» (стр. 172). А. Садат был на пять с половиной лет старше Э. Вейцмана, но, конечно, между ними не было родственных связей.

²¹³ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 238.

Многие проблемы к тому времени еще не были разрешены; одна из них касалась израильских аэродромов на Синайском полуострове. Министр обороны Эзер Вейцман поинтересовался у американцев, будут ли они готовы профинансировать строительство Израилем новых баз израильских Военно-воздушных сил в пустыне Негев. Эта тема прежде не обсуждалась, и в документах нет свидетельств того, что у американцев была какая-либо позиция по этому вопросу. Но в ситуации «аврала» в «битве за мир», и министр обороны Гарольд Браун (Harold Brown, 1927–2019), и госсекретарь Сайрус Вэнс, а за ними и президент Дж. Картер дали на это свое согласие. Речь шла о весьма внушительной сумме более чем в три миллиарда долларов, которую Э. Вейцман назвал почти «от фонаря» (никаких детальных подсчетов проведено не было), но американская администрация сочла это приемлемой платой за мирное соглашение между Египтом и Израилем, заключаемое под ее патронажем.

Самая трудная проблема касалась существовавших на Синае новых поселений: М. Бегина пугала сама мысль о том, что правительство еврейского государства выселяет еврейских жителей из своих домов и квартир, тогда как А. Садат требовал, чтобы все созданные Израилем населенные пункты были ликвидированы до того, как Синайский полуостров будет возвращен Египту. В возглавлявшемся М. Бегинным блоке «Ликуд» [«Единство»] и в его правительстве были два генерала: Эзер Вейцман и Ариэль Шарон. Последний не входил в состав переговорной группы в Кемп-Дэвиде, оставаясь в Израиле, но позвонил М. Бегину в этот решающий день,

чтобы сказать, что, вопреки своему имиджу «ястреба», согласится с эвакуацией поселений, если это – единственное, что препятствует заключению мирного договора между Израилем и Египтом²¹⁴. Узнав о позиции А. Шарона, к ней присоединился и Э. Вейцман.

М. Бегин оказался в очень сложной ситуации, лишившись поддержки кого бы то ни было из столь ценимых им министров – отставных генералов. Э. Вейцман вспоминал, что «беседа между Бегиним и Картером 16 сентября проходила в беспрецедентно острой атмосфере»²¹⁵. М. Бегин отказывался соглашаться на эвакуацию еврейских поселений, а Дж. Картер настаивал, что без этого достичь мирного соглашения невозможно. Дж. Картер неприкрыто угрожал М. Бегину, что если глава правительства не согласится на его условия, то он не будет просить у Конгресса утвердить оказание военной, экономической и политической поддержки Израилю. Беспрецедентное давление президента США, с одной стороны, и согласие на уступки, которое продемонстрировали М. Даян, Э. Вейцман и А. Шарон, с другой, в какой-то мере сломали М. Бегина: он согласился на полное израильское отступление с Синайского полуострова и ликвидацию всех созданных там еврейских поселений в рамках мирного договора с Египтом, оговорив это лишь необходимостью получения одобрения данного Договора Кнессетом. Несколько парадоксальным образом, М. Бегин не обещал, что сам он проголосует в поддержку

²¹⁴ Цит. по: Эзер Вейцман, *Битва за мир*, стр. 342.

²¹⁵ Там же, стр. 345.

заключенного им и его ведущими министрами соглашения, лишь пообещав, что каждому депутату, вне зависимости от партийной принадлежности, будет гарантировано право на свободу голосования без какого-либо давления.

Хотя это превращало заключаемое соглашение в «предварительное», которое теоретически могло быть не утверждено Кнессетом, американцы не сомневались в том, что даже если часть депутатов от правящего блока «Ликуд» проголосует против, оно всё равно будет утверждено благодаря поддержке депутатов находившейся тогда в оппозиции Партии Труда. Дж. Картер убедил А. Садата в том, что внесенный по настоянию М. Бегина пункт о необходимости утверждения соглашения Кнессетом является малозначительной формальностью²¹⁶.

Дальнейшие споры по вопросам палестинского самоуправления и статуса Иерусалима, казавшиеся тогда всем участникам переговоров чрезвычайно важными, на самом деле таковыми не были. Копья, в общем-то, ломались впустую. Достаточно сказать, что никакого палестинского самоуправления во времена правительства М. Бегина так и не было создано. Что же касается Иерусалима, то ответом израильского премьер-министра на то письмо, которое по этому поводу написал в день заключения Кемп-Дэвидского соглашения Ануару Садату Джимми Картер, стал Основной закон «Иерусалим –

²¹⁶ См.: William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 245.

столица Израиля», принятый Кнессетом 30 июля 1980 года и провозгласивший единый и неделимый Иерусалим столицей Израиля, местом, где располагаются и функционируют Кнессет, правительство, Верховный суд и президент страны. Совет Безопасности ООН принял, в ответ на это, резолюцию №478, в которой постановил, в частности, «не признавать “основной закон” [именно так, в кавычках!] и такие другие действия Израиля, которые как результат этого закона направлены на изменение характера и статуса Иерусалима»²¹⁷, однако никаких практических последствий она не имела. Хотя в 1996 году арабским жителям Восточного Иерусалима было позволено участвовать в выборах Законодательного совета Палестинской администрации, ни один из районов города под ее контроль передан не был – ни тогда, ни впоследствии. Единый и неделимый Иерусалим остается столицей Государства Израиль и поныне.

17 сентября 1978 года А. Садатом и М. Бегиним при участии Дж. Картера были подписаны два документа: «Рамки мира на Ближнем Востоке» (который в значительной мере так и не был реализован) и «Рамки для заключения мирного договора между Израилем и Египтом», в котором были детально обозначены как параметры израильского отступления с Синайского полуострова, так и ограничения, касавшиеся вооруженных сил обоих государств.

²¹⁷ См.: Алек Д. Эпштейн, *ООН в арафатке: Израиль в тисках «освобождения» Палестины* (Санкт-Петербург: Центр изучения Израиля и диаспоры – издательство «Деан», 2021), стр. 157–180.

К соглашению прилагались письма М. Бегина и А. Садата, каждое из которых потенциально могло разрушить мирный процесс. М. Бегин информировал президента США, что в течение двух недель после возвращения в Израиль поставит вопрос об эвакуации израильских поселений из северных и южных районов Синайского полуострова перед Кнессетом, указывая, что каждый депутат, как от коалиции, так и от оппозиции, будет голосовать по данному вопросу в соответствии со своей совестью. Ануар Садат указал в своем письме, что «все израильские поселения должны быть эвакуированы с Синая, в соответствии с графиком взаимосогласованной реализации мирного договора. Согласие правительства Израиля и законодательных институтов этой страны с данным основополагающим принципом является предварительным условием для начала переговоров по заключению мирного договора. Если Израиль не выполнит это обязательство, Соглашения о рамках мира будут аннулированы и недействительны». Ни американцы, ни египтяне не были в восторге от того, что израильский парламент теоретически мог отправить на свалку истории все достигнутые в Кемп-Дэвиде договоренности, однако большего Джимми Картер добиться от Менахема Бегина на том этапе не смог.

Американцы, несомненно, вздохнули с облегчением, когда 27 сентября 1978 года Кнессет 84 голосами «за» при 19 «против» и 17 воздержавшихся утвердил соглашения, заключенные в Кемп-Дэвиде. Заслуживает упоминания тот факт, что среди не поддержавших соглашения были государственные деятели от разных партий. «Против»

проголосовали, в частности, один из лидеров «Ликуда», председатель Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне Моше Аренс (1925–2019), в 1983 году ставший министром обороны, а в 1988 году – министром иностранных дел, и депутат от Партии Труда Шломо Хиллель (1923–2021), в 1969–1977 годах бывший министром полиции, а в 1984–1988 годах – председателем Кнессета. Среди воздержавшихся были один из лидеров «Ликуда», тогдашний председатель Кнессета Ицхак Шамир (1915–2012), ставший в 1980 году министром иностранных дел, а в 1983 году – главой правительства, и депутат от Партии Труда генерал в отставке Игаль Алон (1918–1980), заместитель премьер-министра Израиля в 1968–1977 годах, в 1974–1977 годах бывший одновременно с этим министром иностранных дел. Однако главным было то, что 70% депутатов проголосовали «за» (в том числе и 29 из 43 депутатов от «Ликуда»).

К определенной Дж. Картером дате окончания переговоров в Кемп-Дэвиде все были усталыми и измотанными, и более всего стремились избежать скандала. В египетской делегации, однако, случился взрыв. Мухаммед Камель категорически отказался поддержать согласованные документы и непосредственно перед церемонией в Белом доме 17 сентября 1978 года подал в отставку с поста министра иностранных дел. Это, однако, уже ни на что не повлияло: американцы держали процесс израильско-египетского мирного урегулирования под полным контролем, и не были готовы дать кому-либо ни единого шанса на то, чтобы сорвать его. 18 сентября Джимми Картер пригласил Ануара Садата и Менахема

Бегина выступить на совместном заседании Сената и Палаты представителей Конгресса США, укрепляя тем самым свой собственный статус «ведущего миротворца».

Хотя уже в декабре 1978 года Ануар Садат и Менахем Бегин были удостоены Нобелевской премии мира, подчеркнем, однако, что *мирного договора между Израилем и Египтом по-прежнему не было*: между двумя странами не были установлены ни дипломатические, ни торгово-экономические, ни культурные связи. В подписанном 17 сентября 1978 года документе Египет признавал право Израиля на свободный проход его судов через Суэцкий канал, Тиранский пролив и Акабский залив, а также соглашался с тем, что на протяжении трех лет после ратификации договора Израиль сохранит под своим контролем 40% территории Синайского полуострова, однако «рамки мира» всё-таки не означали «мир». «Нам еще нужно пройти длинный путь, пока мой друг президент Садат и я подпишем мирный договор. Мы обещали друг другу, что сделаем это в течение трех месяцев», – говорил, выступая в Белом доме, Менахем Бегин²¹⁸. Эта надежда на заключение мирного договора в течение столь короткого срока была излишне оптимистичной, однако вектор движения было уже не изменить, хотя всё новые и новые преграды возникали с незавидной регулярностью.

²¹⁸ Текст выступления М. Бегина опубликован в книге: *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, стр. 81–83, цит. фрагмент – на стр. 81.

ДОГОВОР, СТОИВШИЙ ЖИЗНИ А. САДАТУ: ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКИЙ МИРНЫЙ ПРОЦЕСС В 1979–1981 ГОДАХ

I

По условиям Кемп-Дэвидских соглашений, Израиль и Египет должны были завершить переговорный процесс и подписать мирный договор в течение трех месяцев. В середине октября 1978 года делегации обеих стран собрались в Вашингтоне. Переговорные группы возглавляли министры обороны и иностранных дел: Эзер Вейцман и Моше Даян – с израильской стороны, и Хасан Али и Бутрос Бутрос-Гали, исполнявший обязанности министра иностранных дел после отставки Мухаммеда Камеля, – с египетской. Американцы встречались с делегациями обеих стран (по отдельности) и в начале²¹⁹, и в конце²²⁰ длившихся неделю переговоров, в которые

²¹⁹ Запись встречи Дж. Картера с М. Даяном и Э. Вейцманом 10 октября 1978 г. опубликована в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume IX. Arab-Israeli Dispute, 1978–1980, 2nd edition (Washington: U.S. Department of State, 2018), pp. 294–299, запись встречи Дж. Картера с Х. Али и Б. Бутросом-Гали 11 октября 1978 г. – там же, стр. 300–306.

²²⁰ Записи встреч Дж. Картера с обеими делегациями 17 октября 1978 г. опубликованы там же, стр. 315–318, с израильской делегацией 20 октября – там же, стр. 336–347, с египетской делегацией 21 октября – там же, стр. 357–363.

были активно вовлечены Сайрус Вэнс, Збигнев Бжезинский и их помощники, занимавшиеся данной тематикой: Альфред Аттертон, Уильям Квандт и другие.

Важно понимать, в какой атмосфере проходили эти переговоры. Изначально, американцы надеялись, что различные «умеренные» арабские режимы поддержат курс А. Садата; наибольшие надежды и администрация Дж. Картера, и сам А. Садат связывали с королями Марокко, Саудовской Аравии и Иордании. Прекрасно понимая, что Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи, Хафез Асад и ряд других руководителей стран арабского Востока выступают резко против Кемп-Дэвидских соглашений, американцы, вместе с тем, рассчитывали, что им удастся сформировать и арабскую коалицию в поддержку мирного процесса. Однако все усилия американской дипломатии в этом направлении оказались тщетными, в поддержку А. Садата и прикладываемых им усилий публично не выступил ни один из лидеров арабо-мусульманского мира.

А. Садат возвращался из Кемп-Дэвида в Каир не напрямую, а сделав остановку в Рабате, – по свидетельству Б. Бутроса-Гали, «в надежде получить поддержку королем Хасаном II Кемп-Дэвидских соглашений; он также рассчитывал встретиться там с иорданским королем Хусейном, чтобы обсудить его присоединение к мирному процессу. А. Садат глубоко заблуждался. Король Хусейн считал, что ему еще слишком рано принимать участие в этом»²²¹. Переговоры с королем Хасаном II также не

²²¹ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 184.

оправдали ожиданий А. Садата: по воспоминаниям египетского министра иностранных дел, на его вопрос президенту, «надо ли готовить совместное коммюнике по итогам его переговоров с королем Марокко, Садат зло ответил: “Мы не просим их ни о чем. Если они хотят совместного заявления, то пусть сами его и готовят”»²²². Министр вспоминал, как реагировал А. Садат на «проявления несогласия других арабских лидеров с его курсом, ругаясь: “Эти сукины дети”»²²³. Не приходится сомневаться, что о самом А. Садате в других арабских – и не только арабских – столицах высказывались не лучшим образом.

С резкой критикой Кемп-Дэвидских соглашений выступили и представители СССР, рассчитывавшие на возобновление мирного процесса в рамках Женевской конференции, сопредседателем которой Советский Союз был, а вместо этого оказавшиеся полностью исключенными из израильско-египетских переговоров. Вполне вероятно, что если бы администрация Дж. Картера привлекла Советский Союз к Кемп-Дэвидским переговорам, то отношение советских представителей к израильско-египетскому переговорному процессу не было бы столь враждебным, однако сложившийся геополитический расклад практически не оставлял Москве иного выхода. В опубликованном уже 7 октября 1978 года совместном советско-сирийском коммюнике, в частности, говорилось:

²²² Там же, стр. 176.

²²³ Там же, стр. 175.

«Стороны пришли к единодушному мнению, что достигнутые в Кемп-Дэвиде между Израилем и Египтом при активном участии США договоренности представляют собой сговор, заключенный за спиной арабов, вопреки их интересам и на антиарабской основе. Они считают, что смысл сделки, выработанной в Кемп-Дэвиде, состоит в том, чтобы подменить справедливое и всеобъемлющее ближневосточное урегулирование частичными, сепаратными решениями, которые позволяли бы Израилю удержать захваченные арабские земли, не допустить осуществления неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины»²²⁴.

Вопрос о том, как и откуда у арабского народа Палестины – единственного из всех, не имевших своей государственности, народов мира – вдруг появились «неотъемлемые национальные права», обсуждается нами в другой книге²²⁵; здесь же ограничимся констатацией абсурдности утверждения о том, будто достигнутые в Кемп-Дэвиде договоренности позволяли Израилю «удержать захваченные арабские земли»: как раз согласно этим договоренностям он с 91% занятых в 1967 году территорий отступал! Советские руководители, однако, не посоветовали Сирии пойти путем Египта.

²²⁴ Из советско-сирийского коммюнике // *Правда*, 7 октября 1978 г. Опубликовано в антологии: *СССР и ближневосточное урегулирование*, стр. 273–275.

²²⁵ См.: Алек Д. Эпштейн, *ООН в арафатке: Израиль в тисках «освобождения» Палестины*, стр. 37–60 и стр. 325–348.

Не забудем, что дипломатические отношения с Израилем Советский Союз разорвал еще 10 июня 1967 года, а Договор о дружбе и сотрудничестве Египта с СССР был разорван А. Садатом в 1976 году. Как замечал Б. Бутрос-Гали, «Садат ненавидел Советы и их сателлитов и хотел изгнать их из Египта»²²⁶. В первые месяцы своего президентства Дж. Картер прикладывал значительные усилия, стремясь к возобновлению работы Женевской конференции, о чем уже говорилось в третьей главе настоящей книги. Неудивительно поэтому, что в Кремле и на Смоленской площади были так возмущены переориентацией администрации Дж. Картера на модель переговорного процесса, в котором Советский Союз не был представлен даже чисто символически.

Противники Кемп-Дэвидского процесса отнюдь не собирались сидеть сложа руки. В начале ноября 1978 года в Багдаде собралось Всеарабское совещание, на которое не были приглашены египетские делегаты – и это невзирая на то, что учреждения Лиги арабских государств находились в Каире, а генеральным секретарем ЛАГ традиционно был представитель Египта. На Багдадском совещании были определены шаги по бойкоту Египта в случае подписания этой страной мирного договора с Израилем. А. Садат понимал, что большинство арабских стран не поддержат начатый им мирный процесс с Израилем, но он все-таки не рассчитывал оказаться вообще один против всех. Ежедневно слыша стройный хор голосов, обвинявших их в предательстве интересов

²²⁶ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 56.

арабского мира, в целом, и палестинцев, в частности, члены египетской делегации на переговорах выдвигали всё новые и новые требования, зачастую прямо противоречившие тексту подписанных 17 сентября 1978 года соглашений, которые имели целью продемонстрировать арабским странам жесткость египетской позиции в отстаивании общеарабских и палестинских интересов. Б. Бутрос-Гали выступил с требованием определить строгий временной график проведения выборов в органы палестинского самоуправления еще до официального подписания мирного договора между Израилем и Египтом. Кроме того, проведением выборов в органы палестинского самоуправления он обусловил установление Египтом дипломатических отношений с Израилем в полном объеме, уточнив, что Египет пойдет на данный шаг лишь спустя месяц после этих выборов.

Помимо этого, египтяне – при безусловной поддержке американцев – требовали от Израиля полного прекращения поселенческой деятельности на всех занятых в 1967 году территориях. Израильское правительство категорически отвергло всякую взаимосвязь между палестинским самоуправлением, выборами, еврейскими поселениями в Иудее, Самарии, Иорданской долине и на Голанских высотах и другими темами, которые оно считало не касающимися египетских интересов, с одной стороны, и мирным процессом между Израилем и Египтом, с другой. В дополнение ко всему, в Израиле вспомнили о том, что Египет связан целым рядом договоров о военном сотрудничестве с арабскими

странами, которые были заключены главным образом с целью противостояния Израилю. Поскольку эти соглашения разительно противоречили духу и букве израильско-египетского урегулирования, а египтяне, и без того оказавшиеся в крайне сложном положении в арабском мире, ни в коем случае не были готовы денонсировать их, то М. Бегин потребовал, чтобы в текст мирного договора, который Израилю и Египту предстояло подписать, было внесено положение о его приоритете над всеми другими внешнеполитическими обязательствами Египта – что египтяне делать отказывались²²⁷.

Еще одна очень существенная проблема касалась вопроса об энергоносителях. До свержения шаха и установления радикального исламистского режима в Иране, именно в этой стране Израиль закупал до половины потребляемой им нефти. Осознавая, что приход аятолл к власти, очевидно, положит конец израильско-иранским торгово-экономическим связям, руководители еврейского государства не были готовы одним росчерком пера отказаться от скважин на Синайском полуострове, которые израильские инженеры пробурили, реконструировали и эксплуатировали, пока полуостров находился под израильским контролем. Израильские делегаты на переговорах настаивали на получении гарантий того, что после передачи Синайского полуострова Египту Израиль сохранит возможность приобретать – по рыночным ценам, естественно, – нужное

²²⁷ См.: William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, pp. 269–272.

ему количество нефти. Последнее пожелание совершенно точно не нарушало египетские интересы, напротив: страна получала надежного и платежеспособного покупателя сырья, однако утверждая, что согласие на такой шаг якобы наносит удар египетскому суверенитету, А. Садат и его переговорщики ответили Израилю категорическим отказом²²⁸. Дж. Картер обсуждал со своими помощниками и вариант, при котором требуемая Израилю нефть как будто бы покупалась у Египта Соединенными Штатами, а затем уже ими перепродавалась Израилю²²⁹.

Американцы надеялись, что переговорный «мозговой штурм» будет коротким и завершится подписанием соглашения очень быстро. Госсекретарь С. Вэнс считал оптимальным подготовку текста израильско-египетского мирного договора сотрудниками Госдепартамента США; представителям Египта и Израиля было дано право лишь предлагать в текст соглашения свои правки, которые затем должны были обсуждаться американцами в консультациях со второй вовлеченной в процесс стороной. Уже 9 октября 1978 года проект израильско-египетского договора «утвердил» президент Дж. Картер, сделав единственное, но весьма существенное

²²⁸ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 203.

²²⁹ С течением времени Израиль отказался от закупок египетской нефти, придя к выводу, что она является недостаточно качественной. Гарантии бесперебойных поставок нефтепродуктов из Египта в Израиль, бывшие одним из самых сложных камней преткновения на протяжении Кемп-Дэвидского процесса, оказались ненужными самому Израилю.

исправление в пользу Египта: срок израильского отступления с Синайского полуострова президент сократил с трех до двух лет²³⁰. Ни израильтяне, ни египтяне данный документ не видели, а когда американцы им его показали, выдвинули – каждая сторона свои – многочисленные замечания. Американцы вносили одну правку за другой. Г. Сакер указывал, что «начав 11 декабря 1978 года раунд усиленной челночной дипломатии продолжительностью в месяц, С. Вэнс предложил в Каире и Иерусалиме не менее десяти вариантов договора, однако выход из тупика так и не обозначился»²³¹.

Трехмесячный период, по завершении которого должен был быть заключен израильско-египетский мирный договор, закончился, а стороны становились всё дальше друг от друга: в Израиле требования, выдвигавшиеся А. Садатом и его эмиссарами, считали чрезмерными, а в других арабских странах – и в весьма широких слоях египетского общества – недостаточными.

Оказавшись в тупике, американцы пустили в ход свое самое сильное оружие: президента Дж. Картера, решившего лично заняться примирением конфликтующих сторон, используя ту же стратегию, которая была столь успешной в Кемп-Дэвиде. Ухудшение ситуации в Иране, бегство шаха и кризис в американо-иранских отношениях стали значимыми катализаторами для президента Дж. Картера, стремившегося продемонстрировать, что, несмотря на падение ключевого

²³⁰ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 268.

²³¹ Говард Сакер, *История Израиля*, том II, стр. 615–616.

союзника на Среднем Востоке, именно США остаются ведущей державой, в том числе и в этом регионе. Любопытно, что в меморандуме, посвященном израильско-египетскому переговорному процессу, который, по свидетельству У. Квандта, З. Бжезинский подал Дж. Картеру 23 января 1979 года, советник президента по национальной безопасности аргументировал свои предложения пользой для Демократической партии и невозможностью совершить определенные шаги, которые будут негативно восприняты американским еврейством в предвыборный год²³².

Президент согласился со своим советником по национальной безопасности и 6 февраля направил М. Бегину и А. Садату приглашения на новый саммит во всё том же Кемп-Дэвиде²³³. Американцы назначили и дату начала саммита – 22 февраля 1979 года. В Совете по национальной безопасности США пришли к выводу, что переговоры министра иностранных дел Израиля Моше Даяна с новым главой египетской дипломатии Мустафой

²³² Цит. по: William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 295. В соответствующем томе антологии *Foreign Relations of the United States* этот документ не опубликован; воспроизведены меморандумы самого У. Квандта от 19 января и З. Бжезинского от 30 января 1979 г. (Volume IX. Arab-Israeli Dispute, 1978–1980, pp. 584–587), но в них этих положений нет.

²³³ Послания Дж. Картера М. Бегину и А. Садату от 6 февраля 1979 г., переданные через послов США в Израиле и Египте, опубл. в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume IX. Arab-Israeli Dispute, 1978–1980, pp. 599–604.

Халилем ни к чему не приведут, что необходима личная вовлеченность Дж. Картера, его диалог напрямую с М. Бегиним и А. Садатом. «Многие на Ближнем Востоке сейчас ощущают, что США сбились с пути. Единственным видимым успехом на горизонте для Картера во внешней политике была возможность заключения израильско-египетского мирного договора. И в Египте, и в Израиле осознавали, что США нуждаются в видимом успехе после произошедшего в Иране, и в израильском руководстве заключили, что Картер не будет слишком рьяно биться за Западный берег». Эта цитата из поданного 17 февраля 1979 года меморандума эксперта Совета по национальной безопасности США Уильяма Квандта²³⁴ однозначно демонстрирует, почему американский президент был готов потратить столь много времени на урегулирование конфликта, не имевшего к его стране прямого отношения. Этот договор был нужен Дж. Картеру для того, чтобы продемонстрировать неоспоримый статус США как сверхдержавы тогда, когда в этом были наибольшие сомнения. Осознавая, что коль скоро за пять месяцев, прошедших с подписания двух договоров о рамках мирного урегулирования, ни одна арабская страна не присоединилась к переговорному процессу, американцы, тем не менее, не были готовы признать, что усилия в этом направлении безнадежны. Дж. Картер искал пути принуждения Иордании к участию в мирном процессе:

²³⁴ Цит. по: William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, pp. 295–296. В соответствующем томе антологии *Foreign Relations of the United States* этот документ не опубликован.

«Нам следует побудить Садата отозвать свое предложение представлять интересы Хусейна на Западном берегу, – сказал Дж. Картер на совещании со своей командой 19 февраля 1979 года. – Если он [Садат] сможет представлять Газу, это позволит ему заключить сепаратный договор с Израилем и поставить Хусейна в неловкое положение. Это позволило бы ему заявить, что он выполнил свою часть [работы], и в то же время усилить давление на Иорданию»²³⁵. Однако прибывший 2 марта 1979 года в Вашингтон на переговоры с Дж. Картером М. Бегин заявил, что до тех пор, пока король Иордании Хусейн не присоединится к мирному процессу, Израиль не готов обсуждать будущее Западного берега с кем бы то ни было. М. Бегин отказался установить какую бы то ни было юридически обязывающую дату проведения выборов органов палестинского самоуправления (до конца жизни М. Бегина – а он умер 9 марта 1992 года – эти выборы так и не состоялись). М. Бегин настаивал на том, что подписание и реализация мирного договора между Израилем и Египтом ни в какой своей части не может быть поставлена в зависимость от процессов, происходящих на Западном берегу Иордана, который никогда в истории не был частью Египта. М. Бегин подчеркнул также важность сохранения и поставок нефти с Синайского полуострова в Израиль, отметив, что если Египет и США не гарантируют продолжение этих

²³⁵ Протокол этого совещания опубликован в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume IX. Arab-Israeli Dispute, 1978–1980, pp. 617–620, цит. фрагмент на стр. 618.

поставок, то Израиль вынужден будет сохранить контроль за нефтяными полями на Синайском полуострове²³⁶.

Вечером того же дня, а затем еще раз утром в воскресенье 4 марта, М. Бегин и Дж. Картер встретились вновь. По свидетельству У. Квандта, Дж. Картер был очень разочарован первыми двумя встречами и лишь немного ободрен последней²³⁷, в ходе которой М. Бегин пошел на некоторые уступки, которые почти не имели никакого значения, но позволили Дж. Картеру позвонить А. Садату и сообщить о проявленной Израилем гибкости вследствие американского давления²³⁸. В тот же день Дж. Картер делегировал З. Бжезинского в Каир, где его 6 марта принял А. Садат. В ходе этих переговоров обсуждался вопрос, когда в Израиле откроется посольство Египта, а в Египте начнет работу посольство Израиля: будет ли это по завершении эвакуации израильских сил и поселений с Синайского полуострова, либо же по окончании промежуточного этапа передислокации, когда Израиль вернет Египту значительную часть Синая, но не весь полуостров. В ходе переговоров А. Садат согласился с идеей строительства нефтепровода из Египта непосредственно в Израиль, что должно было снять с

²³⁶ Запись встречи Дж. Картера с М. Бегиним 2 марта 1979 г. опубликована там же, стр. 636–658.

²³⁷ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, pp. 299–300.

²³⁸ Текстовая распечатка этого телефонного разговора опубли. в антологии: *Foreign Relations of the United States, 1977–1980*. Volume IX. Arab-Israeli Dispute, 1978–1980, pp. 670–671.

повестки дня опасения по этому вопросу. А. Садат передал через З. Бжезинского приглашение для Дж. Картера лично прибыть в Каир, где египетский президент был готов подписать мирный договор с Израилем, для чего соглашался пригласить и М. Бегина²³⁹.

Получив эту информацию от своего преданного советника, Дж. Картер немедленно вылетел на Ближний Восток и уже 7 марта прибыл в Каир. А. Садат приложил максимум усилий, чтобы президента, усилиями которого он должен был вот-вот, без единого выстрела, вернуть Синайский полуостров, встречали с максимальными почестями. На всем протяжении пути из Каира в Александрию Дж. Картера приветствовали толпы людей. Впечатленный президент США пообещал А. Садату начать новую эпоху многостороннего сотрудничества между США и Египтом, как в экономической, так и в военной сфере. Пообещав Египту щедрую государственную помощь, Дж. Картер сказал также, что после подписания мирного договора призовет американский частный бизнес активно инвестировать в египетскую экономику²⁴⁰.

Из Каира Джимми Картер прибыл в Израиль, где его первая встреча с Менахемом Бегиним утром 11 марта 1979 года фактически закончилась провалом²⁴¹. У М. Бегина,

²³⁹ Отчет З. Бжезинского о переговорах см. там же, стр. 677–680.

²⁴⁰ Запись встречи Дж. Картера с А. Садатом в Александрии 9 марта 1979 г. опубликована там же, стр. 696–701.

²⁴¹ Запись трех встреч Дж. Картера с М. Бегиним (включая многочисленных сопровождающих лиц с обеих сторон) в Иерусалиме 11 марта 1979 г. опубликована там же, стр. 702–720.

крайне внимательного к юридически обязывающим формулировкам, были возражения в отношении текста шестой статьи договора, как ее согласовали Дж. Картер и А. Садат. М. Бегин также зачитал американскому президенту фрагменты из резко антиизраильских статей в египетской прессе, отметив, что подписывая договор в таких обстоятельствах, Израилю необходимо быть особенно осторожным. М. Бегин также выразил мнение, что если бы египетское руководство на самом деле было заинтересовано в мире с Израилем, публикация подобных статей была бы пресечена. Попытки Дж. Картера детально обсудить тему палестинского самоуправления как промежуточного этапа на пути к реализации права на самоопределение натолкнулись на глухую стену. Услышав предложение направиться в Каир ближайшим самолетом, премьер-министр Израиля отказался подписывать соглашение до тех пор, пока оно не будет обсуждено и утверждено в Кнессете. Дж. Картер напомнил М. Бегину, что соглашения о рамках мира были подписаны в Белом доме 17 сентября и спустя лишь десять дней были утверждены Кнессетом. Дж. Картер предложил сохранить этот же порядок, но М. Бегин категорически отказался это сделать. Тогдашний президент Израиля Ицхак Навон (1921–2015) вспоминал сложный диалог, когда Дж. Картер жаловался ему на М. Бегина:

«Я принял Картера максимально радушно, но сразу же почувствовал неладное.

– Бегин не хочет договариваться о мире, – кисло пробормотал он.

– Почему Вы так говорите?

– Он не хочет подписывать! Он говорит, что он вначале должен утвердить соглашение в Кнессете.

– Извините, но мы не диктатура, когда вождь принимает решение об отступлении с территорий без согласия Кнессета.

– Но он уже согласился! – не унимался Дж. Картер.

– Да, но вначале он должен получить на это санкцию нашего парламента».

«Я был очень удивлен, – добавлял И. Навон. – Должен ли я объяснять ему [президенту США], как устроена демократия?»²⁴².

Дж. Картер попросил выступить перед депутатами Кнессета лично, и 12 марта эта возможность была ему предоставлена²⁴³. Насколько можно судить, агитация президента США никого из депутатов не переубедила: те, кто поддерживали принцип «отступление в обмен на мир», продолжали его поддерживать, а никто из оппонентов своего мнения не изменил.

В израильском руководстве назревал скандал: если в Египте министры уходили в отставку в знак протеста против усилий А. Садата по заключению мирного договора с Израилем, то в Израиле министр обороны Э. Вейцман начал угрожать главе правительства своей отставкой, если неуступчивость М. Бегина заключение мирного договора

²⁴² Ицхак Навон, *Весь путь. Автобиография* (Иерусалим: Издательство «Кетер», 2015), стр. 340 [на иврите].

²⁴³ Address Before the Knesset, March 12, 1979 // *Public Papers of the Presidents of the United States: James E. Carter, Jr. 1979*, book I. January 1 to June 22, 1979 (Washington, 1979), pp. 424–427.

сорвет. Усилиями М. Даяна и С. Вэнса некоторые положения договора, который предстояло подписать, были переформулированы таким образом, чтобы они не вызывали возражений у М. Бегина, которому Дж. Картер представил их вечером 12 марта. Получив от М. Бегина обязательство не выдвигать дополнительных возражений по тексту договора, если египетская сторона примет его полностью, без дальнейших изменений, Дж. Картер немедленно вылетел в Каир. Глава правительства Египта Мустафа Халиль выдвинул ряд замечаний, обратившись к Джимми Картеру с просьбой принять их, но президент США сказал: «На протяжении последних полутора лет я, президент самой влиятельной державы на планете, служил почтальоном. Я не какой-то гордец – я делал максимум, что было в моих силах, но я не могу возвращаться [в Израиль] ради стилистических правок»²⁴⁴. А. Садат сказал, что готов подписать этот договор, после чего Дж. Картер непосредственно из Каирского аэропорта позвонил в Иерусалим. М. Бегин ответил, что на следующий же день соберет заседание правительства для обсуждения израильско-египетского мирного договора, а затем передаст его в Кнессет, но американцы воспринимали это уже как не более чем формальность. Проект израильско-египетского мирного договора был утвержден Кнессетом 22 марта 1979 года 95 голосами «за» при 18 «против». Дж. Картер пригласил руководителей Израиля и Египта на церемонию

²⁴⁴ Цит. по: William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 310.

подписания мирного соглашения в Вашингтон. Первый в истории арабо-израильский мирный договор был подписан 26 марта 1979 года.

М. Бегин и М. Даян потребовали – и получили – от США гарантийное письмо на случай, если Египет в одностороннем порядке разорвет мирный договор. В случае обнаружения факта нарушения договора, или угрозы подобных действий, Соединенные Штаты брали на себя обязательство предпринять шаги для того, чтобы прекратить или предотвратить такие нарушения. За несколько часов до подписания договора текст подписанного С. Вэнсом и М. Даяном документа был передан послом США в Египте Г. Эйлтсом египетской стороне. Мустафа Халиль был возмущен, но когда Сайрус Вэнс сказал, что США готовы предоставить такое же гарантийное письмо Египту на случай, если мирный договор разорвет Израиль, то египетские руководители не выразили заинтересованности в подобного рода документе²⁴⁵, ибо он якобы подрывал статус Египта как неприсоединившейся страны. На этом дипломатические усилия по подготовке договора были завершены, и он в тот же вечер был подписан на церемонии, на которой выступили Дж. Картер, А. Садат и М. Бегин, причем двое последних – в статусе лауреатов Нобелевской премии мира, которая была присуждена им в конце 1978 года²⁴⁶.

И на этой церемонии М. Бегин ни в чем не изменил

²⁴⁵ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 234.

²⁴⁶ Дж. Картеру эта же премия была присуждена почти четверть века спустя, в 2002 году.

себе, заметив, что это – третий самый счастливый день в его жизни после провозглашения независимости Государства Израиль 14 мая 1948 года и после дня объединения Иерусалима, когда «наши храбрые парашютисты с глазами, полными слез, смогли дотронуться и поцеловать древние камни Стены Плача, а Иерусалим стал единым городом»²⁴⁷. Вместо ожидавшихся от М. Бегина слов о готовности к территориальному компромиссу в отношении Иерусалима, израильский премьер повторил, что Иерусалим должен навсегда остаться единым и неделимым городом – столицей Государства Израиль. Даже в третий самый счастливый день своей жизни, при подписании израильско-египетского мирного соглашения, выступая в Белом доме, М. Бегин не забыл сказать об этом во всеуслышание. Вопреки предостережениям скептиков, это никак и ничем не помешало подписать первый арабо-израильский мирный договор, ставший из мечты – реальностью.

II

Спустя неделю после подписания Израилем и Египтом мирного договора состоялся первый визит главы правительства Израиля М. Бегина в Каир. 3 апреля 1979 года в Международном аэропорту Каира М. Бегина встречал бывший тогда вице-президентом Египта Хосни

²⁴⁷ Текст выступления М. Бегина опубликован в книге: *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, стр. 128–131, цит. фрагмент – на стр. 130.

Мубарак (1928–2020). Присутствовавшие на этой церемонии вспоминали то исключительное чувство, которое охватило их, когда они увидели израильский флаг, высоко поднятый над зданием аэропорта, а египетский военный оркестр начал исполнять израильский национальный гимн – «Хатикву». Египтяне позаботились соблюсти все требуемые формальности, но чувствовалось, насколько несимметричным было отношение к мирному процессу в обеих странах. Торжественная встреча делегации во главе с М. Бегиним в аэропорту продолжалась всего десять минут, а флаг еврейского государства был спущен немедленно после того, как израильтяне покинули аэропорт. Сопровождавшие премьер-министра журналисты сделали следующий вывод: «В первый день визита Менахема Бегина в Каир было чувство, что Египет еще внутренне не был готов к официальному визиту главы правительства Израиля. Уже тогда египетские государственные деятели говорили, что полноценный мир будет достигнут только после завершения следующего этапа Кемп-Дэвидских соглашений – договоров о всеобъемлющем мире, в центре которых – урегулирование палестинской проблемы»²⁴⁸. А. Садат поручил Б. Бутросу-Гали сопровождать М. Бегина на всем протяжении его визита в Египет; визит, впрочем, был недолгим и продлился всего 28 часов²⁴⁹. Премьер-министр Египта М. Халиль не желал приветствовать

²⁴⁸ Илан Кфир и Яков Маор, *Израиль и Египет – мирный процесс*, стр. 132.

²⁴⁹ Говард Сакер, *История Израиля*, том II, стр. 622.

своего израильского коллегу, «сказался больным» и не прибыл в аэропорт. «По лицам Хосни Мубарака и его супруги было видно, что они тоже чувствуют себя неуютно от того, что им приходится приветствовать этого гостя», – вспоминал Б. Бутрос-Гали²⁵⁰.

Большую часть первого дня своего пребывания в Каире М. Бегин провел, осматривая исторические памятники этого древнего города, а затем состоялась встреча, о которой на протяжении тридцати предшествовавших лет нельзя было и мечтать: в последней действующей синагоге «Шаарей Шамаим» М. Бегина приветствовали более ста каирских евреев. Вечером А. Садат дал в честь М. Бегина торжественный ужин, в ходе которого глава правительства Израиля воздал хвалу египетскому народу, отваге и доблести египетских солдат, заслужив продолжительные аплодисменты. По словам Г. Сакера, «А. Садат в своей ответной речи проявил больше сердечности к Израилю (и к самому М. Бегину), чем за все время со дня своего визита в Иерусалим»²⁵¹. «Господствовало хорошее настроение, которое я счел добрым предзнаменованием, – вспоминал Б. Бутрос-Гали. – Возможно, мы начинали пожинать плоды долгосрочного мира»²⁵².

Интересно, что визит М. Бегина в Египет состоялся еще до того, как мирный договор между двумя странами был утвержден египетской стороной. Обсуждение

²⁵⁰ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 239.

²⁵¹ Говард Сакер, *История Израиля*, том II, стр. 622.

²⁵² Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 241.

договора в Народном собрании началось только 9 апреля 1979 года и продолжалось трое суток, с перерывами на ночные часы. Голосование было поименным: договор поддержали 320 депутатов при пятнадцати голосах «против» и одном воздержавшемся. Несмотря на эту столь впечатляющую поддержку, которая отнюдь не являлась очевидной, ибо среди тех, кто выступили «против», были опытные парламентарии Ахмед Нассар, Мухаммед Халиль Мурад, а также один из членов Совета революционного командования после Революции августа 1952 года «красный майор» Халед Мохи ад-Дин. А. Садат, однако, решил, что и этой поддержки недостаточно, постановив провести в крайне сжатые сроки – уже через неделю – общенациональный референдум по данному вопросу. Хотя результаты этого плебисцита были оперативно опубликованы, сказать, как на самом деле голосовали египтяне, не представляется возможным, ибо официальные цифры 99,9% голосов «за» при явке 90,2% выглядят заведомо недостоверными. За всю историю Египта в двадцатом веке в этой стране никогда не было свободных выборов, а данные регулярно проводившихся референдумов (после свержения в 1952 году короля Фарука референдум 1979 года был уже девятым) безбожно фальсифицировались. И в Израиле, и в США не питали иллюзий в отношении того, что мирный договор поддерживают куда меньше египтян, чем официально заявленные 99,9%, однако остается открытым вопрос, насколько масштабы несогласия с его курсом внутри страны, которое в конечном счете стоило ему жизни, осознавал сам президент А. Садат.

Последующие два с половиной года были временем параллельного протекания нескольких процессов.

Израиль последовательно и безукоризненно исполнял мирный договор с Египтом, согласившись вывести войска из Эль-Ариша уже 26 мая 1979 года, то есть на семь месяцев раньше изначально согласованного срока.

Одновременно с этим Израиль всячески уклонялся от каких бы то ни было уступок на палестинском направлении, что превращало шедшие весьма интенсивно израильско-египетские переговоры на эту тему в пустопорожние. В переговорах этих достаточно активно участвовали и американские дипломаты, которых вначале возглавлял Роберт Страусс (Robert Schwarz Strauss, 1918–2014), позднее оказавшийся последним послом США в СССР и первым послом – в постсоветской России), а затем – Сол Линович (Sol Myron Linowitz, 1913–2005). Участие американских представителей ничего не меняло: М. Бегин назначил руководителем израильской делегации на переговорах о будущем статусе палестинского самоуправления многолетнего министра внутренних дел и лидера Национально-религиозной партии Йосефа Бурга (1909–1999), совершенно не заинтересованного в том, чтобы эти переговоры успешно завершились. Для Й. Бурга, как и для самого М. Бегина, Иерусалим и Хеврон, Иерихон и Вифлеем были древними иудейскими городами, а воссоздание еврейского присутствия в Иудее, Самарии и Иорданской долине являлось актом несомненной исторической справедливости. Египетских участников переговоров такой подход крайне разочаровывал, но они ничего не могли ему

противопоставить, чтобы под ударом не оказалось то, что было более всего важно для А. Садата, да и для них самих: возвращение Синайского полуострова.

Необходимо отметить в этой связи два аспекта. Прежде всего, М. Бегин категорически отказался от принципа «территории в обмен неизвестно на что», который по инициативе Г. Киссинджера приняло правительство И. Рабина – Ш. Переса. *Отличие подхода М. Бегина в том и состояло, что Израиль был готов к территориальным уступкам только и исключительно в обмен на мир.* Поскольку признанная в 1974 году Лигой арабских государств и Организацией Объединенных Наций «единственным законным представителем палестинского народа» ООП²⁵³ декларировала готовность не к миру с Израилем, а исключительно к борьбе за уничтожение еврейского государства, М. Бегин считал невозможным, аморальным и политически неверным идти на уступки в этих обстоятельствах. Если бы ООП отказалась от террора, поддержала бы мирный процесс, инициированный А. Садатом, и объявила о своей готовности присоединиться к нему, то подходы израильской делегации на переговорах о палестинском самоуправлении были бы существенно иными, но в тех обстоятельствах было бы поистине странным для представителей Израиля вести себя иначе, чем они вели.

Кроме того, политическая культура в Израиле принципиально иная, чем в Египте: поддержку в 99,9%

²⁵³ См.: Алек Д. Эпштейн, *ООН в арафатке: Израиль в тисках «освобождения» Палестины*, стр. 13–36.

Менахем Бегин «нарисовать» себе никак не мог. В 1981 году возглавляемый им блок «Ликуд» ждали выборы в Кнессет десятого созыва, на которых Партия Труда рассчитывала взять реванш за неожиданное для себя поражение – первое в истории Израиля – в мае 1977 года. С целью повторной победы на выборах М. Бегину нужно было добиться максимальной политической мобилизации голосов «правого лагеря», в котором его готовность на полный уход с Синайского полуострова, включая эвакуацию всех созданных там еврейских поселений, воспринималась негативно. М. Бегину и блоку «Ликуд» необходимо было доказать, что они остаются преданными идеологии «национального лагеря», что они отстаивают целостность Эрец-Исраэль и статус Иерусалима как единой и неделимой столицы. В то время, когда Израиль еще не завершил вывод своих сил и поселений с Синайского полуострова, Кнессет принял Основной закон об Иерусалиме – столице Государства Израиль. Закон этот ничего не менял с практической точки зрения, ибо объединенный Иерусалим и так был столицей Государства Израиль с июня 1967 года, но его принятие демонстрировало, что мирный процесс с Египтом никоим образом не может поколебать это положение дел.

В письме, направленном М. Бегину 18 мая 1980 года, А. Садат выражал беспокойство в связи с обсуждением данного Основного закона в Кнессете. Позиция А. Садата по этому поводу была достаточно противоречивой: «Хотя мы не призываем к разделу города [Иерусалима] или введению каких бы то ни было барьеров между его секторами, мы настаиваем на достижении этого без

территориальной аннексии или нарушения прав и интересов восьмисот миллионов мусульман»²⁵⁴. Это письмо А. Садат переслал уже не через американцев, а с помощью первого посла Израиля в Египте Элияху Бен-Элисара. М. Бегин ответил египетскому президенту спустя два дня, 20 мая 1980 года, отметив, что еще в своем письме Дж. Картеру от 17 сентября 1978 года, в день подписания Кемп-Дэвидских соглашений, подчеркнул статус Иерусалима как «неделимого города – столицы Государства Израиль»²⁵⁵. Именно в свете значительных уступок, сделанных ради достижения мира с Египтом, по внутривосточным причинам М. Бегину нужно было демонстрировать твердость на остальных направлениях, что в определенной мере и предопределило отсутствие какого бы то ни было реального прогресса на переговорах о палестинском самоуправлении, но позволило «Ликуду» удержаться у власти, пусть и получив на выборах 30 июня 1981 года лишь на полпроцента голосов больше (37,1% против 36,6%), чем Партия Труда.

Визит Ануара Садата в Иерусалим не привел к каким-либо изменениям партийно-политического расклада в Израиле, но он кардинальным образом изменил настроение в некоторых группах израильского общества. Процесс этот начался сразу, и чем больше проходило времени, тем он проявлялся отчетливее. До

²⁵⁴ Текст письма А. Садата опубликован в книге: *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, стр. 179–182, цит. фрагмент – на стр. 181.

²⁵⁵ Ответ М. Бегина А. Садату опубликован там же, стр. 182–185.

мирной инициативы А. Садата все разговоры о том, на какие уступки должен или не должен пойти Израиль «во имя мира», были сугубо умозрительными, ибо не было никакой арабской страны, которая готова была бы признать легитимность самого факта существования Израиля при каких бы то ни было уступках. Леворадикальные круги, призывавшие к отступлению Израиля с занятых в 1967 году территорий, существовали и на протяжении десятилетия, предшествовавшего приезду А. Садата в Иерусалим, но это были крайне малочисленные организации преимущественно коммунистического или троцкистского толка: «Мацпен» [«Компас»], РАКАХ [Новый коммунистический список], СИАХ [«Дискуссия» – «Новые израильские левые»]. Этих людей подавляющее большинство израильтян считали наивными мечтателями, а отказ некоторых юношей от службы в армии на контролируемых Израилем с 1967 года территориях (а такие случаи, хоть и единичные, были) – безответственной блажью. Приезд А. Садата в Израиль кардинально изменил ситуацию: в формуле «территории в обмен на мир» появился партнер, пусть и единственный, – Египет, но с этого момента разговоры о том, что «от Израиля ничего не зависит», «куда ни отступай, ничего не изменится», во многом перестали быть верными.

В марте 1978 года случилось неслыханное в истории Израиля событие – группа из 348 офицеров запаса обратилась с открытым письмом к премьер-министру Менахему Бегину, настаивая, что если правительство не пойдет навстречу египетским требованиям, то этим существенно увеличит опасность вспышки новой войны,

виноватым в которой, по их мнению, будет Израиль. Продлившийся всего два дня визит А. Садата в Иерусалим привел к тому, что мировоззрение, до этого бывшее в Израиле лишь уделом малочисленных леворадикальных кружков, стало разделяться сотнями и тысячами людей, на плечах которых непосредственно лежала забота о безопасности Государства Израиль. В Израиле есть табу в отношении вовлеченности армии в политические процессы, и все до одного подписанты «Письма 348», из которого возникло движение «Шалом ахшав» [«Мир сейчас»], были офицерами в отставке, но ни у кого не было сомнений, что так рассуждают и многие из тех, кто продолжал находиться в действующей армии.

Это привело к очень сложной ситуации для правительства: с одной стороны, многие представители традиционного электората Партии Свободы предостерегали М. Бегина, что отдача Синайского полуострова, удержание которого в войне 1973 года стоило такой большой крови, а тем более эвакуация созданных там еврейских поселений, будут неприемлемыми актами национального предательства, а с другой стороны, сформировалась становившаяся все более влиятельной группа, настаивавшая на том, что категорически неприемлемым является как раз стремление удержать занятые территории, если это торпедирует шансы на достижение мира. Удовлетворить сторонников обоих подходов было, очевидно, невозможно, и задачей М. Бегина и его правительства стал поиск некоего «промежуточного» пути, который не приведет к гражданскому взрыву – ни с той, ни с другой стороны.

Огромной проблемой было то, что «официальный Израиль» говорил зачастую очень противоречивыми голосами. 19 апреля 1978 года президентом Израиля был избран уроженец Иерусалима Ицхак Навон, принадлежавший к «голубиному» крылу Партии Труда. Учитывая, что президента в Израиле избирает тот же самый Кнессет, который утверждает правительство, представляется поистине удивительным, что блок «Ликуд» не сумел добиться избрания на этот пост своего кандидата. Идеологически и мировоззренчески сложно было найти человека более далекого от чудом пережившего Холокост и сталинский ГУЛАГ польского еврея М. Бегина, чем И. Навон – уроженец Иерусалима, прекрасно говоривший на арабском языке, изучавший арабскую историю и ценивший арабскую культуру, о которой глава правительства Израиля имел самое расплывчатое представление. Когда А. Садат встречался с М. Бегиним и И. Навоном, то неминуемо оказывался в игре «плохой и хороший следователи», с той лишь разницей, что всё это отнюдь не было игрой. В то самое время, когда М. Бегин бился за важность создания и сохранения еврейских поселений в Иудее, Самарии, секторе Газа и на Синайском полуострове, И. Навон за пять лет пребывания на посту президента ни разу даже не побывал ни в одном из них, по его собственному свидетельству, деликатно, но настойчиво отклоняя все приглашения совершить визиты в еврейские населенные пункты, расположенные за «зеленой чертой»²⁵⁶.

²⁵⁶ Ицхак Навон, *Весь путь. Автобиография*, стр. 337.

В ходе визита в Египет в конце октября 1980 года И. Навон – по его собственной инициативе – встретился с вице-президентом страны Х. Мубараком (1928–2020), обрушившимся с нападками на принятый Кнессетом за полгода до этого Основной закон об Иерусалиме. По свидетельству И. Навона, египетский вице-президент сказал ему дословно следующее: «В чем логика? Я хочу понять вашу логику! Вы аннексируете Голанские высоты. Зачем вы это делаете? О, Аллах, оставьте там еще тысячу лет! Вам кто-то что-то говорит?! Но когда вы аннексируете, вы вынуждаете нас выступить с осуждением в ваш адрес, дистанцироваться от вас, и так вы сближаете нас с сирийцами, которые против мира. Вы принимаете в Кнессете Закон об Иерусалиме. Что вы от этого выиграли? Где логика? Иностранные представительства покидают Иерусалим, и вы вынуждаете нас осуждать ваши действия. Я очень прошу, объясните мне вашу логику!» Если бы с Х. Мубараком встречался М. Бегин, то глава правительства наверняка нашел бы, что сказать, как он не раз говорил в Кнессете и в СМИ, но И. Навон в своих воспоминаниях об этой встрече писал: «Что я на всё это мог сказать? В сердце я знал, что Мубарак прав. И, по моему мнению, Закон об Иерусалиме был лишним»²⁵⁷. В конце этой встречи Х. Мубарак обратился к И. Навону со следующей просьбой: «Сделайте одолжение, не усложняйте наши отношения с арабскими странами и не толкайте нас в их объятия своими безответственными декларациями». И в этом случае И. Навон не нашел, что возразить, лаконично

²⁵⁷ Там же, стр. 355.

указав: «Он был прав»²⁵⁸. И. Навон не только не спорил с египетскими государственными деятелями по существу, он демонстрировал глубочайшее уважение к ним самим, их культуре и истории. Когда А. Садат выступал перед депутатами Кнессета, то никто не знал заранее, на каком языке он будет говорить, и для М. Бегина были подготовлены два варианта ответной речи: в случае, если бы А. Садат выступал на английском, то на этом языке говорил бы и израильский премьер, а когда стало ясно, что египетский лидер решил выступать по-арабски, М. Бегин принял решение говорить на иврите, чтобы подчеркнуть равный статус еврейского и арабского языков и национальных движений. Ицхак Навон, в свою очередь, выступал в Народном собрании Египта на арабском языке, причем текст своего выступления он еще накануне по собственной инициативе передал А. Садату. Сразу как президент Израиля закончил свое выступление, на трибуну поднялся премьер-министр Египта Мустафа Халиль, который стал подвергать сомнению и критике факты и аргументы, высказанные президентом Израиля²⁵⁹.

Согласие египтян на открытие в Каире посольства еще до окончания вывода израильских вооруженных сил с Синайского полуострова было получено отнюдь не сразу, став серьезной победой израильской дипломатии. Вначале египетские представители утверждали, что дипломатические отношения между государствами в

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же, стр. 358–359.

полном объеме смогут быть установлены только после того, как Израиль вернет Египту захваченный в июне 1967 года Синайский полуостров. Затем они согласились на установление дипломатических отношений после завершения первого этапа передислокации войск, но настаивали на том, чтобы дипломатические миссии обеих стран оставались в их столицах, будучи руководимыми послами-нерезидентами. Израилю удалось добиться намного более раннего установления дипломатических и консульских связей: израильский посол прибыл в Египет, а египетский – в Израиль уже 24 февраля 1980 года, за два года и два месяца до завершающего этапа вывода израильских войск с Синайского полуострова.

Однако согласие на открытие посольства было условием необходимым, но недостаточным: для дипломатической миссии нужно было найти помещение, отвечавшее требованиям Департамента безопасности Министерства иностранных дел, которое египетские власти позволили бы израильтянам арендовать. МИД Израиля сняло для нужд посольства самый верхний, двадцать первый, этаж в одном из каирских бизнес-центров. По воспоминаниям посла Э. Дубека, вскоре после этого на одном из нижних этажей того же здания открыла свое бюро всесильная Служба общей разведки Египта («Мухабарат»), что позволяло осуществлять тотальный контроль посетителей, направлявшихся в израильское дипломатическое представительство. Настаивая на том, что они должны гарантировать безопасность посла, куда бы он ни направлялся, его всегда, несмотря на наличие нескольких израильских охранников, сопровождали

представители египетской разведки. Посол оказывался под полным контролем, а страх отказаться на допросе в «Мухабарате» побуждал многих египтян отказаться от каких бы то ни было контактов с ним.

– Вернувшись в Каир спустя 31 год после иммиграции нашей семьи в Израиль, я сумел найти своего школьного друга Мухаммеда Хасиба, с которым мы учились вместе в одной школе, начиная с первого класса; он прекрасно говорил по-французски. Ко времени моего приезда в Каир в 1980 году он сделал успешную карьеру в МИДе Египта, будучи прикомандированным к Народному собранию, возглавляя Отдел международных связей. Обрадовавшись тому, что нашел стародавнего друга, я пригласил М. Хасиба в ресторан; мы чудесно пообщались и через неделю встретились еще раз. А спустя еще неделю Мухаммед сообщил мне, что «Мухабарат» запретил ему встречаться с израильским представителем.

– Египтяне не опасались, что Вы заявите официальный протест? – спросил я посла Э. Дубека.

– Египтяне боялись только одного: что мы пойдем на них войной – и прекрасно понимали, что из-за этого мы на них войной не пойдем. Тогдашний генеральный директор МИДа Давид Кимхи любил повторять: «Время сделает свое дело». Когда я отвечал, что время само по себе не сделает ничего, если мы не будем делать то, что нужно, сами, меня, увы, не хотели слушать, а египтяне, увидев, что мы смиряемся и с одними, и с другими ограничениями и запретами, вводили всё новые и новые²⁶⁰.

²⁶⁰ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

Вследствие начала переговоров о мире с Израилем Египет сталкивался со всё большей враждебностью со стороны арабо-мусульманского мира. На саммите Лиги арабских государств в Багдаде было принято решение перенести ее штаб-квартиру из Каира в Тунис. Египтяне пробовали дезавуировать это решение, надеясь, что несколько государств, в том числе Судан и Сомали, откажутся следовать принятому в Багдаде решению, в результате чего Египет смог бы настаивать на том, что в Каире продолжает работать «настоящий» офис Лиги, представляющий большую часть тогдашнего населения арабского мира, жившую именно в данных странах, однако из этих планов ничего не вышло, ибо Египет публично не была готова поддержать ни одна арабская страна. Ответное решение А. Садата опечатать документы и заморозить банковские счета Лиги арабских государств в Каире²⁶¹ ничего не изменило. 7 мая 1979 года было приостановлено членство Египта в Организации «Исламская конференция». Мусульманские государства одно за другим объявляли о разрыве дипломатических отношений с Египтом: Джибути, Афганистан, а за ними и другие. Для Египта, на протяжении более четверти века бывшего одним из ведущих государств как среди арабских и мусульманских стран, так и среди стран Африки и в «третьем мире» в целом, всё это было большим ударом.

А. Садат шел к цели, которую сам определил, не считаясь с критикой с чьей бы то ни было стороны. Некоторые египетские общественные деятели, в

²⁶¹ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 241.

частности, один из ближайших сподвижников Г.А. Насера Мухаммед Хейкал, убеждали изменить – если не стратегически, то тактически – вектор внешней политики страны: «Остановитесь. Попритормозите Садата. Нет никакой причины гнать нормализацию с Израилем такими быстрыми темпами»²⁶², однако А. Садат и его окружение были настроены по-другому. В то самое время в начале сентября 1979 года, когда Б. Бутрос-Гали бился один против практически всех на конференции в Гаване, А. Садат совершал уже третий визит в Израиль, на этот раз – в Хайфу, где его тепло приветствовали и Ицхак Навон, и Менахем Бегин²⁶³. Даже если не учитывать, что в Беэр-Шеву А. Садат прибыл в сопровождении М. Бегина после церемонии возвращения Египту города Эль-Ариш, поездка Менахема Бегина в Асуан 8–10 января 1980 года была уже третьей поездкой главы правительства Израиля в Египет, после переговоров в Исмаилии и визита в Каир.

«Я видел, что эти переговоры никуда не ведут», – суммировал Б. Бутрос-Гали свои дискуссии с израильтянами о палестинском самоуправлении²⁶⁴, формально начавшиеся в Беэр-Шеве 26 мая 1979 года в присутствии президента Египта А. Садата и президента Израиля И. Навона, обратившихся к собравшимся на арабском языке; это прекрасно понимал и А. Садат, но

²⁶² Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 255.

²⁶³ Речи лидеров двух стран и протокол пресс-конференции А. Садата в Хайфе см.: *Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence*, pp. 162–167.

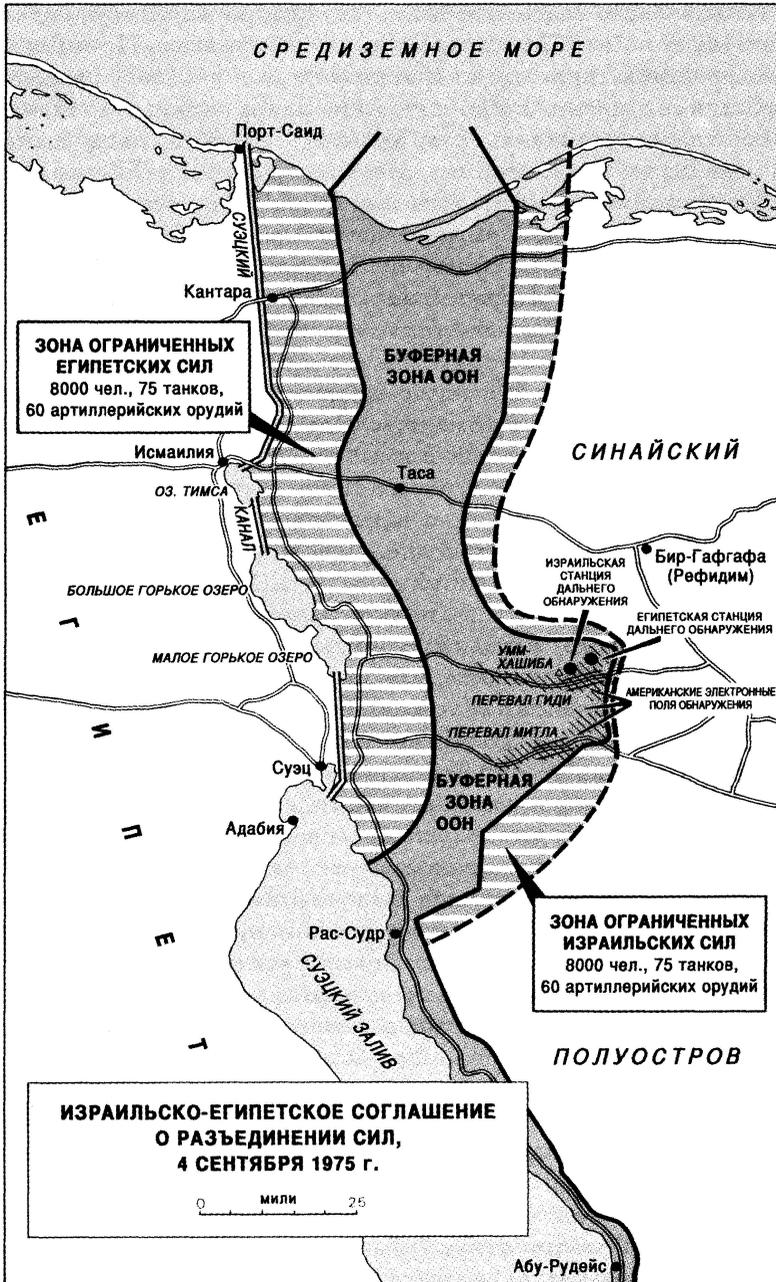
²⁶⁴ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 272.

если его это и беспокоило, то не очень сильно. Б. Бутрос-Гали вспоминал о словах, сказанных ему президентом 23 сентября 1979 года: «Я не хочу принижать важность проблем и неприятностей, с которыми сталкивается египетская дипломатия, – начал президент, говоря нарочито медленно. – Но эти проблемы и неприятности – ничто, в сравнении с землей, которую мы себе возвратили. Они не стоят и квадратного метра земли, которую мы получили обратно, не пролив ни капли крови наших детей. ... Я не опасуюсь осуждения. Я не опасуюсь разрыва некоторыми государствами дипломатических отношений с нами, и я не боюсь провокаций и травли со стороны арабских стран»²⁶⁵. Своего министра иностранных дел президент Египта не должен был переубеждать, ибо тот сам рассуждал подобным образом: «Египет уже отдал достаточно жизней и денег ради арабов и палестинцев. На этот раз Египту пришлось время подумать о себе самом. ... Я был полностью убежден в том, что египетские и неегипетские отказники рано или поздно осознают, что Садат был прав, и что единственным логическим шагом, который следовало предпринять, был шаг на пути к диалогу и договору с израильянами»²⁶⁶. Однако путь к этому осознанию не был простым: 6 октября 1981 года Ануар Садат стал жертвой покушения со стороны исламистов, считавших диалог и договор с израильянами изменой и предательством; президент был тяжело ранен – и спустя несколько часов скончался в госпитале.

²⁶⁵ Там же, стр. 326.

²⁶⁶ Там же, стр. 244.

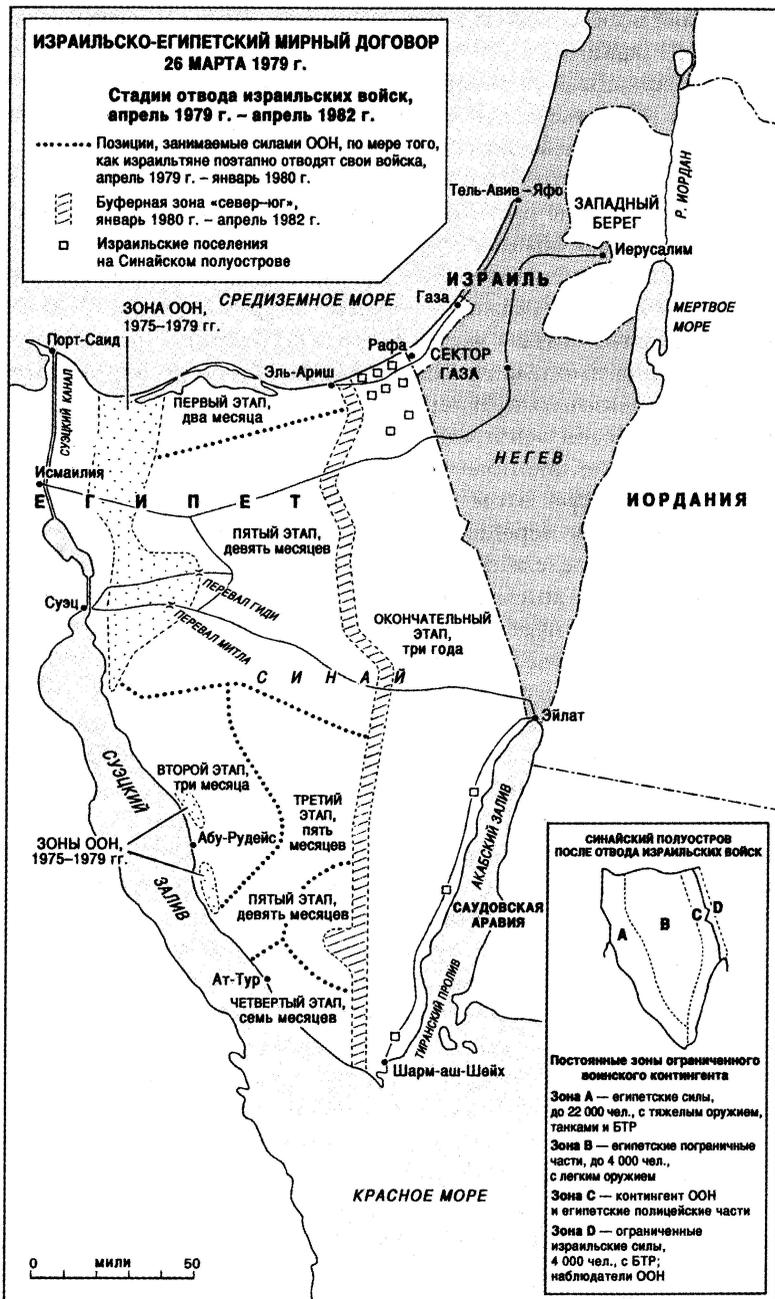
КАРТЫ
ПОЭТАПНОГО ОТСТУПЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
С СИНАЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА,
СОГЛАСНО ПОДПИСАННЫМ В 1974–1989 ГОДАХ
СОГЛАШЕНИЯМ

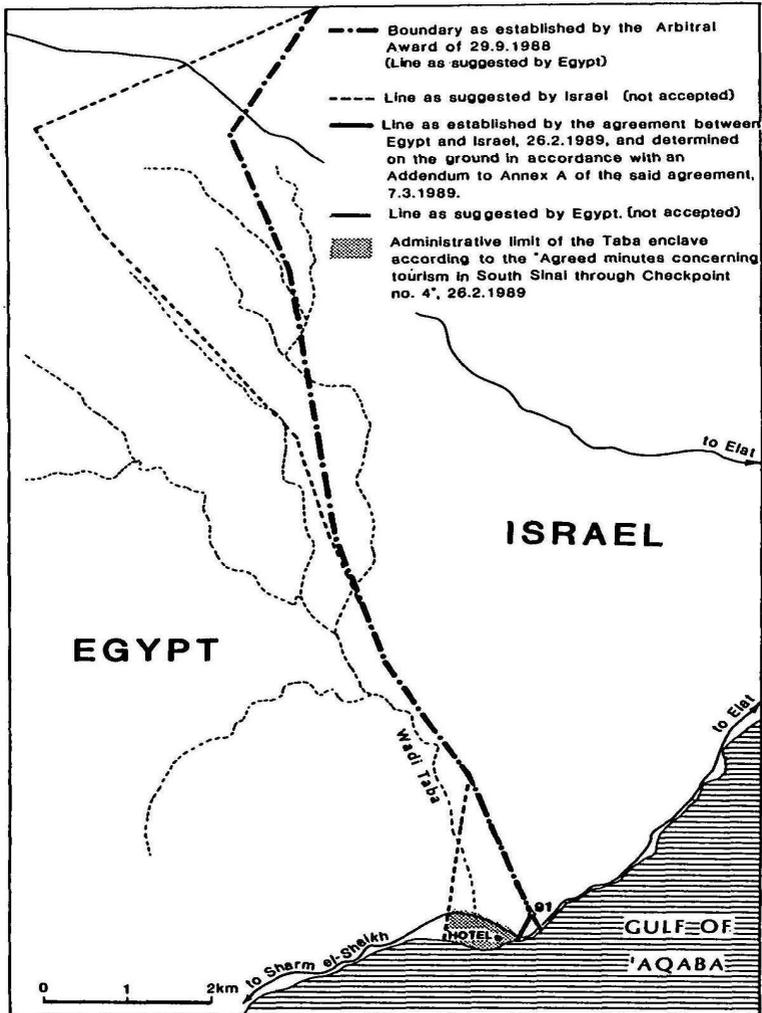
**ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР
26 МАРТА 1979 г.**

**Стадии отвода израильских войск,
апрель 1979 г. – апрель 1982 г.**

- Позиции, занимаемые силами ООН, по мере того, как израильтяне поэтапно отводят свои войска, апрель 1979 г. – январь 1980 г.
- ▨ Буферная зона «север-юг», январь 1980 г. – апрель 1982 г.
- Израильские поселения на Синайском полуострове

**SOUTHERN PART OF THE
BOUNDARY BETWEEN EGYPT AND ISRAEL**

Edited by Shalom Reichman; Drawn by Tamar Soffer :Geography Department

Карта согласованной окончательной линии границы между Израилем и Египтом в Южном Синае

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ ХОСНИ МУБАРАКА:
УСТАНОВЛЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ
РЕЖИМА «ХОЛОДНОГО МИРА»**

ОТСТУПЛЕНИЕ, АРБИТРАЖ, ОТСТУПЛЕНИЕ: ОТ ЯМИТА ДО ТАБЫ

I

Несмотря на искреннее стремление всех без исключения израильских руководителей добиться мирного урегулирования с Египтом, ответ на вопрос о том, какова будет цена, которую Израилю придется за это уплатить, отнюдь не был очевидным для них самих. Когда в ноябре 1977 года президент Египта прибыл в Иерусалим, то выступил на пленарном заседании Кнессета; обращают на себя внимание слова, написанные тогдашним председателем израильского парламента Ицхаком Шамиром в книге воспоминаний: «Садат постарался отсечь всякие сомнения относительно цены за мир, им установленной. Полное израильское отступление к границам 1967 года было, по его мнению, непреложным условием примирения. Он ясно заявил, что никакой мир невозможен в сочетании “с завоеванием земли ближнего”»²⁶⁷. Сказанное отчетливо демонстрирует, что А. Садата в Иерусалиме слушали очень внимательно.

Однако на переговоры в Кемп-Дэвид израильская делегация прибыла с твердым намерением противиться эвакуации созданных на Синайском полуострове

²⁶⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги* [1994] / пер. с иврита Ю. Шлейфман (Центр изучения наследия Иерусалима, 2000), стр. 147.

еврейских поселений. Поскольку Менахем Бегин книгу об этих переговорах не написал, сложно однозначно сказать, как именно он предполагал решить данную проблему; осмелимся предположить, что оптимальным вариантом премьер-министру Израиля виделось возвращение Египту Синайского полуострова с условием, что территория, на которой находились еврейские поселения, была бы взята Израилем в постоянную, или, в крайнем случае, долгосрочную аренду: именно последний вариант, кстати сказать, был реализован при подписании мирного договора Израиля с Иорданией в 1994 году, когда Нахараимский анклав был взят Израилем в аренду на 25 лет, после чего возвращен Иордании в 2019 году. По свидетельству Элияху Бен-Элисара, в 1977–1980 годах возглавлявшего администрацию главы правительства Израиля, а впоследствии ставшего первым послом Израиля в Египте, записанному американским политологом К. Стайном, М. Бегин был готов полностью возвратить Синайский полуостров под египетский суверенитет, но при этом не был готов эвакуировать созданные там поселения²⁶⁸. Как отмечал биограф М. Бегина, бывшие членами его правительства генералы А. Шарон и М. Даян полагали, что с продвижением мирного процесса между двумя странами А. Садат согласится с сохранением небольшого числа созданных на Синайском полуострове еврейских поселений²⁶⁹.

²⁶⁸ См.: Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy*, pp. 251–252.

²⁶⁹ Ави Шилон, *Бегин: 1913–1992* (Тель-Авив: «Ам овед», 2007), стр. 296 [на иврите].

Вечером 7 сентября 1978 года Менахем Бегин рассказал членам израильской делегации, находившимся вместе с ним в Кемп-Дэвиде, о своей первой встрече с А. Садатом и Дж. Картером. Обращал на себя внимание тот факт, что во время этой встречи – уже непосредственно в ходе саммита в Кемп-Дэвиде! – глава правительства Израиля дважды отказался принять эвакуацию каких бы то ни было поселений как условие заключения договора с Египтом. М. Бегин сказал тогда: «Я не могу согласиться демонтировать поселения²⁷⁰, в Израиле нет партии, которая согласится на это». По свидетельству М. Бегина, в этот момент А. Садат категорически отрезал: “*There can’t be any settlement on my land. I can never agree to that*” [«На моей земле не может остаться какое-либо поселение. Я никогда не соглашусь на это»]. Спустя некоторое время беседа опять вернулась к судьбе еврейских поселений на Синайском полуострове, и М. Бегин представил весьма интересный анализ, полностью противоречивший тому, что случилось считанные недели спустя: «Предположим, что я приду и порекомендую демонтировать поселения, я буду забаллотирован²⁷¹ в едином порыве своими сторонниками и своими противниками, у них будет подавляющее большинство, и я, конечно, буду вынужден оставить свой

²⁷⁰ В оригинале – *to dismantle the settlements*; даже общаясь на иврите с членами израильской делегации, М. Бегин употребил этот оборот на английском языке.

²⁷¹ Здесь М. Бегин опять перешел на английский и использовал глагол *outvoted*.

пост, но главное в том, что Кнессет не примет подобные условия». По свидетельству М. Бегина, в этот момент А. Садат вскочил и буквально прокричал: *“And the same I have to say: I shall never agree to the settlements on my land”*²⁷² [«Я должен сказать то же самое»].

Тогдашний министр обороны Эзер Вейцман свидетельствовал в своих воспоминаниях, что только на восьмой день Кемп-Дэвидских переговоров, 14 сентября 1978 года, он понял, что Израиль стоит перед альтернативой: «Сохранение поселений и аэропортов [на Синае] – или мирный договор. Невозможно держать посох с обоих концов. Это был момент истины. До этих пор я делал всё от меня зависящее, чтобы сохранить поселения и аэропорты, – но дальше невозможно. “Нет выхода, – сказал я [генералу] А. Тамиру, – если мы не эвакуируем Ямит, то следующая война начнется из-за Ямита”»²⁷³.

Э. Вейцман не объяснил, что произошло в этот день, напомним, – спустя целый год после визита А. Садата в Иерусалим и его выступления в Кнессете, что он столь кардинально изменил свое мнение. Насколько можно судить на основании документов и свидетельств, египтяне отстаивали одну и ту же позицию по вопросу о еврейских поселениях на Синае на всем протяжении переговоров.

²⁷² Цит. по: М. Бегин рассказывает о встрече с Дж. Картером и А. Садатом (записал Эльяким Рубинштейн) // *Менахем Бегин – шестой глава правительства. Сборник документов*, под ред. А. Наора и А. Ламмфромма (Иерусалим: Государственный архив Израиля, 2014), стр. 373–375 [на иврите].

²⁷³ Эзер Вейцман, *Битва за мир*, стр. 341–342.

Х. эль-Тухами, встречавшийся с М. Даяном в Марокко еще до исторического визита А. Садата в Иерусалим, использовал в беседе с советником министра иностранных дел Израиля Э. Рубинштейном следующую метафору: «Синай – как рубашка, которую нужно постирать, а поселения – пятна, которые нужно отмыть»²⁷⁴.

Э. Вейцман, пусть и не объяснив причин, четко обозначил, когда именно он сам изменил позицию в отношении судьбы города Ямит и других еврейских поселений на Синайском полуострове. Столь же надежных данных о том, когда с эвакуацией Ямита примирился М. Бегин, у нас нет. У. Квандт указал, что и 15 сентября М. Бегин отказывался соглашаться на ликвидацию поселений на Синае²⁷⁵. По свидетельству Э. Рубинштейна, М. Бегин принял решение в одиночку, без консультаций с министрами обороны и иностранных дел, которых он не пригласил для решающего обсуждения в коттедж, предоставленный ему американцами, где вместе с ним находились только его супруга Ализа (1920–1982) и преданный секретарь Иехиэль Кадишай (1923–2013)²⁷⁶. В беседе с биографом М. Бегина И. Кадишай отметил, что премьер был очень рассержен на министра обороны, с такой легкостью отказавшегося от положений программы Партии Свободы, от которой был избран в Кнессет²⁷⁷, и от

²⁷⁴ См.: Эльяким Рубинштейн, *Пути к миру* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 1992), стр. 61 [на иврите].

²⁷⁵ William Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics*, p. 237.

²⁷⁶ Эльяким Рубинштейн, *Пути к миру*, стр. 62.

²⁷⁷ См.: Ави Шилон, *Бегин: 1913–1992*, стр. 305.

обязательств, принятых перед вылетом в Кемп-Дэвид: М. Бегин обещал, что если американцы потребуют ликвидации созданных на Синае еврейских поселений, то израильская делегация откажется от продолжения переговоров и вернется в Иерусалим²⁷⁸.

Моше Даян пытался предложить компромиссное решение, согласно которому обсуждение судьбы Ямита и других еврейских поселений на Синайском полуострове переносилось бы на период после завершения Израилем первого этапа вывода войск; М. Даян аргументировал свое предложение тем, что на этом первом этапе эвакуация израильских вооруженных сил из районов, где были созданы поселения, в любом случае не предполагалась²⁷⁹. Однако египтяне категорически отвергли данное предложение, получив при этом полную поддержку Дж. Картера и других членов американской делегации. Единственное, чего сумел добиться М. Бегин (и о чем уже говорилось в пятой главе настоящей книги), так это признания того, что его подпись под соглашением на эвакуацию поселений является предварительной и обретет юридическую силу только после утверждения Кемп-Дэвидских соглашений Кнессетом. Договоренности по данному вопросу не удавалось достигнуть на всем протяжении Кемп-Дэвидских переговоров – по свидетельству Дж. Картера, итоговая формула была согласована им с юридическим советником правительства Израиля А. Бараком, ведущим переговоры с санкции

²⁷⁸ Там же, стр. 306.

²⁷⁹ Там же, стр. 305.

М. Бегина, только днем 17 сентября²⁸⁰. Именно тогда Джимми Картер записал в дневнике: «Есть один важный вопрос, по которому не было достигнуто соглашение. Египет заявляет, что согласие на удаление израильских поселений с египетской территории является предварительным условием мирного договора. Израиль заявляет, что вопрос еврейских поселений должен быть решен в ходе мирных переговоров. В течение двух недель Кнессет примет решение по вопросу поселений»²⁸¹. На этих условиях вечером того же дня руководители Израиля и Египта в присутствии президента США Дж. Картера подписали согласованный в Кемп-Дэвиде текст договора, при этом всем присутствующим было очевидно, что судьба Ямита и семнадцати других еврейских поселений на Синайском полуострове решена, и решена однозначно.

В некоторых израильских публикациях говорилось, что Ямит был будто бы запланирован как крупный город-порт, экономический и туристический центр. В реальности всё было намного скромнее: хотя эта территория находилась под израильским контролем с июня 1967 года, решение о создании поселка городского типа на средиземноморском побережье Синайского полуострова правительство Израиля приняло лишь более чем шесть лет спустя, в сентябре 1973 года, а первая инициативная группа жителей, которой руководил уроженец Риги Борис

²⁸⁰ Jimmy Carter, *White House Diary*, p. 243.

²⁸¹ Jimmy Carter Presidential Library and Museum, Atlanta, GA, National Security Affairs, Brzezinski Material, Country File, Box 53, Middle East: Camp David President's Working Papers, 9/10–27/78.

Кузенец, прибыла туда уже после Войны Судного дня. Активное строительство, а за ним и заселение, начались еще позже: только во второй половине 1975 года. На пике население города едва превышало две с половиной тысячи человек: светские и религиозные, уроженцы Израиля и новые иммигранты, среди которых довольно значительную часть составляли идеалисты, недавно прибывшие из СССР, Аргентины и США. Было построено около пятидесяти домов, детский сад, школа, синагога, иешива, поликлиника, несколько магазинов, а затем и супермаркет, дом культуры и спорткомплекс с бассейном. В городе был также возведен мемориал, посвященный израильским воинам, погибшим в боях за Синайский полуостров. Поскольку значительную часть жителей Ямита составляли специалисты с высшим образованием, существовал план создания в городе технологического кластера, который, однако, так и не был реализован.

Как уже отмечалось, вывод войск с территории Синая проходил в два этапа: в январе 1980 года Египту был возвращен весь восточный сектор полуострова, а оставшаяся часть – в апреле 1982 года. Здесь, помимо Ямита, находилось еще несколько еврейских поселений: Ацмона, Приэль, Натив ха'асара, Нир-Авраам и другие. Все они были разрушены, а их жителям выплачены компенсации. Однако символом был именно Ямит, как крупнейший населенный пункт: число его жителей примерно равнялось населению всех остальных еврейских поселений на Синайском полуострове, вместе взятых. О том, насколько жители этого города отказывались поверить в то, что они будут из него изгнаны,

рассказывала, в частности, уроженка Москвы Люся Бренер, принадлежавшая к ядру основателей Ямита:

«Бегин засобирился в Америку, в Кемп-Дэвид, на встречу с Картером и Садатом. И перед самым отъездом за океан приехал к нам, в Ямит, и заявил, что Израиль ни за что не отступит с Синае, что мы никогда не отдадим Ямит, что если только в Кемп-Дэвиде возникнут разговоры об эвакуации поселений, он тут же соберет чемоданы и вернется домой. ... Поэтому мы все были совершенно спокойны и уверены, что никакая опасность Ямиту не грозит, что все как-то уладится, и неприятности нас минуют. Но когда Бегин вернулся из Америки, он вдруг начал говорить о том, что Синай переходит к Египту, что такова цена мира, что придется оставить и Ямит, и все поселения.

И опять у нас никто не поверил в то, что это серьезно, что событие уже свершилось. Все думали, что это может быть просто тактический шаг, ход в переговорах, или какой-то пропагандистский жест. Уж больно все это было дико, нелогично, противоестественно, глупо. Разве для дела мира это нужно – бросать “на ветер” только что выстроенный красавец-город? ... И если уж Египет так хочет мира, пусть построит рядом с Ямитом свой новый город, пусть на Синае будут стоять рядом если и не города-побратимы, то хотя бы города – добрые соседи. Но что это за “мир”, если ради него надо уничтожить мирные города и села, дороги и линии электропередачи, плантации цветов и другие сельскохозяйственные угодья, промышленные предприятия и сотни

километров дорогостоящих коммуникаций, а самое главное – калечить судьбы тысяч людей? Нет, никто не верил, что мы уже отданы на заклание, что мы уже принесены в жертву “миру”. ... И так по инерции все мы продолжали жить, работать, развивать свой бизнес.

Но уже появились первые признаки грядущей угрозы. Сначала перестали продавать уже готовые к заселению квартиры и коттеджи. И заморозили уже начатое строительство третьей и четвертой очереди Ямита. ... Остановилось и строительство спортивного комплекса, других общественных сооружений. И такое двусмысленное положение продолжалось почти три года – с 1979 до самой сдачи города в апреле 1982. Конечно, в последний год, когда правительство объявило, что жителям Ямита будут выплачены компенсации за их дома, за их бизнесы, когда в прессе, в обществе началась кампания в поддержку мирного договора с Египтом и нашего отступления с Синаем, нам всем стало ясно, что процесс необратим, что нашей жизни здесь пришел конец»²⁸².

Еще в феврале 1979 года, то есть до подписания официального мирного договора с Египтом, была создана межминистерская комиссия, которая должна была заниматься всеми вопросами, касавшимися ухода Израиля с Синайского полуострова. За месяц до этого – в январе 1979 года – М. Бегин побывал в Ямите, где, встречаясь с

²⁸² Цит. по: Александр Баршай, *Гибель Ямита* (Иерусалим: «Лира», 2005).

жителями, сделал весьма противоречивое заявление: «Никакое решение проблемы поселенцев, вынужденных покинуть свои дома, не будет навязанным, а будет принято и реализовано только с вашего согласия». Это было определенное лукавство, ибо *поселенцы в принципе совершенно не хотели куда бы то ни было эвакуироваться, необходимость покинуть дома и фермерские хозяйства уже была им навязана*. У Израиля не было никакого предшествующего опыта эвакуации гражданских или сельскохозяйственных поселений и, как следствие, *не было никакого стандарта и механизма выплат компенсаций вынужденным переселенцам и их расселения в других районах страны*.

Сложившаяся ситуация привела к ряду проблем, из которых наиболее принципиальными представляются две.

Во-первых, *вынужденные покинуть свои дома жители хотели разного*. С одной стороны, были люди, которые никаких денег не хотели, выражая заинтересованность в том, чтобы их общинное хозяйство было воссоздано где-то в другом месте. Ализа Вайсман, жившая тогда на Синайском полуострове и лично присутствовавшая при описываемых событиях, вспоминала, что когда спустя примерно год после Кемп-Дэвидского саммита Менахем Бегин прибыл на вертолете сначала в Ямит, а затем в Натив ха'асара, то жители этого поселка сказали главе правительства: «Мы не просим денег, мы хотим продолжать вносить свой вклад в освоение Земли Израиля. Мы хотим получить дом за каждый оставляемый нами дом здесь, теплицу – за

каждую оставляемую нами теплицу здесь»²⁸³. Фермерский поселок Натив ха'асара был воссоздан (под тем же именем) в 1982 году на расстоянии нескольких сот метров от сектора Газа, и существует и поныне.

С другой стороны, были и те, кто как раз видел в сложившейся ситуации уникальную возможность личного обогащения, выдвигая заведомо завышенные финансовые требования. Поскольку никаких критериев в отношении того, по какому алгоритму должны определяться суммы выплат, не существовало, то различные инициативные группы нанимали хватких юристов, чтобы те вели от их имени переговоры об уплате им компенсаций. В этой связи заслуживает упоминания тот факт, что две комиссии по компенсационным выплатам (одна из них – по поселениям на севере Синайского полуострова, а другая – на юге), созданные в 1980 году, работали до 1986 года, то есть не только до эвакуации, но и четыре последующих года после нее, когда израильских граждан на Синае уже не было²⁸⁴. Обращал на себя внимание и тот факт, что *Закон о компенсациях* был принят Кнессетом только 6 апреля 1982 года, то есть когда подавляющее большинство еврейских жителей Синай уже покинули и компенсации получили. Эвакуация первого из ликвидированных

²⁸³ Цит. по: Ализа Вайсман, *История эвакуации поселений из района Ямита* (Бейт-Эль: «Сифрият Бейт-Эль», 1990), стр. 92–93 [на иврите].

²⁸⁴ Нурит Калиот и Шмуэль Альбек, *Синай – анатомия эвакуации поселений* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 1996), стр. 73 и далее [на иврите].

поселений – Ган ха'ерек – закончилась еще 24 мая 1979 года, то есть почти за три года до принятия Закона о компенсациях жителям! Из этого ни в коем случае нельзя заключить, что до принятия закона компенсации не выплачивались: они выплачивались очень активно, но это происходило в отсутствие единой законодательной базы.

Изначально функция определения размеров компенсаций была возложена на судью Верховного суда в отставке Цви Берензона (1907–2001), под руководством которого были выработаны критерии, включавшие в себя не только полную кадастровую стоимость недвижимого имущества, которое жители Синая вынуждены были оставить, но и дополнительные выплаты, основанные на «системе коэффициентов»: людям, прибывшим на Синай в числе первых, полагались выплаты большие, чем поселившимся там позднее; за каждого из детей полагались дополнительные денежные средства, размер которых увеличивался с их возрастом. М. Бегин попросил судью Ц. Берензона отнестись к поселенцам с максимальной чуткостью. Ц. Берензон всё же стремился сформировать единые критерии выплат эвакуируемым жителям всех поселений. Когда Ц. Берензон узнал, что Министерство сельского хозяйства согласилось выплатить фермерам из поселения Наот-Синай средства намного большие, чем следовало бы, исходя из сформулированных критериев, то он, объявив это опасным свидетельством бюджетно-правовой анархии, ушел в отставку²⁸⁵.

²⁸⁵ Ализа Вайсман, *История эвакуации поселений из района Ямита*, стр. 87–88.

История с назначением и отставкой Ц. Берензона иллюстрирует вторую проблему: бюрократический бардак, отличавшийся наличием нескольких межминистерских комиссий, с одной стороны, и действиями каждого министерства и ведомства так, как будто оно существует в вакууме, с другой. Поселенцы и их представители обивали пороги министерств сельского хозяйства, строительства, обороны, Поселенческого департамента Еврейского агентства, государственной Службы трудоустройства – и везде были свои критерии и давались свои обещания, с критериями и обещаниями других органов власти не особенно сочетавшиеся. В ответ на жалобы поселенцев, М. Бегин поручил главе своей администрации Э. Бен-Элисару лично возглавить межминистерскую комиссию, координирующую всю деятельность государственных органов, касающуюся выселяемых жителей Синайского полуострова. Однако, как отмечала А. Вайсман, Э. Бен-Элисар лишь нехотя согласился взять на себя эти обязанности, потому что не мог и не хотел отказать М. Бегину, но практически сразу перепоручил всю работу заместителям и заместителям заместителей, а уже в марте 1980 года отправился послом в Каир. Сотрудников, которым Э. Бен-Элисар поручил эту деятельность, в других госучреждениях не воспринимали как лиц, полномочных давать указания и распоряжения, а потому бюрократический бардак только усилился²⁸⁶. В конечном итоге, все вынужденные переселенцы получили

²⁸⁶ Ализа Вайсман, *История эвакуации поселений из района Ямита*, стр. 94.

компенсации, но порой одинаковые по составу семьи, имевшие примерно одинаковые хозяйства, оказывались «имеющими право» на выплаты существенно разных размеров. Поселок Натив ха'асара, жители которого обратились напрямую к М. Бегину, был перенесен в другое место, но фермерские хозяйства из других поселений, с тружениками которых премьер-министр не встретился лично, воссозданы не были.

Несмотря на то, что Кемп-Дэвидские соглашения были подписаны и утверждены правительством «Ликуда», часть «правого» лагеря выступила резко против территориальных уступок и ликвидации еврейских поселений на Синайском полуострове. Возникло общественное Движение за предотвращение отступления во главе с публицистом Ури Элицуром (1946–2014); сам он, впрочем, никогда не жил на Синайском полуострове, в 1975 году переехав из Иерусалима, где родился и вырос, в поселение Офра в Самарии. Особенно активно против условий соглашения с Египтом выступали не имевшая тогда парламентского представительства партия «Ках» (в 1984 году она провела в Кнессет одного депутата, а впоследствии была запрещена) и движение «Гуш Эмумим» [«Блок верных»]. У резиденции премьер-министра М. Бегина на улице Бальфура в Иерусалиме неоднократно проходили демонстрации протеста, не оказавшие, впрочем, практически никакого влияния на происходившие события. М. Бегин сам боролся как мог и сколько мог, чтобы сохранить еврейские поселения на Синае, и в связи с тем, что ему в итоге пришлось согласиться с их ликвидацией, он испытывал

неподдельную боль. Из чувства вины он дал указание выплатить жителям этих поселений компенсации, существенно превышавшие рыночную стоимость оставленного ими имущества. Большинство жителей согласились на компенсацию и без эксцессов покинули поселения в течение двух последних лет их существования, купив квартиры или дома в других городах Израиля или на контролируемых территориях: в Иудее, Самарии и Газе. Однако меньшинство было настроено «биться до конца», и это очень беспокоило М. Бегина, который решил на шаги, которые в иных обстоятельствах, скорее всего, не сделал бы.

26 мая 1980 года Эзер Вейцман, не доработав трех недель до завершения третьего года на посту министра обороны, подал в отставку. На протяжении более чем года, до 5 августа 1981-го, Менахем Бегин сам исполнял обязанности министра обороны, наряду с занимаемым им постом главы правительства. Прецеденты такого совмещения уже были: и Давид Бен-Гурион в 1948–1953 и 1955–1963 годах, и Леви Эшколь в 1963–1967 годах возглавляли правительство, будучи при этом и министрами обороны. Однако после 1967 года в Израиле всегда был министр обороны, работавший на полную ставку. Боровшийся с раком Моше Даян ушел из кабинета еще раньше, чем Эзер Вейцман, – 23 октября 1979 года, спустя четыре месяца после перенесенной им тяжелой операции; жить ему после отставки оставалось менее двух лет. В правительстве остался, таким образом, всего один генерал в отставке, который видел себя «естественным» кандидатом на пост министра обороны – Ариэль Шарон.

Он оказывал сильнейшее давление на М. Бегина, требуя перевести его из Министерства сельского хозяйства, которое он возглавлял, в Министерство обороны, но на протяжении более чем года не мог ничего добиться. В военно-политическом руководстве страны ценили храбрость и решительность А. Шарона, однако знали и о его склонности к военным авантюрам, и о легкости, с которой он докладывал в большей или меньшей степени недостоверную информацию, если считал таковую выгодной для поддержки точки зрения, которую он сам отстаивал. Именно по этим причинам он не был назначен в июне 1973 года ни начальником Генерального штаба, ни его заместителем, демобилизовавшись из армии с поста командующего Южным военным округом. Назначением на пост министра обороны А. Шарон хотел «утереть нос» генералам армии Моше Даяну, Игалю Ядину, Моте Гуру и всем остальным, кто не позволил ему возглавить Генштаб, но, поскольку черты характера отставного генерала не изменились, эти же люди настоятельно советовали М. Бегину Министерство обороны ему ни в коем случае не доверять²⁸⁷ – и больше года глава правительства этому совету следовал. Однако когда дата вынужденного выселения жителей Ямита становилась всё ближе, М. Бегин пришел к выводу, что нет иного кандидата, кроме «ястреба» и «бульдозера» А. Шарона, который с этой задачей сможет справиться²⁸⁸. Дело было как в

²⁸⁷ См.: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона* (Ор-Иехуда: «Двир», 2015), стр. 137.

²⁸⁸ Там же, стр. 137–138.

неподдельном уважении, которое питали поселенцы к во многом легендарному боевому прошлому А. Шарона, с одной стороны, так и в его готовности любой ценой заполучить пост министра обороны, с другой: он однозначно обещал М. Бегину, что проведет эвакуацию в указанные сроки в полном объеме, приложив при этом максимум усилий для того, чтобы не пролилось ни капли чьей-либо крови. Это было равно то, что М. Бегину требовалось, и А. Шарон желанное назначение получил.

Эвакуация последних жителей Ямита началась утром 19 апреля 1982 года²⁸⁹. Противники отступления с Синайского полуострова (многие из которых там никогда не жили, специально прибыв туда к решающим, как они верили, дням борьбы) забаррикадировались в домах, на крышах и в подвалах. Прибывшим солдатам они оказывали преимущественно пассивное сопротивление, но некоторые бросали в военных различные предметы, приковывали себя к железным воротам и угрожали взрывом газовых баллонов, вследствие чего в отдельных случаях армия была вынуждена применить водометы. В течение трех дней из Ямита были эвакуированы почти все, кто там находился. Среди наиболее резко настроенных борцов против эвакуации были последователи раввина Меира Кахане (1932–1990), которые клялись, что скорее погибнут, чем покинут город. После личного вмешательства М. Кахане, которому по распоряжению М. Бегина был предоставлен вертолет для срочного

²⁸⁹ См.: Борис Ентин, «Груды бетона и песок на месте поселения» // портал *Детали* (Израиль), 23 апреля 2021 г.

прибытия в Ямит²⁹⁰, они согласились покинуть город. Утром 23 апреля там оставались только несколько студентов во главе с сыном депутата Кнессета Геулы Коэн Цахи Ханегби (в 1988 году в парламент был избран и он сам, сделав впоследствии впечатляющую политическую карьеру), закрепившихся на смотровой площадке обелиска погибшим бойцам. После нескольких часов переговоров военным удалось уговорить спуститься и их, после чего в опустевшее поселение прибыли армейские бульдозеры, приступившие к разрушению домов. К вечеру на месте Ямита остались только груды бетона и песок. Очень важно, что в ходе всего процесса эвакуации поселенцев не было ни погибших, ни раненых, но травма разрушения в мирное время органами власти собственной страны вполне благополучного, развивавшегося города кровоточила еще немало лет.

Успешно проведенная эвакуация очень укрепила статус Ариэля Шарона²⁹¹, который спустя полтора месяца, 5 июня 1982 года, добился принятия правительством решения о начале боевых действий против ООП на территории Ливана. А. Шарон ратовал за эти шаги еще в середине 1970-х годов, и удвоил усилия, как только стал министром обороны²⁹². Поскольку довольно-таки очевидно, что если бы на повестке дня не стояла задача проведения эвакуации жителей разрушаемых еврейских поселений на Синайском полуострове, то Ариэль Шарон

²⁹⁰ См.: Ави Шилон, *Бегин: 1913–1992*, стр. 370.

²⁹¹ Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 139–140.

²⁹² Ави Шилон, *Бегин: 1913–1992*, стр. 366–367.

не был бы назначен министром обороны, а если бы он назначен не был, то израильская армия с высокой степенью вероятности не начала бы войну на территории Ливана и уж точно не оккупировала бы Бейрут, то напрашивается однозначный, хотя и очень парадоксальный вывод: *именно мирный договор Израиля с Египтом проложил дорогу к Первой израильско-ливанской войне, которая, в свою очередь, привела, в частности, к отзыву из Тель-Авива египетского посла.*

II

Вопрос о контроле над районом Табы, площадь которого составляет всего 1.020 квадратных метров, на долгие семь лет стал камнем преткновения в израильско-египетских отношениях. В конечном итоге, египтяне получили почти всё, что хотели, а все старания Израиля сохранить контроль над этим небольшим участком земли, где были выстроены первоклассная гостиница «Sonesta» и санаторий, оказались тщетными.

Этот вопрос был впервые поднят египетской стороной за несколько месяцев до осуществления заключительного этапа вывода израильских войск с Синайского полуострова. В ходе его обсуждения в двусторонней комиссии по военным вопросам египтяне указали, что район Табы находится на территории, которая также должна быть возвращена под их контроль. Израильские представители в комиссии отклонили эти притязания, указав, что гостиница, строительство которой как раз завершалось в Табе, находится на суверенной

территории Израиля; кстати сказать, разрешение на это строительство было дано только после получения двух независимых заключений юристов о том, что эта земля по праву принадлежит Израилю²⁹³. Египтяне же показывали карту в брошюре, опубликованной, как ни удивительно, Министерством туризма Израиля, согласно которой Таба находилась по египетскую сторону границы. Посол Э. Дубек вспоминал, как эта карта была показана ему в Министерстве иностранных дел Египта. После этого посол направил срочную телеграмму в МИД в Иерусалим, требуя объяснений, как такое стало возможным, «что правая рука не знает, что делает левая»²⁹⁴. По получении данной телеграммы, Министерство иностранных дел распорядилось немедленно прекратить распространение буклета, содержавшего карту, в израильских представительствах за рубежом, однако, как отмечал сам Э. Дубек, «было уже слишком поздно: египетские официальные лица уже имели в своем распоряжении более чем достаточное число экземпляров этой выпущенной в Израиле карты, которую они показывали при любой возможности» – и своим израильским собеседникам, и иностранным дипломатам²⁹⁵.

²⁹³ См.: Рут Лапидот, «Вердикт арбитража в конфликте о Табе» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 174 [на иврите].

²⁹⁴ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1998), стр. 312 [на иврите].

²⁹⁵ Там же.

Крайне неудачной для Израиля оказалась и поездка соруководителей двусторонней комиссии по военным вопросам Камалю Хасану Али и бригадного генерала Дова Сиона на израильско-египетскую границу, о чем мне рассказал тогдашний израильский посол в Каире Моше Сассон в ходе одной из наших встреч²⁹⁶. На протяжении длительного времени египтяне утверждали, что на границе с Израилем в районе Табы находился так называемый валун №91, на который была нанесена разметка, свидетельствующая о том, что граница проходит именно здесь²⁹⁷. Египтяне не раз обращались к своим израильским собеседникам с просьбой направить поисковую группу в район Табы с целью найти этот валун, на что получали ответ, что Израиль предпринял все возможные усилия, но описываемый ими камень обнаружен не был. В молодые годы Камаль Хасан Али служил в Табе, и, оказавшись там, он этот валун на глазах Дова Сиона и Моше Сассона практически сразу же нашел. Расположение валуна однозначно свидетельствовало о том, что гостиница «Sonesta» была построена не на израильской, а на египетской территории. Моше Сассон рассказывал мне, что испытал чувство недоумения и стыда в связи с тем, что израильские военные не смогли как следует прочесать местность и убрать этот валун до того,

²⁹⁶ С М. Сассоном мы встречались в Иерусалиме в августе 2000 г.

²⁹⁷ См.: Робби Сабель, «Переговоры о компромиссе в конфликте о Табе» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 178 [на иврите].

как он был найден и сфотографирован руководителем египетской делегации²⁹⁸. После этого отстаивать свою позицию Израилю стало куда труднее, ибо аргументы о том, что «пустынные ветры могли сдвинуть валун с того места, где он находился изначально» звучали, мягко говоря, не слишком убедительно.

Египет – большая страна, территория которой превышает миллион квадратных километров, и малюсенький участок, на котором кроме гостиницы и санатория ничего и не было, не имел – и не мог иметь – никакого принципиального значения. Однако Хосни Мубараку вопрос о Табе предоставил возможность продемонстрировать своему народу, как он бьется, словно лев, отстаивая каждый сантиметр египетской земли. Количество публикаций в египетских газетах, посвященных этому ни с какой точки зрения не принципиальному вопросу, было огромным; маленький анклав, площадью всего в тысячу квадратных метров, получил едва ли не такое же значение, как весь Синайский полуостров, площадью шестьдесят тысяч квадратных километров, который Израиль возвращал Египту.

Внимательное изучение вопроса израильскими специалистами по исторической географии показало, что в османский период, в 1906 году, граница была установлена таким образом, что район Табы находился в Палестине, однако во времена британского мандата, когда была проведена тщательная рекогносцировка границы, Таба «оказалась» в Египте. Согласно Кемп-Дэвидскому

²⁹⁸ С М. Сассоном мы встречались в Иерусалиме в августе 2000 г.

соглашению и мирному договору между Израилем и Египтом, именно британские карты были признаны определяющими для установления границы между двумя странами, что в данном случае фактически лишало Израиль возможности отстоять свою позицию. Как минимум двое израильских дипломатов – Йосеф Бен-Аарон, с 1977 года работавший в МИДе, а в октябре 1983 года ставший начальником канцелярии нового министра иностранных дел Ицхака Шамира, и советник-посланник в Каире Эфраим Дубек – предлагали, чтобы Израиль перешел к политике «активной обороны», посоветовав заявить недавно ставшему президентом Хосни Мубараку, что если египтяне не согласны признать, что с выводом израильских войск с Синайского полуострова 25 апреля 1982 года территориальные споры урегулированы и полностью снимаются с повестки дня, то завершающий этап вывода войск будет отложен до нахождения взаимоприемлемого компромисса по данному вопросу. Оба опытных дипломата считали, что опасение «потерять всё» побудит египетское руководство отказаться от притязаний на столь малозначительный участок. Й. Бен-Аарон дал этот совет И. Шамиру в ходе их визита в Египет²⁹⁹, а Э. Дубек – тогдашнему генеральному директору Министерства иностранных дел Д. Кимхи³⁰⁰.

²⁹⁹ См.: Йосеф Бен-Аарон, «Внешнеполитическая борьба в 1981–1992 годах» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Оеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 169 [на иврите].

³⁰⁰ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

Эти рекомендации не встретили понимания. Посол в Каире Моше Сассон считал, что такая угроза со стороны Израиля нанесет непоправимый ущерб «атмосфере мирного строительства» между двумя странами; он был заинтересован в как можно более быстром разрешении этого спора, по большому счету – вне зависимости от того, каким образом и с каким результатом. По свидетельству Э. Дубека, с точки зрения М. Сассона, мир с Египтом имел стратегическое значение для Израиля, и, отдав огромный Синайский полуостров, нет причин плакать именно по гостинице в Табе³⁰¹.

Выработка израильской позиции по этому вопросу не относилась к полномочиям посольства, а Давид Кимхи придерживался точки зрения, отличной как от подхода Й. Бен-Аарона и Э. Дубека, так и от мнения М. Сассона. Генеральный директор Министерства иностранных дел считал, что оптимальным для Израиля было максимально затянуть данный спор, передав его на рассмотрение согласительной комиссии или арбитража. Это, с одной стороны, не предполагало откровенно недружественных резких действий по отношению к Египту, которые предлагали Й. Бен-Аарон и Э. Дубек, а с другой стороны, не требовало сразу же отдавать Табу египтянам, на что был однозначно готов М. Сассон. При этом Д. Кимхи надеялся, что с течением времени укрепляющаяся атмосфера мирного сосуществования между Израилем и Египтом побудит египтян постепенно забыть о столь незначительном вопросе, как контроль над Табой. Всё

³⁰¹ См.: Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 313.

последующее развитие событий показало, что для подобного оптимизма не было никаких оснований.

Седьмой параграф израильско-египетского мирного договора гласил:

«1. Разногласия, могущие возникнуть в ходе реализации этого договора или при его толковании, улаживаются с помощью переговоров;

2. Все споры, которые невозможно решить с помощью переговоров, улаживаются в ходе процедуры “примирения” или с помощью арбитража».

Ицхак Шамир вспоминал: «Это примирение позже получило название “компромисс”. Я поддерживал компромисс, а не арбитраж – по нескольким причинам. Я считал, что арбитраж, в лучшем случае, свидетельствует о наличии между нами конфликта, а этого следует по возможности избегать; я знал, что арбитраж, в отличие от компромисса, обязывает; я думал, что арбитраж, в конце концов, – опасный механизм, не слишком подходящий для решения проблем, возникающих между странами, которые только что приступили к созданию добрососедских отношений. Ведь арбитраж – это нечто вроде суда, где каждая сторона пытается опровергнуть аргументы другой стороны, представить решающие доказательства своей правоты и т.д.»³⁰².

Вопрос о том, каким путем будет урегулирован спор о Табе, сам по себе стал предметом горячих дискуссий. В

³⁰² Ицхак Шамир, *Подводя итоги* [1994] / пер. с иврита Ю. Шлейфман (Центр изучения наследия Иерусалима, 2000), стр. 232.

апреле 1982 года, когда Израиль вывел свои войска со всей территории Синайского полуострова, за исключением Табы, делегация во главе с Давидом Кимхи договорилась с египтянами о временных параметрах, касавшихся этого спорного участка, при том, что согласия по вопросу об обращении либо к процессу «примирения» (на чем, как указывалось выше, настаивал тогдашний министр иностранных дел Израиля Ицхак Шамир), либо в арбитраж (чего требовали египтяне), по свидетельству ставшего в 1985 году юридическим советником МИДа Израиля д-ра Робби Сабеля, достигнуто не было³⁰³.

Как будет показано в десятой главе настоящей монографии, курс израильского руководства в отношении Египта отнюдь не был ни последовательным, ни единым: сменявшие друг друга руководители правительства, министерств иностранных дел и обороны, а также послы в Каире вели слишком часто каждый – свою игру. До выборов в Кнессет одиннадцатого созыва, прошедших 23 июля 1984 года, вопрос о Табе урегулирован не был, а итоги выборов привели к существенному изменению политического ландшафта в Израиле: если прежде блок «Ликуд» имел на один мандат больше, чем Партия Труда, и возглавлял правительство, сформированное вообще без её участия, то теперь Партия Труда опередила «Ликуд» на три мандата, а её председатель Шимон Перес возглавил правительство страны; Ицхак Шамир же вернулся в Министерство иностранных дел, куда его впервые

³⁰³ См.: Робби Сабель, «Переговоры о компромиссе в конфликте о Табе», стр. 179.

назначил М. Бегин. Однако если И. Шамир и М. Бегин, даже при наличии порой существенных разногласий, всегда поддерживали атмосферу конструктивного взаимодействия, то Ш. Перес «своего» главу МИДа, по мере возможности, просто игнорировал.

Ш. Перес согласился принять требование египтян о передаче вопроса о Табе на рассмотрение международного арбитража. Э. Дубек свидетельствовал, что в ходе своей встречи с Ш. Пересом в Женеве лично убеждал главу правительства в том, что «в этом вопросе прав министр иностранных дел И. Шамир, и что передача дела в арбитраж означает неминуемую потерю Табы. Я выразил понимание его устремлений продвигать мирные отношения с Египтом, пусть даже такой ценой, но предупредил его, что не стоит лелеять надежды в отношении того, что Израиль получит от Египта в ответ, ибо очень быстро станет ясно, что у египтян обещания – отдельно, а их выполнение – отдельно. Я закончил следующими словами: “Они продали Вам тот же товар, что уже десятки раз продали нам, и даже не потрудились заменить упаковку. Как и в прошлом, они не собираются выполнять собственные обещания. Максимум, что можно ожидать как плату за Табу, – это встреча между Вами и Мубараком и изменение статуса Мухаммеда Басьюни из временного поверенного в посла”»³⁰⁴.

Ицхак Шамир также охарактеризовал «веру в то, что подчинение египетским требованиям приведет к улучшению отношений», как «ошибочную»³⁰⁵. Министр

³⁰⁴ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 317.

иностранных дел отмечал, что Ш. Перес надеялся получить приглашение посетить Каир с государственным визитом, а также принять Хосни Мубарака в Иерусалиме; это должно было стать своего рода «компенсацией» за то, что А. Садат прилетел в Иерусалим не в дни правительства Рабина – Переса в 1974–1977 годах, а когда к власти уже пришел их непримиримый идеологический оппонент Менахем Бегин. Забегая вперед, скажем, что Х. Мубарак в сентябре 1986 года действительно принял Ш. Переса в Александрии, но сам в Израиль так и не прилетел.

В январе 1986 года правительство Израиля приняло решение о согласии на процедуру арбитража, при том условии, что будет сделана предварительная попытка примирения. В марте–апреле 1986 года между сторонами велись переговоры, в ходе которых египтяне потребовали полного возвращения Табы под их контроль, обещав гарантировать израильским гражданам беспрепятственный доступ в отель и санаторий без необходимости получения въездных виз; Египет также согласился выплатить компенсацию владельцу гостиницы. Поскольку переговоры, которые вели делегации, возглавлявшиеся опытным египетским дипломатом Набилем эль-Араби и генералом в отставке Авраамом (Абрашей) Тамиром, буксовали, в мае 1986 года к ним присоединились двое американских дипломатов, один из которых, Дан Курцер, в 1997–2001 годах служил послом США в Египте, а сразу после этого, в 2001–2005 годах, – в Израиле. Однако предложения, которые сделали

³⁰⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 233.

американские дипломаты, были сочтены в Израиле слишком проегипетскими; правительство отвергло их³⁰⁶.

В августе и в октябре 1987 года состоялись еще два раунда переговоров. Израильская делегация внесла два компромиссных предложения: либо раздел спорного участка между двумя сторонами в равных долях, либо признание египетского суверенитета над Табой при сохранении существовавшего положения дел: юридически территория должна была отойти к Египту, а практически – остаться под контролем Израиля. И. Шамир вспоминал: «Несколько лет я надеялся на то, что мы решим этот вопрос с египтянами конструктивно: поделим между собой этот клочок земли. Таба получит экстерриториальный статус, может быть, мы осуществим там совместный туристический проект, который считался бы символом мира. Но разговаривать было не с кем»³⁰⁷. Все сделанные Израилем предложения были отклонены.

Арбитраж начал рассмотрение данного вопроса в ноябре 1987 года в Женеве. Процесс шел под председательством шведского судьи Гуннара Лагергрена (1912–2008) и с участием судей Пьера Белета из Франции и профессора Дитриха Шиндлера из Швейцарии; Израиль в коллегии арбитров представляла проф. Рут Лапидот, а Египет – проф. Хамид Султан. Гуннар Лагергрэн имел богатейший опыт в качестве арбитражного судьи, участвовав в рассмотрении более чем семидесяти

³⁰⁶ См.: Робби Сабель, «Переговоры о компромиссе в конфликте о Табе», стр. 180.

³⁰⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 233.

международных споров, в том числе между Индией и Пакистаном в 1965–1969 годах³⁰⁸.

Обсуждение в арбитраже было достаточно длительным; решение было вынесено и обнародовано только 29 сентября 1988 года, причем, параллельно с рассмотрением дела в Женеве, американцы до мая 1988 года предпринимали посреднические усилия с целью добиться соглашения между сторонами вне процедуры арбитража. К сожалению, хотя с тех пор прошло тридцать три года, документы внешней политики США того времени еще не опубликованы, поэтому детальная информация о характере американских предложений недоступна исследователям. Четырьмя голосами против одного (профессор Рут Лапидот сформулировала особое мнение) аргументы египетской стороны о параметрах пограничной линии были приняты, вследствие чего спорная территория фактически передавалась Египту. Арбитры аргументировали свое решение пограничной линией, существовавшей между Палестиной и Египтом во времена британского мандата, подчеркивая важность уважения принципа стабильности и нерушимости границ, существовавших на протяжении длительного времени³⁰⁹.

С сентября 1988 по февраль 1989 года израильская делегация во главе с тогдашним генеральным директором

³⁰⁸ См.: Kaj Hobér, “In Memoriam, Gunnar Lagergren” // *Arbitration International*, Volume 25, Issue 4 (2009), pp. 633–634.

³⁰⁹ См.: Egypt-Israel Arbitration Tribunal: Award in Boundary Dispute Concerning the Taba Area // *International Legal Materials*, Volume 27, Issue 6 (1988), pp. 1421–1538.

МИДа Реуеном Мерхавом вела переговоры с египтянами в отношении реализации решения арбитража. Соглашение, подписанное Реуеном Мерхавом и Набилем эль-Араби 26 февраля 1989 года, гласило:

Правительства Египта и Израиля,

Подтверждая свою приверженность положениям мирного договора от 26 марта 1979 года и свое уважение к неприкосновенности и святости постоянной границы между Египтом и Израилем, являющейся признанной международной границей между Египтом и бывшей подмандатной территорией Палестины,

Признавая окончательным и обязательным для них решение Арбитражного суда от 29 сентября 1988 г., учрежденного по соглашению между сторонами от 10 сентября 1986 г.,

Расположив взаимно признанную международную границу между пограничным Столбом 91 и Акабским заливом,

Договорились о нижеследующем:

1. Постоянная граница между Египтом и Израилем, как это определено в статье II Договора о мире, пересекает Акабский залив в точке, обозначенной двумя правительствами на местах, как указано в Приложении.
2. В полдень 15 марта 1989 года или ранее Израиль отойдет за признанную международную границу³¹⁰.

Было также согласовано, что, помимо использования обычных заграничных паспортов, египетские власти

³¹⁰ Israel–Egypt Agreements on Taba // *Israel Law Review*, vol. 23 issue 1 (1989), p. 111.

разрешат въезд туристов в Табу по внутриизраильским удостоверениям личности. Египтяне гарантировали, что все туристы, въезжающие в этот район, будут освобождены от необходимости получать визы, а штампы о въезде и выезде будут проставлены либо в паспорте по запросу туриста, либо в регистрационных формах при въезде, и будут действительны в течение 14 дней. Кроме того, было согласовано, что не будет введен какой-либо сбор за въезд в Табу (дословно: «С лиц, въезжающих на расстояние менее одного километра от контрольно-пропускного пункта, не взимается какая-либо плата»). В дополнение к вышесказанному, стороны согласовали, что в гостинице «Sonesta» в Табе будут круглосуточно предоставляться услуги по обмену израильской валюты на египетскую – и наоборот, и что израильская валюта, сданная туристами в Табе, будет конвертирована в доллары США Банком Израйля. Все эти обязательства соблюдались полностью.

Израиль, в свою очередь, согласился на безвизовое посещение египетскими гражданами города Эйлат³¹¹. Впрочем, в туризме своих граждан в Эйлат не было заинтересовано само египетское правительство, и если в Табе ежегодно бывали десятки тысяч израильтян, то в ответном направлении туризма практически не было.

Израиль вернул Египту территорию, на которой располагалась гостиница, но сохранил за собой 250 метров береговой линии на Красном море (см. карту на стр. 203), на которую египтяне изначально тоже претендовали.

³¹¹ См.: Робби Сабель, «Переговоры о компромиссе в конфликте о Табе», стр. 182.

По иронии судьбы, Израиль уходил из Табы в марте 1989 года, когда главой правительства вновь был Ицхак Шамир. «Я был убежден тогда, убежден и сейчас, что мы могли сохранить Табу, ничего не потеряв в политической области, если бы выступали единым фронтом», – писал он в книге воспоминаний³¹². Он должен был бы добавить: если бы министр обороны Ариэль Шарон не сорвал компромисс тогда, когда он был возможен. Генерал А. Тамир вспоминал: «В беседах, которые я вел с египетскими генералами, я понял, что есть возможность обсудить раздел территории Табы. ... Раздел территории пополам оставлял бы под израильским суверенитетом и гостиницу, и санаторий. ... Шарон не был готов даже слушать о таком решении, когда я ему его предложил. Его позиция оставалась однозначной: “Или весь район Табы, или мы не отступаем от линии Эль-Ариша”»³¹³. 25 апреля 1982 года израильские войска от линии Эль-Ариша отступили, по поводу Табы никаких гарантий не получив.

«После передачи египтянам Табы ничего не изменилось, будто вовсе ничего не произошло, – продолжал И. Шамир. – Израильско-египетские отношения оставались очень далеки от нормальных; не было видно никаких путей к их улучшению»³¹⁴.

Их действительно не было – главным образом потому, что египетское руководство и не стремилось такие

³¹² Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 234.

³¹³ Авраам (Абраша) Тамир, *Солдат, жаждающий мира* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1988), стр. 118 [на иврите].

³¹⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 234.

пути не только находить, но даже и просто искать. В 1983 году, когда журналисты спросили о том, должен ли Египет оставаться верным договору с Израилем, президент Х. Мубарак ответил «от противного»:

«В чем смысл аннулирования Кемп-Дэвидского соглашения? ... Должен ли я вернуть Синай Израилю? ... Это означает объявление состояния войны с Израилем. Если я хочу объявить состояние войны, мне необходимо быть готовым в военном отношении. Другими словами, я должен остановить развитие и сосредоточить все свои силы на войне. Кто будет платить за эту войну? Арабы? Я не знаю. Предположим, что мы получим от них необходимое финансирование – не менее 50–60 миллиардов [египетских] фунтов на вооружение, чтобы армия могла чувствовать себя уверенно. Кто даст мне оружие для борьбы с Израилем? США не дадут мне оружие для борьбы с Израилем. Европа тоже не даст мне оружия. [Что касается Советов, то они] ... поставят нам свои условия – и это другое дело»³¹⁵.

Во многих публикациях повторяется утверждение о том, что «Мубарак поддерживал усилия по достижению мира и был одним из немногих доверенных лиц Садата во время этого процесса»³¹⁶. Однако обратим внимание, что,

³¹⁵ Интервью с президентом Египта Хосни Мубараком, 5 ноября 1983 г.; цит. по: Kenneth W. Stein, “Egyptian–Israeli Relations” // *Israel Affairs*, vol. 3, no. 3–4 (1997), pp. 296–320.

отвечая на вопрос том, должен ли Египет оставаться верным договору с Израилем, Х. Мубарак не сказал ни слова о том, что мир лучше войны, или что Египет стремится к мирному сосуществованию всех стран Ближнего Востока. Его, по сути, единственный аргумент в пользу сохранения мирного договора свелся к тому, что ему нечем и не на что воевать с Израилем. Именно *так сформировалась и окрепла доктрина не мира, а лишь прекращения, причем скорее вынужденного, состояния войны*. Этого не хотели признавать ни в Вашингтоне, ни – за редкими исключениями – в Иерусалиме, где бесконечно звучала надежда на то, что мирный договор с Египтом является первым шагом к признанию Израиля мусульманским миром и установлению добрососедских отношений между еврейским государством и его арабскими соседями. На самом деле, было верно, скорее, обратное: даже договор с Египтом, достигнутый такой дорогой для Израиля ценой и сопряженный с необходимостью разрушения еврейских поселений и принудительной эвакуацией их жителей, не был шагом к признанию легитимности существования Израиля и установлению добрососедских отношений с ним. На это, в определенной и ограниченной мере, был согласен только Ануар Садат, и, пожалуй, никто больше из арабских руководителей – ни в Египте, ни где бы то ни было еще.

³¹⁶ Gerald M. Steinberg and Ziv Rubinovitz, *Menachem Begin and the Israel-Egypt Peace Process: Between Ideology and Political Realism* (Indiana University Press, 2019), p. 219.

**ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1982–1992 гг.:
ШОССЕ С ОДНОСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
«НОРМАЛИЗАЦИИ»**

I

Бывший президент и премьер-министр Израиля Шимон Перес в первой половине 1990-х годов отметил: «Во время своего исторического посещения Иерусалима в 1977 году египетский президент Ануар Садат надеялся “сломать психологический барьер” на пути к миру. И действительно, когда президент крупнейшей [по населению] и сильнейшей арабской страны нанес официальный визит в столицу Израиля, многие барьеры оказались сломанными»³¹⁷. Эта цитата важна по двум причинам. Во-первых, она акцентирует внимание на важности не столько объективных рациональных, сколько субъективных психологических факторов в израильско-египетских отношениях. Рассмотрению именно этих факторов в значительной мере и посвящена настоящая глава. Во-вторых, она демонстрирует, что даже самый большой оптимист и «адепт мира» в израильской политике и спустя шестнадцать лет после визита президента Египта в Иерусалим осознавал: многие барьеры были сломаны, но многие другие так и остались.

³¹⁷ Шимон Перес, *Новый Ближний Восток* (Бней-Брак: «Стеймацкий», 1993), стр. 73 [на иврите].

Важно отметить, что, хотя возвращение Египту Синайского полуострова представляло собой названное Ануаром Садатом обязательное условие для заключения мирного договора, *сам по себе этот шаг не конструировал мирные отношения между двумя странами, которые необходимо было наполнить соответствующим содержанием.* В этом вопросе с самого начала проявились принципиальные различия между сторонами, которые со временем не стирались.

Израиль настоял на том, чтобы были созданы экспертные комиссии в каждой из сфер возможных двусторонних отношений: комиссия по транспорту, авиасообщению, туризму, торговле, избежанию двойного налогообложения, сотрудничеству в сферах культуры, науки, сельского хозяйства, молодежных «обменов» и т.д.³¹⁸. К формированию этих рабочих групп две стороны подошли кардинально по-разному. С израильской стороны каждую из этих групп возглавлял один из высших руководителей профильного ведомства, министр или генеральный директор министерства, в них были включены обладавшие соответствующими полномочиями сотрудники различных государственных учреждений. В эти рабочие группы входили и представители израильского МИДа, и израильского посольства в Каире, начавшего свою работу в марте 1980 года, но их роль была поддерживающей и сопроводительной. С египетской стороны подход был принципиально иным: во все рабочие группы входили одни и те же люди – сотрудники

³¹⁸ См.: Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 140.

Министерства иностранных дел Египта, отвечавшие за нормализацию отношений с Израилем. Повторим: одни и те же люди входили в состав рабочих групп и по транспорту, и по культурным связям, и по молодежным обменам, и по проблемам налогообложения; различные египетские эксперты время от времени привлекались к работе этих комиссий, но на непостоянной основе и без наделения их требуемыми полномочиями³¹⁹.

Таким образом, сложилась ситуация, весьма проблематичная с трех точек зрения.

Во-первых, египетский политический класс, руководители различных министерств и ведомств оказались отстранены от мирного процесса с Израилем, его вели только те, кому эта работа была поручена в МИДе. Чтобы мирный процесс между странами и народами был устойчивым, он должен «проникать» в различные государственные и общественные институты, но это происходило только с израильской стороны.

Во-вторых, для выработки оптимальных механизмов конструктивного взаимодействия между двумя очень разными странами, которые до этого отношений не поддерживали, нужна практическая работа специалистов, глубоко разбирающихся в обсуждаемых вопросах, но этого как раз и не было, ибо египетские специалисты в переговорах почти не участвовали, а чиновники МИДа требуемыми знаниями и опытом не обладали.

В-третьих, для принятия решений необходимо, чтобы в переговоры были вовлечены люди, имеющие

³¹⁹ Там же, стр. 141.

полномочия эти решения принимать; совершенно очевидно, что аппаратчики МИДа Египта не имели полномочий принимать никаких существенных решений ни в сфере транспорта, ни в области налогообложения, ни по сельскому хозяйству.

По свидетельству Эфраима Дубека, бывшего в 1980–1983 годах заместителем израильского посла в Египте, раз за разом происходил один и тот же ритуал: египетские делегаты говорили, что поднятые израильянами темы им необходимо обсудить с соответствующими египетскими органами власти, после чего заседания прерывались, без достижения каких бы то ни было соглашений³²⁰.

Явная и очевидная стратегия египтян состояла в том, чтобы с минимальной эффективностью вести переговоры о нормализации двусторонних отношений в течение всего трехлетнего периода, который должен был завершиться – и завершился – в апреле 1982 года – с окончанием вывода израильских сил и поселений с Синайского полуострова. В Египте опасались, что, несмотря на подписанные соглашения, Израиль, под тем или иным предлогом, не выполнит свое обязательство о полной передаче Синайского полуострова Египту, и со своей стороны не хотели давать какого-либо формального повода к этому.

В 1984 году Министерство иностранных дел Египта выпустило книгу, озаглавленную «Сборник документов о нормализации отношений между Арабской Республикой Египет и Государством Израиль». Интересно, что, как рассказывал мне работавший тогда советником-

³²⁰ Там же, стр. 141–143.

посланником в израильском посольстве в Каире Давид Султан, «в процессе издания этой книги египетские власти сочли данный шаг нецелесообразным, и почти весь уже отпечатанный тираж был уничтожен». По официальным дипломатическим каналам в Министерство иностранных дел Израиля не было передано ни одного экземпляра; «мне удалось получить три экземпляра этой книги при помощи Али Махера³²¹, которого я знал еще с детства, ибо мы вместе учились в одной и той же французской гимназии в Каире, – рассказывал Давид Султан. – Один экземпляр я оставил в посольстве, один передал в МИД в Иерусалим, а третий и поныне хранится у меня; я хочу передать его в Национальную библиотеку в Иерусалиме, где, как я проверил, нет ни единой копии этой содержащей документы судьбоносной важности для Государства Израиль книги»³²².

Хотя почти все члены израильского правительства побывали в Египте, причем зачастую неоднократно, А. Садат санкционировал поездки в Израиль на переговоры исключительно министрам иностранных дел,

³²¹ Али Махер – брат одного из руководителей египетской дипломатии Ахмада Махера, в 2001–2004 гг. бывшего министром иностранных дел. Ахмад Махер (1935–2010) тоже был готов к неформальному общению с израильтянами, о чем я могу свидетельствовать лично: в сентябре 2006 г. мы оба принимали участие в Родосской конференции, в кулуарах которой провели содержательную беседу с глазу на глаз.

³²² С послом Давидом Султаном мы встречались и беседовали в его иерусалимской квартире 7 октября 2021 г.

туризма и энергетики – и никому больше. Многочисленные предложения, которые направляли израильские министерства и ведомства своим египетским коллегам, оставались без ответа. Бывший в 1990–1991 годах министром сельского хозяйства Израиля Рафаэль Эйтан (1929–2004) отказался отправиться на переговоры в Каир до тех пор, пока его египетский коллега Юсеф Вали (1930–2020) не прибудет в Израиль; этот демарш ничего, однако, не изменил, ни в Тель-Авив, ни в Иерусалим никто не приехал. Небольшая делегация из пяти членов Народного собрания Египта посетила Израиль единственный раз, в апреле 1981 года, после личного обращения по этому вопросу президента Израиля Ицхака Навона к Ануару Садату³²³. *Египтяне стремились вернуть Синай, и ради этого согласились на мирный договор с Израилем, но мирный договор был для них не целью, а средством, по сути представляя собой лишь соглашение о прекращении состояния войны, которое А. Садат изначально и хотел подписать.*

Едва ли не основной сферой, в которой проявились полярные подходы и устремления Израиля и Египта, была область научного и культурного сотрудничества. В Израиле очень верили в «общественную дипломатию», в то, что непосредственные контакты между учеными, интеллектуалами и писателями обеих стран будут способствовать тому, что место стереотипов и предубеждений займет максимально объективное знание одного народа о другом. В Израиле были заинтересованы

³²³ Ицхак Навон, *Весь путь. Автобиография*, стр. 361–362.

в предельно интенсивных и разносторонних связях подобного рода, но египетская сторона стремилась избежать их, причем сложно сказать, было ли это следствием давления властей, либо же власти как раз не смогли (хотя и не очень пытались) изменить настроение среди гражданского общества. И. Навон вспоминал, как в ходе своего визита в Каир пробовал встретиться с ведущими местными литераторами, «но, к моему большому разочарованию, мое приглашение осталось без ответа»³²⁴.

В ходе его встреч с А. Садатом, которые израильский президент описывал как «весьма теплые», И. Навон попросил согласия на приезд в Египет израильских ученых-археологов, а также на организацию в Израиле выставки историко-археологических памятников из собраний египетских музеев, и хотя на указанные предложения А. Садат ответил согласием, ничего этого не случилось³²⁵. Заслуживает внимания тот факт, что, хотя в Каире было открыто представительство Национальной академии наук Израиля, призванное способствовать развитию взаимообогащающих контактов между исследователями из обеих стран, египтяне подобную структуру ни в Иерусалиме, ни в Тель-Авиве, несмотря на многочисленные предложения, так и не создали. Израильтяне приглашали на гастроли египетских певцов и музыкантов, но все эти инициативы не получали развития, а израильские деятели культуры приглашений

³²⁴ Там же, стр. 360.

³²⁵ Там же, стр. 361.

выступить в Каире, Александрии или где бы то ни было еще, не получали в принципе.

«Когда я был советником-посланником в посольстве в Каире, то в 1983 году отвечал за подготовку израильского павильона на Международной книжной выставке, ежегодно проходящей в столице Египта, – рассказывал мне Давид Султан³²⁶. – В последующие годы Израиль никогда больше не получал разрешения участвовать в подобных выставках, даже после начала политического диалога между Израилем и ООП в 1993 году, который египтяне очень поддерживали».

Сложно сказать, что было тому причиной: традиционная и никуда не исчезнувшая, несмотря на церемонии в Белом доме, враждебность к еврейскому государству – или стремление арабов максимально сохранять в неприкосновенности свой духовный мир, «защищая» собственную культурную среду от влияния и конкуренции извне; скорее, определенную роль сыграли оба этих фактора. Что бы ни было тому причиной, сотрудничество между Египтом и Израилем в сфере науки и культуры так и осталось несбыточной мечтой, которую вынашивала только одна сторона. Научные и культурные связи справедливо считаются остоном «народной дипломатии», способствующей сближению и преодолению стереотипов, но между Израилем и Египтом они почти не развиваются, и сколько лет ни проходит после подписания мирного договора, ситуация к лучшему не меняется.

³²⁶ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

В ходе своей первой встречи с А. Садатом новоназначенный израильский посол М. Сассон спросил президента о том, готовит ли он праздничную церемонию, приуроченную к возвращению Синайского полуострова Египту 25 апреля 1982 года; до этого события оставалось еще восемь месяцев. «Не праздничную церемонию, а неделю празднеств! – ответил А. Садат. – Празднества нашей победы, возвращения земель Родины». Со всей присущей ему вежливостью, посол предложил президенту изменить дух и настрой праздничных мероприятий, сказав: «Но ведь между нашими странами не было войны, а значит, никто не мог победить. Возвращение Израилем Синая происходит потому, что по Вашей инициативе наши страны подписали мирный договор, так, может быть, отмечать не победу, а мир, устроить торжества именно в честь прекращения войн и установления мира между нашими странами?!» М. Сассон рассказывал, что, подумав, А. Садат горячо поддержал эту идею, сказав, что посол прав, и именно такой характер нужно придать торжествам³²⁷.

До 25 апреля 1982 года сам А. Садат, однако, не дожил: как известно, он был убит за полгода до этого, причем тогдашний премьер-министр Ливана Шафик Ваззан (1925–1999) был не единственным, кто считал, что

³²⁷ Об этом мне рассказывал сам Моше Сассон в ходе одной из наших встреч в его иерусалимской квартире в августе 2000 г. См. также в его книге: *Семь лет в стране египтян* (Иерусалим: Издательство «Едиот ахронот», 1992), стр. 21 [на иврите].

«Садата убил Кемп-Дэвид»³²⁸. Следует, однако, обратить внимание и на обстоятельства, в которых было совершено покушение на жизнь президента: несмотря на то, что с его поездки в Кнессет прошло уже пять лет, со дня подписания Кемп-Дэвидских соглашений – четыре, а с подписания мирного договора между Египтом и Израилем – три с половиной, А. Садат ежегодно 6 октября продолжал устраивать и принимать помпезный парад, приуроченный к египетской якобы победе над Израилем в Октябрьской войне 1973 года. Дело даже не столько в том, что война эта, начавшаяся для Египта в целом успешно, закончилась разгромным окружением десятитысячной Третьей армии и слезной мольбой самого А. Садата с целью побудить Москву и Вашингтон заставить Израиль прекратить боевые действия как можно скорее³²⁹, для чего Совет Безопасности ООН принимал в двадцатых числах октября 1973 года одну резолюцию за другой: №338, №339, №340. Совершенно очевидны те пропагандистские цели, которыми руководствовался А. Садат, ежегодно фальсифицируя историю и устраивая парады в честь недостигнутой победы, о чем сам он знал лучше, чем кто бы то ни было другой. Не вызывает сомнений также то, что эти ежегодно транслировавшиеся по телевидению парады способствовали поддержанию и увеличению градуса ненависти к Израилю в широких слоях

³²⁸ Цит. по: Алексей Васильев, *Египет и египтяне*, стр. 209.

³²⁹ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и Египет: пять войн за четверть века* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2020), стр. 423–426.

египетского общества, и никакой мирный процесс не побудил А. Садата отказаться от практики их проведения. Несомненно заслуживает упоминания тот факт, что парады эти ежегодно проводятся в Египте 6 октября и поныне, на протяжении вот уже почти полувека!

О том, что египетская армия разгромила Израиль в войне 1973 года, рассказывали школьникам даже в Американской гимназии в Каире, где учились дети израильских дипломатов. Супруга шестого посла Израиля в Египте Цви Мазеля вспоминала, как их дети однажды вернулись из школы, потрясенные и возмущенные тем, что 6 октября объявлен выходным днем в память о героической победе египетской армии над Израилем. Дети требовали от родителей лично отправиться в школу и объяснить учителям, кто на самом деле выиграл войну 1973 года. Однако соблюдая дипломатический этикет, предписывающий, в частности, не вмешиваться в работу образовательных учреждений в стране пребывания, израильские дипломаты ни в какую школу жаловаться не пошли³³⁰.

В Египте многие опасались, что Израиль использует убийство А. Садата как повод для отказа от выполнения обязательств на втором – и последнем – этапе отступления, предусмотренного мирным договором между двумя странами. В первые месяцы своего пребывания на посту президента Хосни Мубарак предпринимал некоторые усилия с целью убедить Израиль в

³³⁰ Мишель Мазаль, *Супруга посла* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2002), стр. 15 [на иврите].

преемственности Египтом своего внешнеполитического курса, чтобы дезавуировать разговоры о том, будто соглашения, подписанные А. Садатом, не могут выполняться в неизменном виде при его преемнике. М. Бегин требовал от Х. Мубарака письменно подтвердить те обязательства в отношении мирного урегулирования с Израилем, которые взял на себя А. Садат, однако новый президент считал это требование унижительным. В ходе переговоров с египетской делегацией, которую возглавляли прибывшие в Иерусалим Камаль Хасан Али (1921–1993) и Бутрос Бутрос-Гали, была найдена формула, оказавшаяся приемлемой для обеих сторон: М. Бегин обратится с письмом к Х. Мубараку, перечислив вопросы, вызывавшие беспокойство Израиля, после чего новый президент ответит, подтвердив свою приверженность сделанному А. Садатом выбору в пользу мирного сосуществования с Израилем³³¹. В дополнение к этому обмену письмами на высшем уровне, египетским дипломатам, участвовавшим в двусторонних рабочих группах, было дано указание подписать итоговые документы, которых набралось около пятидесяти.

Однако на самом деле *подход Хосни Мубарака к отношениям с Израилем существенно отличался от того, как вел себя Ануар Садат*. Как указывалось во второй главе настоящей книги, А. Садат был особенным лидером, инициировавшим целый ряд драматичных перемен во внутривнутриполитической жизни и экономическом устройстве Египта, а также положившим конец

³³¹ См.: Моше Сассон, *Семь лет в стране египтян*, стр. 185–189.

просоветской ориентации своей страны. А. Садату было также присуще чувство едва ли не мессианского предназначения; в беседе с И. Навоном он обратил внимание президента Израиля на то, что «родился 25 декабря, как и Иисус»³³². Х. Мубарак отнюдь не был «лидером перемен», это был намного менее эмоциональный и куда более прагматичный военный и государственный деятель. За четыре последних года своей жизни А. Садат трижды побывал в Израиле: в Иерусалиме, Беэр-Шеве и Хайфе, Х. Мубарак же категорически воздерживался от поездок в Израиль, несмотря на многочисленные приглашения, которые он получал, побывав в еврейском государстве с кратким визитом в качестве президента только в ноябре 1995 года, после убийства премьер-министра Израиля Ицхака Рабина, когда он был одним из многих десятков мировых лидеров, прибывших на похороны. Полноценный государственный визит в Израиль за тридцать лет своего президентства Х. Мубарак так и не совершил.

У Х. Мубарака с Израилем однозначно был не «мир», а лишь состояние прекращения войны. Справедлива точка зрения, что таким образом он боролся за восстановление позиций Египта в арабомусульманском мире, серьезно подорванных вследствие подписания соглашений о мире с Израилем. Сложно сказать, что бы произошло, если бы А. Садат вел себя более дипломатично, но любое действие против инициированного им курса он воспринимал как личное

³³² Ицхак Навон, *Весь путь. Автобиография*, стр. 347.

оскорбление, которое ни в коем случае не может быть прощено. 1 мая 1979 года, выступая в Саффаге, А. Садат, по свидетельству Б. Бутроса-Гали, отложив в сторону подготовленный помощниками текст, «начал яростно обвинять других лидеров арабского мира в трусости и предательстве, называя их ничтожествами»³³³. Выступая на конференции Организации африканского единства в Монровии 11 июля 1979 года, сам Б. Бутрос-Гали недобро язвил, отвечая на критику израильско-египетского мирного процесса представителям Алжира: «Алжир хочет бороться с Израилем до последнего египетского солдата. Усердие алжирских братьев в отношении палестинского вопроса прямо пропорционально расстоянию между Алжиром и Израилем: чем больше расстояние, тем больше усердие». Он произнес и другие язвительные комментарии, «которые вызвали у ряда африканских делегатов улыбки и смех по поводу моего арабского коллеги», – вспоминал Б. Бутрос-Гали³³⁴. Очевидно, что подобное поведение президента Египта и главы египетской дипломатии лишь способствовало еще большему озлоблению в их адрес.

Хосни Мубарак вёл себя принципиально иначе. «После прихода к власти новым президентом была выработана такая формула отношения Египта к Израилю, по которой взаимоотношения Египта с последним целиком зависели от общей ситуации на Ближнем Востоке. Такая позиция (а Х. Мубарак следовал ей

³³³ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 251.

³³⁴ Там же, стр. 286.

неукоснительно) предполагала поддержание определенной дистанции в отношениях с Израилем. Х. Мубарак не принял предложение М. Бегина посетить Иерусалим, поскольку отказывался признавать его статус как столицы Израиля. Такая внешнеполитическая линия ... не могла остаться незамеченной в арабских столицах. Это позволило Египту постепенно восстановить былой престиж в арабском мире»³³⁵.

Нужно сказать, что в египетском руководстве и обществе существовала достаточно широкая палитра мнений в отношении Израиля. С одной стороны, исламисты и левые круги в равной мере неизменно выступали с критикой мирного договора с Израилем, призывая разорвать его. Большинство профессиональных ассоциаций бойкотировало Израиль и запрещало своим членам вести какие-либо дела совместно с израильянами. С другой стороны, назначенный еще А. Садатом на пост главы правительства Мустафа Халиль, долгие годы совмещавший этот пост с должностью министра иностранных дел, а также многолетний министр сельского хозяйства и один из заместителей главы правительства Египта Юсеф Вали, как и самый известный египетский прозаик, лауреат Нобелевской премии Нагиб Махфуз (1911–2006), выступали за куда более близкие связи с Израилем, чем те, что имели место в реальности. Следует отметить, что *ни те, ни другие не оказывали почти*

³³⁵ Р.С. Абдулмаджидов, «О египетско-израильских отношениях в 1981–2002 гг.» // *Ближний Восток и современность*, №17 (2003), стр. 93–94.

никакого влияния на динамику египетско-израильских отношений, которые находились под полным контролем президента страны, без чьей санкции даже глава правительства и его заместители не могли самостоятельно принять решение о рабочей поездке в Израиль, а Х. Мубарак им подобного разрешения не давал.

В то время как Ануар Садат сделал сознательный выбор, состоявший в игнорировании тех арабских лидеров, которые выступали против начатого им мирного процесса с Израилем, Хосни Мубарак, в значительной мере дистанцируясь от курса А. Садата и при этом формально не разрывая мирный договор, демонстрировал, что его отношения с Израилем или США являются не более, а скорее менее важными, чем верность арабскому единству. Курс Х. Мубарака был фактически чем-то средним между доктринами двух его предшественников: панарабизмом Г.А. Насера, с одной стороны, и ориентацией А. Садата на США, в том числе и ценой подписания соглашений с Израилем, с другой. Этот курс Х. Мубарака несомненно принес свои плоды: в 1984 году Египет был вновь принят в Организацию «Исламская конференция» (с 2011 года – Организация исламского сотрудничества), а в 1989 году – в Лигу арабских государств, штаб-квартира которой была в 1991 году возвращена в Каир. Общеарабское совещание в верхах в Аммане в ноябре 1987 года санкционировало право каждой арабской страны самостоятельно восстанавливать дипломатические отношения с Египтом. В 1987–1988 гг. это сделало большинство арабских государств, за исключением Сирии, Ливии и Ливана.

Восстановление отношений с Ливаном произошло в 1989 году, с Сирией – в 1990.

II

Отношения с Израилем существенно осложняли особенности психологии египтян и восприятия ими еврейского государства. В книге «Египет и египтяне» А.М. Васильев лаконично суммировал: «Появление Израиля идентифицируется с крестовыми походами, а сионизм полностью ассоциируется с империализмом Запада»³³⁶. Это ужасно само по себе, но даже этим проблема отнюдь не исчерпывается.

В Египте убеждены, что подобно тому, как мусульмане относятся к иноверцам как к людям «второго сорта», так и в Израиле существует повсеместная дискриминация арабских жителей. Президент Израиля И. Навон вспоминал, как в ходе его поездки в Египет включил в состав своей делегации двух граждан Израиля – арабов, – женщину и мужчину: первая работала медсестрой, второй – судьей. Медсестру в ходе одной из встреч спросили, разрешается ли в Израиле разговаривать на арабском языке. Её ответ, что арабский является одним из официальных государственных языков Израиля, поверг слушателей в шок. Еще большее удивление вызвал рассказ о своей работе судьи-араба: ему, кажется, так и не поверили, когда он рассказал о том, что рассматривает дела обвиняемых-евреев и выносит приговоры по ним, а

³³⁶ Алексей Васильев, *Египет и египтяне*, стр. 230.

также что в коллегии, которую он возглавляет, есть судьи-евреи, являющиеся его подчиненными³³⁷. При этом читательская аудитория подстрекательских антисемитских, откровенно клеветнических антиизраильских публикаций, исчисляющихся в Египте многими тысячами, была и остается очень широкой.

Нужно отметить интересный парадокс: хотя сионистское движение с самого начала видело себя альтернативой еврейской диаспоре, развив даже концепцию «отрицания диаспоры», в Египте и руководители, и широкие слои общества видели Израиль и мировое, прежде всего – американское, еврейство как своего рода сообщающиеся сосуды. В Египте, как и в других арабских странах, широко распространена точка зрения, согласно которой еврейские олигархи контролируют как мировую финансовую систему, так и ведущие печатные и электронные СМИ, оказывая при этом критическое влияние на политическую систему США и других стран. По свидетельству четвертого израильского посла в Египте Эфраима Дубека, в Египте все, от президента до простых крестьян, верят в то, что написано в известной фальшивке, опубликованной под названием «Протоколы сионских мудрецов»; считается самоочевидным, будто «еврейский хвост вертит американской собакой»³³⁸, и всё это осуществляется то ли при непосредственном руководстве из Израиля, то ли, как минимум, во имя его интересов.

³³⁷ Ицхак Навон, *Весь путь. Автобиография*, стр. 359.

³³⁸ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 153.

Удивительно, что крайне ограниченная поддержка, оказанная иностранными государствами Израилю в ходе войн 1948, 1967 и 1973 годов, а также огромное количество антиизраильских резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН, никак не поколебали эту веру. Египтяне сохраняли – и в значительной мере сохраняют и поныне – убежденность во всемогуществе евреев и Израиля. Эта убежденность рождает совершенно иррациональные опасения в отношении того, что египетской экономике и египетскому обществу грозит опасность порабощения израильскими финансово-экономическими структурами. Блокирование египетским руководством процессов, связанных с развитием торгово-экономических контактов с Израилем, в значительной мере вызвано чувством опасности и рассматривается как едва ли не вынужденная самозащита.

В Израиле была широко распространена иллюзия о том, что «время возьмет свое», и что чем больше лет пройдет после заключения мирного договора и возврата Синайского полуострова, тем более теплыми и глубокими будут двусторонние отношения. В МИДе еврейского государства считали, что после 25 апреля 1982 года, когда Израиль полностью вернул Египту весь Синай, в этой важнейшей стране арабского мира будут всё сильнее звучать голоса тех, кто отстаивает тезис о необходимости сближения стран из «лагеря мира» (к которому до 1994 года принадлежали только Египет и Израиль) против экстремистских режимов (имея в виду прежде всего Сирию, Ирак и Ливию), а также исламистов. Реальность, однако, оказалась принципиально иной: до 25 апреля 1982

года египтяне, «приличия ради», участвовали в полусотне совместных рабочих групп с израильянами, обсуждая параметры будущего двустороннего сотрудничества. Однако это будущее так и не наступило: эти рабочие группы были нужны египтянам главным образом для того, чтобы не дать Израилю повода отказаться от взятых на себя в Кемп-Дэвиде обязательств по полному возвращению Синайского полуострова. *Как только «борьба за Синай» потеряла актуальность, египтяне утратили всякий интерес к сотрудничеству с Израилем.* Начало первой войны между Израилем и Ливаном 5 июня 1982 года и последующая оккупация израильской армией Бейрута привели к резкому ухудшению израильско-египетских отношений; назначенный еще А. Садатом посол Саад Муртада был отозван из Тель-Авива и вернулся в Каир. На протяжении пяти лет Х. Мубарак отказывался встречаться с израильскими лидерами, будь то М. Бегин, бывший премьер-министром Израиля до 10 октября 1983 года, или И. Шамир и Ш. Перес, попеременно возглавлявшие правительство Израиля на протяжении восьми с половиной последующих лет. Биограф Ш. Переса особо отмечал, что на протяжении полутора лет своего пребывания в должности главы правительства тот добивался встречи с президентом Египта³³⁹, на которую Х. Мубарак согласился только за месяц с небольшим до того, как Ш. Переса должен был сменить – и сменил –

³³⁹ Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2006), стр. 555 [иврит].

И. Шамир. Как бы там ни было, встреча Ш. Переса с Х. Мубараком, прошедшая в Александрии 11 сентября 1986 года, стала первой встречей кого-либо из израильских руководителей с новым президентом Египта с момента его вступления в должность. Уже одно это отчетливо демонстрирует, какая пропасть была между формальным мирным договором и установлением реальной атмосферы мира и сотрудничества между двумя странами.

III

Несмотря на всё вышесказанное, нельзя недооценивать то, что египетской стороной было сделано.

Во-первых, хотя за более чем сорок лет, прошедших с подписания мирного договора между странами, Египет пережил многие драматические события, в том числе убийство в 1981 году президента, мирные соглашения с Израилем заключившего, и свержение его преемника тридцать лет спустя (на протяжении года после этого президентом Египта был даже один из лидеров движения «Братьев-мусульман»), мирный договор с Израилем оставался в силе. Хотя подлинная нормализация, о которой мечтали в Израиле, так и не наступила, возвращения к состоянию войны тоже не произошло.

Во-вторых, было удовлетворено израильское требование о свободе судоходства в Суэцком канале, которая не нарушается и по сей день. До 1967 года, когда египетские войска находились по обе стороны Суэцкого канала, Египет блокировал движение по нему израильских судов, несмотря на принятую в 1951 году

резолуцию, требовавшую от Каира свободу израильского судоходства в Суэцком канале гарантировать³⁴⁰.

В-третьих, до того, как ученые и специалисты открыли значительные месторождения природного газа в территориальных водах Израиля, поставки из Египта имели важное значение для обеспечения энергетической безопасности еврейского государства. На всем протяжении правления Хосни Мубарака сотрудничество двух стран в сфере энергетики не прерывалось; Египет показал себя деловым партнером надежным и ответственным.

В-четвертых, Израиль на протяжении десятилетий страдал – и продолжает страдать – от арабского бойкота, от невозможности установить взаимовыгодные торгово-экономические связи со своими ближайшими соседями. После подписания мирного договора с Израилем Египет вышел из бойкота, прекратив действие всего связанного с этим египетского законодательства.

В-пятых, на протяжении всех тридцати лет правления Хосни Мубарака израильское посольство в Каире и консульство в Александрии бесперебойно продолжали свою работу, как и египетское посольство в Тель-Авиве, хотя нельзя не отметить, что посол несколько раз отзывался на консультации в Каир, отсутствуя в Израиле на протяжении нескольких лет. В первый раз это случилось в Первую Ливанскую войну, второй раз – после начала второй интифады; в обоих случаях египетский посол отсутствовал в Тель-Авиве по четыре года.

³⁴⁰ Резолюция №95, принятая Советом Безопасности ООН 1 сентября 1951 г., документ ООН S/2322.

В-шестых, нужно отметить, что на протяжении всего времени, прошедшего после подписания мирного договора, между Египтом и Израилем сохраняется свобода транспортных перевозок, как пассажирских, так и грузовых. В течение многих лет рейс из аэропорта имени Д. Бен-Гуриона в Каир был единственным, направлявшимся в какую бы то ни было арабскую страну. Все эти годы Египет открыт для израильских туристов, хотя нельзя не отметить, что процесс этот не является паритетным. Для выезда в Израиль египетским гражданам нужно получить специальную выездную визу, оформление которой сопряжено с большими сложностями, вследствие чего масштабы турпотока из Израиля в Египет несравнимы с потоком в обратном направлении, существенно меньшим.

В-седьмых, за исключением единственного террористического акта, произошедшего 5 октября 1985 года, когда египетский пограничник Сулейман Хатар расстрелял семерых израильских туристов, отдыхавших на побережье Акабского залива на Синайском полуострове (среди них был и судья Иерусалимского мирового суда Хаман Шелах с супругой и дочерью), граница Израиля с Египтом остаётся все эти годы сравнительно спокойной и безопасной. За совершенный 5 октября 1985 года в Рас эль-Бурке теракт египетские власти взяли на себя полную ответственность: С. Хатар был арестован и приговорен к пожизненному заключению (согласно официальной информации, он покончил с собой в тюрьме), а семьям погибших израильтян в течение последующих четырех лет были выплачены денежные компенсации.

IV

Важно отметить, что Израиль и Египет подписали детальные соглашения, касавшиеся военных аспектов и включавшие ряд ограничений на размещение египетских вооруженных сил на Синайском полуострове, и эти соглашения, ключевым разработчиком которых с израильской стороны был руководитель Отдела национальной безопасности Министерства обороны Израиля генерал Авраам (Абраша) Тамир (1922–2010), египетская сторона соблюдала в несравнимо большей мере, чем любые другие двусторонние договоренности.

Одной из важнейших проблем, таившей в себе потенциал сорвать мирный процесс в целом, был вопрос о международном воинском контингенте, который должен быть размещен на Синайском полуострове, чтобы гарантировать невозможность внезапного начала одной стороной боевых действий против другой. В тексте мирного договора между Израилем и Египтом указывалось на необходимость пребывания на Синайском полуострове контингента «голубых касок» ООН.

Нужно отметить, что ситуация была с самого начала двойственной. С одной стороны, на размещении этого контингента настаивал именно Израиль с целью сделать невозможным повторение событий, случившихся 6 октября 1973 года. С другой стороны, в Израиле были отнюдь не в восторге от опыта пребывания на Синайском полуострове «голубых касок» в 1957–1967 годах: по распоряжению тогдашнего генерального секретаря ООН У Тана они были полностью выведены в мае 1967 года, когда

их присутствие было более всего необходимо. Несмотря на этот, в целом, отнюдь не вдохновляющий опыт, перспектива повторения событий 6 октября 1973 года пугала больше; после завершения первого этапа вывода израильских войск с части Синайского полуострова, Менахем Бегин публично заявил, что до тех пор, пока международный контингент не будет развернут на Синайском полуострове, как это предусмотрено подписанными соглашениями, Израиль не сможет завершить вывод своих вооруженных сил.

Возникла, однако, серьезная проблема, связанная с позицией одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН. 14 сентября 1978 года генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев направил президенту США Дж. Картеру большое послание о состоянии американо-советских отношений, в котором, в частности, указал, что «Советский Союз готов, действуя вместе с США, сыграть позитивную роль в урегулировании на Ближнем Востоке и в обеспечении, наконец, прочного мира там»³⁴¹. Спустя считанные дни Кемп-Дэвидские соглашения были выработаны и подписаны без какого бы то ни было участия представителей СССР, что исключило возможность советской поддержки достигнутых договорённостей. Под давлением Советского Союза и

³⁴¹ Это послание хранится в Президентской библиотеке Дж. Картера: Jimmy Carter Presidential Library and Museum, Atlanta, GA, National Security Affairs, Box 69, USSR: Brezhnev–Carter Correspondence: 1–12/78.

арабских стран, выступавших резко против Кемп-Дэвидского процесса, Совет Безопасности ООН отказался принять решение о направлении на Синайский полуостров контингента «голубых касок»³⁴².

В этих условиях США и Египет стали работать над тем, чтобы сформировать альтернативный международный контингент, который был бы размещен на Синайском полуострове вместо «голубых касок», не будучи связанным с ООН, но при этом удовлетворял Израиль в мере, достаточной для его согласия на вывод войск со всей территории Синайского полуострова.

В Израиле был создан экспертный форум для изучения сложившейся ситуации и выработки сопутствующих рекомендаций. Руководителем этого форума стал генеральный директор Министерства иностранных дел Израиля Давид Кимхи (1928–2010), в него вошли сменивший А. Барака на посту юридического советника правительства проф. Ицхак Замир, юридический советник МИДа Рут Лапидот и другие специалисты, в том числе представители армии. Сложившаяся ситуация была в определенной мере даже более выгодной для Израиля, ибо в отношении контингента ООН он не имел бы возможности выставлять никакие условия, тогда как вне рамок ООН такие условия вполне можно было сформулировать.

Главным условием Израиля стало требование, чтобы в состав размещаемого на Синае международного

³⁴² См.: Алек Д. Эпштейн, *ООН в арафатке: Израиль в тисках «освобождения» Палестины*, стр. 109–132.

контингента вошли военнослужащие только тех стран, которые поддерживают дипломатические отношения с Израилем; это сразу отсекло все государства арабомусульманского мира, Советский Союз и его сателлитов, а также многие государства «третьего мира», прежде всего с африканского континента, разорвавшие дипломатические отношения с Израилем после Шестидневной войны или после Войны Судного дня. США были заинтересованы максимально расширить свое присутствие на Ближнем Востоке и хотели, чтобы этот контингент находился под их контролем; американцы также соглашались взять на себя существенную часть расходов на содержание этих международных сил. Всё это соответствовало израильским интересам: несмотря на многочисленные споры с администрацией США по целому ряду вопросов, ни с одной из мировых держав у Израиля не было более близких отношений.

США, совместно с Египтом, где эта миссия была возложена на плечи Бутроса Бутроса-Гали, приложили очень значительные усилия для того, чтобы добиться согласия максимального числа государств делегировать своих военнослужащих в формируемый международный контингент, создание которого не имело прецедентов. Необходимость движения по неизведанным тропам сама по себе вызывала возмущение египтян, убежденных в том, что ООН совершила акт немислимой подлости по отношению к их стране. Так оно в самом деле и было, но ни в Израиле, ни в США по этому поводу не очень сокрушались: подобно тому, как в состав созданного ООН в 1975 году Комитета по обеспечению неотъемлемых прав

палестинского народа были включены представители ряда государств, не признающих права Израиля на существование и не поддерживавших дипломатические отношения с ним, таким же мог оказаться и состав воинского контингента, размещаемого ООН на Синайском полуострове. Тот факт, что американцы, вместе с египтянами, подбирали состав этого контингента, фактически согласовывая с Израилем каждую включаемую в него страну, создавал для Иерусалима и Вашингтона ситуацию несравнимо более удобную. К концу марта 1982 года вне рамок ООН были сформированы международные вооруженные силы и корпус наблюдателей, в состав которых вошли представители девяти стран: США, Франции, Италии, Нидерландов, Колумбии, Уругвая, Австралии, Новой Зеландии и Фиджи³⁴³. На протяжении всех прошедших с тех пор сорока лет кандидатуры командовавших контингентом офицеров согласовывались американцами и с Египтом, и с Израилем. Поскольку каирские власти запрещали израильским дипломатам поддерживать прямые контакты с солдатами и офицерами египетских вооруженных сил, приемы, которые устраивали сменявшие друг друга командующие международным воинским контингентом, давали израильтянам уникальную возможность общаться с присутствовавшими на них египетскими военными в открытой и неформальной обстановке.

³⁴³ См.: Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 394–395.

Несмотря на многочисленные трудности, сопровождавшие формирование этого контингента, в ретроспективе очевидно, что успех процесса превзошел все ожидания. Все те государства, которые, желая нанести вред Израилю, саботировали направление на Синайский полуостров «голубых касок», в конечном итоге, нанесли вред себе самим, лишившись возможности иметь значительный канал влияния на происходящее; Израиль и США же получили альтернативный международный контингент, который был куда более удобен для них, чем тот, с которым им пришлось бы иметь дело, будь он создан в рамках структур по поддержанию мира ООН.

Нужно отметить, что в подписанных Израилем и Египтом соглашениях было детально обозначено, какие именно войска, в каком количестве и с каким вооружением могут находиться на Синайском полуострове. Шимон Перес верно указывал, что «соглашение в Кемп-Дэвиде и мирный договор между Израилем и Египтом никогда не стали бы реальностью, если бы эти два государства не договорились демилитаризовать Синайский полуостров, что дало стратегические выгоды обеим сторонам: Израиль не мог допустить присутствия египетской армии в Синайской пустыне, как это было накануне Шестидневной войны; для Египта же было неприемлемо нахождение там израильской армии, как это случилось после войны. В результате соглашения создалась объективная ситуация, успокоившая страхи и той и другой стороны. Демилитаризация Синайского полуострова устранила один из основных факторов, приведших к Шестидневной

войне, и один из наиболее ощутимых ее итогов. Впечатляющие результаты мирных соглашений между Израилем и Египтом весьма поучительны: оказывается, демилитаризация наилучшим образом отвечает потребностям и желаниям обеих сторон»³⁴⁴.

Следует, однако, уточнить, что Синай, хоть и был объявлен демилитаризованной зоной, на самом деле был таковой лишь в определенной мере. Полуостров был разделен на три зоны, и только в первой из них – А – было запрещено какое бы то ни было присутствие египетских войск. В зонах В и С присутствие некоторого количества египетских военных допускалось, причем в зоне С, непосредственно примыкавшей к Суэцкому каналу, точное количество вооружения не оговаривалось; было лишь согласовано, что египетские вооруженные силы в этом районе должны быть экипированы так же, как аналогичные подразделения, дислоцированные в других регионах страны. По свидетельству четвертого посла Израиля в Египте Эфраима Дубека, египтяне скрупулезно соблюдали договоренности, касавшиеся военного сотрудничества и дислокации войск, избегая каких-либо значимых нарушений. Соглашения по военным вопросам были сформулированы максимально конкретно, почти не позволяя различных толкований. Посол Э. Дубек отмечал, что соглашения, касавшиеся нормализации двусторонних отношений и мирного сотрудничества между странами, были не менее детальными и четко прописанными, но

³⁴⁴ Шимон Перес, *Новый Ближний Восток*, стр. 149.

египтяне фактически игнорировали и не выполняли их³⁴⁵.

Вероятнее всего, дело было в том, что египтяне боялись, что Израиль начнет войну против них, как это было в 1956 и 1967 годах, воспринимая при этом исключительно соглашение по военным вопросам как то, которое в случае его неисполнения может дать Израилю повод для начала боевых действий. Египтяне прекрасно понимали, что если они откажутся от исполнения своих обязательств в области науки, культуры и сельского хозяйства, то это им ничем реально не грозит: Израиль не начнет войну потому, что в Тель-Авиве не открылось представительство египетской Академии наук, или потому, что тому или иному израильскому эстраднему певцу не было дано разрешение выступать в Каире и Александрии. Кроме того, весьма значимой для Египта была ежегодная помощь США в размере двух миллиардов долларов, которую страна стала получать после заключения Кемп-Дэвидских соглашений; египтяне верно оценили, что американцы не наложат финансовых санкций на их страну «в наказание» за то, что они не выполнили данное президенту И. Навону обещание провести в Израиле выставку папирусов из собрания Национального музея в Каире. Египтяне понимали, что опасность начала войны с Израилем, с одной стороны, и прекращения американцами обещанных выплат, с другой, связана исключительно с тем, что будет воспринято как действие, нарушающее согласованный военный баланс. Таким образом, *хотя соглашения о частичной*

³⁴⁵ См.: Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 286–288.

демилитаризации Синайского полуострова и нормализации двусторонних отношений воспринимались во время их выработки как часть единого «пакета мира», в глазах египтян это были два принципиально разных пакета, лишь один из которых они считали себя обязанными исполнять.

В отличие от всевозможных рабочих групп по «гражданским» вопросам, встречи которых были нерегулярными и раз за разом отменялись египетской стороной под предлогом того, что проводить данное заседание в существующих обстоятельствах «нецелесообразно», совместная рабочая группа военных собиралась неукоснительно каждые месяц–полтора, причем в ее работе с египетской стороны участвовали не сотрудники МИДа, как это было во всех остальных группах, а кадровые военные. От египтян сопредседателем этой рабочей группы был адмирал Хамди, а с израильской – бригадный генерал Дов Сион (1920–2003), которого затем сменил находившийся вначале в чине бригадного, а затем полного генерала Давид Маймон (1929–2010). Это были неординарные люди: Дов Сион был женат на дочери тогдашнего министра иностранных дел, а в прошлом – начальника Генерального штаба и министра обороны Израиля Моше Даяна; его тогдашний формальный статус в израильской военной иерархии не отражал в полной мере его связи и возможности. В свою очередь Давид Маймон, начавший службу еще в Войну за независимость Израиля в 1948 году, где погиб его старший брат Яков (1927–1948), стал первым среди выходцев из Йемена в Израиле, дослужившимся до генеральского чина. Он

свободно владел арабским языком и установил очень хорошие личные взаимоотношения с адмиралом Хамди, с которым они питали глубокое взаимное уважение.

Основная тематика обсуждений этой рабочей группы касалась оперативно-тактических вопросов и взаимодействия между вооруженными силами двух стран с целью избежать каких-либо инцидентов на границе между ними. На различных участках пограничной линии армии обеих стран назначили ответственных «связных офицеров», которые, как правило, конструктивно взаимодействовали между собой, оперативно разрешая возникавшие вопросы. Подчеркнем еще раз, что *подобного столь интенсивного и взаимно полезного взаимодействия не было ни в одной другой сфере; ни одно из египетских гражданских ведомств, за исключением, конечно, МИДа, не имело в своей структуре людей, ответственных за взаимодействие с Израилем.*

Два террористических акта, произошедших в последнее десятилетие, жертвами которых стали дипломаты, прогремели на весь мир. 11 сентября 2012 года в результате нападения на американское консульство в Бенгази (Ливия), куда он прибыл из Триполи для участия в деловых встречах с ливийскими руководителями нефтяной промышленности, погиб посол США в Ливии Кристофер Стивенс. 19 декабря 2016 года на открытии фотовыставки в Анкаре был застрелен посол Российской Федерации в Турции Андрей Геннадьевич Карлов. К счастью, никто из занимавших должность посла Израиля в Египте жертвой теракта не стал, но, тем не менее, ни в коем случае нельзя забывать о том, что работавшие в

Египте израильские официальные представители неоднократно становились жертвами вооруженных нападений. 4 июня 1985 года был ранен в руку сотрудник посольства Цви Кейдар. 27 ноября 1985 года была обстреляна машина, в которой ехали служивший в должности атташе Альберт Атракчи (1955–1985) и его супруга Илана; молодой дипломат, лишь за год до этого ставший отцом, погиб на месте (его тело было доставлено в Израиль и захоронено на кладбище Кирьят-Шауль в Тель-Авиве). 19 марта 1986 года была убита супруга одного из сотрудников посольской службы безопасности Эстер (Эти) Таль-Ор; трое сотрудников посольства – Ури Зив, Давид Цурия и Эстер (Эти) Яфет – были ранены. Этой трагедии было посвящено специальное заседание Кнессета. Цитируя слова Х. Мубарака о том, что «это был единичный случай, который мог случиться где угодно и когда угодно», депутат Кнессета от праворадикальной партии «Тхия» [«Возрождение»] Геула Коэн (1925–2019) даже заявила, будто «на спусковом крючке автомата, из которого стреляли [в израильских представителей], отпечатались следы пальцев самого Мубарака, который поддерживал и подстрекал к террору, стоя на совместной пресс-конференции с Ясиром Арафатом»³⁴⁶. Говоря обо всех вышеперечисленных нападениях, Ицхак Шамир, бывший тогда министром иностранных дел, отметил: «Эти факты говорят сами за себя, и их влияние на наши

³⁴⁶ Цит. по подлиннику протокола 196-го заседания Кнессета одиннадцатого созыва, 2 апреля 1986 г., прошедшего под председательством вице-спикера Хайки Гроссман [на иврите].

отношения с Египтом неизбежно. ... К сожалению, действительное положение дел в Египте далеко от тех ожиданий и надежд, которые мы связывали с заключением мирного соглашения с этой страной»³⁴⁷.

Кемп-Дэвидские соглашения не мешали сменявшим друг друга министрам обороны Египта ежегодно в своих традиционных выступлениях в День революции 23 июля громогласно заявлять о том, что египетская армия становится год от года все сильнее – и готова отразить любые провокации израильской военщины. Израильское посольство периодически заявляло протесты в связи с тем, что подобные заявления очевидно противоречат духу и букве подписанного двумя странами мирного договора. Принимавший однажды посла Э. Дубека в июле 1982 года председатель Комиссии по иностранным делам Народного собрания Египта Мухаммед Абдалла отметил, что перевооружение египетской армии и укрепление ее боевой мощи действительно имеют место, но что бы ни говорил министр обороны, на самом деле все это направлено на защиту Египта от угроз, исходящих не от Израиля, а от Ливии и Судана, и что воинственная риторика министра обороны обращена к слушателям не в Иерусалиме и Тель-Авиве, а в Триполи и Хартуме, но что это нельзя сказать прямо из соображений «общеарабской солидарности»³⁴⁸.

Египтяне, со своей стороны, регулярно жаловались на нарушения египетского воздушного пространства израильскими военными самолетами. Инспекционно-

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 290–291.

разведывательные полеты самолетов израильских ВВС над территорией Египта были регулярными, порой – ежедневными. Отвечая на претензии египетской стороны, израильские дипломаты сообщали заведомо неверные сведения, утверждая, будто бы все это происходило исключительно «по ошибке», так как из-за небольших размеров территории Израиля и скорости современных самолетов, преодолевающих десятки километров за считанные секунды, летчики оказывались в воздушном пространстве Египта якобы помимо своей воли. Очевидно, что египтян эти «объяснения» не удовлетворяли, но в их распоряжении не было никаких действенных возможностей добиться прекращения раздражавших их полетов, да и учитывая опыт октября 1973 года, когда египетская армия напала на Израиль в иудейский Судный день, египетские военные прекрасно понимали причины беспокойства своих израильских коллег. Понимали они также и то, что эти нарушения со стороны Израиля имели символический характер, не неся в себе угрозу безопасности Египта. В обеих странах доминировало стремление избежать новой войны, и обе стороны, несмотря на те или иные отдельные отступления от *текста* договора, касающегося военных вопросов, сохраняли верность *духу* этого документа. *К нормализации отношений и максимально интенсивному сотрудничеству стремился только Израиль, но не Египет, однако в недопущении новой войны и предотвращении ситуации, при которой она может вспыхнуть, были равно заинтересованы обе страны.*

И ВСЁ РАВНО ТОПТАНИЕ НА МЕСТЕ: ОТНОШЕНИЯ С ЕГИПТОМ ПОСЛЕ НАЧАЛА ИЗРАИЛЕМ ДИАЛОГА С ООП, 1993–1999 гг.

I

В начале 1990-х годов в США и в Израиле получила широкое распространение доктрина мнимого «нового Ближнего Востока». Шимон Перес, бывший в первой половине 1990-х годов министром иностранных дел, а затем – главой правительства Израиля, был наиболее активным приверженцем этой концепции, которой он даже посвятил одноименную книгу, опубликованную на разных языках, включая русский. Сторонники данной парадигмы утверждали, будто ее реализация приведет не просто к укреплению, но к прорыву в отношениях Израиля с арабскими странами. Правда, однако, состояла в том, что в *Египте – единственной стране арабского мира, подписавшей к тому времени мирный договор с Израилем, – доктрину «нового Ближнего Востока» воспринимали в штыки*, ибо двумя ее ключевыми компонентами были требование демократизации, с одной стороны, и создание общерегиональных институтов, по образцу существующих в Европе, в которых Израиль мог бы принимать активное и равноправное участие, с другой. Оба этих положения были для египетского руководства неприемлемыми. «Шимон Перес, который видел себя главным миротворцем, изъяснялся длинными, во многом абстрактными предложениями, которые Х. Мубарак

абсолютно не воспринимал, – вспоминал в нашей беседе посол Д. Султан. – Говорильня про “новый Ближний Восток” оставляла Мубарака, в лучшем случае, совершенно равнодушным»³⁴⁹.

Как отмечал в этой связи востоковед, профессор Иерусалимского университета Меир Хатина, «укрепление связей с Ливией, “оттепель” в отношениях с Ираком и возобновление двустороннего диалога с Ираном – то есть с тремя странами, находившимися в международной “блокаде”, – вполне ясно сигнализировали о неприятии Каиром идеи “нового Ближнего Востока”, которую Вашингтон пытался воплотить в действительность. Эта идея воспринималась в Каире как дымовая завеса, призванная замаскировать стремление Израиля к территориальной экспансии и грубое вмешательство США во внутренние дела суверенных государств»³⁵⁰. В Израиле, к сожалению, отнюдь не все осознавали это, а пропаганда Партии Труда (я хорошо помню это лично, ибо в те годы уже жил в Иерусалиме) утверждала прямо обратное: что именно Египет, поддерживающий отношения со всеми странами региона, будет ключевым игроком «нового Ближнего Востока», «открывающим» врата других государств мусульманского мира Израилю, его финансово-промышленным группам и производимым в нем товарам, что создаст новые рынки сбыта и рабочие места в стране.

³⁴⁹ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

³⁵⁰ Меир Хатина, «Израильско-египетский мирный договор: процесс и результаты». Текст лекции / пер. с иврита (Иерусалим: общество «Тезна», 2002).

Египет – не монархия, и после Июльской революции 1952 года власть в этой стране ни разу не передавалась по наследству. Вместе с тем, ни Г.А. Насер, ни А. Садат, ни Х. Мубарак ни разу не участвовали в свободных конкурентных выборах, и ни у кого из них не было ни малейшего желания подобные выборы проводить. Х. Мубарак хорошо понимал, что «демократизация» в его стране приведет к значительному усилению исламистов в органах власти (что, собственно говоря, и случилось после его свержения в 2011 году), и президент Египта никак не желал способствовать этому процессу. Что же касалось создания интегративных общерегиональных институтов, то египтяне видели в них опасность, связанную с возможным выдвижением Израиля на ведущие позиции за счет самого Египта, бывшего – и остающегося – крупнейшей по населению страной арабского мира и Северной Африки. Египтян абсолютно не привлекал «новый Ближний Восток»; подобно тому, как в ходе переговоров 1948 года представлявший короля Фарука Кималь Риад выражал беспокойство в связи с тем, что Израиль сможет стать очагом проникновения на Ближний Восток «идей коммунизма», опасных для стабильности египетской монархии, так в 1980-е – 1990-е годы режим Х. Мубарака считал значительной исходящую от Израиля опасность «демократизации», которая может подстегнуть стремление к ней, медленно вызревавшее в самом Египте, и таившее при этом реальную опасность для практически ничем не ограниченной президентской власти³⁵¹.

³⁵¹ С М. Сассоном мы встречались в Иерусалиме в августе 2000 г.

На протяжении последних семидесяти лет в Египте произошли три государственных переворота (в 1952 году «Свободные офицеры» свергли короля Фарука, в 2011 году массовые акции протеста – Хосни Мубарака, а в 2013 году – армия – лишь за год до этого ставшего президентом Мухаммеда Мурси). Ни к одному из них Израиль, в котором государственных переворотов за все годы его существования не случилось ни разу, не был причастен никоим образом. Несмотря на это, египетские власти считали Израиль и существующую в нем модель общественно-политического устройства угрозой для стабильности своего режима; изменить это восприятие так и не удалось.

Суммируя всё вышесказанное, очевидно, что египетские руководители видели в подлинной нормализации отношений с Израилем ряд существенных опасностей, превращавших двустороннюю «народную дипломатию» в нецелесообразную, с их точки зрения.

Правительство Ицхака Рабина – Шимона Переса, пришедшее к власти в июне 1992 года, существенно отличалось от кабинета Ицхака Шамира. Выбранный преемником самим М. Бегиным, который подписал в Кемп-Дэвиде обязательства, касавшиеся палестинского самоуправления и проведения выборов на контролируемых территориях Западного берега и сектора Газа, И. Шамир, как и до него М. Бегин, совершенно не

Сведения о египетской позиции в 1948 г. он знал от отца, видного дипломата Элияху Сассона (1902–1978), в этих переговорах участвовавшего.

собирался эти обязательства выполнять. Напротив, ни одно из предшествовавших правительств не развивало еврейские поселения на этих территориях так активно, как это делало правительство И. Шамира. Хотя перед победными для Партии Труда выборами, прошедшими в мае 1992 года, о ведении переговоров с ООП не говорилось ни единого слова, а стремление к подобным переговорам не было зафиксировано в программе сформированного в июне 1992 года кабинета, настрой новой власти был очевидно иным, чем прежде. Положение о поддержке еврейского поселенчества на контролируемых территориях было из программы правительства исключено, тогда как о стремлении вести мирный процесс с палестинскими арабами с целью предоставления им автономии – наоборот, заявлено. Обращал на себя внимание и пункт 2.14 программы нового правительства, в котором говорилось: «Правительство продолжает считать Египет партнером в усилиях по установлению мира в нашем регионе и будет действовать во имя дружбы между народами Израиля и Египта». И. Рабин и Ш. Перес отмечали важность отношений с Египтом как ведущей страной арабского мира, подписавшей мирный договор с Израилем. По свидетельству Давида Султана, бывшего израильским послом в Каире в 1992–1996 годах, египтяне обращали на всё это пристальное внимание³⁵².

³⁵² Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом* (Тель-Авив: Университетский институт дипломатии и регионального сотрудничества, 2007), стр. 27–28 [на иврите].

«Из всех израильских руководителей наилучшие отношения у Хосни Мубарака сложились с Ицхаком Рабиным, – рассказывал мне Д. Султан, как раз в те годы бывший израильским послом в Каире и лично присутствовавший на встречах двух лидеров. – И. Рабин, как и сам Х. Мубарак, был военным – не только по факту своей биографии, но и по складу мышления. И. Рабин был чужд возвышенного слога, он изъяснялся простыми, короткими и при этом содержательными предложениями, что полностью соответствовало стилю общения самого Х. Мубарака»³⁵³. Тот факт, что именно правительство И. Рабина начало диалог с ООП и согласилось на создание Палестинской администрации, был очень важен для египтян и лично для Х. Мубарака, и это способствовало укреплению уважения египетского президента к израильскому премьер-министру, решившемуся на эти шаги. Руководителем группы по переговорам с палестинцами был генерал армии Амнон Липкин-Шахак, приезжавший в Каир чуть ли не каждую неделю, чтобы лично посвятить египтян в детали переговоров; Х. Мубарак высоко ценил такое отношение к себе и своей стране. «Когда после убийства И. Рабина Х. Мубарак принял решение прибыть в Израиль – напомним, впервые в качестве президента страны, – это во многом было следствием ощущения, что на траурной церемонии будут многие десятки мировых лидеров, начиная с президента США, и для статуса самого президента Египта важно не остаться в стороне. И все-таки я не уверен, что если бы

³⁵³ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

речь шла не об И. Рабине, а о каком-то другом израильском руководителе, Х. Мубарак прибыл бы в Иерусалим. К И. Рабину он испытывал глубокое личное уважение и рассматривал его убийство, совершенное ярким противником переговорного процесса с ООП, в одном ряду с убийством своего предшественника, А. Садата», – отмечал в нашей беседе Д. Султан³⁵⁴.

II

На протяжении многих лет А. Садата обвиняли в том, что он проявил безразличие к судьбе палестинских арабов, думая только об интересах собственно Египта. Тема эта уже обсуждалась в первом разделе настоящей книги, и к ней нет смысла возвращаться еще раз. Однако отнюдь не праздным и совсем не простым является вопрос о том, какое место занимала палестинская проблематика в повестке дня президента Хосни Мубарака. Ответ на этот вопрос помогает многое понять в динамике израильско-египетских отношений на протяжении трех десятилетий его правления.

В своем выступлении на Конференции неприсоединившихся стран в Гаване в сентябре 1979 года Б. Бутрос-Гали, защищая политику А. Садата, заявил: «Египет отправился в Иерусалим, чтобы освободить Палестину от израильского империализма, и для того, чтобы освободить арабские земли от военной

³⁵⁴ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

оккупации»³⁵⁵. Однако именно в этом и состояла проблема: в условиях, когда все остальные арабские государства, а также ООП, категорически отказывались от признания Израиля и мирного диалога с ним, в Иерусалиме не видели абсолютно никакого смысла в том, чтобы своими руками создавать враждебную опухоль в виде режима палестинского самоуправления в считанных километрах от наиболее крупных израильских городов. Израиль был готов – если использовать язык Б. Бутроса-Гали – освободить египетские земли, занятые его армией в 1967 году, но идея «освобождения Палестины от израильского империализма» была явно неприемлемой для всех, кроме разве что самых радикальных «левых».

Однако Х. Мубарак, в целом, отстаивал именно эту идею, о чем, в частности, свидетельствовал выдвинутый им в январе 1988 года план из четырех пунктов, первый из которых требовал от Израиля заморозить всю поселенческую деятельность на Западном берегу Иордана (в Иудее, Самарии и Иорданской долине) и в секторе Газа, а последний – двигаться к созыву международной конференции с целью достижения всеобъемлющего мирного урегулирования, предусматривающего признание права всех государств Ближнего Востока жить в мире и «позволяющего палестинскому народу осуществить свое право на самоопределение»³⁵⁶.

³⁵⁵ Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим*, стр. 312.

³⁵⁶ Peace initiative of President Hosni Mubarak, 27 January 1988. Этот план был направлен египтянами генеральному секретарю ООН Хавьеру Пересу де Куэльяру.

В сентябре 1989 года Х. Мубарак выдвинул новый план, на этот раз из десяти пунктов, один из которых (шестой) вновь требовал от Израиля заморозить всю поселенческую деятельность на Западном берегу и в секторе Газа, а другой (восьмой) настаивал на том, что в день проведения палестинских выборов (этой теме была посвящена большая часть данного плана) гражданам Израиля будет запрещен въезд на Западный берег и в сектор Газа³⁵⁷. Не разрывая мирный договор с Израилем, Х. Мубарак доказывал руководителям других арабских стран и ООП, что палестинское дело очень важно ему, выступая в этом, скорее, политическим наследником не А. Садата, а Г.А. Насера, создавшего ООП в Каире в 1964 году. Х. Мубарак отошел и от антисоветизма А. Садата; в 1989 году Египет, впервые за много лет, посетил министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, причем произошло это без ущерба для отношений Египта с США.

Как вспоминал посол Давид Султан, «когда переговоры по палестинскому вопросу буксовали, отношение к Израилю в Египте, для которого соображения общеарабской солидарности оставались важными, существенно ухудшалось, а убийство 29 молящихся арабов в Хевроне 25 февраля 1994 года Барухом Гольдштейном привело к такой волне нападков на

³⁵⁷ См.: Ten-Point Peace Proposal by President Mubarak, 11 September 1989. Этот план был передан египтянами на рассмотрение правительства Израиля, которое обсуждало его 15 сентября 1989 г., но не обнародовало никакого заявления по итогам этого обсуждения.

Израиль, которую мы не видели со времен трагедии в Сабре и Шатиле»³⁵⁸. Погибший сам на месте трагедии Барух Гольдштейн (1956–1994) был фанатиком-одиночкой; теракт, совершенный им в мечети Ибрагима в Пещере Патриархов, никоим образом не был действием, совершенным или поддержанным «официальным Израилем», напротив: это злодеяние было публично и громогласно осуждено в Израиле на самом высоком уровне. Несмотря на это, разнузданным нападкам подвергалось именно Государство Израиль как таковое.

Правительство И. Рабина – Ш. Переса находилось у власти четыре года, на протяжении которых была создана Палестинская национальная администрация, прошли выборы ее главы и Законодательного совета, закончившиеся триумфом Я. Арафата и его ставленников, под контроль которых были переданы все населенные арабами города Западного берега и сектора Газа. Заслуживает внимания тот факт, что, хотя всё это соответствовало многолетним египетским требованиям и совершалось при поддержке египетских властей, качественного улучшения израильско-египетских отношений не произошло и в эти годы. Невозможно назвать ни одну сферу, будь то экономика, энергетика, культура, туризм, или что бы то ни было другое, где произошел бы скачок в двусторонних отношениях. Этот опыт крайне важен, ибо демонстрирует, что *даже когда Израиль шел на существенные уступки Палестинскому движению сопротивления, а Египет перестал быть*

³⁵⁸ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

единственной арабской страной, имеющей мирный договор с Израилем (26 октября 1994 года аналогичный документ подписала с Израилем Иордания), Хосни Мубарак не был готов к качественному углублению и расширению сотрудничества с Израилем.

Важно отметить, что на протяжении всех тех лет, когда Израиль был заинтересован в этом, Египет бесперебойно продавал еврейскому государству нефть. Выше уже говорилось, что в знак протеста против начала Израилем в июне 1982 года войны против Ливана и захвата столицы этой страны, Бейрута, из Тель-Авива был отозван египетский посол. В это же самое время поставки по нефтепроводу не прерывались ни на один день – и, насколько можно судить, египтяне ни разу не угрожали прекращением поставок нефти, т.е. не использовали сферу энергетики для давления и шантажа. Вероятнее всего, это было связано с тем, что *египетские власти считали возможное нарушение обязательств в области энергетики, как и в военной сфере, наиболее весомым фактором, который может дать Израилю повод нарушить мирный договор и инициировать военную операцию того или иного масштаба против Египта.* Такого развития событий египтяне опасались – и повода к нему старательно не давали. При этом, как минимум до ноября 1993 года, в Египте действовали дискриминационные ограничения на экспорт в Израиль и импорт из него³⁵⁹. Даже когда экономическое

³⁵⁹ См.: Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом*, стр. 40 и 103–111.

сотрудничество с еврейским государством было выгодно египетскому бизнесу, власти накладывали существенные ограничения, подобное сотрудничество затруднявшие. Ведение торгово-экономических отношений с Израилем, как минимум, до ноября 1993 года требовало от египетских бизнесменов специальных разрешений от властей, которые отнюдь не всегда легко было получить, поэтому существенная часть взаимной торговли, несмотря на наличие мирного договора и сопутствующих соглашений, шла через третьи страны. По оценке Эльякима Рубинштейна, объем опосредованной торговли между Израилем и Египтом в 1980-е годы вдвое превышал прямой товарооборот между двумя странами³⁶⁰. Однако и торговля через третьи страны была сравнительно ограниченной.

Режим Хосни Мубарака определил некоторый минимальный уровень, ниже которого отношения с Израилем не должны были опускаться, пристально следя также за тем, чтобы выше этого уровня они не поднимались. Как справедливо отмечал израильский востоковед Меир Хатина, «Мубарак предпочитал не заходить слишком далеко в ухудшении двусторонних отношений с Израилем, он придерживался стратегии “балансирования на краю”: укрепление координации действий арабского мира против политики Израиля вместе с продолжением посреднической активности»³⁶¹.

³⁶⁰ См.: Эльяким Рубинштейн, *Пути к миру*, стр. 124.

³⁶¹ Меир Хатина, «Израильско-египетский мирный договор».

Хуже того: в крупнейших египетских газетах, главных редакторов которых назначало Министерство информации, порой публиковались крайне резкие статьи против тех сил, причем как в самом Египте, так даже и за его пределами, которые якобы слишком быстро и активно выстраивали отношения с Израилем.

Следует отметить, что египетские власти оказывали давление на другие страны арабского мира и Африки, убеждая их не устанавливать (или не восстанавливать) отношения с Израилем. Когда такая информация, в частности, о давлении египтян на власти Танзании с призывом воздержаться от восстановления дипломатических отношений с Израилем, достигла Иерусалима, И. Рабин на ближайшей встрече с Х. Мубараком потребовал объяснений в связи с этим. И хотя полученная Израилем информация была абсолютно достоверной, Хосни Мубарак её категорически отрицал, как отрицал он и то, что на прошедшей в Александрии в декабре 1994 года встрече руководителей Египта, Сирии и Саудовской Аравии обсуждался, в частности, вопрос о замедлении темпов нормализации отношений арабского мира с Израилем³⁶². Израильские руководители информировали о своей озабоченности в связи с вышеизложенным американских коллег, которым египтяне в целом повторяли то же самое, что до этого говорили израильским собеседникам. Д. Султан, посол Израиля в Египте во времена правительства И. Рабина – Ш. Переса, цитировал слова одного из американских

³⁶² Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом*, стр. 42.

дипломатов, которые были сказаны ему лично: «Египтяне всегда говорят правильные слова. Проблема в том, что за ними совсем не всегда следуют правильные действия»³⁶³.

Трудно в это поверить, но и спустя 15–20 и более лет после подписания мирного договора с Израилем, многие официальные представители Египта, в том числе и имевшие ранг чрезвычайных и полномочных послов, отказывались встречаться, разговаривать и поддерживать даже самый минимальный уровень отношений со своими израильскими коллегами, работавшими в тех же зарубежных странах. Поскольку речь шла о государственных служащих, делегированных государством и получавших от государства заработную плату, Министерство иностранных дел Египта и администрация президента страны несомненно могли «призвать их к порядку», напомнив о том, что с Израилем подписан мирный договор. Ничего этого, однако, сделано не было, и подобно тому, как в контролируемых государством СМИ десятилетиями печатались и печатаются не только антиизраильские, но и разнузданные антисемитские публикации, так и сотрудники египетского дипломатического корпуса нередко продолжали и продолжают относиться к Израилю как к враждебному государству.

В седьмой главе настоящей книги уже рассказывалось об обещаниях А. Садата, данных им президенту Израиля И. Навону, в отношении сотрудничества между двумя странами в сферах науки и

³⁶³ Там же, стр. 36.

культуры. Обещания египетского лидера так и не были исполнены. Эта ситуация оставалась неизменной и пятнадцать лет спустя. В январе 1994 года в Каире побывала глава леворадикального блока МЕРЕЦ Шуламит Алони (1928–2014), занимавшая в то время пост министра по делам науки и культуры в правительстве И. Рабина – Ш. Переса. Ее принял Х. Мубарак. Ш. Алони, не просто однозначно относившая себя к «лагерю мира», но и бывшая одной из его признанных лидеров, пожаловалась египетскому президенту на то, что во вверенных ей сферах мирный договор между Израилем и Египтом никак не проявляет себя. Х. Мубарак обещал ей, что когда Израиль подпишет с ООП договор о формировании Палестинской национальной администрации (ПНА) и передаче под её контроль взаимно согласованных территорий, то он даст указание разморозить научное и культурное сотрудничество с Израилем³⁶⁴.

Сложно сказать, сыграло ли именно это обещание решающую роль, но в отличие от «соглашения Осло», подписанного в сентябре 1993 года у Белого дома в Вашингтоне, договор о создании Палестинской национальной администрации, известный как Газа–Иерихонское соглашение, был подписан 4 мая 1994 года именно в Каире. Несмотря на это, обещание, которое дал президент Египта министру науки и культуры Израиля, выполнено не было. Сотрудничество между учеными, интеллектуалами и деятелями культуры двух стран так и не началось.

³⁶⁴ Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом*, стр. 41.

В течение всех лет правления Х. Мубарака Египет выстраивал свой статус ведущей страны в регионе, поддерживающей отношения со всеми государствами и влиятельными организациями Ближнего Востока. В период правления Хосни Мубарака, особенно после 1993 года, когда была создана Палестинская администрация во главе с Ясиром Арафатом, ближайшие соратники египетского президента Усама эль-Баз и руководитель Службы общей разведки Омар Сулейман (1936–2012) играли чрезвычайно значимую роль в предотвращении резкого ухудшения ситуации в сфере безопасности, особенно в секторе Газа. Во время заключения 28 сентября 1995 года в Вашингтоне т.н. соглашения «Осло-2», когда Я. Арафат вдруг неожиданно отказался подписать приложенные карты, Х. Мубарак оказал личное давление на главу ООП, что побудило последнего снять свои возражения. На протяжении всех лет правления Х. Мубарака Египет вел себя как первая арабская страна, подписавшая мирное соглашение с Израилем, и готовая, исходя из накопленного ею опыта, «патронировать» процесс арабо-израильского урегулирования в целом. Однако даже когда Египет восстановил свой статус и в Организации «Исламская конференция», и в Лиге арабских государств (как указывалось в седьмой главе, это случилось к 1991 году), с одной стороны, и когда мирный процесс между Израилем и палестинскими лидерами был, казалось, в самом разгаре, с другой, Хосни Мубарак упорно отказывался приехать в Израиль, где он был лишь с кратким визитом в 1979 году в Беэр-Шеве, сопровождая Ануара Садата.

III

Хотя тридцатилетний период правления Х. Мубарака не отличался резкими колебаниями курса в отношении Израиля, работавшие в Каире дипломаты ощущали, что в период интенсивного переговорного процесса между Израилем и ООП и Израилем и Иорданией в 1993–1995 годах в израильско-египетских отношениях сложилась атмосфера, в некоторой мере отличавшаяся от существовавшей до этого. Супруга тогдашнего посла в Каире Давида Султана, Адина, вспоминала, как ежемесячно устраивала в те годы на посольской вилле приемы, на которых каждый раз присутствовало более пятидесяти человек: общественные деятели, юристы, литераторы, представители гуманитарной интеллигенции. По словам Адины Султан, «даже такой интеллигент, как Лютфи аль-Хули, бывший председателем Союза арабских писателей, резко выступавший против Кемп-Дэвидских соглашений, утверждал, что “Израиль, признавший палестинский народ и начавший политический диалог с ним, – это во многом другая страна, с которой Египет безусловно может иметь мирный договор”. Известный египетский писатель Али Салем, не раз бывавший на наших приемах, совершил поездку в Израиль, о чем даже написал книгу, вышедшую достаточно большим тиражом и по-арабски, и по-английски»³⁶⁵. Книга эта была издана и в переводе на иврит, предисловие к ней написал третий посол Израиля в Египте профессор Шимон Шамир

³⁶⁵ С. А. Султан мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

(однофамилец, но не родственник и отнюдь не политический единомышленник бывшего главы правительства Израйля)³⁶⁶.

Однако этот пример в куда большей мере иллюстрирует *проблему*, а не ее разрешение. Али Салем (1936–2015) прибыл в Израиль в 1994 году на собственной машине и далее путешествовал по стране, посетив населенные как евреями, так и арабами города и поселки; несколько страниц книги посвящены встречам с живущими в Израиле евреями – выходцами из Египта. Путешествие А. Салема привело к фактическому бойкоту его творческой деятельности в Египте: с тех пор пьесы и сценарии, которые он писал, отклонялись театрами и киностудиями, а многие члены Союза писателей Египта потребовали его исключения из рядов этой организации. В 2005 году Али Салем получил приглашение посетить Израиль во второй раз, ибо Беэр-Шевский университет присвоил ему звание почетного доктора. Когда А. Салем прибыл на машине на КПП Таба, то египетские пограничники отказались пропустить его в Израиль. Ему пришлось вернуться в Каир, где он купил билет на самолет на рейс в Тель-Авив, однако вновь не был допущен пограничниками – на этот раз, на посадку³⁶⁷. Несмотря на то, что египетские власти прекрасно отдавали себе отчет в

³⁶⁶ Али Салем, *Поездка в Израиль* / пер. с арабского Давида Сагива (Иерусалим: «Кетер», 1995).

³⁶⁷ См.: Рони Софер, «Египет запретил драматургу Али Салему выехать в Израиль» // *Едиот ахронот* [«Последние известия»], 31 мая 2005 г. [на иврите].

том, насколько негативно их действия будут восприняты в Израиле, Али Салема они в еврейское государство так и не выпустили. Этот случай отчетливо демонстрирует, насколько сторонники мирного диалога с Израилем были в Египте эпохи Хосни Мубарака нежелательными «инакомыслящими».

Египетские профессиональные ассоциации и поныне отказываются участвовать в каких бы то ни было совместных мероприятиях с израильянами; многочисленные государственные компании не подписывают торгово-экономические соглашения с Израилем; израильским научным специалистам ни разу не было дано разрешение преподавать, или просто выступать, в каких бы то ни было египетских университетах; а любые поездки египтян в Израиль, как с туристическими, так и с деловыми целями, мало того, что были сопряжены с необходимостью получения выездных виз (т.н. «желтых сертификатов»), оформление которых отнюдь не было простым, так еще и вызывали подозрения в недостаточной благонадежности того, кому за чем-то нужно лично отправиться в «логово сионистов».

Мирный договор с Израилем принес значительные выгоды туристическому рынку Египта, и дело не столько в количестве израильских туристов, посещавших «страну пирамид», сколько в возможности туристических агентств продавать комбинированные туры на Святую Землю и в Египет, когда туристы из стран Запада в ходе поездки в регион посещали как Назарет, Иерусалим и Вифлеем, так и Каир, Александрию и район пирамид. Подобные комбинированные туры пользовались большой

популярностью, год за годом существенно пополняя и израильскую, и египетскую казну.

Тон публикаций об Израиле в египетской прессе оставался все годы правления Х. Мубарака весьма враждебным. Ненависть к Израилю, пестуемая египетскими средствами массовой информации, среди прочего, крайне сковывала возможности работавших в Каире и Александрии израильских дипломатических представителей, в том числе на сугубо бытовом уровне. Супруга посла Цви Мазеля вспоминала, как в 1996 году хотела пойти с мужем в кино на обычный сеанс в ближайший кинотеатр, но сотрудники Службы безопасности посольства наложили вето на поход посла Израиля в кинотеатр, объяснив это отсутствием гарантий того, что посол не подвергнется нападению со стороны простых египтян, которые годами, изо дня в день, слышат об Израиле одни только гадости³⁶⁸.

– Мы, сотрудники израильского посольства, были лишены доступа в египетскую печать. Египетские газеты не только никогда не просили об интервью с послом Израиля, но и когда посольство готово было взять на себя расходы на платные объявления в газете, то даже объявления «на правах рекламы» были для нас недоступными. При этом призывы разорвать мирный договор с Израилем печатались в египетских газетах регулярно. В чем бы ни обвиняла нас египетская печать – а она денно и нощно обвиняла нас во всех смертных грехах, – мы никогда не имели возможности ответить на эти обвинения, – вспоминал в ходе нашей беседы Давид

³⁶⁸ Мишель Мазаль, *Супруга посла*, стр. 32.

Султан, бывший послом Израиля в Египте в 1992–1996 годах. – Однажды, в какой-то из газет вышла заведомо клеветническая статья с нападками на меня лично. Утверждалось, что, якобы, в ходе войны 1956 года, я собственноручно расстреливал египетских пленных. Это был заведомый абсурд хотя бы потому, что в октябре – ноябре 1956 года, когда шла эта война, я учился в выпускном классе школы и еще не был призван в армию³⁶⁹. В отдельных публикациях в местной прессе звучали даже призывы убить израильского посла, «виновного в преступлениях перед египетским народом». Министерство иностранных дел Израиля выразило египтянам официальный протест, который, однако, был проигнорирован вследствие якобы «существующей в Египте свободы прессы и невозможности властей вмешиваться в деятельность СМИ»³⁷⁰. Нужно помнить при этом, что большинство выходящих в Египте газет, включая крупнейшие – «аль-Ахрам» [«Пирамиды»], «Ахбар аль-Йом» [«Новости дня»] и «аль-Гомхурия» [«Республика»] – находятся в собственности государства. В марте 1997 года «аль-Ахрам» напечатала карту Ближнего Востока, на которой Государства Израиль не было вообще, а на его месте находилась Палестина; никакой реакции со стороны египетских властей на это не было. Супруга шестого израильского посла в Египте Цви Мазеля вспоминала, как на приеме, устроенном

³⁶⁹ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

³⁷⁰ Этот аргумент египетские власти использовали постоянно, см.: Итамар Рабинович, *Отдающийся горизонт. Израиль, арабы и Ближний Восток, 1948–2012* (Ор-Иехуда: «Двир», 2012), стр. 264 [на иврите].

министром туризма Египта в рамках международного туристического форума осенью 1998 года, издатель газеты «аль-Гомхурия» Самир Рагаб устроил скандал в связи с тем, что его место за столом оказалось рядом с тем, за которым сидел израильский посол³⁷¹. Это произошло в период, когда т.н. «мирный процесс» между Израилем и ООП продолжался, под контроль Палестинской администрации передавались всё новые и новые территории, а в Тель-Авиве продолжал находиться бессменный египетский посол Мухаммед Басьюни (1937–2011). На всем протяжении двусторонних отношений египетские СМИ *никогда* не были благожелательно настроены по отношению к соседней стране, с которой в марте 1979 года был подписан мирный договор.

– Мы знали, что египетские спецслужбы прослушивали все телефонные линии посольства, – продолжал посол Д. Султан. – Шимон Перес, бывший тогда министром иностранных дел, позвонил мне, чтобы выразить полную поддержку – мы понимали, что содержание нашей беседы будет известно египетским властям, но они и после этого разговора никак не реагировали на разнузданные нападки на меня, – вспоминал в нашей беседе посол Д. Султан, добавляя: В 1995 году египетская Служба общей разведки арестовала группу, замышлявшую убийство премьер-министра страны и некоторых других лиц; в списке тех, кого они хотели убить, значилось и мое имя³⁷².

От этих угроз нельзя было просто отмахнуться, ибо за пять первых лет президентства Х. Мубарака двое

³⁷¹ Мишель Мазаль, *Супруга посла*, стр. 112.

³⁷² С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

израильтян, живших в Каире и работавших в посольстве, были убиты, а четверо – ранены, о чем говорилось в предыдущей главе настоящей книги. Далее ситуация улучшилась, и на протяжении последующей четверти века терактов в отношении работавших в Египте израильских дипломатов не было.

Несмотря на то, что теракт в Рас эль-Бурке в 1985 году, о котором говорилось в предыдущей главе этой книги, был единственным подобным событием, омрачившим двусторонние отношения, проблемы с безопасностью израильских граждан в Египте возникали с незавидной регулярностью. Кроме сухопутной, между двумя странами существует и морская граница – в Эйлатском (Акабском) заливе. В воде не стоят пограничные вышки, и египтяне не раз обвиняли израильских яхтсменов во вторжении в водное пространство их страны. Известно о как минимум одном трагическом случае, когда египетские пограничники открыли огонь, которым был убит израильский яхтсмен.

Дело Азама Азама – израильского гражданина-друза, арестованного 5 ноября 1996 по ложному подозрению в том, что он занимался в Египте шпионско-разведывательной деятельностью, и приговоренного к длительному сроку каторжных работ, – на протяжении многих лет подрывало двусторонние отношения: израильские руководители один за другим обращались к Хосни Мубараку с просьбами освободить Азама Азама, однако бороться за это было не проще, чем за вызволение Джонатана Полларда из американской тюрьмы. Подобных историй больше не было, однако заслуживает упоминания

тот факт, что израильские туристы неоднократно арестовывались в Египте по обвинениям, связанным с наркотиками (что в отдельных случаях грозит в Египте высшей мерой наказания) и использованием фальшивых долларов. В таких случаях египетские власти обычно шли навстречу Иерусалиму, возвращая обвиняемых в этих противоправных деяниях израильтян на родину, но борьба за их освобождение бывала порой достаточно долгой.

Выше уже говорилось об опасениях египтян, связанных с доктриной «нового Ближнего Востока» и её реализацией; тогдашний посол Израиля в США профессор Итамар Рабинович утверждает в своей книге, что опасения эти были столь велики, что в Египте с удовлетворением встретили итоги первых прямых выборов главы правительства, прошедших в Израиле в мае 1996 года, на которых Шимон Перес с разницей менее чем 1% уступил Биньямину Нетаньяху³⁷³. Египетские руководители предполагали, что американцы не дадут новому премьер-министру отказаться от обязательств, взятых на себя Израилем в рамках «процесса Осло» (и в этом оказались правы – давление Б. Клинтона не ослабевало все три года, пока Б. Нетаньяху оставался премьер-министром), но при этом теперь были спокойны по поводу того, что им отныне не придется соглашаться на участие в совместных региональных политических и экономических структурах с Израилем, за что больше всех ратовал Ш. Перес.

В 1997 году египтяне могли отметить двадцатую, а в 2002 году – 25-ю годовщину исторического визита

³⁷³ Итамар Рабинович, *Отдаляющийся горизонт*, стр. 89.

А. Садата в Израиль. Однако в память об этом событии – в отличие от ежегодных парадов в честь «победы» над Израилем в Октябрьской войне 1973 года – в Египте не было проведено ни одной официальной церемонии.

Х. Мубарак если и был готов соблюдать, то только букву, а не дух Кемп-Дэвидских соглашений, стремясь избежать подлинной нормализации двусторонних отношений. Само слово «глобализация» превратилось в то время в Египте «в синоним предательства национальных интересов и низкопоклонства перед Западом. Слово “нормализация” понималось как установление гегемонии Израиля в ближневосточном регионе», – отмечал профессор Иерусалимского университета Меир Хатина³⁷⁴. Арабист профессор Итамар Рабинович, бывший в 1993–1996 годах послом Израиля в США, процитировал в своей книге сказанные в ноябре 1997 года слова Усамы эль-База, напомним – одного из непосредственных разработчиков Кемп-Дэвидских соглашений, наиболее вовлеченного в переговоры с Дж. Картером египетского представителя: «Нормализация – это израильская выдумка, означающая существование “особых отношений”. Такая система отношений должна базироваться на общем видении будущего и на общих интересах в отношении него»; далее У. эль-Баз объяснил, что этого у Египта и Израиля нет³⁷⁵.

³⁷⁴ Меир Хатина, «Израильско-египетский мирный договор: процесс и результаты».

³⁷⁵ Итамар Рабинович, *Отдаляющийся горизонт*, стр. 334–335.

Фактически, единственная сфера, в которой сложилось достаточно устойчивое профессиональное сотрудничество между израильянами и египтянами, – это сельское хозяйство. Впрочем, «сотрудничеством» это можно назвать лишь с натяжкой. Израиль находится в том же климатическом поясе, что и Египет, он так же страдает от нехватки пресной воды, а большая часть его территорий пустынна. Несмотря на это, израильское сельское хозяйство несравнимо более успешно, чем египетское, а израильские технологические разработки, самые известные из которых – капельное орошение и технологии опреснения воды, позволяют свести к минимуму влияние в целом не очень благоприятных климатических условий. За все годы своего существования Израиль никогда не испытывал дефицита сельскохозяйственной продукции, полностью обеспечивая себя ею – и продавая излишки в зарубежные страны. Тот факт, что в 1990-е годы сотни египтян обучались на курсах, посвященных современным технологиям в агропромышленном комплексе (причем курсы эти не только работали в Израиле, но и были открыты израильянами на территории Египта, специально для местных фермеров³⁷⁶), свидетельствовал не столько о сотрудничестве, сколько о готовности египтян изучать передовой израильский опыт для собственного блага. И это было «шоссе с односторонним движением».

Вопрос о том, понимали ли это в Израиле, – весьма непростой. «Я неоднократно докладывал, что с течением времени отношения между нашими странами не

³⁷⁶ Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом*, стр. 111–114.

улучшаются, а как раз наоборот, но истеблишмент в Иерусалиме не желал это слышать, – говорил мне Э. Дубек, пять лет работавший вначале вторым, а затем – первым человеком в израильском посольстве в Каире. – Единственный из всех глав правительств и министров иностранных дел, кто был готов слушать, как обстоят дела на самом деле, – Ицхак Шамир; он принимал меня ежемесячно, и наши встречи обычно продолжались два часа. Все остальные хотели слышать только то, что укладывалось в их концепцию, а действительное положение дел в нее не укладывалось»³⁷⁷.

Возвращение к власти в Израиле в мае 1999 года Партии Труда и формирование правительства во главе с Эхудом Бараком, провозгласившим стремление к достижению всеобъемлющего мирного урегулирования в регионе, в полной мере соответствовало повестке дня, к тому времени декларируемой Египтом на протяжении двадцати лет. Как и И. Рабин в 1992 году, став главой правительства, Э. Барак совершил свой первый зарубежный визит именно в Каир. После смерти короля Иордании Хусейна в феврале 1999 года и короля Марокко Хасана II в июле того же года Х. Мубарак стал фактически единственным признанным посредником между Израилем и арабским миром, что очень увеличило вес президента Египта в глазах администрации США. Я. Арафат и Э. Барак регулярно посещали Каир, где вели переговоры с Х. Мубараком. Очевидно, что президент

³⁷⁷ С послом Эфраимом Дубеком мы беседовали в его квартире в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

Египта не был виноват в том, что ни Хафез Асад и подконтрольное ему тогдашнее правительство Ливана, ни Ясир Арафат не были готовы к урегулированию конфликта с Израилем, вследствие чего подписанный в 1994 году мирный договор с Иорданией так и остался для Израиля последним на протяжении всей жизни Х. Мубарака, однако столь же очевидно и то, что он не стремился к укреплению и расширению отношений своей страны с Израилем. Египетские власти осудили израильские военные операции в Ливане летом 1993 и весной 1996 года, однако и в 1999–2000 годах, когда Израиль полностью вывел свой воинский контингент из Южного Ливана и сделал беспрецедентно щедрые предложения палестинским руководителям, отношение в Египте к Израилю оставалось неизменным, не было никаких значимых изменений к лучшему. Даже и в этот год Хосни Мубарак не считал нужным совершить, наконец, государственный визит в Израиль.

IV

В предыдущей главе уже отмечалось, что обе страны прикладывали значительные усилия для того, чтобы избежать новой вспышки боевых действий между ними. Войны же, которые велись двумя странами до заключения Кемп-Дэвидских соглашений, иногда возвращались на повестку дня самым неожиданным образом.

В 1995 году один из израильских исследователей, детально изучавших ход боевых действий в израильско-египетской войне 1956 года, установил, что после боя за

перевал Митле на Синайском полуострове израильские военнослужащие совершили убийство двух групп плененных, которые никак не угрожали их безопасности. До сих пор неизвестно, было ли доложено об этом командиру батальона (впоследствии дослужившемуся до поста начальника Генерального штаба) Рафаэлю Эйтану и командиру дивизии (многие годы спустя ставшему министром обороны, а затем главой правительства Израйля) Ариэлю Шарону; сведений об этом историками найдено не было. В ходе подготовки газетной публикации об этом журналистка Сарит Фукс взяла интервью у Арье Биро (1927–1996), бывшего к тому времени бригадным генералом запаса, а в 1956 году командовавшего ротой, солдаты которой, как утверждалось, совершили эти убийства. В беседе с С. Фукс А. Биро вспоминал, что всего было убито примерно 40–50 египтян³⁷⁸, из коих, насколько удалось установить, около десяти человек были пленными военнослужащими, а остальные – вообще непричастными к боевым действиям строителями, работавшими на прокладке дороги и случайно оказавшимися на пути израильских вооруженных сил. После появления в печати этого интервью оно было переведено на арабский язык и опубликовано в Египте, где, по свидетельству тогдашнего посла Израйля в Каире Д. Султана, произвело эффект разорвавшейся бомбы³⁷⁹. Египтяне потребовали выдачи Арье Биро для проведения

³⁷⁸ Интервью Сарит Фукс с Арье Биро было опубликовано в газете *Маарив* 3 октября 1995 г. [на иврите].

³⁷⁹ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

суда над ним, либо же хотя бы отдачи его под суд в самом Израиле. Арье Биро было в то время 68 лет, и он как раз отмечал пятидесятилетие своего освобождения из нацистского лагеря уничтожения Освенцим, куда он был, вместе со многими другими трансильванскими евреями, депортирован в 1944 году. Идея суда над А. Биро была для Израиля абсолютно неприемлемой.

Желая смягчить гнев египтян, ставший в ноябре 1995 года премьер-министром Израиля Шимон Перес объявил о создании специальной комиссии для углубленного изучения событий, имевших место в 1956 году. Учитывая, что данные о расстреле египетских пленных были найдены и опубликованы израильским исследователем, а А. Биро самолично признался в этом в интервью израильской журналистке, египтяне не без оснований сочли эту комиссию фиговым листком, призванным якобы «расследовать» то, что уже и без того расследовано. Вследствие того, что А. Биро дослужился до звания бригадного генерала, а Р. Эйтан и А. Шарон в 1995 году были депутатами Кнессета, во многих публикациях египетской печати трагические события сорокалетней давности представлялись как злодеяния, совершенные руководителями еврейского государства. В Израиле неоднократно публиковались свидетельства об убийствах и пытках израильских военнопленных египтянами, но в подцензурной египетской прессе подобные публикации ни в коем случае не могли увидеть свет, тогда как абсолютная свобода научных исследований и достаточно широкая свобода прессы в Израиле сделали возможным обнародование подобных фактов. По свидетельству посла

Д. Султана, эта трагическая история серьезно омрачала двусторонние отношения на протяжении многих месяцев.

Другой очень трудной темой, также оставшейся в наследство от уже формально закончившихся войн, был поиск тел израильских военнослужащих, погибших и пропавших без вести на территории Египта, в особенности в ходе Октябрьской войны 1973 года. В израильской армии неукоснительно действует принцип, согласно которому товарищи погибших в бою военнослужащих прикладывают все усилия для эвакуации их тел с целью достойного захоронения на Родине, однако иногда сделать это невозможно из-за шквального огня противника или в ситуациях, когда пилот и штурман сбитого военного самолета оказываются вынуждены катапультироваться над территорией враждебного государства. В арабских странах хорошо знают, насколько тема эта важна и чувствительна для еврейского государства, используя оказывающиеся в их распоряжении тела погибших израильских воинов как ценнейший актив в обменах пленными с Израилем. Посол Э. Дубек вспоминал, что перед тем, как в 1990 году отбыл в Каир, получил в Министерстве иностранных дел Израиля список из 24 погибших военнослужащих, передачи тел которых для достойного захоронения Израиль добивался уже более десяти лет. Посол вспоминал о крайне эмоциональной встрече с матерью лейтенанта Эрана Коэна (1950–1973), Бетти Коэн, из кибуца Дгания – погибшего летчика со сбитого египтянами израильского самолета *Phantom*, долгие годы добивавшейся правдивой информации о

судьбе своего сына³⁸⁰. О том, как он еще в 1981 году принимал в Каире Бетти Коэн, которая стремилась узнать всё возможное о судьбе своего сына и неоднократно обращалась к президенту Х. Мубараку и – отдельно – к его супруге Сюзанне, «как мать к матери», вспоминал и посол Моше Сассон³⁸¹. Однако тело Эрана Коэна было возвращено в Израиль лишь 1 июня 1995 года³⁸² – спустя 21 год после его гибели и спустя 16 лет после подписания двумя странами мирного договора, уже когда израильским послом в Каире был Д. Султан. По его воспоминаниям, за четыре года его пребывания в Каире это был единственный случай подобного успешного развития событий в столь деликатной и важной сфере³⁸³. В июне 1995 года Эран Коэн был похоронен в Израиле с подобающими воинскими почестями.

V

После создания Палестинской администрации в Израиле не без оснований обвиняли египтян в том, что они не предпринимают должных усилий с целью предотвратить контрабанду оружия в сектор Газа. В последующие годы Израиль столкнулся с проблемой

³⁸⁰ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 295.

³⁸¹ Моше Сассон, *Семь лет в стране египтян*, стр. 193–194.

³⁸² Сведения о дате передачи тела Эрана Коэна получены в Департаменте связей с семьями военнослужащих, увековечения памяти и наследия Министерства обороны Израиля.

³⁸³ С Д. Султаном мы беседовали в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

незаконного пересечения своих границ беженцами из Судана и других африканских стран, добравшихся до еврейского государства через Синайский полуостров, что вынудило Израиль потратить значительные средства на строительство разделительной стены на границе с Египтом протяженностью 241 километр (строительство этой стены началось в ноябре 2010 года и продолжалось три года). Надо отметить, что в отличие, скажем, от ливанской границы, и в отличие от израильской границы с сектором Газа в 1953–1956 годах и в последние пятнадцать лет, граница с Египтом в период правления Х. Мубарака не являлась «источником головной боли» для израильской армии: с территории Египта в Израиль не проникали боевики, не совершались артиллерийские и минометные обстрелы, не летели ракеты. *Прекращение состояния войны между двумя странами означало не только то, что отныне над Израилем не висела постоянная угроза начала войны со стороны египетской регулярной армии, но и то, что египетские власти, в меру своих сил, пресекали деятельность против Израиля со своей территории исламистских, палестинских и других боевиков.*

В изданной в 2003 году книге российский востоковед В.П. Юрченко указывал, что «в политических и военных кругах Арабской Республики Египет полагают, что “окончание войны не обязательно означает достижение мира”. Отсюда делается вывод о том, что мир с Израилем держится на сохранении баланса сил, а если этот баланс нарушается, то мир может рухнуть. В настоящее время, по египетским оценкам, существующий военный дисбаланс

между арабами и Израилем представляет серьезную угрозу стабильности в регионе. В Каире также считают, что ощутимое превосходство в обычных вооружениях, ядерные возможности, практически реализующиеся космические, ракетные и противоракетные программы дают Израилю значительный наступательный потенциал и служат рычагом для политического давления на арабов. Опасается Египет и усиления подводных сил израильского военно-морского флота, особенно их оснащения крылатыми ракетами дальнего радиуса действия. Предметом особой озабоченности египтян является наличие у Израиля ядерного оружия»³⁸⁴.

Регулярно и настойчиво выдвигаемое египтянами требование о превращении региона Ближнего Востока в безъядерную зону является одним из наиболее сложных факторов, затруднявших двусторонние отношения даже в те времена, когда они были относительно хорошими. Особенно активно эту тему поднимал бывший в 1991–2001 гг. главой Министерства иностранных дел Египта, а в 2001–2011 гг. – генеральным секретарем Лиги арабских государств Амр Муса – наиболее влиятельный египетский дипломат «эпохи Мубарака». Египетские руководители не только требовали, чтобы Израиль подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, но и, по свидетельству тогдашнего посла Израиля в США проф. И. Рабиновича, пытались сорвать усилия по продлению

³⁸⁴ В.П. Юрченко, *Египет: проблемы национальной безопасности, 1952–2002 гг.* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003), стр. 130.

действия договора на неопределенный срок, надеясь отложить это решение до тех пор, пока Израиль не подпишет его³⁸⁵. Эти египетские усилия успеха не имели (11 мая 1995 года более 170 стран-участниц согласовали продление действия договора без каких-либо дополнительных условий), однако они несомненно заслуживают упоминания в контексте двусторонних отношений. Как известно, Израиль не отрицает наличие у него ядерного оружия, а также воздушных, сухопутных и морских средств его доставки. Со времен обретения Израилем в конце 1960-х годов ядерного потенциала, он рассматривается как важнейший и совершенно необходимый компонент обеспечения национальной безопасности, от которого ни одно израильское правительство не было готово отказаться. При этом для Израиля было и остается категорически неприемлемым наличие ядерного оружия у арабских стран; с целью предотвращения обретения подобного оружия Ираком и Сирией Израиль, соответственно в 1981 и 2007 гг., бомбил создававшиеся в этих странах ядерные объекты. *В рамках мирного договора с Египтом Израиль был готов пойти – и пошел – на многочисленные и зачастую очень болезненные уступки, но на тему отказа от потенциала ядерного сдерживания израильские официальные лица не были готовы даже дискутировать.* Египтяне раз за разом поднимали этот вопрос, не добившись ничего, но осложняя этим и без того очень непростые двусторонние отношения.

³⁸⁵ Итамар Рабинович, *Отдаляющийся горизонт*, стр. 70.

Неуклонное наращивание Египтом военной мощи – а оно происходило все годы правления Хосни Мубарака – в немалой степени беспокоило и раздражало Израиль, особенно учитывая, что это в значительной мере происходило на американские деньги, которые Египет получал именно как страна, установившая мир с Израилем. Однако, хотя израильские вооруженные силы по численности значительно уступали и уступают египетским, они существенно превосходят их по качеству многих видов вооружения и уровню подготовки личного состава, в первую очередь офицеров. Как верно отметил, основываясь на данных за 2002 год, В.П. Юрченко, «особенно велико преимущество Израиля в военной авиации, в области радиоэлектронной борьбы, новейших средствах разведки, связи и управления войсками. Танков “Меркава” (1600 ед.) у израильтян значительно больше, чем близких им по характеристикам “Абрамсов” (555 ед.) у египтян»³⁸⁶. *По совокупности этих причин, особенно принимая во внимание факт демилитаризации большей части территории Синайского полуострова и размещения на нем международных вооруженных сил, риск начала Египтом новой войны против Израиля оценивался все годы правления Х. Мубарака как весьма небольшой.*

Мира между двумя странами почти не было, но почти не было и риска начала новой войны.

³⁸⁶ В.П. Юрченко, *Египет: проблемы национальной безопасности, 1952–2002 гг.*, стр. 132.

**ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ Х. МУБАРАКА:
ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ДО И ПОСЛЕ УХОДА ИЗРАИЛЯ ИЗ СЕКТОРА ГАЗА,
1999–2011 гг.**

I

Придя к власти, Эхуд Барак совершил свой первый зарубежный визит в качестве главы правительства в Египет, где 29 июля 1999 года встретился в Александрии с президентом Хосни Мубараком³⁸⁷. Фактически, Э. Барак стремился вернуться к парадигме, существовавшей в период правительства И. Рабина – Ш. Переса, когда Х. Мубарак рассматривался как наиболее влиятельный арабский лидер, способный «надавить» на Я. Арафата, чтобы в решающий момент он заключил тот или иной договор с Израилем. В ходе подписания в Вашингтоне в конце сентября 1995 года так называемого соглашения «Осло-2» Х. Мубарак действительно продемонстрировал ровно эти качества, которые Э. Барак и решил снова использовать. Единственным официальным посредником между израильтянами и палестинцами были Соединенные Штаты, но в израильском руководстве полагали, что какие

³⁸⁷ См.: Statement by Prime Minister Barak and answers to questions at a joint press conference with President Mubarak of Egypt, Alexandria, 29 July 1999 // *Israel's Foreign Relations, Vol. 18 (1999–2001)* (Jerusalem: Ministry of Foreign Affairs, 2001), документ 20.

бы уступки от Израиля администрация США ни потребовала «во имя мира», палестинцы всё равно будут считать американцев произраильской стороной, которой они не могут доверять и на которую не могут полагаться. Хосни Мубарак же, как видный арабский лидер и глава страны, где сама ООП была в 1964 году создана, пользовался в глазах Ясира Арафата куда большим доверием. Именно это было важно и ценно Эхуду Бараку, поставившему своей целью достижение окончательного мирного соглашения между Израилем и ООП.

В ходе «процесса Осло» Израиль и ООП подписали целый ряд соглашений, которые, однако, все были «промежуточными», с определенным – и ограниченным – сроком действия (закончившимся в мае 1999 года)³⁸⁸. Подобно тому, как Менахем Бегин должен был совершить – и совершил – скачок от «промежуточных» Первого и Второго Синайских соглашений 1974–1975 годов к полноценному мирному договору с Египтом, так и Эхуд Барак стремился совершить скачок от «промежуточных» соглашений с ООП, подписанных его предшественниками на посту главы правительства Ицхаком Рабиным и Биньямином Нетаньяху в 1993–1998 годах, к окончательному мирному договору, очень рассчитывая на помощь в этом процессе Хосни Мубарака.

³⁸⁸ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – Ассоциация «Мосты культуры», 2008), стр. 214.

Подобное отношение, безусловно, льстило египетскому президенту, ибо выдвигало его в ранг не только участника, но также арбитра и патрона ближневосточных политических процессов. Это и ставило Египет в совершенно уникальную позицию внутри арабо-мусульманского мира, и укрепляло его отношения с США (ибо никакая другая страна арабо-мусульманского мира помощь в урегулировании чьего бы то ни было конфликта с Израилем оказывать не собиралась). Когда после убийства Ицхака Рабина Шимон Перес захотел продемонстрировать израильтянам поддержку его усилий со стороны международного сообщества, то оказалось, что так называемый «саммит миротворцев», кроме как в Египте, проводить в принципе негде: он и прошел в Шарм-аш-Шейхе 13 марта 1996 года. В начале сентября 1999-го там же, в Шарм-аш-Шейхе, прошли интенсивные переговоры, которые от имени Э. Барака вел Гилад Шер, а от имени Я. Арафата – Саиб Арикат (1955–2020). С египетской стороны в переговорах активно участвовал многоопытный советник президента Усама эль-Баз.

4 сентября 1999 года представители Израиля и ПНА подписали т.н. «Шарм-аш-Шейхский меморандум», содержащий новый график реализации всех предыдущих соглашений и обязательство начать не позднее 13 сентября 1999 года и закончить не позднее 13 сентября 2000 года переговоры о постоянном урегулировании палестино-израильского конфликта. В данном меморандуме Израиль брал на себя многочисленные обязательства, в том числе: воздержаться от односторонних мер по изменению статуса территории Западного берега (Иудеи, Самарии и

Иорданской долины) и сектора Газа вплоть до заключения соглашения об окончательном урегулировании; вывести войска с дополнительных 11% территории Западного берега; открыть «безопасный коридор» для движения палестинского транспорта между сектором Газа и районом Хеврона; а также освободить 350 палестинских заключенных³⁸⁹. Первым на церемонии подписания меморандума выступал президент Египта Хосни Мубарак, дважды отметивший роль его дипломатов в достигнутом прогрессе: «Первостепенная цель теперь – достичь справедливого соглашения об окончательном статусе Западного берега и Газы. Мы продолжим активно участвовать и поддерживать переговоры, которые приведут к достижению этой цели в предстоящие месяцы. Для того, чтобы стороны могли достичь успеха, необходимо навести мосты доверия между ними. ... Мы делали это в течение многих лет, и будем готовы помочь и теперь, когда договаривающимся сторонам будет нужна наша помощь»³⁹⁰.

Однако возможности Хосни Мубарака повлиять на президента Сирии Хафеза Асада – а именно с ним Эхуд Барак решил попытаться добиться урегулирования первым, причем, по свидетельству видного американского дипломата Денниса Росса, это было ясно и в ходе переговоров в Шарм-аш-Шейхе³⁹¹ – были крайне

³⁸⁹ The Sharm el-Sheikh Memorandum, 4 September 1999 // *Israel's Foreign Relations, Vol. 18 (1999–2001)*, документ 34.

³⁹⁰ Выступление Х. Мубарака приведено там же, сразу после текста Шарм аш-Шейхского меморандума.

ограниченными. Насколько можно судить, Э. Барак не советовался с Х. Мубараком и в отношении вывода израильских войск из Ливана, осуществленного им во второй половине мая 2000 года. Оба этих фактора оказали значительное влияние на умонастроения Я. Арафата и других палестинских лидеров, которые прекрасно поняли цель израильского премьера: оставить их одних, лишив поддержки со стороны арабских стран. На саммите в Кемп-Дэвиде, который президент США Билл Клинтон созвал в июле 2000 года по картеровскому образцу, египетских представителей не было, повлиять на происходящее они никак не могли. Осознавая это, и стремясь всё же воспользоваться их посредническими возможностями, Эхуд Барак согласился на то, что его переговоры с Ясиром Арафатом будут возобновлены 16 октября 2000 года в Шарм-аш-Шейхе. Желая продемонстрировать свой статус лидера мирового значения, Хосни Мубарак пригласил на этот саммит целую плеяду руководителей ведущих стран и международных организаций, включая генерального секретаря ООН Кофи Аннана, президента США Билла Клинтона, короля Иордании Абдаллу II, представителей Европейского Союза и т.д. Показателен статус, которого добился для себя египетский президент, бывший сопредседателем форума, наряду со своим американским коллегой³⁹²; даже генеральный секретарь ООН был всего

³⁹¹ Dennis Ross, *The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace* (New York: Farrar, Straus, Giroux, 2004), p. 507.

³⁹² Там же, p. 739.

лишь одним из участников. За фасадом «их высочеств» шла реальная работа, которой, опять-таки, руководили египтяне и американцы: глава Службы общей разведки Египта Омар Сулейман и директор ЦРУ Джордж Тенет. Я. Арафат, однако, тянул время, не желая подписывать никакие обязывающие документы. Саммит в Шарм-аш-Шейхе завершился без заключения каких-либо израильско-палестинских соглашений³⁹³, что отнюдь не увеличило симпатии к Я. Арафату со стороны Х. Мубарака, выступавшего первым на церемонии закрытия саммита³⁹⁴.

Президент Египта, тем не менее, не опускал руки, и вновь пригласил Э. Барака и Я. Арафата встретиться в Шарм-аш-Шейхе 28 декабря 2000 года, спустя пять дней после того, как были обнародованы т.н. «параметры Клинтона». На этой встрече было согласовано лишь то, что переговоры между Израилем и ПНА будут возобновлены в Табе; представители сторон в самом деле провели там неделю, с 21 по 27 января 2001 года. Однако по совокупности причин переговоры в Табе изначально были обречены на провал, которым они в итоге и закончились, и в этом не было вины принимавших участников переговоров египтян.

В конце сентября 2000 года, после того как годового срок, установленный в Шарм-аш-Шейхском меморандуме,

³⁹³ См.: Леонид Ганкин, «Саммит закончился полупривалом» // *Коммерсант*, 18 октября 2000 г.

³⁹⁴ См.: Joint statement by Presidents Mubarak and Clinton at the conclusion of the Sharm el-Sheikh summit, 17 October 2000 // *Israel's Foreign Relations, Vol. 18 (1999–2001)*, документ 182.

истек, а никакого соглашения заключено не было, начался новый виток палестинской интифады, вследствие чего уровень недоверия к палестинцам в израильском обществе вырос многократно, а готовность к уступкам сократилась в разы. Зверское убийство в Рамалле 12 октября 2000 года двух воинов-резервистов, Йоси Авраами и уроженца российского Иркутска Вадима Нуржица, у которых были вырваны глаза, чьи тела были расчленены и подожжены, потрясло израильское общество. Как верно отмечал политолог Ронен Бергман, «израильская общественность справедливо осуждала Палестинскую национальную администрацию за то, что она не только не предоставила никакой защиты израильским резервистам, случайно оказавшимся на ее территории [а находившийся за рулем Вадим Нуржиц просто перепутал поворот на одном из перекрестков], но вместо этого еще и арестовала их без видимой причины и позволила толпе убить их в помещении полицейского участка. Убийцы выбросили тела Авраами и Нуржица из окна полицейского участка на землю и долго таскали их по городу»³⁹⁵. Палестинские арабы устраивали погромы и акты террора, на которые израильская армия и силовые структуры отвечали с жесткостью, невиданной со времен первой интифады, официально прекращенной в 1993 году. Уже к концу 2000 года были убиты 296 палестинцев. «Бойня в Рамалле стала политической катастрофой для Эхуда Барака. Волнения

³⁹⁵ См.: Ронен Бергман, *Восстань и убей первым. Тайная история израильских точечных ликвидаций* / пер. с англ. М.Ю. Попова (Москва: «Колибри», 2020), стр. 486.

палестинцев выбили из-под уже споткнувшегося на Кемп-Дэвиде премьера опоры и ослабили его. Он постоянно и открыто возлагал вину за всё случившееся на Арафата, но в глазах израильской общественности это только усиливало мнение о нем как о неудачнике. Прежде всего, люди связывали это с тем, что Барак когда-то доверял Арафату. А упорство премьера в продолжении мирного процесса с Арафатом обрушило рейтинг его популярности до беспрецедентно низкого уровня»³⁹⁶.

И не только рейтинг популярности. К моменту начала переговоров в Табе правительство Эхуда Барака, из которого вышли партии «Израэль ба'алия» и МАФДАЛ, возглавлявшиеся, соответственно, Натаном Щаранским и раввином Ицхаком Леви (5 сентября 1999 года оба они голосовали на заседании правительства против Шарм-аш-Шейхского меморандума), потеряло доверие Кнессета и стояло перед досрочными выборами, проведение которых было назначено на 6 февраля 2001 года. Это были единственные в истории Израиля выборы, когда гражданам предстояло избрать главу правительства при сохранении действовавшего состава Кнессета. По всем опросам, Эхуд Барак должен был эти выборы разгромно проиграть, а баллотировавшийся против него Ариэль Шарон, главный враг ФАТХа и ООП со времен Первой Ливанской войны 1982 года, – триумфально выиграть (так в реальности и произошло: за А. Шарона проголосовали 62.4% участвовавших в голосовании избирателей – против лишь 37.6% за Э. Барака). Очень важен был и тот факт, что

³⁹⁶ Там же.

20 января 2001 года закончилась вторая президентская каденция Билла Клинтона, и в Белый дом пришел Джордж Буш-мл., для которого палестинская проблема отнюдь не была среди приоритетных.

Переговоры в Табе начались после встречи в Каире Ясира Арафата и министра иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами. Египтяне были очень заинтересованы в том, чтобы с этим правительством Израиля, выразившим готовность на беспрецедентные уступки – куда большие, чем любое из ему предшествовавших, – палестинские руководители подписали то или иное соглашение. Для этого Ясир Арафат, уже отклонивший и предложения, которые делались ему в Кемп-Дэвиде, и сформулированные в декабре 2000 года «параметры Клинтона», должен был сделать решительный шаг и согласиться на прекращение конфликта с Израилем (*finality of claims*). Однако на последних палестино-израильских переговорах в период правления Эхуда Барака ни самого Эхуда Барака, ни Ясира Арафата не было вообще. Израильскую делегацию в Табе возглавлял Шломо Бен-Ами, а палестинскую – Саиб Арикат. Совершенно очевидно, что в отсутствие первых лиц стороны не могли прийти к договоренностям фундаментального значения, которые были необходимы на том этапе диалога между ними. Вопреки всем усилиям египтян, принимавших израильскую и палестинскую делегации, стороны покинули Табу без достижения каких-либо реальных договоренностей.

Проиграв выборы, Эхуд Барак лишился не только поста главы правительства, но и должности председателя

Партии Труда, новоизбранный лидер которой бригадный генерал в отставке Биньямин (Фуад) Бен-Элиэзер (1936–2016) занял пост министра обороны в сформированном Ариэлем Шароном правительстве национального единства. Европейские и российские дипломаты убеждали новое израильское правительство продолжать переговоры с палестинскими лидерами с той точки, где они были прерваны в Табе, но это было последнее, что А. Шарон и Б. Бен-Элиэзер собирались делать. Их повестка дня была принципиально другой – беспрецедентно масштабная контртеррористическая операция, имевшая своей целью разгром очагов палестинского вооруженного сопротивления в городах Западного берега, переданных Израилем в ходе «процесса Осло» под контроль ООП, прежде всего, в Шхеме и Дженине. Антитеррористическая операция, получившая название «Защитная стена», была начата после кровавого теракта, совершенного палестинскими боевиками в банкетном зале гостиницы «Парк» в прибрежном городе Нетания 27 марта 2002 года, когда погибли тридцать израильтян и иностранных туристов. С 29 марта по 10 мая 2002 года израильская армия провела серию рейдов практически везде, где, по информации Общей службы безопасности Израиля, существовали террористические ячейки. Палестинские боевики, считавшие себя надежно защищенными в созданных ими за восемь лет «процесса Осло» бункерах, неожиданно для себя прямо там встречали направленные на них прицелы автоматов израильских спецназовцев. Те из них, кто пытался сопротивляться и отстреливаться, уничтожались на месте. Израильская армия получила

беспрецедентную свободу действий, результатом которой стали 497 убитых за менее чем полтора месяца палестинских боевиков.

Эта совершенно новая для палестинцев реальность стала тяжелым испытанием и для палестино-египетских, и для израильско-египетских отношений. Эфраим Халеви, являвшийся в 1998–2002 гг. директором Службы внешней разведки «Моссад», а в октябре 2002 года ставший советником премьер-министра Ариэля Шарона по национальной безопасности, вспоминал о том, как египтяне сообщали ему требования, выдвинутые в их адрес Ясиром Арафатом: разорвать мирный договор с Израилем, или, как минимум, объявить персонами нон-грата израильского посла и ряд других видных дипломатов, работавших в посольстве, а также прекратить любое сотрудничество с Израилем в сферах экономики и энергетики. Я. Арафат утверждал, что перед лицом беспрецедентной израильской агрессии в отношении палестинцев, Египет, как ведущее государство арабского мира, должен предпринять особые шаги в их защиту³⁹⁷.

Ситуация была в самом деле очень непростой для египетского руководства, представители которого хорошо помнили, как за четверть века до этого президент А. Садат стал парией в арабском мире как раз в связи с обвинениями в том, что он «предал справедливую борьбу арабского народа Палестины». Хосни Мубарак прекрасно понимал, что такие же обвинения могут быть выдвинуты и

³⁹⁷ Efraim Halevy, *Man in the Shadows* (London: Phoenix, 2007), pp. 128–130.

против него самого. Как вспоминал бывший посол Российской Федерации в Каире М.Л. Богданов (работавший до этого послом Российской Федерации в Израиле), «египетская сторона постоянно и настойчиво подчеркивала, что тупик на палестино-израильском переговорном треке создает весьма серьезные проблемы для самого Египта», ибо «существенно усилилась критика со стороны общественных организаций за “соглашательскую” политику Каира в отношении Израиля»³⁹⁸. Действия израильской армии в ответ на террористические акты палестинцев вызывали бурные демонстрации в студенческих кампусах в Каире и Александрии, а также резкую реакцию со стороны египетских интеллектуалов и религиозных авторитетов. Верховный муфтий Египта и ректор духовной академии аль-Азхар даже оправдали действия террористов-самоубийц в израильских городах как «защиту законных прав палестинцев», призвав всех арабов поддерживать палестинцев деньгами и оружием, а также бойкотировать израильские товары. По их мнению, если политический и экономический «джихад» не поможет обуздать израильскую «агрессивность», придется прибегнуть к «джихаду» военному³⁹⁹.

Однако Египет – не Иран, и подобного рода решения там принимает не муфтий, а президент. Хосни Мубарак же

³⁹⁸ Михаил Богданов, «Трансформация отношений между Россией и Египтом (1991–2011 гг.)» (Москва: Институт Африки РАН, 2017), стр. 102.

³⁹⁹ Меир Хатина, «Израильско-египетский мирный договор».

однозначно считал именно Ясира Арафата виновным в происходивших событиях: если бы палестинский лидер принял те беспрецедентно щедрые предложения, которые делались израильскими представителями на земле Египта в ходе переговоров в январе 2001 года, вся ситуация была бы совершенно другой, да и приход А. Шарона к власти мог бы и не произойти, ибо Э. Барак выглядел бы не как провалившийся государственный деятель, согласившийся разделить Иерусалим, а в ответ получивший лишь новую интифаду, а как успешный миротворец, сумевший добиться соглашения об окончательном урегулировании палестино-израильского конфликта. *Хосни Мубарак не мог позволить себе публично озвучить всё то, что он думал о Я. Арафате и его действиях в 2000–2001 годах, но он дал «ответ делом» на выдвинутые палестинцами в апреле 2002 года требования: он отклонил их все до единого, не сделав ни одного антиизраильского шага.* Работой египетского посольства в Тель-Авиве с осени 2000 года руководил дипломат в ранге временного поверенного в делах; отозвав посла М. Басьюни, Х. Мубарак как раз демонстрировал и Эхуду Бараку, и – еще больше – арабскому миру свою солидарность с борьбой палестинцев. Однако *эта солидарность имела целью побудить Израиль к дополнительным уступкам, а не привести к дальнейшей эскалации конфликта.* Хосни Мубарак хотел выйти из переговоров в Табе как государственный деятель, преуспевший там, где не преуспел даже президент США: то, что не произошло на саммите в Кемп-Дэвиде у Б. Клинтона, должно было произойти в Табе под патронажем Х. Мубарака.

Египетский президент однозначно обвинял в том, что этого не случилось, не Израиль, а именно Я. Арафата.

В свете эскалации насилия на территориях и понимания того, что граждане Израиля выбрали главой правительства А. Шарона отнюдь не для того, чтобы он продолжал курс Э. Барака, усилия команды Х. Мубарака сосредотачивались скорее на предотвращении еще более резкой реакции со стороны Израиля, чем на возобновлении политического процесса. Как отмечал иерусалимский востоковед проф. Меир Хатина, «опасения Египта были связаны с возможностью всеобщего взрыва на Ближнем Востоке. Для предотвращения этого Египет действовал в нескольких направлениях: укреплял межарабскую координацию, пытался обеспечить международную поддержку идее размещения наблюдателей, которые следили бы за действиями Израиля на территориях, поддерживал американские инициативы о прекращении огня». Как честно признал проф. М. Хатина, «успехи египетской дипломатии на всех этих направлениях были минимальными»⁴⁰⁰. Это, несомненно, не радовало Х. Мубарака, но сжигать в «палестинском костре» все достижения египетской внешней политики за десятки лет он совершенно точно не собирался.

Весь апрель 2002 года в Шхеме, Дженине и других городах Западного берега Израиль продолжал антитеррористическую операцию, а в Каире в прежнем

⁴⁰⁰ См.: Меир Хатина, «Израильско-египетский мирный договор: процесс и результаты».

режиме работали и израильский посол, и все остальные дипломаты, а по газопроводу в Израиль денно и ночью поступал египетский газ. Оказавшись перед необходимостью выбора между отстаиванием интересов палестинских и собственно египетских, Х. Мубарак сделал однозначный выбор в пользу последних⁴⁰¹. Как и в 1977–1979 годах, палестинским лидерам не позволили разрушить израильско-египетские отношения, важные для обоих государств. Х. Мубарак прекрасно понимал, что антиизраильские шаги, которые требовал от него Я. Арафат, привели бы также и к значительному ухудшению отношений Египта с США, которые он считал стратегической ценностью – и которыми абсолютно не был готов рисковать. Более того, хотя всё это время египетская печать была заполнена публикациями и карикатурами, выставившими Ариэля Шарона кровожадным убийцей и палачом, сам Х. Мубарак, никак антиизраильский тон «своей» прессы не обуздывая, установил с А. Шароном непубличные, но весьма взаимно доверительные отношения. По свидетельству Б. Бен-Элиэзера, процитированному биографом А. Шарона, «я видел искру света в глазах главы правительства не только когда он говорил со мной о Буше, но даже о Мубараке»⁴⁰².

⁴⁰¹ Efraim Halevy, *Man in the Shadows*, pp. 132–133.

⁴⁰² Цит. по: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 295.

II

Эта постепенно сложившаяся система весьма доверительных отношений между Ариэлем Шароном и Хосни Мубараком сделала возможным один из самых драматичных поворотов в израильской политике: в декабре 2003 года, выступая на ежегодной конференции в Герцлии, Ариэль Шарон объявил о том, что Израиль в одностороннем порядке выведет войска и поселения из сектора Газа. Бывший тогда заместителем Ариэля Шарона Эхуд Ольмерт свидетельствовал в своей чрезвычайно обстоятельной книге воспоминаний, что с Я. Арафатом А. Шарон встречаться отказывался категорически, а переговоры с главой правительства ПНА М. Аббасом проходили в корректной атмосфере, но были заведомо непродуктивными, поскольку А. Шарон не видел в своем палестинском коллеге серьезного партнера, с которым имело бы смысл о чем бы то ни было договариваться⁴⁰³.

При этом, в связи с фактическим прекращением «процесса Осло», различными инициативными группами, в которые входили палестинские и левоориентированные израильские активисты, были сформулированы свои предложения относительно возможных путей урегулирования конфликта: основными из них были «Женевская инициатива», выдвинутая рабочими группами, возглавлявшимися министром юстиции в правительстве Э. Барака Йоси Бейлиным и членом

⁴⁰³ См.: Эхуд Ольмерт, *От первого лица* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018), стр. 604 [на иврите].

Исполкома ООП и его бывшим генеральным секретарем Ясиром Абед Раббо, и инициатива организации «Национальный призыв», лидерами которой являлись генерал запаса Ами Аялон и президент палестинского Университета Аль-Кудс Сари Нусейбе. Президент США Дж. Буш-мл. в выступлении 24 июня 2002 года сформулировал свой план сосуществования двух государств, Израиля и Палестины, бок о бок друг с другом, который лег в основу так называемой «Дорожной карты» трехэтапного мирного урегулирования, обнародованной 30 апреля 2003 года как совместная инициатива США, Российской Федерации, Европейского Союза и Организации Объединенных Наций. 19 ноября 2003 года этот план был единогласно утвержден Советом Безопасности ООН в резолюции №1515⁴⁰⁴.

В отличие от Эхуда Барака, Ариэль Шарон ни на каких условиях не был готов согласиться на передачу почти всей (или большей части) территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины Палестинскому государству; он не был согласен и на само создание этого государства. Его герцлийская инициатива имела своей целью уклониться от выполнения резолюции №1515, и тем более от реализации «Женевской инициативы» или проекта организации «Национальный призыв», но так, чтобы американская администрация не отвернулась от Израиля, обвинив еврейское государство в том, что оно «саботирует усилия по мирному урегулированию». 15

⁴⁰⁴ Резолюция №1515, принятая на 4862-м заседании Совета Безопасности ООН, 19 ноября 2003 г. [документ S/RES/1515].

декабря 2003 года тогдашний министр иностранных дел Израиля Сильван Шалом был принят в Вашингтоне советницей президента Дж. Буша-мл. по национальной безопасности Кондолизой Райс, после чего, по его воспоминаниям, хотя в Израиле была глубокая ночь, он немедленно связался с главой правительства, разбудив его своим звонком. «Я пересказал Арику свой разговор с Кондолизой Райс. Она предупредила, что если глава правительства Израиля не выступит со своим собственным планом, пусть и предусматривавшим односторонние уступки со стороны Израиля, это приведет к существенному ухудшению отношений США с Израилем». К. Райс также настаивала на том, чтобы А. Шарон представил свою инициативу как якобы сформулированную в фарватере «Дорожной карты» Джорджа Буша-мл., хотя, на самом деле, вся логика плана односторонних шагов А. Шарона «Дорожной карте», базирующейся на принципе взаимодействия Израиля и ПНА, противоречила. Услышав от министра иностранных дел Израиля план о выводе восьми тысяч израильских поселенцев из сектора Газа, Кондолиза Райс потребовала обязательств в отношении того, что они будут расселены на суверенной территории Израиля, а не в поселениях Иудеи, Самарии и Иорданской долины⁴⁰⁵.

В своем выступлении в Герцлии 18 декабря 2003 года А. Шарон расставил акценты ровно так, как этого потребовала представительница администрации США,

⁴⁰⁵ Цит. по: Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона*, стр. 360.

которая, со своей стороны, его план публично поддержала. А. Шарон абсолютно не верил ни в какое мирное урегулирование, а все выдвинутые инициативы, включая «Дорожную карту», считал наиболее правильным игнорировать. Совместно со своими советниками он пришел к выводу, что сделать это он сможет, только если представит собственную встречную «контринициативу». Э. Ольмерт вспоминал, как, говоря о своем сыне, Ариэль Шарон сказал: «Гилад считает, что у нас нет иного выхода, кроме как инициировать односторонние шаги. Только так мы сможем избежать “Женевской инициативы”»⁴⁰⁶. Однако даже *то, о чем говорил А. Шарон* в Герцлии и на протяжении более чем полутора лет далее, – *полный вывод израильских вооруженных сил и поселений из сектора Газа – было невозможно реализовать без согласия и деятельного участия Египта.*

В 1948–1956 и в 1957–1967 годах четырнадцатикилометровая граница между Египтом и сектором Газа фактически не существовала по той простой причине, что контроль над территорией по обе её стороны находился в руках Египта. В свою очередь, с ноября 1956 по март 1957 и с июня 1967 по апрель 1982 года эта граница тоже не существовала, но по другой причине: и сектор Газа, и Синайский полуостров (а в 1980–1982 годах – часть его, непосредственно прилегающая к Израилю и сектору Газа) были под контролем Израиля. Окончательный вывод израильских войск с Синайского полуострова в апреле 1982 года сформировал 230-километровую линию

⁴⁰⁶ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 614.

границы между Израилем и Египтом, из коих 216 километров представляли собой границу между Египтом и суверенной территорией Государства Израиль, от КПП «Керем Шалом» на границе с Газой до города Эйлат на Красном море, а четырнадцать километров – границу между сектором Газа и Египтом.

В январе 1982 года, за считанные месяцы до завершения вывода войск с Синайского полуострова, Израиль начал создание приграничной инфраструктуры на этой четырнадцатикилометровой линии. Оказалось, что город Рафиях, непосредственно примыкавший к пограничной линии, её пересек, и несколько сот домов были построены либо на самой границе, либо уже за нею. Бывший тогда министром обороны Ариэль Шарон безуспешно пытался добиться согласия египетской стороны на корректировку линии границы, чтобы «арабские братья» (а еврейских жителей в Рафияхе не было) могли продолжать жить и работать там же, где они жили и работали. Египтяне, однако, на предложение позаботиться о «братьях» ответили категорическим отказом, вследствие чего 330 домов были вынужденно разрушены, а их жители постепенно переселены в новый район в секторе Газа, получивший название Тель-Султан.

Израиль, со своей стороны, расчистил территорию шириной сорок метров вдоль границы, построив как заградительный забор, отделявший Газу от Египта, так и контрольно-пропускной пункт «Рафиях», который полностью сохранил за собой. Утверждалось, что контроль за пограничной линией, по непонятным причинам получившей название «Филадельфийского коридора», и

КПП «Рафиях» совершенно необходимы Израилю для предотвращения незаконного проникновения боевиков и ввоза оружия и взрывчатых веществ в Газу.

Палестинские боевые организации без устали рыли туннели под «Филадельфийским коридором», чтобы делать именно то, с чем эти пограничные заграждения призваны были бороться. Израиль неоднократно обращался к египетской стороне с жалобами по этому вопросу, которые фактически игнорировались. В 1990 году Израиль провел инженерные работы по совершенствованию пограничных заграждений, а после начала второй интифады построил на части «Филадельфийского коридора» железобетонный забор высотой десять метров.

С годами «Филадельфийский коридор» стал одним из мест наиболее ожесточенных столкновений между израильскими военными и палестинскими боевиками. В этой связи особо следует отметить операцию «Радуга», проведенную израильской армией и Общей службой безопасности 18–25 мая 2004 года, когда, по свидетельству тогдашнего командующего израильскими силами в секторе Газа бригадного генерала Шмуэля Закая, в Рафияхе погибли более сорока палестинских боевиков и двенадцать гражданских лиц, были разрушены 56 домов и уничтожены три подземных туннеля, прорытых непосредственно под «Филадельфийским коридором»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁷ Арнон Регулер и Нир Хасон, «Командующий израильскими силами в секторе Газа: “Широкая операция в Рафияхе достигла своих целей”» // *Хаарец*, 25 мая 2004 года [на иврите].

Несмотря на то, что эта боевая операция проходила непосредственно у их границ, египетские власти никак не вмешивались в происходившее. Палестинские боевики назвали «ответом» на эту операцию теракт, совершенный 12 декабря 2004 года, когда им удалось взорвать один из опорных пунктов, построенных Израилем в «Филадельфийском коридоре»; пять солдат-бедуинов израильской армии погибли на месте.

Насколько известно, изначально Ариэль Шарон планировал сохранить за Израилем контроль за «Филадельфийским коридором» и после реализации своего плана одностороннего размежевания. Такой же позиции придерживался и тогдашний начальник Генерального штаба Моше (Бути) Яалон. Юристы, однако, объяснили Ариэлю Шарону, что Израиль не сможет объявить об уходе из Газы, если сохранит за собой контроль над границей, с одной стороны которой находится сектор Газы, а с другой – Египет. Поскольку пустить столь важное дело на самотек было абсолютно невозможно, в израильском военно-политическом руководстве сформировалось однозначное понимание в отношении того, что контроль над «Филадельфийским коридором» должен быть упорядоченно передан Египту. Ответственность за достижение и практическую реализацию договоренностей по этому вопросу была возложена на министра обороны Израиля Шауля Мофаза.

Сложно сказать наверняка, когда именно было принято решение о передаче «Филадельфийского коридора» под египетский контроль. Кнессет впервые обсуждал данную тему 5 июля 2005 года; докладывавший

об этом заместитель министра обороны Зеэв Бойм (1943–2011) рассказал депутатам, что «Израиль и Египет ведут сейчас интенсивные переговоры, касающиеся размещения египетских пограничников на протяжении “Филадельфийского коридора”. ... Наша цель – поддержка [Египтом] плана размежевания и поиск оптимального решения проблемы контрабанды оружия и развития инфраструктуры террора в Газе. У египтян, если судить по их декларациям, есть намерение существенно усилить оперативные возможности, касающиеся пресечения контрабанды оружия, проникновения в сектор террористов извне и предотвращения превращения Газы в сектор террора». Далее заместитель министра обороны представил депутатам достаточно точные параметры соглашения, которое было подписано два месяца спустя: «Мы обсуждаем с египтянами возможность одновременного пребывания в “Филадельфийском коридоре” 750 пограничников, которые будут выполнять единственную и конкретную задачу – защиту границы, чтобы предотвратить проникновение оружия, боеприпасов и террористов». Заместитель министра обороны отметил, что египетские пограничники будут вооружены несомненно лучше, чем полицейские, но в их распоряжении не будет ни танков, ни артиллерии, ни самолетов, хотя будут автоматы, ручные противотанковые гранатометы, а также вертолеты⁴⁰⁸.

⁴⁰⁸ Протокол 266-го заседания Кнессета пятнадцатого созыва, 5 июля 2005 г. [на иврите].

Подобная экипировка египетских военных в этой части Синайского полуострова однозначно нарушала посвященное демилитаризации приложение к мирному договору между Израилем и Египтом, а потому на размещение этих войск и их экипировку требовалось однозначное письменное согласие Израиля. Ряд депутатов, в частности Юваль Штайниц, Узи Ландау и Юлий Эдельштейн от партии «Ликуд», а также Яир Перец от партии ШАС, выступили категорически против того, чтобы Израиль соглашался на эти условия Египта, возражая против какого-либо отступления от подписанного за четверть века до этого мирного договора. С точки зрения этих депутатов, так создавался опасный прецедент, который может служить правовой основой для выдвижения Египтом дополнительных подобных требований в будущем. Правда, однако, состояла в том, что у Израиля просто не было иного выхода: никакая страна, кроме Египта, с Газой не граничит, а потому контролировать происходящее на границе заведомо не может. До последнего момента рассматривался вариант сохранения в «Филадельфийском коридоре» израильского военного присутствия, но армейское командование предупреждало, что, в отсутствие израильских сил в Газе, никем и ничем не защищенные солдаты и офицеры будут ежедневно и ежечасно подвергаться смертельной опасности. Перспектива невозможности защитить израильских солдат убедила Ариэля Шарона в мере еще большей, чем заключение юридических советников.

К концу лета 2005 года отношения Ариэля Шарона и Шауля Мофаза с Хосни Мубараком были уже

по-настоящему доверительными, а работа по подготовке текста соглашения и согласованию деталей размещения египетских сил, которой руководили глава военно-политического департамента Министерства обороны Израиля генерал Амос Гилад (1941–2010) и начальник Военной разведки Египта (спустя девять лет ставший президентом страны) Абдул-Фаттах ас-Сиси, продвигалась в обстановке конструктивного взаимопонимания⁴⁰⁹. 28 августа 2005 года проект соглашения с египтянами утвердило правительство, а 31 августа – Кнессет: в ходе поименного голосования, последовавшего за выступлением министра обороны Шауля Мофаза, 53 депутата проголосовали «за», тогда как 28 – «против»⁴¹⁰. Свидетельством отсутствия единства мнений было голосование братьев Дани и Эхуда Ятома: старший, в прошлом бывший командующим Центральным военным округом и главой Службы внешней разведки «Моссад», голосовал «за», тогда как младший, в прошлом возглавлявший Оперативный отдел Общей службы безопасности, – «против». Бывший в то время министром науки и технологий, а в 1990-е годы – командующим Южным военным округом и заместителем начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля Матан Вильнаи оптимистично отметил: «Усиление египетского

⁴⁰⁹ См.: Шимон Шифер, *Предупреждающий. Беседы с генералом запаса Амосом Гиладом* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2019), стр. 122–124 [на иврите].

⁴¹⁰ Протокол 279-го заседания Кнессета пятнадцатого созыва, 31 августа 2005 г. [на иврите].

контингента на протяжении “Филадельфийского коридора” – правильно. ... Контрабанда через границу была всегда, в том числе и после подписания мирного договора. Сейчас с этим будет вестись более настойчивая борьба». Другой член правительства, Хаим Рамон, также выразил однозначную поддержку подписанному соглашению: «Главная сторона, заинтересованная в том, чтобы египтяне были там, – это мы. ... Контрабанда оружия угрожает нам, любое улучшение ситуации в этой сфере способствует израильским интересам». Резко против выступил Биньямин Нетаньяху, заявивший, что «решение Шарона передать ответственность за безопасность Израиля египетской армии вместо Армии обороны Израиля», якобы, представляло собой «дополнительную ошибку, которая подстегнет террор»⁴¹¹. Б. Нетаньяху, впрочем, к тому времени уволился из правительства, позиционируя себя как альтернативного курсу А. Шарона лидера, и его мнения, какие бы они ни были, почти не оказывали влияния на развитие событий. К власти Б. Нетаньяху вернулся лишь четыре года спустя.

Само соглашение было заключено в Каире 1 сентября 2005 года; с израильской стороны его подписал начальник оперативного отдела Генерального штаба Исраэль Зив⁴¹².

⁴¹¹ См.: Диана Бахор-Нир, «Правительство утвердило: корректируется мирный договор с Египтом» // *Едиот ахронот* [«Последние известия»], 29 августа 2005 г. [на иврите].

⁴¹² См.: Ханан Гринберг, «Подписано соглашение, касающееся “Филадельфийского коридора”» // *Едиот ахронот*, 2 сентября 2005 г. [на иврите].

Сложно сказать, почему столь важное межгосударственное соглашение, утвержденное и правительством, и Кнессетом, было подписано от имени Израиля не главой правительства или министром обороны, а действующим армейским офицером; это выглядит как очевидное нарушение повсеместно постулируемых в Израиле принципа деполитизации армии, с одной стороны, и принципа безусловной подчиненности армии гражданским органам власти, с другой. Однако соглашение было подписано именно так, и оно позволило Египту разместить в непосредственной близости от границ Израиля военнослужащих, в распоряжении которых были арсеналы, коими египтяне на Синае не располагали на протяжении тридцати восьми предшествовавших лет: кроме 750 солдат, экипированных автоматами и ручными противотанковыми гранатометами, у них на вооружении были 31 бронемашина, четыре патрульных катера и три вертолета. Израиль настаивал при этом, что через перешедший под их контроль КПП «Рафиях» египтяне не имеют права входить в сектор Газа; их единственное право и основная обязанность – контролировать выезд людей из сектора Газа и въезд в него обратно, а также движение грузов в обоих направлениях.

III

На протяжении последующих двух лет в Израиле неоднократно звучали голоса о том, что при молчаливом невмешательстве египетских пограничников через КПП «Рафиях» была налажена масштабная контрабанда в

сектор Газы оружия и стройматериалов, используемых для развития инфраструктуры боевых исламистских организаций⁴¹³. Однако сами исламисты отнюдь не считали египтян своими сторонниками и покровителями. 4 января 2006 года ХАМАС инициировал массовое шествие из Газы в сторону КПП «Рафиях» с протестом против египетской политики, охарактеризованной исламистами как «сговор с Израилем с целью удушения жизни в Газе». Вооруженная толпа штурмовала КПП «Рафиях», который недостаточно подготовленные египетские пограничники оказались не в силах защитить. Двое египетских военнослужащих погибли⁴¹⁴, и прошло довольно много времени, прежде чем на пограничной линии между Газой и Египтом был восстановлен хотя бы какой-то порядок.

Широко распространена точка зрения, что скоро Египет контролирует единственную внешнюю границу Газы, у властей этой страны есть широчайшие возможности влияния на все политические и военные силы, действующие на территории сектора. Довольно многие в Израиле убеждены, что «стоит египтянам только захотеть» – дальше обычно фраза обрывается, ибо картины того, что же наступит тогда, у верящих в египетское всеисие нет. Длившаяся более пяти лет сага,

⁴¹³ См., например: Амир Бухбут, «Оружие под носом у египтян» // *Макор ришон* [«Первоисточник»], 17 октября 2006 г. [на иврите].

⁴¹⁴ Conal Urquhart, “Two Egyptian soldiers killed after Palestinians breach border wall with bulldozer” // *Guardian*, January 5, 2006.

начавшаяся 25 июня 2006 года, когда с территории Израиля боевиками ХАМАСа был похищен сержант Гилад Шалит, отчетливо продемонстрировала ограниченность реального египетского влияния. Эхуд Ольмерт вспоминал, как спустя примерно десять дней после похищения ему позвонил Хосни Мубарак с вопросом о том, верны ли поступившие к нему сведения, в соответствии с которыми премьер-министр Израиля обещал ставшему после смерти Я. Арафата главой ООП и ПНА Махмуду Аббасу, что Израиль согласится выпустить из тюрем сотни палестинских заключенных из движения ФАТХ в обмен на освобождение Гилада Шалита. Э. Ольмерт подтвердил эту информацию, после чего Х. Мубарак ответил: «Если так, то сегодня в четыре часа дня Гилад Шалит будет доставлен ко мне. Я посоветуюсь с Вами, как организовать его возвращение»⁴¹⁵. В книге воспоминаний Э. Ольмерт добавил: «Я был настроен скептически, но, конечно, поблагодарил египетского президента и сказал, что буду ждать его сообщения. На 14.00 я назначил совещание с ближайшими советниками, в том числе со своим военным секретарем генералом Гади Шимни. Я проинструктировал его не передавать никакую информацию армии и службам безопасности. У меня не было впечатления, что что-либо на самом деле произойдет. ... Ничего и не произошло – ни в четыре, ни в восемь и ни когда бы то ни было позднее. Я не перезвонил расспросить, что случилось, ибо не хотел ставить президента Египта в неудобное положение. ХАМАС удерживал Шалита не чтобы помочь Мубарaku

⁴¹⁵ Цит. по: Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 686.

или Абу Мазену. Эта сага затягивалась и всё более запутывалась»⁴¹⁶.

Египтяне не готовы были признать, что не имеют практически никакого влияния на боевое крыло ХАМАСа, создавая иллюзию, что похитители будто бы советуется с ними. В ходе расследования похищения Г. Шалита израильскими службами безопасности было установлено, что его очки были разбиты (а молодой человек страдал от тяжелой формы близорукости). Родители Г. Шалита передали египтянам очки с точно подобранными стеклами для их сына; египтяне обещали, что они будут доставлены по назначению. Когда 18 октября 2011 года, уже после вынужденной отставки Хосни Мубарака, Гилад Шалит был освобожден (об этом будет подробнее рассказано в одиннадцатой главе), выяснилось, что эти очки он так и не получил.

28 июня 2006 года Израиль начал длительную антитеррористическую операцию в секторе Газа, получившую название «Летние дожди», в ходе которой были, в частности, арестованы двадцать депутатов Законодательного совета ПНА и восемь членов палестинского правительства. Эта операция имела своей целью побудить ХАМАС прийти к выводу о том, что цена, которую придется платить за удержание в заложниках израильского сержанта, будет столь высокой, что выгоднее прийти к компромиссу с Израилем как можно скорее. Забегая вперед, отметим, что «меры убеждения» не сработали, ХАМАС не освободил Гилада Шалита, даже

⁴¹⁶ Там же.

несмотря на то, что за время операции «Летние дожди» в Газе погибли 394 человека, не говоря уже о том, что были существенно сокращены поставки в сектор всех видов товаров, а также электричества. Во многих мировых СМИ утверждалось тогда, что Газа находится на пороге гуманитарной катастрофы, а арабские страны усиливали давление на Египет с требованием «предпринять действенные меры для обуздания израильской агрессии». Египтяне прекрасно понимали, какие шаги ХАМАСа способны остановить операцию израильских силовых структур, но ничего конкретного добиться так и не смогли.

Ситуация оставалась в целом неизменной до 14 июня 2007 года, когда ХАМАС, полностью захватив контроль над сектором Газы, изгнал представителей официальных сил безопасности Палестинской администрации, дислоцированных у «Филадельфийского коридора» со стороны Газы. Спустя полгода Исследовательская служба Конгресса США отметила: «Существуют опасения, что захват ХАМАСом Газы будет иметь негативные долгосрочные последствия для израильско-египетских отношений, налаживание которых повсеместно считалось успехом ближневосточной дипломатии США на протяжении более чем трех десятилетий»⁴¹⁷. Подобные опасения испытывали не только в Вашингтоне, но и в Каире, и в Иерусалиме, равным образом стремясь не допустить развития событий по негативному сценарию.

⁴¹⁷ См.: Jeremy M. Sharp, “The Egypt–Gaza Border and its Effect on Israeli–Egyptian Relations” (Washington: Congressional Research Service, 2008), pp. 11–12.

23 января 2008 года ХАМАС взорвал заградительные сооружения, оставленные «в наследство» Израилем на пограничной линии; по разным оценкам, до двухсот тысяч жителей Газы перешли тогда на территорию Египта, и никто не может сказать наверняка, сколько из них так и не вернулись. Нельзя сказать, что после этого египетские силы потеряли всякую способность обеспечивать безопасность границы своей страны, но очевидно, что с этого времени размещенные там военнослужащие больше думали об обеспечении безопасности собственной. В Израиле звучали голоса, требовавшие вмешаться в происходившее, однако Эхуд Ольмерт решил, что Израилю, при всех издержках, предпочтительнее воздержаться от какого-либо возвращения в сектор Газы.

Несмотря на существенное давление и обещания «золотых гор» и «рек, полных вина», установив практически полный контроль над сектором Газы, ХАМАС категорически отказался признать Израиль и соглашения, заключенные с этой страной руководителями ООП. Египтяне приложили огромные – и оказавшиеся в целом бесполезными – усилия в этом направлении. Им также не удалось добиться ни примирения ХАМАСа с ФАТХом, ни согласия исламистов на участие в работе правительства, подотчетного М. Аббасу⁴¹⁸.

⁴¹⁸ См.: Chelsi Mueller, “Egyptian and Saudi Intervention in the Israeli-Palestinian Conflict (2006-2009): Local Powers Mediation Compared” // *International Intervention in Local Conflicts: Crisis Management and Conflict Resolution since the Cold War*, edited by Uzi Rabi (New York: Tauris Academic Studies, 2010), pp. 202–221.

Осознав, что добиться от ХАМАСа даже обтекаемой декларации в общих чертах, например, о принятии резолюций №242 и №338, из которой можно было бы при большом желании (а желание было еще каким большим!) заключить, будто бы ХАМАС готов к сосуществованию бок о бок с Израилем, не получится, египтяне стали работать над другим проектом, ключевой идеей которого было длительное прекращение огня между Израилем и ХАМАСом, так называемая *худна*. Эту инициативу, разумеется, с согласия Хосни Мубарака, продвигал руководитель египетской разведки Омар Сулейман. Его партнером с израильской стороны был тогдашний министр обороны Израиля Эхуд Барак, от имени и по поручению которого руководитель военно-политического департамента Министерства генерал Амос Гилад регулярно навещался в Каир. Бывший тогда главой правительства Эхуд Ольмерт свидетельствовал, что он получил информацию об этих переговорах, когда они находились уже на довольно продвинутой стадии, причем отнюдь не от Э. Барака, от которого премьер-министр потребовал объяснений в связи с этим⁴¹⁹.

«Ближе к июню [2008 года] между Амосом Гиладом и Омаром Сулейманом постепенно выработались договоренности. У нас не было никакой возможности узнать, что в самом деле происходит в диалоге между О. Сулейманом и ХАМАСом, – вспоминал Эхуд Ольмерт, признавая тем самым весьма ограниченные возможности израильских спецслужб, – но я верил, что О. Сулейман не

⁴¹⁹ Эхуд Ольмерт, *От первого лица*, стр. 751.

дезинформирует нас. Я также исходил из того, что интерес самих египтян состоит в том, чтобы снизить до минимума опасность вспышки агрессивного военного конфликта между нами и ХАМАСом»⁴²⁰. Складывалась достаточно проблематичная для Израиля ситуация: он договаривался о соглашении с боевой исламистской организацией, о невозможности каких бы то ни было переговоров с которой израильские представители трубили на всех углах. При этом, в случае нарушения ХАМАСом достигнутых договоренностей, единственным арбитром между сторонами оказывался руководитель египетской разведки, ибо он единственный знал в деталях, какие именно обязательства взяли на себя представители ХАМАСа, с одной стороны, и правительства Израиля, с другой. По свидетельству Эхуда Ольмерта, никаких подписанных сторонами соглашений не существовало; более того, не существовало и какого бы то ни было документа, на котором стояла бы подпись Омара Сулеймана: когда Э. Ольмерт попросил А. Гилада письменно завизировать у О. Сулеймана достигнутые устные договоренности, руководитель военно-политического департамента Министерства обороны отказался это сделать, аргументировав свое возражение тем, что египетский посредник, услышав такую просьбу, якобы, почувствует себя оскорбленным.

Соглашение вступило в силу 19 июня 2008 года и продержалось чуть более четырех месяцев. 4 ноября 2008 года, в связи с полученной информацией о завершении

⁴²⁰ Там же, стр. 752.

строительства туннеля, ведущего в Израиль, который должен был использоваться для совершения террористических актов, израильский спецназ провел рейд в Дир эль-Балах, в результате которого семь боевиков ХАМАСа из Бригады имени Изз ад-Дина аль-Кассама были убиты, а туннель взорван. Обвинив Израиль в нарушении условий перемирия, ХАМАС начал массированные обстрелы, выпустив по территории еврейского государства сотни ракет и минометных снарядов. После того, как за один день, 24 декабря, из сектора Газа по Израилю было выпущено более шестидесяти ракет и минометных мин, Президиум правительства Израиля принял решение о начале военной операции против ХАМАСа. Эта операция, получившая название «Литой свинец», началась 27 декабря 2008 года и продлилась более трех недель, причем 3 января, после недели интенсивных атак с воздуха, Израиль ввел в сектор Газа контингент сухопутных войск. К сожалению, Омар Сулейман не опубликовал книгу воспоминаний, а потому в нашем распоряжении нет данных о том, прилагал ли он усилия с целью побудить ХАМАС не провоцировать Израиль, чтобы развития событий по худшему сценарию можно было избежать. Ясно одно: даже если такие усилия египтянами прикладывались, успеха они не имели.

В конце 2009 года египтяне начали строительство собственной железобетонной стены, которая должна была отделить их от сектора Газа, находившегося в 1948–1967 годах под их контролем. Спустя сорок два года после Шестидневной войны египтяне не только не хотели Газу контролировать – они не хотели иметь с ней ничего

общего, свидетельством чего стала огромная железобетонная стена протяженностью десять километров и общей высотой 35 метров, большая часть которой располагалась под землей с целью сделать невозможным рытье туннелей из Рафияха на территорию Египта.

Израиль же, обеспокоенный проникновением через Синайский полуостров нелегальных иммигрантов из Судана, Эритреи и некоторых других африканских стран, начал строить собственную стену на границе с Египтом. До 2006 года масштабы этого явления были невелики, но далее произошел резкий скачок: в 2007 году численность жителей африканских государств, незаконно добравшихся в Израиль через Синайский полуостров, превысила пять тысяч человек, в 2008 году – составила более чем 8.300 человек. В 2009 году положение вернулось к существовавшему за два года до этого, но в 2010 году произошел еще один резкий скачок: через Синай в Израиль проникли более чем 14.5 тысяч человек! В марте 2010 года правительство Израиля приняло решение о начале строительства разделительного барьера на всей протяженности границы с Египтом. Этот барьер, длиной 241 километр, строительство которого было начато менее чем за год до падения режима Х. Мубарака, а закончилось, когда у власти в Египте уже находились исламисты, существенно способствует и борьбе с контрабандой наркотиков и оружия, которой долгие годы занимались арабы и бедуины Негева, но он же служит ярчайшей иллюстрацией того, что подлинный мир между Израилем и Египтом с годами, увы, не становится ближе.

В ЛАБИРИНТАХ ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ: Х. МУБАРАК И ЕГО СМЕНЯВШИЕ ДРУГ ДРУГА СОБЕСЕДНИКИ – ДИПЛОМАТЫ И ВОЕННЫЕ

I

Одной из существенных проблем, касавшихся израильско-египетских отношений все годы правления Х. Мубарака, являлась кадровая чехарда в израильских органах власти, в целом, и в государственных структурах, занимавшихся двусторонними связями, в частности.

Когда Хосни Мубарак пришел к власти, президентом Израиля был Ицхак Навон, а премьер-министром – Менахем Бегин. В Израиле полномочия главы правительства существенно превышают права и обязанности президента, чья роль остается сравнительно церемониальной, но все же заслуживает упоминания тот факт, что за время президентства Х. Мубарака в Израиле сменилось шесть президентов: место Ицхака Навона в 1983 году занял Хаим Герцог, его, в свою очередь, в 1993 году сменил Эзер Вейцман, на место которого в 2000 году был избран Моше Кацав, вынужденный досрочно уйти в отставку. Вследствие этого на протяжении полугода исполняющей обязанности президента Израиля была председатель Кнессета Далия Ицик, после чего пост президента занял Шимон Перес. И. Навон и Э. Вейцман были вовлечены в переговоры о мирном урегулировании с Египтом еще во второй половине 1970-х годов, а Ш. Перес неоднократно вел переговоры с Х. Мубараком, начиная с

их встречи в сентябре 1986 года в Александрии, когда Ш. Перес был главой правительства. Хаим Герцог, в свою очередь, будучи постпредом Израиля в ООН, получил еще в 1977 году от своего тогдашнего египетского коллеги Исмата Абд эль-Магида приглашение на мирную конференцию, которую созывал в Каире Ануар Садат. Напротив, Моше Кацав и Далия Ицик почти не были вовлечены в процесс израильско-египетского диалога.

За те же тридцать лет в Израиле сменилось восемь глав правительств: Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Шимон Перес, Ицхак Рабин, Биньямин Нетаньяху, Эхуд Барак, Ариэль Шарон, Эхуд Ольмерт; при этом трое из них – И. Шамир, Ш. Перес и Б. Нетаньяху – занимали данный пост дважды: причем, если И. Шамир вернулся на эту должность в октябре 1986 года после двухлетнего перерыва, то Ш. Перес – в ноябре 1995 года, через девять лет после завершения его первой премьерской каденции, а Б. Нетаньяху – в марте 2009 года, спустя десять лет, как он проиграл выборы Эхуду Бараку. Из сказанного видно, что *за тридцать лет, когда в Египте у власти оставался один и тот же руководитель, в ближний круг которого, в целом, входили одни и те же люди* (Усама эль-Баз, Исмат Абд эль-Магид, Амр Муса, Бутрос Бутрос-Гали, Мухаммед Хусейн Тантауи и Омар Сулейман), *власть в Израиле менялась десять раз*, причем в большинстве случаев премьер-министра сменял не его преданный соратник (так было всего трижды: в 1983 году, когда на место М. Бегина пришел И. Шамир, в 2006 году, когда впавшего в кому А. Шарона сменил Э. Ольмерт, и, с некоторыми оговорками, когда Ш. Перес во второй раз

оказался премьер-министром после убийства И. Рабина 4 ноября 1995 года), а представитель противоположного политического лагеря. Когда Ш. Перес в 1984 году занял место И. Шамира, а в 1986 году И. Шамир вернулся на пост премьер-министра, когда в 1992 году И. Рабин выиграл выборы у И. Шамира, в 1996 году Б. Нетаньяху – у Ш. Переса, в 1999 году Э. Барак – у Б. Нетаньяху, а в 2001 году А. Шарон – у Э. Барака, к власти приходили государственные деятели, декларировавшие стремление вести *принципиально иной* политический курс, чем их предшественники. Этот курс далеко не всегда оказывался существенно другим на самом деле, но чтобы понять это, президенту Египта требовалось время.

Из восьми вышеперечисленных глав правительства пятеро в разное время являлись министрами иностранных дел: Ицхак Шамир, Шимон Перес, Ариэль Шарон, Биньямин Нетаньяху и Эхуд Барак, однако МИД Израиля в годы президентства Х. Мубарака возглавляли и другие руководители, премьер-министрами не ставшие: Моше Аренс, Давид Леви, Шломо Бен-Ами, Ципи Ливни, Сильван Шалом и Авигдор Либерман. Особенности израильской политической системы, следствием которых стали одиннадцать министров иностранных дел за тридцать лет (некоторые из них были, безусловно, солидарны с курсом премьер-министра, тогда как другие, скорее, вели свою «игру»), очевидно, не способствовали стабильности во внешней политике Израиля, в целом, и в отношениях с Египтом, в частности. В Египте за эти тридцать лет МИД последовательно возглавляли всего пять человек: Камаль Хасан Али до июня 1984 года, Ахмет

Исмаат Абд эль-Магид – семь последующих лет, Амр Муса – десятилетие с мая 1991 по май 2001 года, Ахмед Махер – три последующих года и Ахмет Абуль Гейт – с мая 2004 года до окончания правления Х. Мубарака.

Политологи, изучающие особенности израильской системы государственного управления, отмечали в своих публикациях, что политическая чехарда «сглаживается» стабильностью корпуса профессиональных госслужащих, который, якобы, влиянию этой чехарды не подвержен. Действительность, к сожалению, опровергает этот оптимистичный вывод.

Египет в феврале 1980 года делегировал послом в Израиль Саида Муртаду, опытного дипломата, на протяжении 32 лет работавшего в МИДе своей страны и уже бывшего послом в Марокко (где он лично познакомился с Хосни Мубараком, прибывшим туда с визитом еще во времена президентства А. Садата) и в других странах, которого, как уже отмечалось на страницах этой книги, Х. Мубарак отозвал в Каир в связи с трагедией в Сабре и Шатиле. После этого уже работавший в Тель-Авиве в статусе советника-посланника Мухаммед Басьюни возглавил египетское посольство в статусе временного поверенного в делах, а в 1986 году, когда Х. Мубарак решил, что пришло время восстановить прежний уровень отношений с Израилем, был утвержден в статусе посла. В этом качестве М. Басьюни проработал четырнадцать лет, до начатой палестинским руководством второй интифады, после чего был отозван, как С. Муртада за восемнадцать лет до этого. В 2005 году Х. Мубарак назначил нового посла Египта в Израиле; им стал

Мухаммед Асем Ибрахим. Он проработал в Израиле до сентября 2008 года, когда его сменил Ясир Рида – четвертый посол за весь период двусторонних отношений.

С израильской стороны ситуация была абсолютно другой, причем проблема все эти годы отнюдь не ограничивалась кадровой чехардой, будучи куда более глубокой.

Уроженца Брест-Литовска Менахема Бегина египтяне видели европейским колонистом, человеком на Ближнем Востоке чужим, и в этом подходе как в капле воды отражалось их отношение к сионистскому движению в целом. Они с куда большей легкостью воспринимали «коренных» евреев, которые выросли на Ближнем Востоке, как, например, уроженец Иерусалима Ицхак Навон. Первым послом, 24 февраля 1980 года прибывшим в Каир, был Элияху Бен-Элисар, пользовавшийся полным доверием М. Бегина и назначенный лично им⁴²¹, но не имевший опыта дипломатической работы. Поскольку в посольстве абсолютно необходим человек, подобный опыт имеющий, то его заместителем в Каир был делегирован доктор Йосеф Хадас, возглавлявший отдел по реализации мирного договора с Египтом в МИДе Израиля. Рабочие отношения между Э. Бен-Элисаром и Й. Хадасом сразу же не сложились, и спустя несколько месяцев на место вернувшегося в Иерусалим Й. Хадаса был назначен Эфраим Дубек – многоопытный дипломат, в 1980 году, однако, занимавший пост заместителя мэра Иерусалима, с

⁴²¹ См.: Элияху Бен-Элисар, *Дальше – без войн* (Тель-Авив: Библиотека «Маарив», 1995), стр. 156 [на иврите].

которого ему пришлось уйти. Как рассказал мне сам Э. Дубек в личной беседе, Й. Хадас был настолько заинтересован поскорее покинуть общество Э. Бен-Элисара, что вернулся в Иерусалим, даже не дождавшись передачи дел сменщику, которому пришлось входить в новые профессиональные обязанности без того, чтобы он был надлежащим образом проинформирован предшественником о проделанной тем работе⁴²². Хотя, отбывая в Каир, Э. Бен-Элисар прочувствованно сказал, что «очень редко бывает, когда человек, переворачивая страницу собственной жизни, переворачивает вместе с тем страницу истории своей страны»⁴²³, спустя всего год он подал в отставку и вернулся в Иерусалим.

Согласно официальной информации, Элияху Бен-Элисар еще 4 февраля 1981 года сообщил Ануару Садату, что собирается вернуться в Израиль, чтобы принять участие в выборах в Кнессет десятого созыва⁴²⁴; учитывая его близкие отношения с Менахемом Бегиним, он не без основания рассчитывал получить (и в самом деле получил) проходное место в списке «Ликуда». Однако, как рассказывал мне Эфраим Дубек, «египтяне не выносили Бен-Элисара и практически не давали ему работать. Своим видом, европейским происхождением, своей бородой он напоминал им ненавидимого ими Герцля»⁴²⁵. Для русскоязычного читателя важно пояснить, что звучит это

⁴²² С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

⁴²³ Цит. по: Эляким Рубинштейн, *Пути к миру*, стр. 120.

⁴²⁴ См.: Элияху Бен-Элисар, *Дальше – без войн*, стр. 257.

⁴²⁵ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

примерно так же, как если бы советский дипломат, работавший в Каире, сказал бы, что «египтяне не давали нашему послу работать, ибо он напоминал им ненавидимого ими Ленина». Тот факт, что Элияху Бен-Элисар выражал те же идеи, что за восемьдесят лет до него Теодор Герцль, однозначно свидетельствовал в пользу того, что он был аутентичным послом, точно представлявшим в Каире ту основополагающую идеологию, на которой было основано воссоздание еврейской государственности. Именно это, однако, стало причиной того, что египетские власти его фактически бойкотировали: подписав с Израилем мирный договор, они так и не смирились с его существованием...

На смену Бен-Элисару новым послом был назначен уроженец Дамаска Моше Сассон – потомственный многоопытный дипломат, прекрасно говоривший на арабском языке, не участвовавший, однако, в Кемп-Дэвидском процессе, и, как рассказал мне он сам, смотревший выступление А. Садата в Кнессете в своей квартире по телевизору⁴²⁶. Моше Сассон, в котором, по свидетельству Э. Дубека, египтяне души не чаяли в связи с тем, что он хорошо знал Коран, а также арабские пословицы и поговорки⁴²⁷, был настолько «своим» среди египтян, что, как вспоминал при мне он сам, однажды, когда он сопровождал посещавшую Израиль делегацию сотрудников египетского МИДа, один из них принял его за египетского дипломата, работавшего в посольстве в Тель-

⁴²⁶ С М. Сассоном мы встречались в Иерусалиме в августе 2000 г.

⁴²⁷ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 72.

Авиве⁴²⁸. В другой раз Ариэль Шарон в ходе переговоров делегаций двух стран в расширенном составе, не факт, что в шутку, сказал Менахему Бегину: «Я не знаю и не понимаю, кого представляет Моше: он посол Израиля в Египте или же посол Египта в Израиле?!»⁴²⁹ Обидевшийся М. Сассон стал угрожать немедленным уходом в отставку, что вынудило А. Шарона принести извинения, которые он сформулировал в столь шутливом тоне, что они едва ли свидетельствовали о том, что он хоть сколько-то изменил свое мнение⁴³⁰. По словам Э. Дубека, «Сассон прекрасно понимал, что именно египтяне хотят услышать, и никогда их не разочаровывал; когда нужно было вносить протесты или выражать несогласие с действиями египетской стороны, а поводов для этого было предостаточно, это всегда поручалось делать мне»⁴³¹.

Каденция М. Сассона продлилась семь лет, после чего третьим послом Израиля в Египте был назначен профессор Шимон Шамир, создавший и возглавивший в 1982 году Израильский научный центр в Каире. Центр этот стремился сделать многое, но по факту его работа ограничивалась выпуском различных брошюр, которые, неизвестно, читал ли хоть кто-нибудь. Эльяким Рубинштейн, возглавлявший отдел по реализации мирного договора с Египтом в МИДе Израиля после отъезда Йосефа Хадаса в Каир, в качестве главного

⁴²⁸ С М. Сассоном мы встречались в Иерусалиме в августе 2000 г.

⁴²⁹ Моше Сассон, *Семь лет в стране египтян*, стр. 187.

⁴³⁰ Там же, стр. 188.

⁴³¹ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

достижения этого Центра отмечал создание при синагоге в Каире библиотеки, посвященной истории египетского еврейства⁴³². При всей национальной значимости этого проекта, очевидно, что к научным связям между двумя странами он имеет весьма опосредованное отношение. Шимон Шамир оставался на посту посла всего два года. Когда весной 1990 года правительство национального единства в Израиле, в которое «Ликуд» и Партия Труда входили на паритетных началах, распалось, и Ицхак Шамир сформировал «правое» правительство, то его однофамилец заявил об отказе представлять в Каире курс нового кабинета.

Сложно сказать, стал ли именно упомянутый выше образ «плохого парня» тому причиной, но когда в 1990 году глава правительства Израиля Ицхак Шамир и министр иностранных дел Давид Леви приняли решение направить уроженца Каира Э. Дубека послом в Египет, агремана о согласии на его кандидатуру Израилю пришлось ждать больше месяца⁴³³, что было особенно нетерпимо, учитывая скандальную отставку предыдущего посла, креатуры Шимона Переса, профессора Шимона Шамира, громогласно, в нарушение базового дипломатического этикета, заявившего о том, что он не может представлять правительство страны, которое, якобы, не хочет мира и не стремится к нему. Этот демарш был очень высоко оценен Ш. Пересом; после заключения в

⁴³² См.: Эльяким Рубинштейн, *Пути к миру*, стр. 115.

⁴³³ Эфраим Дубек, *История жизни* (Иерусалим: «Яд Сара» – НКО «Память, ответственность и будущее», 2019), стр. 138.

1994 году мирного договора с Иорданией, этот вернувшийся на пост министра иностранных дел патриарх израильской политики назначил Шимона Шамира первым послом Израиля в Иордании. Эфраим Дубек же – один из наиболее опытных израильских дипломатов, за плечами которого были, в частности, три года работы постпредом Израиля при учреждениях ООН в Женеве и два года работы на посту заместителя постпреда Израиля в ООН в Нью-Йорке – был после прихода к власти правительства И. Рабина – Ш. Переса из Каира отозван. Как чуть ни шепотом рассказал мне сам посол Э. Дубек, он все эти годы – и до настоящего времени – оставался членом Партии Труда, однако Ш. Перес, будучи председателем той же самой Партии Труда, воспринимал его как «правого». «И. Шамир и Д. Леви назначили меня в Каир советником-посланником в 1980 году и послом – в 1990-м, прекрасно зная, что я состою в Партии Труда; в конце концов, именно от этой партии я был избран вначале в муниципальный совет, а потом заместителем мэра Иерусалима. Главе же “моей” партии мои взгляды и моя профессиональная честность не подходили. Когда я вступал в Партию Труда, – продолжал Э. Дубек в нашей беседе, – ведущую роль в ней играли люди, посвятившие свои жизни строительству Израиля и борьбе за обеспечение его безопасности: Давид Бен-Гурион, Моше Даян, Игаль Алон и их сподвижники. С тех пор Партия Труда, к сожалению, очень сильно изменилась. Для Бен-Гуриона, Даяна и Алона интересы государства всегда превалировали над партийно-политическими соображениями, и так же всю жизнь работал и я: в Египте

я был послом Государства Израиль, а не Партии Труда или блока “Ликуд”. И. Шамира и Д. Леви этот подход полностью устраивал, а вот Ш. Переса и ставшего его заместителем в МИДе в 1992 году Й. Бейлина – категорически нет. Я помню, что когда Йоси Бейлин в первый раз прибыл в Каир, то я очень просил его не вести разговор о превращении Ближнего Востока в безъядерную зону. В этом вопросе египтян поддерживали все: и европейские страны, и США, и Россия, и арабомусульманский мир, и для нас, поэтому, наиболее правильным было просто избегать обсуждения этой темы. Й. Бейлин, к сожалению, моей просьбой пренебрег, начав убеждать египтян в том, что израильская ядерная программа никак не угрожает их стране. Его египетские собеседники прекрасно это понимали и сами, но согласие официального представителя Израиля на обсуждение данной темы было большой ошибкой, приведшей к тому, что египтяне удвоили и утроили свои нападки на Израиль по этому вопросу и в ООН, и в других международных организациях, и в ходе их контактов с американцами»⁴³⁴.

Приняв решение отозвать Э. Дубека из Каира, Ш. Перес и Й. Бейлин назначили на его место идейно более им близкого и также родившегося в Каире Давида Султана, до этого занимавшего пост заместителя генерального директора Министерства иностранных дел Израиля по делам Ближнего Востока. «Когда я в 1992 году вручал верительные грамоты президенту Хосни Мубараку, то он обратился к стоявшему ряду министру иностранных

⁴³⁴ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

дел Амру Мусе с вопросом, который был шутливым лишь в некоторой степени: «Он один из нас, или он – европеец?»» – рассказывал мне сам Д. Султан.

– Вы родились в Каире, покинули эту страну в 1949 году и вернулись в нее 34 года спустя как официальный представитель Израиля. Египтяне не воспринимали Вас как «предателя Родины»? – спросил я посла Д. Султана.

– Ни в коем случае: то, что я уроженец Каира, хорошо знаю этот город и говорю на египетском диалекте арабского языка, очень помогало мне в работе, – ответил посол Д. Султан. – Министр иностранных дел Египта Амр Муса неоднократно говорил мне: «Вы – один из нас», египтяне воспринимали меня как «своего»⁴³⁵.

«С официальными представителями Египта мы всегда беседовали по-арабски, ибо этот язык я знал с рождения», – рассказывал мне посол Э. Дубек⁴³⁶. С одной стороны, знание арабского языка и культуры, несомненно, помогало в установлении и укреплении отношений с египтянами; Ицхак Навон настолько потряс всех в Каире своим безупречным арабским языком, что, как рассказывал М. Сассон, за семь лет его работы в Египте не было ни одной встречи с А. Садатом или Х. Мубараком, когда бы они не поинтересовались здоровьем И. Навона и не передали ему самые добрые пожелания, в том числе и после июня 1983 года, когда его работа на посту президента закончилась⁴³⁷. С другой стороны, израильяне

⁴³⁵ С послом Давидом Султаном мы встречались в его иерусалимской квартире 7 октября 2021 г.

⁴³⁶ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

– выходцы из арабского мира, цитировавшие арабских поэтов и восторгавшиеся египетской певицей Умм Кульсум (1904–1975), возвращали египтян к парадигме «зимми» – восприятию евреев не более чем как религиозного меньшинства, живущего среди мусульман, но не обладающего равными с ними правами. На мой взгляд, *это восприятие противоречило интересам Израиля как суверенного государства, которое не должно подвергаться никакой дискриминации, пусть и на преимущественно мусульманском Ближнем Востоке.*

Единственным исключением, о котором мне рассказали оба посла, была семья многолетнего государственного министра по иностранным делам. «С Бутросом Бутросом-Гали мы говорили по-французски, – ибо и он, и я, как это было принято среди детей каирской интеллигенции того времени, учились во Французском лицее, – рассказывал Э. Дубек. – Я знал, что мать и братья его жены Леи жили в городке Беэр-Яаков в Израиле, но эта тема никогда не поднималась в разговоре между нами, и министр никогда не просил меня организовать ему или его супруге встречу с израильским родственниками»⁴³⁸.

Вопрос об этой семье я задал и преемнику Эфраима Дубека на посту израильского посла в Каире Давиду Султану:

– Супруга Бутроса Бутроса-Гали, Лея, – еврейка. Как она относилась к Вам?

⁴³⁷ Моше Сассон, *Семь лет в стране египтян*, стр. 24.

⁴³⁸ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

– Она совершенно не идентифицировалась как еврейка, я никогда не видел ее в синагоге. Как-то, в ходе одной из встреч, незадолго до праздника Суккот, когда мы были вчетвером, я и моя супруга Адина и Бутрос-Гали со своей женой, последняя сказала: «На следующей неделе у вас праздник». Иудейские праздники она своими не считала, будучи скорее интегрированной в жизнь коптской общины, к которой принадлежал ее муж⁴³⁹.

После поражения Шимона Переса на прошедших в мае 1996 года выборах и возвращения Давида Леви на пост министра иностранных дел, на этот раз – в правительстве Биньямина Нетаньяху, Давид Султан был отозван, а на его место назначен уроженец подмандатной Палестины Цви Мазель – опытный дипломат, прекрасно говоривший и на арабском, и по-французски, и работавший в посольстве в Каире еще под началом Моше Сассона. Он остался послом и при министре иностранных дел Шломо Бен-Ами, но был смещен в 2001 году, после прихода к власти Ариэля Шарона. Таким образом, в 2001 году был назначен седьмой израильский посол в Каире за двадцать лет, им стал Гидеон Бен-Ами, которого спустя два года, в 2003 году, сменил Эли Шакед. Но и он задержался в Каире всего на два года, после чего в 2005 году послом был утвержден Шалом Коэн, которого спустя четыре года, в ноябре 2009 года, сменил Ицхак Леванон. Таким образом, за тридцать лет двусторонних отношений Израиль последовательно представляли в Каире *десять* сменявшихся друг друга послов! Так сложилось, что именно И. Леванон

⁴³⁹ С Д. Султаном мы встречались в Иерусалиме 7 октября 2021 г.

оказался послом Израиля в самые последние годы правления Хосни Мубарака. Как рассказал он сам, работа посольства в этот период была в немалой мере парализована: «При Мубараке Египет существенно ограничил деятельность посольства Израиля в Каире. Нам не разрешалось напрямую контактировать с египетскими министрами или членами Народного собрания. Двери посольства были практически закрыты для общения со многими людьми»⁴⁴⁰.

Можно было бы предположить, что, набравшись опыта в Каире, дипломаты возвращались в центральный аппарат МИДа в Иерусалиме, где делились этим опытом со своими сменщиками, читали лекции молодым дипломатам и руководили штабной работой по укреплению израильско-египетских отношений. Ничего подобного, однако, не происходило: Моше Сассон, Эли Шакед и Ицхак Леванон по возвращении из Каира вышли на пенсию и покинули МИД, тогда как другие послы продолжали работать в совершенно иных регионах мира: Элияху Бен-Элисар, побыв несколько лет членом Кнессета и председателем парламентской комиссии по иностранным делам и обороне, был отправлен послом вначале в США, а затем – во Францию, Шимон Шамир вернулся в Тель-Авивский университет, а в 1994 году был назначен первым израильским послом в Иордании, Эфраим Дубек стал первым послом Израиля в Индии, Давид Султан был назначен вначале послом в Канаду, а

⁴⁴⁰ Цит. по: Adam Rasgon, “Mubarak kept peace treaty but shunned deeper ties with Israel” // *Times of Israel*, 25 February 2020.

впоследствии – в Турцию, а Цви Мазель – в Швецию. Всё это разительно контрастировало с кадровым постоянством с египетской стороны, и можно лишь сожалеть о том, что в Израиле работа на столь важном для страны направлении каждые несколько лет начиналась практически с чистого листа.

Израиль – отнюдь не бедное государство, в котором, однако, с целью экономии всё же весьма скромных бюджетных средств иногда принимаются очевидно ошибочные с внешнеполитической точки зрения решения. Яркими – и возмутительными – примерами такого рода были решения о закрытии «по финансовым причинам» в первый раз в 2003 году, а второй – в 2016 году посольства Израиля в Белоруссии, которые затем оба раза пересматривались. К такого рода шагам принадлежит и решение об отказе «с целью экономии средств» от аренды виллы с большим прилегающим садом в районе Маади на юге Каира, в прошлом принадлежавшей катарскому шейху⁴⁴¹, которую на протяжении двадцати лет занимали все израильские послы в Египте, от Элияху Бен-Элисара до Цви Мазеля. Именно там (а отнюдь не на 21-м этаже здания бизнес-центра, где находилось посольство) проводились все приемы, на которых за два десятилетия побывали несколько тысяч египтян: дипломаты и общественные деятели, представители деловых кругов и организаций гражданского общества. За двадцать лет, пока вилла оставалась единственным в своем роде постоянным «островком» израильского присутствия

⁴⁴¹ См.: Элияху Бен-Элисар, *Дальше – без войн*, стр. 241–245.

в египетской столице, ее адрес стал знаковым. Отказ от продолжения ее аренды и перенос резиденции посла в другое место нанесли очевидный урон сложившейся системе социальных связей, которая сама по себе является едва ли не важнейшим достоянием деятельности дипломатического представительства.

II

На страницах настоящей книги уже не раз отмечалось, что главной целью обеих стран было не допустить новой вспышки боевых действий между ними. Очевидно, поэтому, что вопрос о том, насколько противоположная сторона соблюдает ключевые положения договора, – а если не соблюдает, то как наилучшим образом подготовиться к «неприятным неожиданностям» – оставался в ведении военных Израиля и Египта, которые установили и поддерживали прямые контакты между собой. В предыдущих главах книги уже отмечалась очень значительная роль, которую сыграли генералы Эзер Вейцман, Авраам Тамир, Дов Сион и Давид Маймон в выработке двусторонних соглашений и контроле за их реализацией. Как свидетельствовал Э. Вейцман, юридическое сопровождение соглашений, касавшихся графика вывода войск, демилитаризации Синайского полуострова и других военных аспектов, обеспечивали не сотрудники Министерства юстиции или Министерства иностранных дел, а служивший тогда в

военной прокуратуре (и лишь годы спустя перешедший на работу в МИД) Йоэль Зингер⁴⁴².

И в последующие годы израильские военные воспринимали Министерство иностранных дел своей страны и посольство в Каире как структуры, не особенно нужные им для контактов с египетскими коллегами, во-первых, и командованием международного воинского контингента, размещенного на Синайском полуострове, во-вторых.

Ежегодные встречи сопредседателей Двусторонней комиссии по поддержанию связей между вооруженными силами, проходившие под эгидой командующего международным воинским контингентом, размещенным на Синайском полуострове, были важным каналом взаимодействия израильских и египетских военных. Офис штаба этих сил, как ни удивительно, находился на расстоянии нескольких тысяч километров от того региона, за безопасность которого они были призваны отвечать? – в столице Италии, Риме, куда и прибывали как египетская, так и израильская делегации. Руководитель международного воинского контингента вручал египтянам и израильтянам свой ежегодный отчет, после чего стороны обсуждали вопросы, список которых готовился принимающей стороной. Поскольку никаких существенных проблем с функционированием международных вооруженных сил никогда не было, то встречи эти традиционно проходили в спокойной, конструктивной, взаимоуважительной обстановке.

⁴⁴² Эзер Вейцман, *Битва за мир*, стр. 356.

Международный контингент на Синайском полуострове включал в себя три тысячи военнослужащих и инспекторов; удивительным образом, в книгах двух сменявших друг друга израильских послов в Каире указан отличающийся в два с половиной раза суммарный бюджет на их содержание: Д. Султан утверждал, что он составлял шестьдесят миллионов долларов в год⁴⁴³, тогда как Э. Дубек – что сто пятьдесят миллионов⁴⁴⁴. Каков бы он на самом деле ни был, на треть его покрывали египтяне, на другую треть – израильтяне, а последнюю треть вносили США. Контингент этот был полностью размещен на египетской территории, и подобно тому, как Г.А. Насер в мае 1967 года изгнал с Синайского полуострова «голубые каски» ООН, так египтяне время от времени пытались добиться эвакуации международных сил, утверждая, что «проверенный временем» мирный договор между Израилем и Египтом сам по себе служит надежной защитой от возможной вспышки новой войны, и расходы на содержание контингента являются, поэтому, лишними. Поскольку единственным сторонним государством, такие расходы несшим, были Соединенные Штаты, то именно их руководителей министр обороны Египта Мухаммед Хусейн Тантауи пытался в ходе своего визита в Вашингтон в 1994 году убедить в том, что пришло время этот контингент расформировать.

Как указывалось в седьмой главе настоящей книги, правительство М. Бегина в свое время потребовало – и

⁴⁴³ Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом*, стр. 134–135.

⁴⁴⁴ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 303.

получило – американские гарантии того, что любые действия, касающиеся передислокации международного контингента на Синайском полуострове, сокращения его численности, или, тем более, его расформирования, могут быть предприняты исключительно с согласия Израиля. Позиция еврейского государства состояла в том, что сокращение бюджета этого контингента возможно лишь при условии сохранения его структуры, функций, численности, экипировки и параметров дислокации⁴⁴⁵. Поскольку эта позиция полностью соответствовала заключенным в начале 1980-х годов договоренностям, египетской стороне пришлось смириться с тем, что деятельность международного контингента продолжалась без каких-либо существенных изменений. Как следствие, израильская и египетская делегации военных продолжали ежегодно встречаться в Риме, в сопровождении представителей министерств иностранных дел обеих стран. По свидетельству Э. Дубека, египетским офицерам было запрещено общаться с сотрудниками израильского посольства, и едва ли не единственной площадкой, на которой такие встречи происходили, были приемы, которые устраивал командующий международным воинским контингентом⁴⁴⁶. Хотя это не были центральные каналы взаимодействия между двумя странами, их ценность состояла в том, что они существовали вне зависимости от каких бы то ни было других внешнеполитических обстоятельств. Еще одной весьма

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же, стр. 302.

важной – хоть изначально и не предусматривавшейся – функцией, выполнявшейся военнослужащими из международного контингента, стала помощь попавшим в беду израильским туристам, посещавшим Синайский полуостров, отдельных из которых (когда это требовалось) именно они в авральном порядке эвакуировали в Израиль.

Эльяким Рубинштейн, в 1981–1985 годах бывший юридическим советником Министерства иностранных дел, отмечал еще один немаловажный аспект. Сразу после окончания Шестидневной войны тогдашний министр обороны Моше Даян явочным порядком установил ответственность армии за всё происходящее на контролируемых территориях, не являющихся, согласно действующему законодательству, частью Государства Израиль. Таким образом, все те территории, на которых, согласно Кемп-Дэвидским соглашениям, предполагалось создание палестинского самоуправления, находились под контролем Армии обороны Израиля. В этих условиях *военные имели право вето на любые предложения, которые выдвигали в ходе переговоров дипломаты*⁴⁴⁷, *ибо без их согласия реализовать эти предложения было заведомо невозможно.*

В ходе переговоров 1979–1981 годов египетские представители отмечали, что с созданием органов палестинского самоуправления израильские военные комендатуры и гражданские администрации (большинство сотрудников которых тоже были в погонах) на Западном берегу и в секторе Газа должны быть

⁴⁴⁷ См.: Эльяким Рубинштейн, *Пути к миру*, стр. 23.

ликвидированы. Израильское военное командование, в свою очередь, настаивало на том, что и тогда, когда часть полномочий будет передана создававшимся органам палестинского самоуправления, ряд других полномочий останется в ведении военных комендатур и гражданских администраций, которые, поэтому, должны быть сохранены⁴⁴⁸. Кроме того, Израиль и Египет очень поразному толковали положение Кемп-Дэвидского соглашения о том, что «будет проведено отступление (*a withdrawal*) израильских вооруженных сил, которые будут передислоцированы и размещены в конкретных зонах безопасности». Египтяне утверждали, что всё, касавшееся этих «зон безопасности», должно быть согласовано обеими сторонами, Израилем и Египтом, тогда как израильское военное командование настаивало на том, что будет обладать исключительным правом определять территории, относимые к «зонам безопасности», численность размещаемых там войск и их экипировку⁴⁴⁹. Что бы ни думали по этому поводу дипломаты, последнее слово в обоих вопросах оставалось за армейским командованием.

Функционирование контрольно-пропускных пунктов на израильско-египетской границе также обеспечивалось

⁴⁴⁸ См.: Рут Лapidот, «Переговоры об автономии вследствие Кемп-Дэвидских соглашений, 1979–1982» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 164 [на иврите].

⁴⁴⁹ Там же.

военными (совместно с сотрудниками Министерства внутренних дел). Конечно, в Израиле армия подотчетна правительству, но когда представители МИДа убеждают премьер-министра принять то или иное предложение, а военные, со своей стороны, предупреждают, что это таит в себе угрозу национальной безопасности, очевидно, чья точка зрения победит. Значим в этой связи и тот факт, что отставные военные, в частности, Моше Даян, Эхуд Барак и Ариэль Шарон, возглавляли Министерство иностранных дел, тогда как обратной ситуации не было никогда: во главе Министерства обороны совсем не всегда стояли боевые генералы, но при этом ни один из гражданских руководителей не был выходцем из дипломатического корпуса. С египетской же стороны Министерство обороны в переговоры о палестинском самоуправлении не было вовлечено никоим образом, однако продолжало играть важнейшую роль в диалоге военных, направленных на недопущение вспышки боевых действий между двумя странами.

Кадровая проблема проявляла себя и здесь: за тридцать лет президентства Хосни Мубарака в Египте сменились три министра обороны (до 1989 года им был Мухаммед Абд эль-Халим Абу-Газала, затем два года – Юсеф Сабри Абу Талеб, а с 1991 года и до конца правления Х. Мубарака – Мухаммед Хусейн Тантауи), тогда как в Израиле – девять: Ариэль Шарон, Моше Аренс, Ицхак Рабин, Шимон Перес, Ицхак Мордехай, Эхуд Барак, Биньямин Бен-Элиэзер, Шауль Мофаз и Амир Перец, причем И. Рабин и Э. Барак занимали этот пост дважды, а

М. Аренс – трижды, вследствие чего глава Министерства обороны сменился за указанный период двенадцать раз!

Контакты с руководителями израильского военного истеблишмента Хосни Мубарак поддерживал вне зависимости от того, какое правительство находилось в Израиле у власти. Лидеры Партии Труда Израиля и верные им дипломаты пытались утверждать, что когда к власти в Израиле приходит «правое» правительство, это, якобы, способствует существенному ухудшению израильско-египетских отношений, снижению уровня контактов до второразрядных чиновников и общему ухудшению атмосферы, повышающему опасность новой войны. В январе 1995 года премьер-министр и министр обороны Израиля заявил, что в случае провала «мирного процесса» с палестинцами, который вело его правительство, резко возрастет угроза новой региональной войны. Нет сомнений, что данное заявление было сделано И. Рабиным с сугубо внутривосточными целями, его основным адресатом были активисты и избиратели оппозиционной тогда партии «Ликуд». Заявление это, однако, услышали и в Каире, где оно было воспринято с негодованием. По свидетельству посла Д. Султана⁴⁵⁰, министр обороны Египта М.Х. Тантауи сказал ему лично, что подобные высказывания льют воду на мельницу египетской оппозиции и радикальных арабских режимов, высмеивающих искреннюю убежденность египетского руководства в незыблемости заключенного мира с Израилем.

⁴⁵⁰ Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом*, стр. 134.

Несомненно заслуживает упоминания и тот факт, что, по свидетельству Менахема Бегина, приводимому в книге посла М. Сассона, первые слова, которые сказал Хосни Мубарак премьер-министру Израиля, прибывшему с визитом соболезнования в Каир после убийства Ануара Садата, были *“peace forever”* [«мир навсегда»]⁴⁵¹. Если региональная война не началась, когда израильская армия заняла Бейрут – столицу суверенного арабского государства! – то тем более странно было ждать ее в случае провала переговоров с Я. Арафатом и его кликой. (И действительно, когда эти переговоры закончились крахом в начале 2001 года, ни одна арабская страна не начала войну против Израиля.) За тридцать лет своего президентства Хосни Мубарак никогда не угрожал Израилю началом боевых действий, предпринимая при этом необходимые меры для того, чтобы они не начались и «случайно».

Заслуживает внимания в этой связи тот факт, что 30 января 2002 года Хосни Мубарак лично встречался в Шарм-аш-Шейхе с министром обороны в правительстве А. Шарона бригадным генералом Биньямином Бен-Элиэзером⁴⁵², 10 марта и 26 октября 2005 года, а затем 15 февраля 2006 года – со сменившим его во главе этого ведомства генералом армии Шаулем Мофазом⁴⁵³, а 21

⁴⁵¹ Моше Сассон, *Семь лет в стране египтян*, стр. 135.

⁴⁵² См.: Диана Бахор, «Бен-Элиэзер встретился с Мубараком» // *«Едиот ахронот»* [«Последние известия»], 30 января 2002 г. [на иврите].

июня 2009 года в Каире – с министром обороны в правительстве Б. Нетаньяху генералом армии Эхудом Бараком⁴⁵⁴. А. Шарон и Б. Нетаньяху были самыми ненавидимыми арабской «улицей» и египетской печатью израильскими руководителями, но это не мешало Х. Мубараку вести конструктивный диалог и с ними самими, и с их министрами обороны. *Понимая, что в израильской политической иерархии министр обороны стоит выше министра иностранных дел, и осознавая, что, даже если у нее будет такое желание, израильская дипломатия не в силах нанести никакого ущерба египетским интересам, чего совсем не скажешь об израильской армии, президент Египта поддерживал те каналы взаимодействия с Израилем, которые в наибольшей мере позволяли ему отстаивать интересы возглавляемой им страны.*

Еще одним очень важным – и при этом не описанным, по сути, ни в одной книге – каналом

⁴⁵³ См.: Ханан Гринберг, «Мофаз и Мубарак договорились: египетские войска будут размещены на границе с Газой» // «*Едиот ахронот*», 10 марта 2005 г. [на иврите]; Нир Хасон, «Мофаз и Мубарак договорились о функционировании пограничных пунктов» // «*Ха'арец*» [«Страна»], 26 октября 2005 г. [на иврите]; Рои Нахмиас (Каир), «Мофаз: “Режим ХАМАСа будет частью оси зла”» // «*Едиот ахронот*», 14 февраля 2006 г. [на иврите];

⁴⁵⁴ См.: Барак Равид, «Министр обороны Эхуд Барак после встречи с президентом Египта: нет никакого продвижения в вопросе о судьбе Гилада Шалита» // «*Ха'арец*», 21 июня 2009 г. [на иврите].

взаимодействия между Израилем и Египтом являются связи между Службой внешней разведки «Моссад» и египетской Службой общей разведки «Мухабарат». В третьей главе настоящей книги уже рассказывалось о том, как Менахем Бегин делегировал главу «Моссада» Ицхака Хофи на встречу с руководителем военной разведки Египта генералом Камалем Хасаном Али, чтобы передать ему ставшую известной «Моссаду» информацию о готовившемся при поддержке Муаммара Каддафи покушении на Ануара Садата. В сентябре 1978 года Камаль Хасан Али был назначен А. Садатом министром обороны, а в мае 1980 года был переведен на пост министра иностранных дел, одновременно с этим будучи назначенным заместителем премьер-министра. Он сохранил и даже упрочил свой статус и при Хосни Мубараке, в июле 1984 года будучи назначенным премьер-министром страны. Очевидно, что все эти годы он продолжал патронировать Службу общей разведки, несколько сменявших друг друга руководителей которой были его протеже. У служб внешней разведки Израиля и Египта был общий враг, за которым и те, и другие тщательно следили, – становившиеся всё более радикальными исламистские группировки, стремившиеся превратить весь Ближний Восток в единый халифат. Для радикальных исламистов Израиль был врагом №1, а подписавший и поддерживающий с ним мирный договор египетский режим – врагом №2. Нужно помнить при этом, что «Братья-мусульмане» и им подобные организации и при Г.А. Насере, и при А. Садате, и при Х. Мубараке подвергались в Египте преследованиям куда

более жестоким, чем в Израиле, где никто из исламистов, даже виновных в кровавых терактах с многочисленными человеческими жертвами, ни разу не приговаривался к смертной казни, что в Египте как раз было в порядке вещей. В «Мухабарате» хорошо знали и высоко ценили возможности «Моссада». С другой стороны, для Израиля было крайне важно, чтобы существовал хотя бы какой-то контроль за контрабандой оружия из Египта в сектор Газа; в Израиле надеялись и на определенное влияние египетской разведки, которое сдерживало бы поползновения наиболее экстремистских лидеров сектора Газа. «Зажатая» между Израилем и Египтом, Газа не может выжить в условиях блокады с обеих сторон; при этом социальный взрыв на этой территории, пусть и в неравной мере, угрожает стабильности и безопасности как Израиля, так и Египта, а потому предотвращение развития событий по наиболее негативному сценарию, особенно после захвата исламистским движением ХАМАС власти на этой территории в июне 2007 года, оставалось общим интересом Израиля и Египта. Контакты между руководителями спецслужб обеих стран, особенно с 1993 по 2011 годы, когда во главе «Мухабарата» стоял ближайший сподвижник Х. Мубарака Омар Сулейман, были продуктивными и шли в значительной мере независимо от диалога дипломатов, с одной стороны, и военных, с другой. «Я отправлял копии всех своих важных отчетов из Каира не только в Министерство иностранных дел, но и в Администрацию главы правительства и в «Моссад»», – сказал мне посол Э. Дубек, затруднившись

припомнить хотя бы один пример, когда сам он какой-либо отчет о деятельности «Моссада» в Египте получил⁴⁵⁵.

В целом, на всем протяжении правления Х. Мубарака Египет говорил одним, почти неизменным голосом, три десятилетия демонстрируя стабильность и преемственность своего внешнеполитического курса. В Израиле же не было ни стабильности, ни преемственности: придерживавшиеся противоположных взглядов премьер-министры и министры иностранных дел сменяли друг друга, назначая каждый раз новых послов в Каир. Хуже того: из Иерусалима одновременно звучала полифония голосов, вследствие чего подрывался статус израильского посольства в Каире: египтяне прекрасно видели, как часто важные для них решения в Израиле принимали отнюдь не дипломаты, сами порой узнававшие об этих решениях из средств массовой информации.

Одной из таких тем был вопрос о судьбе египетских граждан, арестованных на Синайском полуострове за те пятнадцать лет, что он находился под израильским контролем. Позиция Египта состояла в том, что эти люди боролись с оккупационным режимом и должны вернуться на Родину вместе с землей их Родины – то есть быть освобождены из израильских тюрем до 25 апреля 1982 года, когда завершился вывод израильских сил с Синайского полуострова. Соглашаясь с тем, что «битва за Синай» завершена, дипломаты, как минимум дважды в разное время, сообщали своим египетским собеседникам о том, что поддерживают освобождение из израильских

⁴⁵⁵ С Э. Дубеком мы беседовали в Иерусалиме 14 октября 2021 г.

тюрем египетских заключенных и передачу их для дальнейшего отбытия наказания в Египет, в самом деле оба раза внося в правительство подобные предложения. Однако руководители армии и Общей службы безопасности оба раза выступали категорически против, считая, что массовое освобождение лиц, виновных в нападениях на израильских военнослужащих и граждан, создаст опасный и вредный прецедент, после чего принимались решения, противоположные позиции посольства в Каире и Министерства иностранных дел⁴⁵⁶. И спустя десять лет (!) после того, как Синайский полуостров был возвращен Египту, отдельные его жители-египтяне продолжали находиться в израильских тюрьмах.

Еще одна проблема касалась прописанных в двусторонних соглашениях жестких условий демилитаризации Синайского полуострова. В ходе встречи с послом Эфраимом Дубеком в июле 1982 года председатель Комиссии по иностранным делам Народного собрания Египта Мухаммед Абдалла заметил, что Израиль представляет угрозу безопасности Египта в значительно большей мере, чем наоборот, ибо располагает как ядерным, так и самым современным конвенциональным оружием. «Почти вся территория Синайского полуострова демилитаризована, и Израиль, если захочет, может за несколько часов захватить весь Синай и выйти к Суэцкому каналу. Если кто-то у вас спятит и решит начать войну против нас, всё, на что Египет может надеяться – это продержаться несколько дней до тех пор, пока вмешается

⁴⁵⁶ Эфраим Дубек, *И все-таки, мир*, стр. 304–305.

международное сообщество, которое сможет принудить к прекращению боевых действий»⁴⁵⁷.

Израиль пристально следил за тем, чтобы согласованные ограничения по демилитаризации Синайского полуострова scrupulously соблюдались египетской стороной, но были и исключения из этого правила. В отдельных случаях египетское руководство хотело ввести на Синай войска с целью борьбы с исламистским подпольем, не обошедшим этот полуостров своим вниманием. Поскольку борьба с этим подпольем, в частности, снабжавшим оружием своих единомышленников в секторе Газа, очевидным образом соответствовала и израильским интересам, то проблем с получением израильского согласия на временный ввод тех или иных подразделений египетских вооруженных сил на Синай не возникало; однако решение в таких случаях принималось не в Министерстве иностранных дел и не в израильском посольстве в Каире. Проблема особенно обострилась после вывода израильских войск из сектора Газа в августе 2005 года и последующего размещения египетских вооруженных формирований на границе с Газой; переговоры об этом тогдашний министр обороны Израиля Шауль Мофаз вел со своим египетским коллегой Мухаммедом Хусейном Тантауи и главой Службы общей разведки Омаром Сулейманом.

Не дипломаты, а представители спецслужб вели трудные и долгие переговоры об освобождении сержанта Гилада Шалита, похищенного 25 июня 2006 года с

⁴⁵⁷ Там же, стр. 291.

территории Израиля и удерживавшегося в качестве заложника движением ХАМАС в Газе. Египетские официальные лица были очень активно вовлечены в подготовку сделки по обмену Гилада Шалита на большую группу палестинских заключенных. Когда Г. Шалит был, наконец, освобожден, то вначале был переправлен в Египет, и оставался там, пока из израильских тюрем не были освобождены 477 заключенных арабов. Сделка эта была реализована 18 октября 2011 года, спустя восемь месяцев после падения режима Х. Мубарака, когда власть в стране находилась в руках Высшего совета вооруженных сил под руководством М.Х. Тантауи, однако переговоры по этому вопросу были начаты при участии высокопоставленного офицера Федеральной разведывательной службы Германии Герхарда Конрада и Бернда Шмидбауэра – отставного немецкого министра, курировавшего деятельность спецслужб в ведомстве федерального канцлера, еще в 2009 году. С израильской стороны вести переговоры по данному вопросу тогдашний премьер-министр Б. Нетаньяху поручил главе Совета национальной безопасности, бывшему руководителю исследовательского отдела Службы внешней разведки «Моссад» Узи Араду и бывшему руководителю оперативного отдела «Моссада» Хагаю Хадассу. С египетской стороны главную роль вновь играл руководитель Службы общей разведки Омар Сулейман.

У самого Хосни Мубарака наиболее доверительные отношения вначале сложились с бывшим президентом, а в 1984–1990 годах – заместителем главы правительства и министром образования и культуры Ицхаком Навоном (о

чем уже говорилось в пятой главе этой книги), а затем – с бригадным генералом Армии обороны Израиля Биньямином (Фуадом) Бен-Элиэзером – хорошо говорившим по-арабски уроженцем Ирака, на протяжении тридцати лет бывшим депутатом Кнессета, одновременно с этим занимая в 1992–2011 гг. ряд министерских постов, в т.ч. в 2001–2002 годах – пост министра обороны. Он никогда не был министром иностранных дел, но в Израиле не было ни одного главы МИДа, чьи отношения с президентом Египта были бы такие же доверительные, какие они были у Б. Бен-Элиэзера. Можно лишь сожалеть, что ни он, ни до него Ицхак Навон не были облечены специальными полномочиями по ведению переговоров с президентом Египта. В России и в США существует институт «специального представителя президента» по различным важным вопросам, и люди, спецпредставителями назначаемые, как правило, являются серьезнейшими специалистами, глубоко вовлеченными в контакты с ключевыми партнерами в их сфере компетенций. В частности, специальным представителем Президента России по Ближнему Востоку является заместитель министра иностранных дел М.Л. Богданов – многоопытный специалист, в прошлом бывший послом России и в Израиле, и в Египте. Очень жаль, что в Израиле никогда не назначался такой полномочный специальный представитель по вопросам отношений с Египтом. Учитывая исключительную значимость этих отношений для Государства Израиль, И. Навон или Б. Бен-Элиэзер на этом посту сыграли бы очень существенную роль.

В начале 2011 года, когда события т.н. «арабской весны» распространились и на Египет, Б. Бен-Элиэзер предложил Х. Мубараку политическое убежище в еврейском государстве. Несколько удивительным образом, Б. Бен-Элиэзер сделал это предложение, не имея на то никаких официальных полномочий, ибо он занимал – и то лишь до 19 января – пост министра промышленности, торговли и занятости, а больше в правительство уже не входил; президент же Израиля Ш. Перес и премьер-министр Б. Нетаньяху таких инициатив не выдвигали. «Мубарак – настоящий патриот, и он отклонил мое предложение. Он останется в своей стране», – предсказал Б. Бен-Элиэзер с абсолютной точностью⁴⁵⁸. Когда в начале июня 2012 года каирский суд приговорил Х. Мубарака к пожизненному заключению, Б. Бен-Элиэзер – едва ли не единственный из израильских лидеров, демонстративно не выражавших никакого отношения к происходившему, – публично выступил в защиту смещенного президента. «Я думаю, что Мубарак – один из самых важных лидеров региона Ближнего Востока трех последних десятилетий, – подчеркнул Б. Бен-Элиэзер. – Он был патриотом своей страны, своего народа, он был египетским националистом, беспокоившимся о своем народе и охранявшим его интересы. Этот человек был также основным гарантом региональной стабильности на Ближнем Востоке. Мир в целом и США в частности очень многим ему обязаны. Он видел в мире с Израилем стратегическую ценность. Если

⁴⁵⁸ Б. Бен-Элиэзер рассказал об этом в интервью радиостанции «Галей ЦАХАЛ» 3 августа 2011 г. [на иврите].

судить по его деяниям, он был одним из самых выдающихся, если не самым выдающимся региональным лидером, превратившим Египет в безусловно ведущую страну на Ближнем Востоке»⁴⁵⁹.

По словам бывшего министра обороны, «Израиль должен быть очень обеспокоен в связи с падением режима Х. Мубарака и наступлением в этой стране новой эпохи. На выборах будет избран новый состав Народного собрания, три четверти которого будут представителями “Братьев-мусульман”. Х. Мубарак сдерживал подобное развитие событий, которое безусловно таит в себе большие опасности для Израиля, а теперь именно это и произойдет», – опять очень точно предсказал Б. Бен-Элиэзер⁴⁶⁰.

Нужно сказать, что так рассуждал в Израиле отнюдь не только Б. Бен-Элиэзер. Позиция израильских и официальных лиц, и оппозиционных политиков, и экспертов-политологов, за очень редкими исключениями, с самого начала выступлений на площади Тахрир была единой: практически все они считали, что Хосни Мубарак – лучший египетский лидер из возможных, являющийся к тому же давним и проверенным партнером Израиля. Наиболее вероятной альтернативой его режиму в Иерусалиме считали исламистское движение «Братья-мусульмане» – и очень переживали по этому поводу. Легкость, с которой американская администрация «сдала»

⁴⁵⁹ Интервью Б. Бен-Элиэзера газете «Едиот ахронот» [«Последние известия»], 2 июня 2012 г. [на иврите].

⁴⁶⁰ Там же.

одного из своих самых надежных и стабильных союзников на Ближнем Востоке, израильских политиков и экспертов просто шокировала, а в отношении того, что Египет (и арабо-мусульманский мир в целом) ждет впереди, не было никаких иллюзий.

Открывая вечером 5 февраля 2011 года конференцию межпарламентской ассоциации Евросоюз–Израиль, бывший в то время президентом страны Шимон Перес выразил обеспокоенность тем, что Хосни Мубарак может покинуть пост президента. «Несмотря на все нападки на президента Мубарака, я знаю его много лет, все время его президентства, и считаю его одним из тех людей, которые, предотвратив войну на Ближнем Востоке, спасли много жизней: спасли жизни арабов и израильтян, не позволив войне начаться. ... Выборы в Египте опасны. Если будут избраны “Братья-мусульмане”, они не принесут мир. Демократия без мира – не демократия», – отметил Ш. Перес⁴⁶¹. Последний тезис тогдашнего президента Израиля представляется весьма странным, однако его озабоченность была искренней и неподдельной. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху, выступая в Кнессете на закрытии той же конференции, подчеркнул, что опасается прихода к власти в Египте исламистов и роста влияния Ирана на ситуацию в этой стране.

Эти опасения, к сожалению, сбылись.

⁴⁶¹ Цит. по: «Вступить за Мубарака» // Interfax.ru, 8 февраля 2011 г.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**ДЕСЯТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»**

ВОПЛОЩЕННЫЕ КОШМАРЫ: ПОГРОМ ИЗРАИЛЬСКОГО ПОСОЛЬСТВА В КАИРЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»

I

Тарек Осман, сам выросший в Каире, закончил свою книгу, опубликованную в 2010 году, главой под названием «Молодые египтяне». Отметив, что за тридцать лет правления Хосни Мубарака население Египта удвоилось, а численность молодых людей, которым не исполнилось и 35 лет, превысило сорок пять миллионов человек, автор подчеркнул, что именно эти люди, многие из которых не получили современного образования и живут в крайней нужде, будут определять судьбу страны. Указав, что более миллиона египтян, в подавляющем большинстве своем имеющих высшее образование, проживают в США и странах Европы и, скорее всего, никогда не вернуться на родину, и добавив, что в отдельные годы количество египтян, заполняющих анкеты для участия в лотерее на получение *Green card*, дающей право жить и работать в США, превышало восемь миллионов человек (то есть более десяти процентов населения страны), Тарек Осман обратил особое внимание на то, что население Каира за сорок лет выросло с шести до пятнадцати миллионов человек⁴⁶², что превратило египетскую столицу в один из

⁴⁶² См.: Tarek Osman, *Egypt on the Brink: From Nasser to Mubarak*, pp. 198–199.

самых густонаселенных мегаполисов мира. В Египте параллельно происходили противоположные по своей направленности процессы: с одной стороны, формировалась и укреплялась прослойка, пусть и сравнительно узкая, образованного и прозападно ориентированного среднего класса, а с другой стороны, численность прихожан мечетей, воспринимавших именно религиозных авторитетов как лидеров, более всего имеющих право определять вектор развития страны, стала большей, чем когда бы то ни было в истории Египта после Июльской революции 1952 года.

Еще в 2003 году российский эксперт В.П. Юрченко отмечал, что «у израильских политиков вызывает озабоченность осложняющаяся демографическая ситуация в Арабской Республике Египет, связанная с быстрым ростом населения. В этих условиях весьма вероятно обострение (возможно, резкое) экономических, а как следствие, и социальных проблем в стране, что может создать благоприятные условия для прихода к власти радикальных исламистских сил, откровенно враждебных Израилю и могущих при определенных обстоятельствах пойти на развязывание войны против него»⁴⁶³. До «развязывания войны» дело, к счастью, не дошло, а вот всё остальное произошло ровно так, как предсказывалось.

Серия протестов и демонстраций, получившая название «арабской весны», началась не в Египте, а в Тунисе – 17 декабря 2010 года. Затем демонстрации

⁴⁶³ В.П. Юрченко, *Египет: проблемы национальной безопасности, 1952–2002 гг.*, стр. 131.

охватили Алжир, Ливию, Иорданию, Судан, Оман, Йемен, пока 25 января 2011 года не достигли Египта. Это крайне важно подчеркнуть: протесты в Египте не были уникальными, будучи частью аналогичных событий в ряде стран арабо-мусульманского мира. Следует отметить, что ни в Алжире, ни в Иордании, ни в Омане эти манифестации не привели к смене власти, поэтому *никак нельзя сказать, будто падение режима Хосни Мубарака было предрешенным и неминуемым*. В конце концов, на площадь Тахрир [площадь Освобождения] в центре Каира 25 января 2011 года вышли всего пятнадцать тысяч человек – лишь 0,1% населения египетской столицы. Верно, что и это был беспрецедентно массовый митинг, подобного которому за все годы правления Хосни Мубарака не происходило ни разу, но сам по себе он угрозу стабильности режима не нес.

Однако с течением времени ситуация менялась. 28 января протестующие в значительной мере захватили контроль над городами Александрия и Суэц, а введенный указом президента в этих городах, а также в Каире, с шести часов вечера до семи утра комендантский час повсеместно игнорировался населением. Тем не менее, в эти дни в Каире армия поддерживала президента; в ходе разгона манифестаций некоторые демонстранты были убиты и ранены, что стало катализатором последующих протестов. Стремясь сохранить контроль над ситуацией, 29 января Хосни Мубарак отправил в отставку главу правительства Египта технократа Ахмеда Назифа (заслуживает упоминания тот факт, что когда с 5 марта по 15 апреля 2010 года Х. Мубарак находился на лечении в

Германии, именно А. Назиф исполнял обязанности президента страны); на его место был назначен бывший главнокомандующий ВВС Египта маршал авиации Ахмед Шафик, еще в Шестидневной войне, в Войне на истощение и в Войне Судного дня служивший под командованием Хосни Мубарака. В тот же день глава государства возродил упраздненный им с приходом к власти пост вице-президента, на который был назначен руководитель Службы общей разведки Омар Сулейман.

Предпринятые Х. Мубараком меры ни в коей мере не способствовали снижению напряженности, напротив: 1 февраля вся огромная площадь Тахрир в центре Каира была заполнена демонстрантами, требовавшими отставки президента. Вечером того же дня Х. Мубарак выступил с телевизионным обращением к народу, объявив, что в сентябре состоятся новые выборы главы государства, в которых обязался не принимать участия. Вместе с тем, он объявил, что до выборов останется на своем посту.

Среди руководителей иностранных государств не было единства мнений в отношении происходивших в Египте событий; почти все они ограничивались общими словами о том, как важно уважать волю народа и избежать кровопролития. В Израиле, однако, проводили параллели между тем, что происходило в Египте – и революцией в Иране в 1979 году, призывая Барака Обаму не повторять тогдашних ошибок Джимми Картера, не «играть в нейтралитет», а поддержать важного союзника в его противостоянии радикальному исламу, причем это мнение разделяли практически все: от лидера правоцентристского блока «Ликуд» главы правительства

Биньямина Нетаньяху⁴⁶⁴ до бывшего председателя леворадикальной партии МЕРЕЦ и инициатора «Женевской инициативы» Йосси Бейлина⁴⁶⁵. Однако Барак Обама поступил прямо противоположным образом, уже 2 февраля 2011 года призвав Хосни Мубарака незамедлительно приступить к процедуре передачи власти. Тогдашний израильский посол в США Майкл Орен свидетельствовал о потрясении, которое царило в Израиле в связи с реакцией американской администрации на события «арабской весны»: «Они сошли с ума? – спросил меня по телефону советник министра обороны Амос Гилад. – Это Ближний Восток, Господи, не Манхэттен!» Посол также отмечал: «Я понимал американцев, но соглашался с израильянами». Когда М. Орен в меру сил попытался объяснить А. Гиладу, какими соображениями руководствовалась американская администрация, вердикт главы Военно-политического департамента Министерства обороны Израиля остался неизменным: «Сумасшествие»⁴⁶⁶. Пристально наблюдавшая за происходящим в Египте израильская разведка отмечала, что протестовавшие не имели единой программы, у них не

⁴⁶⁴ Адекватное, хоть и критическое, изложение позиции Б. Нетаньяху по этому вопросу см. в статье: Amir Yossef, “Israel and Post-Mubarak Egypt: Perils of Historical Analogy” // *Digest of Middle East Studies*, Vol. 21, No. 1 (2012), pp. 49–68.

⁴⁶⁵ Йоси Бейлин, «Египет: куда запропастился Обама?» // *walla.co.il*, 30 января 2011 г. [на иврите].

⁴⁶⁶ Michael Oren, *Ally. My Journey Across the American-Israeli Divide* (New York: Random House, 2015), pp. 196–197.

было ни малейшего общего понимания будущего, к которому они стремились после отстранения от власти Хосни Мубарака. «Только организация “Братьев-мусульман”, основанная в 1928 году, объединенная страстным стремлением к созданию глобального исламского халифата, предлагала внятную и конкретную альтернативу. Израильские эксперты предсказывали, что в случае падения египетского правительства, наиболее реальные шансы на приход к власти имели именно “Братья-мусульмане”. Перспектива того, что власть в Египте будет захвачена организацией, начертавшей на своих знаменах в качестве цели – уничтожение Израиля, и являющейся праматерью движения ХАМАС, шокировала израильтян», – справедливо отмечал посол М. Орен⁴⁶⁷.

4 февраля площадь Тахрир вновь до краев была заполнена протестующими. Накал протестов не снижался и в последующие дни, однако 10 февраля в новом телеобращении Хосни Мубарак снова объявил о том, что останется главой государства до сентября; единственной его «уступкой» демонстрантам была декларация о передаче части президентских полномочий Омару Сулейману. Поскольку на протяжении двух десятилетий О. Сулейман был одним из наиболее преданных Х. Мубараку государственных деятелей, а руководимый им «Мухабарат» – самым ненавидимым широкими слоями общества органом власти, этот шаг не только никого не успокоил, а скорее наоборот.

⁴⁶⁷ Там же, р. 198.

В распоряжении исследователей нет конкретных данных о том, что и как произошло в последующие сутки. Повсеместно повторяется утверждение о том, что министр обороны и военной промышленности Мухаммед Хусейн Тантауи, которого Хосни Мубарак глубоко и искренне уважал (по словам израильского генерала А. Гилада, О. Сулеймана Х. Мубарак ценил, а перед прошедшим все войны Египта, начиная с 1956 года, М.Х. Тантауи по-настоящему преклонялся⁴⁶⁸), отказал президенту в поддержке со стороны вооруженных сил. Точные обстоятельства и содержание беседы Х. Мубарака и М.Х. Тантауи неизвестны, а поскольку обоих уже нет в живых (Х. Мубарак умер 25 февраля 2020 года, М.Х. Тантауи – 21 сентября 2021 года), то известны, скорее всего, никогда и не станут, однако уже на следующий день, 11 февраля, от имени О. Сулеймана было распространено лаконичное сообщение, извещавшее об уходе Х. Мубарака в отставку и передаче власти в стране Высшему совету вооруженных сил под руководством М.Х. Тантауи. В книге «Арабская зима. Трагедия» Н. Фельдман справедливо отмечает, что *Х. Мубарака сместили не протестовавшие граждане, а отказавшие ему в поддержке вооруженные силы, но если бы не эта волна протестов, то военные не проявили бы подобной инициативы, как они не проявляли её за тридцать лет правления Х. Мубарака*⁴⁶⁹.

⁴⁶⁸ См.: Шимон Шифер, *Предупреждающий. Беседы с генералом запаса Амосом Гиладом*, стр. 123.

⁴⁶⁹ Noah Feldman, *The Arab Winter. A Tragedy* (Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2020), p. 34.

Армия, являющаяся одним из самых влиятельных, массовых и богатых институтов египетского государства, сохраняла лояльность президенту, даже несмотря на то, что армейское командование, в целом, весьма негативно относилось к не скрывавшимся Х. Мубараком планам передачи власти в стране своему сыну Гамалю⁴⁷⁰. Такой сценарий, реализованный в Азербайджане и в Сирии, не устраивал египетскую военную верхушку по нескольким причинам. В отличие от Х. Мубарака, профессионального военного летчика, с большим вниманием относившегося к армии и к её нуждам, младший сын президента Гамаль не проходил службу в вооруженных силах, всю жизнь с момента получения степени по управлению бизнесом в Американском университете в Каире занимаясь предпринимательской деятельностью. Насколько можно судить (а Гамаль Мубарак не являлся в полном смысле этого слова публичной фигурой), младший сын президента считал роль, которую играли в стране вооруженные силы, чрезмерной, а фактический контроль отдельных представителей военного командования, в том числе отставных, над целыми отраслями экономики – тормозящим развитие страны. Военные, поэтому, безусловно, имели веские причины стремиться не допустить прихода к власти Гамалья Мубарака; при этом, по мнению Н. Фельдмана, представители высшего офицерского корпуса не собирались выступить против

⁴⁷⁰ См.: Марат Ражбадинов, *Анатомия египетской революции 2011 г.* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2013), стр. 80–98.

Хосни Мубарака, планируя предотвратить приход к власти его младшего сына уже после кончины президента⁴⁷¹.

Массовые протесты изменили ситуацию, ибо всё более громко звучащие требования, чтобы «армия перешла на сторону народа», невозможно было игнорировать. Египетская армия традиционно выступает как объединяющий, государствообразующий институт, как бы не вовлеченный в политические споры. В стране, где никогда не было свободных выборов, а любая оппозиционная политическая активность находилась под неусыпным контролем преданного президенту «Мухабарата», сохранять видимость аполитичности было не так сложно, однако на рубеже января–февраля 2011 года эта задача стала практически невыполнимой. В эпоху Х. Мубарака, как и в эпоху Г.А. Насера и А. Садата, в стране никогда не проводились социологические опросы, которые изучали бы отношение граждан к главе государства; опрос, проведенный в марте–апреле 2011 года, показал, что отставку Х. Мубарака поддерживали 83% египтян⁴⁷². В случае продолжения поддержки армией весьма непопулярного в обществе главы государства, она бы воспринималась как пособница тирании, и это ощущение лишь усилилось бы, если бы армия еще и участвовала в фактическом превращении республики в монархию при передаче власти Гамалю Мубараку, которого, как уже указывалось, сама армия видеть

⁴⁷¹ Там же, р. 35.

⁴⁷² См.: Gallup poll, “Egypt from Tahrir to Transition”, 2011, <https://news.gallup.com/poll/157046/egypt-tahrir-transition.aspx>.

президентом отнюдь не желала. При сохранении вооруженными силами нейтралитета и игнорировании массовых митингов и протестов, сотрясавших страну, существовала реальная опасность того, что египтяне стали бы относиться к армии как к структуре, не понимающей и не чувствующей пульс общества. Оба описанных сценария были для военного командования неприемлемыми, и именно этим, вероятнее всего, и объяснялся демарш М.Х. Тантауи, который за двадцать лет работы министром обороны ничего подобного никогда не совершал.

Положение М.Х. Тантауи было непростым хотя бы потому, что не существовало никакой политической силы, которая бы хотела видеть его главой государства. Египетская молодежь не для того, рискуя жизнями, две недели выходила свергать 82-летнего Хосни Мубарака, чтобы его место занял 75-летний министр обороны, бывший одним из столпов того же режима. Как показал последующий опыт А.Ф. ас-Сиси, также всю жизнь отдавшего армии и не имевшего поддержки какой-либо политической партии или движения, взяв власть, можно выстроить требуемые политические институты «под себя», но М.Х. Тантауи не пошел этим путем. В качестве временного главы государства он стремился не совершать шагов, которые могли вызвать недовольство общества. Это серьезно угрожало израильско-египетским отношениям.

Генерал А. Гилад вспоминал слова, сказанные ему в ходе одной из их встреч М.Х. Тантауи: «Вы знаете, что для меня значит разговаривать с вами? Мне это чрезвычайно трудно. Но мир – это стратегический выбор, и я его

соблюдаю»⁴⁷³. Как показал цитированный выше опрос, проведенный в марте–апреле 2011 года, большинство египтян этот «стратегический выбор» считали правильным пересмотреть: 54% выступили за то, чтобы их страна аннулировала мирный договор с Израилем⁴⁷⁴. Уже после отстранения от власти Х. Мубарака вокруг здания, на верхнем этаже которого размещалось израильское посольство, была сооружена трехметровая бетонная стена. К сожалению, защитить посольство она не помогла.

Нападение на посольство началось вечером в пятницу 9 сентября 2011 года. После традиционной молитвы несколько тысяч египтян собралось на площади Тахрир в центре Каира, требуя от властей проведения давно обещанных реформ и улучшения экономического положения населения. Однако затем с криками «Долой Израиль!» около двух тысяч человек, несших с собой молотки, кувалды и самодельный таран, отправились в район Гиза, где располагалось израильское посольство. Поначалу толпа ограничивалась оскорбительными криками в адрес Израиля, но затем принялась разбивать бетонное ограждение. Это продолжалось три часа – при полном попустительстве египетской полиции. Более того, один из охранников присоединился к погромщикам с молотком в руках. В конце концов, толпа ворвалась в здание. Один из митингующих взобрался на крышу и сорвал израильский флаг.

⁴⁷³ Цит. по: Джекки Хуги, «Египет прощается с национальным героем» // *Маарив*, 24 сентября 2006 г. [на иврите].

⁴⁷⁴ См.: Gallup poll, “Egypt from Tahrir to Transition”, 2011.

К моменту штурма в здании посольства находились лишь шестеро сотрудников службы безопасности, укрывшихся за бронированными дверями внутренних помещений. В Израиле были в курсе происходящего, в том числе благодаря катарскому телеканалу «Аль-Джазира», который вел прямую трансляцию с места событий. Б. Нетаньяху пытался связаться с М.Х. Тантауи, который, однако, не ответил на его звонок. В принципе, не очень удивляет тот факт, что человек, не ставший защищать от «народного гнева» назначившего его на высший пост в армии президента, не стал защищать от этого гнева посольство страны, против которой он воевал в четырех войнах, но для Израиля ситуация была беспрецедентной. Б. Нетаньяху счел, что единственным человеком, чей звонок глава Египта не сможет проигнорировать, является президент США, а потому позвонил Б. Обаме. По поручению президента, с М.Х. Тантауи связался глава Пентагона Леон Панетта. После этого в Гизу, где бесчинствовала толпа, был направлен спецназ. Шестерых сотрудников израильского посольства полицейские вывели из здания, переодев в арабские одежды и замотав их головы традиционными платками, после чего с помощью слезоточивого газа и выстрелов в воздух спецназ разогнал толпу⁴⁷⁵. Министр информации Египта Усама Хейхал заявил, что его страна по-прежнему привержена всем подписанным ею международным договорам, добавив, что она заботится о благополучии всех

⁴⁷⁵ См.: Александр Реутов, «Египтяне заявили протест посольству Израиля» // *Коммерсантъ*, 12 сентября 2011 г.

находящихся в ней иностранных дипломатов. Обращал на себя внимание крайне обобщенный характер сделанного заявления, в котором вообще не упоминался Израиль.

Дальше произошло то, чего не было никогда за более чем тридцать лет израильского дипломатического присутствия в стране пирамид: все до единого сотрудники посольства и члены их семей, включая самого посла Ицхака Леванона, – в общей сложности около 80 человек – были эвакуированы в Израиль. «Эти события потрясли Египет, – отмечал корреспондент Би-би-си в Каире Бетани Белл, – поскольку все понимают, что такое было невозможно при президенте Хосни Мубараке»⁴⁷⁶.

Израиль эти события потрясли в еще большей мере. Ицхак Леванон вернулся в Каир лишь спустя два с половиной месяца, причем вернулся чисто символически, на двое суток, 20–21 ноября, чтобы формально завершить работу. Новый израильский посол, Яков Амитай, прибыл в Каир 12 декабря 2011 года; из семи ведущих дипломатов, работавших в посольстве до его погрома, четверо в египетскую столицу не вернулись⁴⁷⁷.

II

Еще одной – и крайне серьезной – проблемой, с которой столкнулся Израиль после падения режима Хосни

⁴⁷⁶ См.: «Нетаньяху: исход дипломатов не отменяет мир с Египтом» // *BBC News*, 10 сентября 2011 г.

⁴⁷⁷ См.: «Египет: новый израильский посол прибыл в Каир» // *Едиот ахронот*, 12 декабря 2011 г. [на иврите].

Мубарака, стали регулярные подрывы газопровода из Египта, по которому проходили до 45% всего импортируемого Израилем природного газа. В восточной части акватории Средиземного моря в территориальных водах Израиля в 2009 году были открыты три газовых месторождения, получившие названия «Тамар», «Далит» и «Левиафан», в 2012 году – месторождение «Танин», а спустя год – «Кариш». Самым большим из них является «Левиафан» – крупнейшее из обнаруженных в 2000-е годы газовых месторождений в мире (его доказанные запасы – 540 миллиардов кубометров), находящееся на расстоянии 128 километров от береговой линии Израиля напротив города Зихрон-Яаков, к югу от Хайфы. Разработка этого месторождения и урегулирование правовых и налоговых вопросов заняли много времени, но с 31 декабря 2019 года газ из «Левиафана» поступает в Израиль, а с 16 января 2020 года – и в Египет, который сформировал мощный газовый хаб, аккумулирующий газ с месторождений Восточного Средиземноморья; после сжижения, газ из него поставляется танкерами-газовозами в Европу. Еще в июне 2019 года начались коммерческие поставки в Египет газа из месторождения «Тамар»⁴⁷⁸.

Однако в 2011 году ситуация была совершенно иной: Израиль газ Египту не продавал, а у него покупал, и в газе этом отчаянно нуждался для обеспечения своей энергетической безопасности. Подписанное в 2005 году

⁴⁷⁸ См.: Лиор Гутман, «Впервые: газ из Израиля в рамках коммерческого соглашения был поставлен в Египет» // *Калькалист* – экономическая газета, 2 июня 2019 г. [на иврите].

Израилем и Египтом соглашение предусматривало поставку египетского природного газа в Израиль в течение пятнадцати лет, начиная с 2006 года, в объеме 1,7 миллиарда кубометров в год. Прекращение – пусть даже кратковременное – поставок египетского газа наносило серьезный урон израильской экономике. Все тридцать лет правления Хосни Мубарака проблемы подрывов газопровода на Синайском полуострове не было как таковой, но, начиная с 5 февраля 2011 года, положение кардинальным образом ухудшилось. В израильском руководстве велись дискуссии о том, насколько жестко и громогласно следует реагировать на происходящее. Протоколы этих дискуссий, к сожалению, пока не опубликованы, но, насколько можно судить, в итоге было принято решение не выступать ни с какими публичными обвинениями в адрес новых египетских властей. В сентябре 2011 года президент московского Института Ближнего Востока Евгений Сатановский озвучил те опасения, которые в Израиле старались не высказывать: «С начала года было уже пять подрывов газопровода Египет – Израиль. Каир полностью утратил контроль над Синаем, где царствуют “Аль-Каида” и иранская резидентура. Так что война — это вопрос времени»⁴⁷⁹. Как неоднократно говорилось в предыдущих главах книги, полноценный мир между Израилем и Египтом фактически так и не был достигнут, но с задачей предотвращения новой войны стороны успешно

⁴⁷⁹ Цит. по: Александр Реутов, «Египтяне заявили протест посольству Израиля».

справлялись. В 2011 году эта задача стала намного более трудновыполнимой, но не менее насущной, и правительство Биньямина Нетаньяху решило не делать никаких шагов, которые могли бы быть использованы египтянами как оправдание отступления от подписанных в 1978–1979 годах соглашений. *Нет ни малейших сомнений в том, что если бы погром израильского посольства или подрыв газопровода случились в период правления Ануара Садата или Хосни Мубарака, реакция официального Иерусалима была бы громкой и резкой, но в 2011–2012 годах главным устремлением являлось любой ценой предотвратить эскалацию конфликта.* Я жил тогда в Иерусалиме и хорошо помню свое удивление в связи с тем, что количество публикаций в израильской прессе на тему подрывов газопровода было минимальным, как будто не происходило ничего экстраординарного; чья-то «невидимая рука» стремилась не нагнетать обстановку.

Войны совсем не обязательно начинаются тогда, когда вовлеченные в них государства сознательно стремятся к войне; опыт июня 1967 года отчетливо продемонстрировал, что Израиль и Египет могли «скатиться» к войне и тогда, когда высшие руководители обеих стран не были заинтересованы в ней. Биньямин Нетаньяху решил, что Израиль будет до последнего повторять, что никакие из происходящих в Египте событий не отменяют действие мирного договора между двумя странами. *Он вполне мог принять и прямо противоположное решение:* в конце концов, Израиль счел *casus belli*, оправдывающим начало боевых действий против Ливана 5 июня 1982 года, покушение на

израильского посла в Лондоне, совершенное боевиками ООП, базы которых располагались в основном на территории Ливана. При таком подходе *погром посольства в Каире, учиненный египетскими гражданами при попустительстве египетской полиции, а также многочисленные подрывы газопровода, вполне могли быть объявлены Израилем достаточными поводами для начала боевых действий.* Но Египет – не Ливан, а правительство Б. Нетаньяху в 2011 году уроки тяжелейшей для Израиля Первой Ливанской войны помнило хорошо – и «маленькой победоносной кампании» не искало.

После первого подрыва газопровода, совершенного в «дни анархии» 5 февраля 2011 года⁴⁸⁰, когда на почти полтора месяца, до 16 марта, была полностью прекращена поставка природного газа из Египта в Израиль, в Иерусалиме надеялись, что это событие останется единичным, что с завершением акций протеста в египетских городах подобное больше не повторится. И хотя 17 февраля информагентства сообщили, что египетская армия взяла под охрану газопровод на Синайском полуострове, эта надежда не оправдалась: аналогичный акт саботажа был совершен на газовой станции Ас-Сабил у границы Египта с Израилем 27 апреля, причем тогда власти Египта сообщили, что за

⁴⁸⁰ См.: «Газопровод взорван на севере Синая в Египте» // *РИА Новости*, 5 февраля 2011 г.; «Власти Египта отключили подачу газа после взрыва на газопроводе» // *РИА Новости*, 5 февраля 2011 г.

месяц до этого, 27 марта, на той же станции уже закладывалась взрывчатка, но благодаря ее обнаружению и обезвреживанию взрыва удалось избежать⁴⁸¹. После диверсии 27 апреля Египет вновь приостановил прокачку топлива в Израиль (а также в Иорданию), которая была возобновлена лишь 10 июня. Однако уже 4 июля на одном из участков газопровода в восьмидесяти километрах от портового города Эль-Ариш вновь прогремел взрыв. Вооруженные автоматами злоумышленники на грузовике подъехали к одной из перекачивающих станций, обезвредили охрану и подорвали газопровод. В результате мощнейшего взрыва в небо поднялись огромные языки пламени, которые были видны издалека⁴⁸². Прошло лишь чуть больше недели, и уже 12 июля произошел четвертый подрыв газопровода; по свидетельствам очевидцев, высота пламени достигала десяти метров⁴⁸³.

В ночь на 27 сентября 2011 года трубопровод, по которому из Египта в Израиль и Иорданию поставлялся газ, вновь подвергся атаке. Трое вооруженных мужчин выскочили из автофургона и открыли огонь по трубопроводу, после чего последовал мощный взрыв, в результате которого пламя взметнулось на высоту 15

⁴⁸¹ См.: «В Египте подорван газопровод» // *РИА Новости*, 27 апреля 2011 г.; «Пожар на взорванном в Египте газопроводе потушен, жертв нет» // *РИА Новости*, 27 апреля 2011 г.

⁴⁸² См.: «Взрыв прогремел на одном из участков газопровода, соединяющего Египет с Израилем» // *ТАСС*, 4 июля 2011 г.

⁴⁸³ См.: «Взрыв на газопроводе в Египте привел к значительным разрушениям» // *РИА Новости*, 12 июля 2011 г.

метров. После прекращения подачи газа пожарным удалось потушить огонь, но ущерб был значительным⁴⁸⁴. 25, а затем 28 ноября 2011 года многострадальный газопровод был подорван вновь. Лишь неделей ранее Каир объявил о возобновлении экспорта в Израиль и Иорданию газа, поставки которого были прерваны за четыре месяца до этого, причем перекачка газа осуществлялась «на экспериментальной основе и в меньших объемах» ввиду необходимости протестировать работу трубопровода, после серии атак нуждавшегося в восстановлении⁴⁸⁵. Газопровод был подорван еще несколько раз, пока после взрыва 5 февраля 2012 года не был перекрыт вообще. Неработающий газопровод подвергся новой атаке 9 апреля 2012 года, причем сообщалось, что это уже четырнадцатый (!) взрыв с момента начала выступлений против бывшего президента Х. Мубарака⁴⁸⁶.

Из-за непрекращающихся диверсий Египет понес значительные убытки по причине срыва экспорта «голубого топлива», но временные власти страны не смогли – или не захотели – взять ситуацию с газопроводом под контроль, на постоянной основе дислоцировав в районе его расположения воинские

⁴⁸⁴ См.: «В Египте взорван газопровод, ведущий в Израиль» // *Deutsche Welle*, 27 сентября 2011 г.

⁴⁸⁵ См.: «В Египте взорвали газопровод» // *Газета*, 25 ноября 2011 г.; «В Египте вновь совершен подрыв газопровода» // *Газета*, 28 ноября 2011 г.

⁴⁸⁶ См.: «В Египте снова взорван газопровод, поставляющий топливо в Израиль и Иорданию» // *РБК*, 12 апреля 2012 г.

подразделения, которые бы обеспечивали его защиту. Ни разу не сообщалось, что какие-либо лица, совершавшие диверсии и подрывавшие газопровод, найдены, арестованы и преданы суду. Это, кстати говоря, касалось и тех, кто громил израильское посольство: имя Ахмада Шифата, сорвавшего со здания посольства израильский флаг, было опубликовано сразу же, но неизвестно о каких бы то ни было шагах, предпринятых против него, да и против кого-либо из участников беспорядков. Наоборот: в египетской прессе Ахмада Шифата провозгласили супергероем, местным *Spider-Man*'ом⁴⁸⁷.

22 апреля 2012 года египетская компания EGAS в одностороннем порядке сообщила своим израильским партнерам о прекращении поставок газа, которых, впрочем, и так не было – но сохранялась надежда на их возобновление, однако и она умерла. Показательно, что израильские власти не выражали публично никакого возмущения по этому поводу, хотя в иные времена происходящее, несомненно, вызвало бы целый шквал драматичных заявлений. В апреле 2012 года Израиль ограничился лишь тем, что заместитель министра иностранных дел Дани Аялон пригласил египетского посла Ясира Риду для выяснения причин одностороннего разрыва газового контракта⁴⁸⁸. Послу, очевидно, нечего

⁴⁸⁷ См.: «Египет представляет: герой ненависти» // *Израэль ха'йом* [«Израиль сегодня»], 15 марта 2012 г. [на иврите].

⁴⁸⁸ См.: Эли Берденштейн, «Дани Аялон пригласил на разъяснительную беседу посла Египта» // *Макор ришон*, 23 апреля 2012 г. [на иврите].

было сказать, и те, кто его приглашали, прекрасно это понимали. Как указывалось в пятой главе книги, в 1978 году Менахем Бегин заявил Джимми Картеру, что не сможет подписать мирный договор с Египтом, если не будут гарантированы поставки энергоносителей с территории Синайского полуострова в Израиль. В апреле 2012 года израильские руководители словно набрали в рот воды, а газеты цитировали анонимные «источники в руководстве страны», утверждавшие, что всё это, якобы, – не более чем «коммерческий конфликт»⁴⁸⁹.

События 2011–2012 годов продемонстрировали, насколько ограничены возможности Израиля добиться чего бы то ни было, если власти Египта не готовы идти навстречу. Разгромлено посольство и эвакуированы все его сотрудники? Многократно подорван газопровод, а затем официально объявлено о прекращении поставок газа через семь лет после подписания рассчитанного на пятнадцать лет контракта? Израиль сжимал зубы – и молчал, ибо лейтмотив «лишь бы не было войны» был сильнее любых других соображений.

III

18 августа 2011 года Израиль потрясла серия скоординированных террористических актов, совершенных в 26 километрах от города Эйлат на шоссе

⁴⁸⁹ См.: Арик Бендер и Эли Берденштейн, «Египет объявил Израилю: договор о поставках газа отменен» // *Макор ришон*, 22 апреля 2012 г. [на иврите].

№12, проходящем вдоль израильско-египетской границы. Группа террористов проникла в Израиль с Синайского полуострова, недалеко от контрольно-пропускного пункта «Нетафим» (ныне закрытого). Каждый из боевиков был вооружен автоматическим стрелковым оружием, имел при себе мины и гранаты, а также на каждом из них были пояса со взрывчаткой. Завидев рейсовый автобус №392, направлявшийся из Беэр-Шевы в Эйлат, террористы открыли огонь; затем они атаковали легковой автомобиль, а потом еще один автобус, возле которого один из нападавших взорвал свой пояс смертника, тогда как другой боевик в это время вел стрельбу. Всего погибли восемь израильтян, еще сорок человек были ранены.

Сколько именно боевиков участвовало в нападении на Израиль, до конца не известно. Командующий Южным военным округом генерал Таль Руссо объявил, что террористов было трое, один из которых подорвал себя, а двое других были убиты израильскими военными⁴⁹⁰. Однако, согласно собранным позднее данным, в террористическую группу входили двенадцать человек⁴⁹¹, большинство из которых спаслись бегством на территорию Египта, где их никто не преследовал. В ходе не очень успешных действий израильских военнослужащих во время погони за террористами были убиты пять египетских пограничников, в отношении которых не было

⁴⁹⁰ Интервью генерала Талья Руссо Второму каналу израильского телевидения, 18 августа 2011 г. [на иврите].

⁴⁹¹ См.: «Среди террористов в Эйлате было три египтянина» // *zman.com*, 24 августа 2011 г.

свидетельств об их вовлеченности в теракт. Выражая свое возмущение в связи с этим, уже на следующий день египетские власти отозвали из Израиля посла Ясира Риду. В официальном заявлении Каира говорилось, что правительство Египта решительно осуждает израильскую реакцию на террористический акт, произошедший возле Эйлата⁴⁹².

Несмотря на то, что в ходе расследования было установлено, что теракт был совершен не исламистами из Газы, вначале пробравшимися на Синай, а оттуда атаковавшими Израиль (именно так предполагалось изначально), а салафитскими боевиками-джихадистами с Синайского полуострова⁴⁹³, *египетские власти не взяли на себя никакой ответственности за произошедшее, хотя именно они не смогли обеспечить контроль за государственной границей между двумя странами*. Нет никаких сомнений в том, что, в отличие от рейдов фидаинов, нападавших на Израиль в первой половине 1950-х годов, группа боевиков, атаковавших еврейское государство в этот раз, не была ни подготовлена, ни направлена официальным Каиром. Однако равным образом нет сомнений и в том, что теракт совершили исламисты с Синайского полуострова, беспрепятственно добравшиеся до Израиля, не будучи остановленными ни египетской армией, ни полицией, ни пограничниками.

⁴⁹² См.: Нир Яхав, «Египет отзывает посла из Израиля и требует расследования» // *walla.co.il*, 20 августа 2011 г. [на иврите].

⁴⁹³ См.: Алекс Фишман, «Ошибка в опознании врага» // *Едиот ахронот*, 21 октября 2011 г. [на иврите].

Несмотря на то, что виновной в теракте стороной очевидно был Египет, а жертвы среди египетских пограничников являлись исключительно следствием экстремальной ситуации, возникшей в результате серии терактов, унесших жизни восьми израильтян, египтяне требовали от Израиля официальных извинений, которые были принесены министром обороны еврейского государства Эхудом Бараком 11 октября 2011 года⁴⁹⁴.

Сразу после случившегося премьер-министр Египта Исам Шараф (он занимал свой пост с 3 марта по 21 ноября 2011 года) написал: «Кровь египтян дорога и не может быть пролита без соответствующей реакции. Наша великая революция [речь, очевидно, о событиях января–февраля 2011, а не июля 1952 года] случилась, чтобы египтяне смогли вернуть себе достоинство. То, что было приемлемым для Египта до революции, перестало быть таковым после нее». К беспорядкам, приведшим к свержению Хосни Мубарака в первой половине февраля 2011 года, Израиль не имел никакого отношения, но оказался в ситуации, когда у него не было иного выбора, кроме как адаптироваться к навязываемым египтянами новым правилам игры.

Практически в то же самое время завершалась полученная «в наследство» от правительства Э. Ольмерта длившаяся более пяти лет сага с нахождением в застенках ХАМАСа израильского сержанта Гилада Шалита. Как

⁴⁹⁴ См.: Амир Бухбут, «Израиль извинился перед Египтом за убийство пограничников» // *walla.co.il*, 11 октября 2011 г. [на иврите].

указывалось в двух предшествующих главах книги, египтяне были вовлечены в переговоры по его освобождению практически с первого дня после того, как он был похищен. Когда глава Службы общей разведки Египта Омар Сулейман был назначен Хосни Мубараком на пост вице-президента страны (на котором он, впрочем, задержался лишь на две недели), то руководителем «Мухабарата» стал Мурад Мувафи, оставшийся на этой должности чуть более полутора лет, до 8 августа 2012 года. М. Мувафи продолжил деятельность, которую вел О. Сулейман, выступая посредником между Израилем и ХАМАСом вплоть до того момента, как 18 октября 2011 года, после пяти лет и четырех месяцев нахождения в плену, Гилад Шалит был, наконец, освобожден. Показательно, что вначале он был переправлен в Египет, и оставался там, пока из израильских тюрем не были выпущены 477 арабов, 279 из которых были приговорены к пожизненному заключению. И только после этого Гилад Шалит был доставлен на КПП «Керем Шалом», где ступил на израильскую землю.

Уместно задаться вопросом, какую именно роль играл Египет в этом процессе. Представляется, что главной целью египетских посредников было выжать из Израиля максимум уступок, чтобы продемонстрировать ХАМАСу свои исключительные возможности давления на еврейское государство. Египет ни разу не потребовал от исламистской террористической организации ХАМАС освобождения заложника без каких бы то ни было предварительных условий. Напротив, тогда, когда Биньямин Нетаньяху уже соглашался освободить из

тюрем сотни палестинских боевиков в обмен на одного сержанта, Египет требовал от него дополнительных уступок. Обращал на себя внимание тот факт, что проект соглашения между Израилем и ХАМАСом был разработан именно египтянами; еще в мае 2011 года они согласовали этот документ с руководством ХАМАСа – и только потом передали его Израилю⁴⁹⁵.

Итоговые параметры соглашения были не только беспрецедентно невыгодными для Израиля (ибо за одного военнослужащего Израиль отпускал из тюрем 1027 палестинцев; за изначально освобожденными 477 последовали еще 550, вышедших на свободу 18 декабря 2011 года), но и серьезно подрывали усилия по борьбе с террором. Среди освобожденных было 279 боевиков, каждый из которых был осужден на пожизненное заключение за убийства израильтян и палестинских арабов, заподозренных в сотрудничестве с израильскими органами безопасности. Изучение судебных приговоров показывает, что освобожденные в обмен на Шалита террористы суммарно убили 569 человек!⁴⁹⁶ Среди вышедших на свободу был и Насер Ятима, доставивший пояс смертника боевику, взорвавшемуся в гостинице «Парк» в Нетании, после чего Израиль начал

⁴⁹⁵ См.: Элиор Леви, «Сделка Шалита: Египет сформулировал параметры, которые утвердил ХАМАС» // *Едиот ахронот*, 8 мая 2011 г. [на иврите].

⁴⁹⁶ См.: Раанан Бен-Цур и Йоав Зейтун, «На их руках много крови: обнародован список освобождаемых» // *Едиот ахронот*, 16 октября 2011 г. [на иврите].

антитеррористическую операцию «Защитная стена», о которой говорилось в девятой главе книги. Были также освобождены те, кто планировали и участвовали в теракте в кафе «Сбарро» в Иерусалиме в 2001 году, где были убиты пятнадцать израильтян, в кафе «Хиллель» в Иерусалиме в 2003 году, где были убиты семь израильтян, в автобусе, следовавшем из Тель-Авива в Иерусалим 6 июля 1989 года, где были убиты шестнадцать человек, в городском автобусе в Хайфе 5 марта 2003 года, где погибли семнадцать человек и т.д. *Выход на свободу преступников, ответственных за эти страшные злодеяния, нанес значительный урон борьбе с террором, ибо отныне каждый боевик, что бы он ни совершил, мог рассчитывать на освобождение.*

Хуже того: по оценке экспертов Общей службы безопасности Израиля, около 40% освобожденных вернулись к террористической деятельности⁴⁹⁷. Барух Мизрахи – 14 апреля 2014 года, Нафтали Френкель, Гилад Шаэр и Эяль Ифрах – 12 июня 2014 года, Дани Гонен – 19 июня 2015 года, Малахи Розенфельд – 29 июня 2015 года, раввин Михаэль Марк – 1 июля 2016 года и другие израильтяне были убиты боевиками, выпущенными из тюрем как раз в рамках сделки по освобождению Гилада Шалита. После того, как сержант был освобожден, израильские официальные лица выразили благодарность египтянам. Верно, что Египет выступал в той сделке лишь посредником, однако всем было понятно, к чему эта

⁴⁹⁷ См.: Наддав Шаргай, «Опасность похищения» // *Израэль хайом*, 25 января 2018 г. [на иврите].

сделка приведет, поэтому не будет очень большим преувеличением сказать, что кровь названных выше израильтян – и на совести египетских посредников. Спустя десять лет после этой сделки израильские эксперты практически едины во мнении, что она была крайне неудачной, а вред от нее значительно превысил пользу⁴⁹⁸.

IV

Особенность ситуации в Египте в 2011 году (и её ключевое отличие от того, что произошло 3 июля 2013 года, о чем будет рассказано в следующей главе) состояла в том, что, *смещая Х. Мубарака, военные не имели внятного и четкого плана своих дальнейших действий, а 75-летний Мухаммед Хусейн Тантауи, хоть и оказался главой государства, не стремился оставаться в этой должности, рассматривая себя лишь как фигуру переходного периода*. Его можно сравнить с временным президентом Киргизии Розой Отунбаевой, пришедшей к власти в стране после массовых протестов в апреле 2010 года, приведших к падению режима Курманбека Бакиева, но не участвовавшей в прошедших 30 октября 2011 года выборах президента Киргизии и ушедшей в отставку после подведения их итогов. Нет никаких причин считать, что

⁴⁹⁸ См., например: Эаль Леви, «Вопрос цены: десять лет освобождению Гилада Шалита» // *Израэль хайом*, 30 сентября 2021 г. [на иврите]; Ави Иссахаров, «Десять лет “сделке Шалита”: как она повлияла на нас и на регион?» // *Маарив*, 9 октября 2021 г. [на иврите].

Роза Отунбаева изначально стремилась передать власть именно Алмазбеку Атамбаеву, хотя 1 декабря 2011 года ровно это и произошло. Аналогичным образом, Мухаммед Хусейн Тантауи никоим образом не планировал передачу власти в Египте кандидату от движения «Братьев-мусульман» Мухаммеду Мурси, хотя 30 июня 2012 года именно так и случилось. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что М.Х. Тантауи был способен провести «выборы» так, как их в 1981, 1987, 1993, 1999 и 2005 годах проводил Хосни Мубарак, который первые четыре раза, будучи единственным кандидатом в президенты Египта, рапортовал о том, что был поддержан 94–98% участвовавших в выборах избирателей, а в 2005 году выбрал себе в спарринг-партнеры Аймана Нура, которого «победил», получив, согласно официальным данным, поддержку почти 89% избирателей. М.Х. Тантауи мог выбрать любой из этих двух сценариев – и остаться у власти. *Министр обороны, однако, не стремился к узурпации власти, проведя первые более или менее свободные парламентские и президентские выборы в истории Египта. Эти инициативы получили полную поддержку со стороны США и других стран Запада, довольно недальновидно видящих в демократии панацею от всех бед, но их итоги имели почти катастрофические последствия для отношений Египта как раз с западным миром, не говоря уже об отношениях с Израилем.*

С 28 ноября 2011 по 11 января 2012 года в Египте – впервые в истории страны – прошли относительно свободные выборы депутатов Народного собрания. Исламисты, баллотировавшиеся от Партии свободы и

справедливости (так, на турецкий манер, назвали себя «Братья-мусульмане»⁴⁹⁹) и салафитской партии «Аль-Нур», в сумме получили 358 мест – чуть более 70% всего депутатского корпуса, составлявшего 508 человек. Радикальное движение «Аль-Гамаа аль-Исламия»⁵⁰⁰, которому власти не разрешили зарегистрировать собственную партию «Созидание и развитие», провела своих кандидатов по спискам партии «Аль-Нур», в результате чего в Народном собрании Египта оказались 16 представителей «Аль-Гамаа аль-Исламия». 23 января 2012 года один из лидеров движения «Братьев-мусульман» Мухаммед Саад аль-Кататни был избран председателем Народного собрания.

В мае–июне 2012 года прошли выборы президента Египта, на которых во второй тур вышли один из лидеров «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси и последний премьер-министр «эпохи Мубарака» Ахмед Шафик; с перевесом в 883 тысячи голосов кандидат-исламист праздновал победу. Вице-президентом М. Мурси назначил своего единомышленника судью Махмуда Мекки, старший

⁴⁹⁹ См. посвященную им книгу: Марат Ражбадинов, *Египетское движение «Братьев-мусульман»* (Москва: Институт востоковедения РАН – Институт Ближнего Востока, 2004).

⁵⁰⁰ Решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. «Братья-мусульмане» и «Аль-Гамаа аль-Исламия» включены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

брат которого Ахмед Мекки был назначен министром юстиции. *Цитировавшийся выше прогноз израильских экспертов о том, что главными бенефициарами «арабской весны» в Египте окажутся именно исламисты, сбывался полностью.* На происходящее отреагировали в Иране, восстановив в апреле 2012 года, после почти тридцатидвухлетнего перерыва (Тегеран разорвал официальные контакты с Каиром в 1980 году), дипломатические отношения с Египтом.

Израильский посол в Вашингтоне Майкл Орен вспоминал, как принимал советника главы правительства Израйля по национальной безопасности и борьбе с террором генерала Якова Амидрора. Прочитывая наиболее распространенные в то время в американских политических кругах клише: «арабские родители хотят своим детям того же, что и мы своим», «ливийцы всегда будут благодарны Америке за обретение свободы [от тирании Муаммара Каддафи]», «Йемен твердо встал на путь перехода к демократии», генерал спросил: «Почему американцы не хотят посмотреть правде в глаза? Для того чтобы защищать свободу на Западе, они должны заботиться о сохранении авторитарных режимов на Ближнем Востоке»⁵⁰¹. Посол М. Орен вспоминал, что получил заверения в том, что администрация США не начнет диалог с исламистским движением «Братьев-мусульман», однако представители Госдепартамента установили такие контакты уже в январе 2012 года. Спустя

⁵⁰¹ Michael Oren, *Ally. My Journey Across the American-Israeli Divide*, p. 302.

полгода, когда один из лидеров этого движения Мухаммед Мурси был избран президентом Египта, заместитель госсекретаря США Томас Найдс (Thomas R. Nides) возглавил делегацию из сотни американских бизнесменов, прибывших в Каир с целью налаживания коммерческих связей с новым режимом, что, естественно, обеспечивало «Братьям-мусульманам» важную не только политическую, но и финансовую поддержку. В июне 2012 года в Иерусалиме не без удивления узнали, что именно кандидатуру Тома Найдса президент Джозеф Байден номинировал на пост нового посла США в Израиле; 4 ноября 2012 года это назначение было утверждено Сенатом.

Мухаммед Мурси только 30 июня 2012 года приступил к исполнению обязанностей президента Египта, а уже спустя две недели принимал в Каире госсекретаря США Хиллари Клинтон. Показательно, что хотя глава американской дипломатии выразила мнение, что президент Египта и глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху должны провести личную встречу на высшем уровне, она тут же добавила, что США не будут заниматься организацией подобного саммита⁵⁰². Очевидно, что дело было не в кадровом дефиците в Госдепартаменте, которому некогда организовывать встречу руководителей Израиля и Египта и некого делегировать на переговоры, касавшиеся ее проведения. Ясно, что сама Хиллари Клинтон отлично понимала:

⁵⁰² Рои Кейс, «Клинтон в Египте: “Мурси и Нетаньяху должны встретиться”» // *Едиот ахронот*, 15 июля 2012 г. [на иврите].

согласия на такую встречу с египетской стороны она не получит. Несмотря на то, что М. Мурси представлял открыто антиизраильское движение «Братьев-мусульман», Б. Нетаньяху направил ему поздравительную телеграмму в связи с победой на выборах⁵⁰³, однако, вопреки дипломатическому этикету, не получил никакого ответа. В отличие от ее предшественников на посту госсекретаря – Генри Киссинджера, Сайруса Вэнса и других, – понимавших, что отношения между Израилем и Египтом имеют ключевое значение для обеспечения региональной стабильности и безопасности, Хиллари Клинтон ограничилась лишенной реального содержания декларацией, даже не скрывая, что не будет работать над ее практической реализацией. В Израиле этот сигнал «считали» однозначно: как свидетельствующий о самоустранении администрации Барака Обамы, оставившей Израиль один на один с новым египетским режимом.

Тот факт, что М. Мурси отказывался от каких бы то ни было контактов с правительством Израиля и открыто поддерживал палестинское исламистское движение ХАМАС, регулярно совершавшее террористические акты против израильтян, не помешал Белому дому в июле 2012 года пригласить его с официальным визитом в США⁵⁰⁴. В

⁵⁰³ «Нетаньяху в телеграмме Мурси: “Нужно сохранять мирный договор”» // *Ха'арец*, 30 июня 2012 г. [на иврите].

⁵⁰⁴ См.: “Mohamed Morsi to visit US as White House pledges 'new partnership'” // *Guardian*, July 8, 2012; “Obama invites Egypt's Islamist leader to U.S.” // *Reuters*, July 8, 2012 и т.д.

Израиле не могли это ни понять, ни принять, чувствуя себя преданными крупнейшей мировой державой, руководители которой продолжали декларировать, будто являются ближайшими союзниками еврейского государства. Впрочем, Мухаммед Мурси от визита в США отказался. Хосни Мубарак последний раз побывал в США в начале сентября 2010 года, а следующий визит в США в качестве президента Египта совершил уже А.Ф. ас-Сиси четыре с небольшим года спустя.

Хотя в начале февраля 2011 года один из руководителей «Братьев-мусульман» заявил, что как только они придут к власти, то отменят мирный договор с Израилем, «оскорбляющий арабское достоинство и подрывающий интересы Египта»⁵⁰⁵, когда они в самом деле к власти пришли, то никаких резких антиизраильских шагов не делали. Впрочем, к моменту воцарения в президентском дворце Мухаммеда Мурси ситуация и так уже была значительно худшей, чем в период правления Хосни Мубарака, о чем уже говорилось выше: хотя Израиль формально имел посла в Каире, посольство как таковое фактически не функционировало; газовое соглашение прекратило действовать вначале де-факто, а затем было разорвано де-юре; политического диалога на высшем уровне не было.

Всё это осталось неизменным; насколько известно, за год своего пребывания в должности Мухаммед Мурси ни разу не встречался с Биньямином Нетаньяху, который, однако, всё время надеялся установить прямой контакт с

⁵⁰⁵ См.: Amr Yossef, “Israel and Post-Mubarak Egypt”, p. 60.

новым египетским президентом. Б. Нетаньяху выражал М. Мурси соболезнования в связи с гибелью 49 человек, ставших жертвами столкновения школьного автобуса с железнодорожным составом в городе Асьют, а затем в связи со смертью его сестры – не получая никакого ответа.

По причине того, что Ясир Рида был отозван в августе 2011 года, к моменту прихода М. Мурси к власти у Египта почти год не было посла в Израиле. К удивлению многих, М. Мурси направил в Тель-Авив нового египетского посла, которым стал Атеф Салем. Он вручил верительные грамоты тогдашнему президенту Израиля Шимону Пересу в октябре 2012 года, но был отозван спустя всего месяц в связи с началом 14 ноября 2012 года новой израильской операции против ХАМАСа в секторе Газа, получившей название «Облачный столп».

Показательно, что об окончании этой операции – в связи с достижением представителями ХАМАСа и Израиля на не прямых переговорах в Каире соглашения о прекращении огня – было объявлено 21 ноября новым министром иностранных дел Египта Мухаммедом Камилем Амром на совместной пресс-конференции с госсекретарем США Хиллари Клинтон. Х. Клинтон вспоминала, что детали этого соглашения она подробно прорабатывала лично с президентом М. Мурси; по её словам, «в отношении переговоров по сектору Газа он казался более заинтересованным в том, чтобы действительно достичь результатов, чем просто в том, чтобы поучаствовать в политической игре на международной арене. Мы встретились в его офисе с небольшой группой его советников и начали строчка за

строчкой прорабатывать тот документ, который я привезла от премьер-министра Израиля»⁵⁰⁶. Тем же вечером в Иерусалиме на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Авидгором Либерманом и министром обороны Эхудом Бараком глава правительства Биньямин Нетаньяху объявил об окончании операции «Облачный столп». *Это был в целом важный опыт, свидетельствовавший о готовности новых египетских властей следовать тому формату, который был выработан в эпоху Мубарака, выступая в качестве ответственных посредников, имеющих значительное влияние на движение ХАМАС, которые, поэтому, заслуживают израильского доверия.* При этом, если в прежние годы непрямыми были контакты представителей Израиля и ХАМАСа, с каждым из которых вели диалог египтяне, то теперь непрямым стал и сам израильско-египетский диалог, вернувшийся к формату 1974–1975 годов и протекавший опосредованно, через госсекретаря США.

Следует отметить, что окончание операции «Огненный столп», в значительной мере – по египетскому сценарию, не привело к возвращению в Тель-Авив египетского посла. Новый посол был направлен в еврейское государство лишь в июне 2015 года, когда М. Мурси и «Братья-мусульмане» давно уже были отстранены от власти.

⁵⁰⁶ См.: Hillary Rodham Clinton, *Hard Choices: A Memoir* (New York: Simon & Schuster, 2014), pp. 484–485.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К «ХОЛОДНОМУ МИРУ»: ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ А.Ф. АС-СИСИ

I

Государственный переворот, произошедший в Египте 3 июля 2013 года, когда военные сместили Мухаммеда Мурси, лишь за год до этого всенародно избранного президентом, был событием совершенно исключительным по целому ряду причин. В посвященной современному Египту литературе неустанно подчеркивается центральная роль армии в общественно-политической жизни этой страны; Е.М. Примаков справедливо отмечал, что «после свержения короля Фарука четыре президента страны – Нагиб, Насер, Садат и Мубарак – были военными. Больше половины губернаторов в Египте – тоже бывшие военные. Военными контролируется значительная часть экономики»⁵⁰⁷. Понимая это, следует все же напомнить, что за все годы существования в Египте республики, отметившей в 2012 году свое шестидесятилетие, военного переворота как такового в стране не было ни разу. У отдельных военных были проблемы и с Г.А. Насером, и с А. Садатом, и с Х. Мубарак, но армия сохраняла безусловную лояльность сменявшим друг друга президентам.

⁵⁰⁷ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 382.

Заслуживает упоминания тот факт, что хотя и Г.А. Насер, и А. Садат, и Х. Мубарак – каждый отдал военной службе многие годы своей жизни, никто из них до прихода к власти не занимал посты министра обороны или начальника Генерального штаба, а никто из тех, кто эти посты занимал, президентом страны так и не стал.

Июльский переворот 2013 года, поэтому, вдвойне уникален: во-первых, военные объявили об отстранении от власти президента страны, а во-вторых, несмотря на некоторую вуаль псевдоправовых процедур (в результате которых временным главой государства был провозглашен председатель Конституционного суда Адли Мансур, при этом его полномочия оставались чисто номинальными), реальную власть захватил министр обороны Абд эль-Фаттах ас-Сиси, в 2014 году формально легализовавший свой статус первого лица в государстве на очевидно срежиссированных выборах, в ходе которых якобы был поддержан почти 97% избирателей⁵⁰⁸.

Во многих публикациях делалась попытка принизить уникальность этих событий на основании того, что армия якобы осталась в целом верна Хосни Мубараку, категорически не принимала «Братьев-мусульман» и избранного президентом их представителя. Реальность, однако, была другой: новый режим объявил о смещении маршала Мухаммеда Хусейна Тантауи, бывшего долгие годы министром обороны при Хосни Мубараке, с его

⁵⁰⁸ «Экс-министр обороны Египта ас-Сиси по итогам президентских выборов набрал 96,91% голосов» // ТАСС, 3 июня 2014 г.

поста, и М.Х. Тантауи беспрекословно подчинился этому решению. Именно Мухаммед Мурси назначил А.Ф. ас-Сиси, занимавшего пост главы военной разведки, на должность министра обороны. По мнению руководителя военно-политического департамента Министерства обороны Израиля генерала Амоса Гилада (в послужном списке которого – в том числе и пост главы исследовательского отдела военной разведки Израиля), «Братья-мусульмане» выбрали именно А.Ф. ас-Сиси в связи с тем, что он был наиболее истово верующим мусульманином из всего египетского генералитета. Понимая, что большинство высших офицеров им не симпатизируют, руководители «Братьев-мусульман» выбрали того единственного, на кого, как им казалось, они смогут положиться⁵⁰⁹. Однако этот человек и возглавил государственный переворот, отстранив их от власти.

Такого развития событий не предвидел никто из изучающих Египет экспертов. Самый информированный и многоопытный российский арабист Е.М. Примаков признавал в своей книге: «Арабская весна», которая привела к свержению президента Туниса Бен Али, президента Египта Хосни Мубарака, находившихся десятилетиями у власти, и серьезно расшатала авторитарные режимы в ряде других арабских стран, стала неожиданностью для многих экспертов, в том числе, надо признать, и автора этой книги»⁵¹⁰. Оценив честность

⁵⁰⁹ См.: Шимон Шифер, *Предупреждающий. Беседы с генералом запаса Амосом Гиладом*, стр. 125.

академика Е.М. Примакова, обратим внимание и на то, что в главе «Последствия “Арабской весны”»⁵¹¹ возможность совершения египетской армией государственного переворота автором даже не упоминается – а с момента выхода книги до того, как он случился, прошел всего год!

17 апреля 2013 года была подписана в печать изданная Институтом востоковедения РАН монография, посвященная актуальной египетской повестке дня. Ее автор, в 2007–2011 годах работавший в российском посольстве в Каире, отметив важную роль, которая играет в Египте армия, прогнозировал начало заката ее политического влияния: «В отличие от Туниса, где армия после революции сразу ушла в казармы и добровольно отказалась от какой-либо роли в политике, в Египте военные традиционно выполняли функцию важного национального института. В этом плане, возможно, что Египет только сейчас начинает двигаться по тому пути, который проделала Турция несколько десятков лет назад. По прошествии шестидесяти лет правления в Египте военных лидеров президентом страны впервые стал гражданский политик»⁵¹². Указав, что «генералитет в определенной степени рассчитывает на то, что Ассоциация "Братьев-мусульман" сможет стабилизировать сложную ситуацию в стране, при этом сохранив интересы военных в

⁵¹⁰ Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 378–379.

⁵¹¹ Там же, стр. 392–394.

⁵¹² Марат Ражбадинов, *Анатомия египетской революции 2011 г.*, стр. 400.

экономической сфере», автор предположил: «Скорее всего, “Братья-мусульмане” постараются соблюсти баланс между военными и давлением светских сил»⁵¹³. О возможности совершения армией государственного переворота в книге *не упоминается ни единым словом*, хотя со дня ее подписания в печать до того, как он в самом деле случился, прошло лишь два с половиной месяца!

Отношение к совершенному под руководством А.Ф. ас-Сиси перевороту в США и в Израиле было контрастно разным. В прошлой главе уже отмечалось, что в Израиле были шокированы той легкостью, с которой американцы «сдали» Х. Мубарака – и были шокированы в мере не меньшей, когда администрация Б. Обамы начала бить в набат, защищая отстраненных от власти министром обороны «демократически избранных» исламистов. Для американцев главной была не суть, а процедура, а потому против прихода к власти «Братьев-мусульман» в результате сравнительно свободных выборов они не возражали, а военный переворот, совершенный с целью их отстранения от власти, осудили в самых резких выражениях, охарактеризовав действия А.Ф. ас-Сиси как нелегитимные и нарушающие основы египетского конституционного строя. Президент США Б. Обама поручил своей администрации рассмотреть вопрос о целесообразности продолжения американской финансовой и военной помощи Каиру, одновременно с этим призвав новое военное руководство Египта как можно скорее передать власть демократически

⁵¹³ Там же, стр. 396.

избранному правительству. В первые же дни после переворота и ареста М. Мурси премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху провел телефонные переговоры с госсекретарем США Джоном Керри, министр обороны Моше Яалон – со своим американским коллегой Чаком Хейгелом, а советник Б. Нетаньяху по национальной безопасности Яаков Амидроп – с Сьюзан Райс, назначенной на должность советника президента США по национальной безопасности за несколько дней до этого, 1 июля. В ходе этих переговоров израильские руководители высказали мнение о том, что сокращение военной помощи Египту, вероятнее всего, негативно скажется и на безопасности Израиля, особенно с учетом возможного дальнейшего ухудшения ситуации с безопасностью на Синайском полуострове. По мнению израильской стороны, прекращение американской поддержки могло побудить египетских военных разорвать мирный договор с еврейским государством или приостановить его действие «до лучших времен», чего в Иерусалиме очень опасались⁵¹⁴.

Однако насильственный разгон манифестаций «Братьев-мусульман» и отсутствие каких бы то ни было шагов в направлении «демократизации» побудили президента США перейти от слов к делу, израильские опасения и просьбы проигнорировав. 24 июля Б. Обама объявил о приостановке поставок в Египет американских истребителей F-16, а 15 августа сообщил об отмене

⁵¹⁴ «Израиль просит США не прекращать военную помощь Египту» // *Jewish.ru*, 9 июля 2013 г.

совместных американо-египетских военных учений⁵¹⁵. 9 октября 2013 года Госдепартамент официально объявил о приостановке как поставок Египту новых систем вооружений, так и оказания ему уже согласованной финансовой помощи в размере 260 миллионов долларов. «Решение о сокращении военной помощи Египту, – пояснило внешнеполитическое ведомство США, – связано с тем, что новое правительство, пришедшее к власти при поддержке военных, затормозило развитие демократии в этой стране»⁵¹⁶. А.Ф. ас-Сиси же свои намерения обозначил ясно: «Если выбирать между стабильностью и демократическими свободами, я выберу стабильность», – сказал он в беседе с журналистами в Каире⁵¹⁷.

Израилю же «развития демократии в этой стране» за два с половиной года хватило – с лихвой; досрочное прекращение правления «Братьев-мусульман» виделось неожиданным «подарком с небес». Видный арабист Эхуд Яари, комментируя события 3 июля в Египте, отметил, что «у израильтян нет повода лить слезы из-за переворота», ибо как «Братья-мусульмане», так и лично свергнутый президент Мухаммед Мурси – враги еврейского государства, а исламизация региона представляет для Израиля стратегическую угрозу⁵¹⁸. Напомнив, что

⁵¹⁵ «Арестован лидер “Братьев-мусульман”, США замораживают помощь Египту» // *NEWSru.co.il*, 20 августа 2013 г.

⁵¹⁶ «США объявили о резком сокращении военной помощи Египту» // *Лента.ру*, 10 октября 2013 г.

⁵¹⁷ «Ас-Сиси готов изменить мирный договор с Израилем. Обзор арабских СМИ» // *NEWSru.co.il*, 12 мая 2014 г.

движение «Братьев-мусульман», основной целью которого является установление исламистских режимов во всем арабском мире, возникло именно в Египте, Э. Яари выразил надежду на то, что свержение М. Мурси и его сторонников приведет к ослаблению позиций радикалов на Ближнем Востоке, в целом. «Несмотря на то, что особых оснований для оптимизма нет, новый режим будет лучше старого», – отметил Э. Яари. При этом свергнутых исламистов израильские эксперты со счетов не сбрасывали, видя в них главную угрозу стабильности в Египте. Лидеры «Братьев-мусульман» декларировали готовность защищать президента М. Мурси с оружием в руках, что достаточно быстро могло привести к сползанию Египта в пучину гражданской войны⁵¹⁹. В конце концов, на президентских выборах М. Мурси не получил поддержки и 52% избирателей, то есть лагеря его сторонников и противников были примерно равными.

Израиль сразу сигнализировал А.Ф. ас-Сиси о своей готовности к сотрудничеству. Дело было отнюдь не в том, что А.Ф. ас-Сиси был произраильски настроенным государственным деятелем. По свидетельству генерала Амоса Гилада, неоднократно встречавшегося с ним в 2005 году для обсуждения параметров передислокации египетской армии после вывода израильских войск из сектора Газа, А.Ф. ас-Сиси, напротив, выделялся своим

⁵¹⁸ Эхуд Яари, «Новая ситуация в Египте предпочтительнее той, что была раньше» // *Mako.co.il*, 3 июля 2013 г. [на иврите].

⁵¹⁹ См.: «В своем пиру похмелье»: Израиль, мир и египетский переворот» // *newsru.co.il*, 4 июля 2013 г.

резко антиизраильским настроем даже среди высшего египетского офицерства, которое, в целом, относится к еврейскому государству отнюдь не дружелюбно. А.Ф. ас-Сиси верил в то, что «евреи правят миром», и Египту от этого не стоит ждать ничего хорошего. Он резко отрицательно относился к приложению к израильско-египетскому мирному договору, накладывавшему существенные ограничения на египетскую армию, считая это унижением государственного суверенитета своей страны⁵²⁰. А. Гилад вспоминал, что отношение А.Ф. ас-Сиси к Израилю менялось очень медленно, он был готов разрешать возникающие споры исключительно мирными средствами, но категорически не соглашался на полноценную нормализацию двусторонних отношений до тех пор, пока не будет урегулирована палестинская проблема. По мнению А. Гилада, дело было не столько в искреннем сочувствии А.Ф. ас-Сиси не обретшим своей государственности палестинским арабам, сколько в опасениях за стабильность политических режимов в Египте и в других арабских государствах, где неурегулированность этой проблемы подпитывает наиболее радикальные с политической точки зрения круги⁵²¹. На церемонию инаугурации А.Ф. ас-Сиси ни премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, ни президент Шимон Перес приглашения не получили, хотя оба израильских политика одними из первых поздравили

⁵²⁰ Цит. по: Шимон Шифер, *Предупреждающий. Беседы с генералом запаса Амосом Гиладом*, стр. 124.

⁵²¹ Там же, стр. 128.

А.Ф. ас-Сиси с победой на выборах сразу после официального оглашения итогов голосования.

После прихода к власти «Братья-мусульмане» установили особенно близкие отношения с правящей в Турции «Партией справедливости и развития», а потому с первого дня после совершенного им переворота А.Ф. ас-Сиси обрел влиятельного врага в лице Р.Т. Эрдогана. Президент Турции был одним из самых недружественно настроенных региональных лидеров и по отношению к Израилю, и уже одно это формировало общность взаимных интересов руководителей Египта и Израиля. Вторым цементирующим их отношения внешним врагом была Исламская Республика Иран, руководители которой видели в «Братьях-мусульманах» своих главных союзников в мире суннитского ислама. Ненависть политического и религиозного руководства Ирана и к Израилю, и к А.Ф. ас-Сиси способствовала их некоторому взаимному сближению перед лицом общей угрозы. Обе страны беспокоило и исламистское подполье на Синае; напомним в этой связи о подорванном террористами 31 октября 2015 года самолете, летевшем из Шарм-аш-Шейха в Санкт-Петербург, на борту которого находились и погибли 224 человека, в числе которых были 219 граждан России. Однако чтобы это сближение стало возможным, Биньямин Нетаньяху фактически без консультаций с правительством и Генеральным штабом армии согласился на беспрецедентные шаги, вызывавшие тем более резкую критику, чем больше они становились достоянием общественности.

II

В 2009 году, то есть еще во времена Хосни Мубарака, Египет обратился к германской компании *ThyssenKrupp AG* с просьбой о приобретении двух подводных лодок. Немецкие руководители, проявив заслуживающую высокой оценки деликатность, обратились к израильским коллегам с вопросом о том, нет ли у них возражений в связи с этим. Протокол заседания правления *ThyssenKrupp AG* от 9 декабря 2009 года свидетельствует, что для подписания контракта с египтянами в компании ждали результатов переговоров руководителей Германии и Израиля, запланированных на 18 января 2010 года, полагая, что израильское согласие будет получено⁵²². Насколько известно (а в истории этой объем информации, остающейся тайной, существенно превышает тот, который был обнародован), глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху и министр обороны Эхуд Барак устно сообщили немецким партнерам, что не возражают против данного контракта. Отвечая на критику, бывший глава Совета национальной безопасности Израиля генерал Яков Амидрор заявил: «Если бы мы не разрешили немцам продавать подводные лодки нашим соседям, египтяне купили бы такие же подводные лодки у Франции, России, Китая, Южной Кореи или какой-то другой страны. Мы не смогли бы помешать египтянам

⁵²² См.: Эйтай Машиах: «Документ свидетельствует: так были утверждены подлодки для Египта» // *Едиот ахронот*, 20 июля 2017 г. [на иврите].

покупать подводные лодки. Мы предпочли, чтобы это была Германия», – заявил он⁵²³.

У Израиля при этом был собственный контракт с той же *ThyssenKrupp AG* на строительство шести (трех – на первом этапе и еще трех – на втором) подводных лодок для нужд израильского военно-морского флота. Бывший представителем компании *ThyssenKrupp AG* в Израиле бизнесмен Микки Ганур утверждал, что Б. Нетаньяху согласился на продажу подводных лодок Египту, ибо это, якобы, позволило Израилю получить существенную скидку на его собственный заказ⁵²⁴.

В ноябре 2016 года в СМИ появилась информация о том, что юридическое сопровождение деятельности компании, стоящей за сделкой по покупке Израилем подводных лодок у Германии, осуществлял двоюродный брат и многолетний личный адвокат Б. Нетаньяху Давид Шимрон, получивший за это миллионные комиссионные⁵²⁵. Точные суммы, выплаченные Израилем и Египтом компании *ThyssenKrupp AG*, были объявлены коммерческой тайной и не публиковались, но, насколько известно, стоимость каждой подлодки составляла от 400

⁵²³ Беседа с Яковом Амидроном: «Это я подталкивал Нетаньяху согласовать у канцлера [Ангелы Меркель] покупку 9 подводных лодок» // *Маарив*, 29 июня 2020 г. [на иврите].

⁵²⁴ «Обнародовано свидетельство Ганура: Нетаньяху разрешил продажу подлодок Египту, чтобы получить скидку» // *Маарив*, 27 августа 2019 г. [на иврите].

⁵²⁵ Впервые об этом сообщил Равив Друкер в вечернем выпуске новостей телекомпании «Решет» 15 ноября 2016 г. [на иврите].

до 500 миллионов евро; в связи с тем, что средств, заложенных в госбюджете, не хватало, Министерство обороны Израиля даже взяло на эти цели кредит в банке «Дисконт» в размере 248 миллионов евро⁵²⁶.

Строительство каждой такой лодки типа U-209, способной погружаться на глубину 250 метров и находиться под водой без всплытия, покрывая расстояние в двадцать тысяч километров, продолжается около четырех лет. Запас хода такой лодки – 11.000 морских миль, в подводном состоянии она способна развивать скорость до 21 узла. Водоизмещение составляет 1.400 тонн, а длина корпуса – 63 метра. Она способна нести торпеды и ракеты. На подлодке размещено оборудование для радиоэлектронной борьбы и сбора разведывательной информации.

Однако спустя всего год после подписания контракта режим Хосни Мубарака пал, а затем, как об этом достаточно подробно рассказывалось в прошлой главе, власть захватили исламисты, свергнутые А.Ф. ас-Сиси в июле 2013 года. Насколько известно, всё это время строительство подлодок по египетскому заказу продолжалось безостановочно. Причины такого положения дел до сих пор остаются неизвестными. С одной стороны, в многочисленных публикациях эта история приводится как пример вопиющей безответственности и недальновидности западного мира,

⁵²⁶ См.: Омер Шарвит, «Ссуда банка “Дисконт” на финансирование подлодок должна быть проверена повторно» // *zman.co.il*, 16 декабря 2019 г. [на иврите].

для которого «деньги не пахнут» и который был готов поставить смертоносное современное оружие стране, управляемой радикальными исламистами. С другой стороны, в отдельных статьях излагалась прямо противоположная точка зрения, согласно которой обсуждаемый контракт реализовывался в партнерстве с Министерством обороны и военной промышленности Египта «через голову» политического руководства страны и был призван, наоборот, усилить армейское командование в его противостоянии исламистам⁵²⁷.

Немаловажен и тот факт, что интересы национальной обороны, с одной стороны, и принципы соблюдения коммерческой тайны, с другой, дают богатый простор для коррупции и незаконного обогащения, в том числе и в странах с куда более высокими стандартами прозрачности закупок, чем Египет. Достаточно сказать, что результаты расследования, касавшегося махинаций при приобретении подводных лодок для нужд военно-морского флота Греции, привели к аресту министра обороны этой страны, а в Израиле в аналогичной ситуации в мае 2021 года были поданы обвинительные заключения против ряда должностных лиц, включая бывшего заместителя председателя Совета по национальной безопасности бригадного генерала запаса Авриэля Бар-Йосефа. В Германии была опубликована книга, полностью

⁵²⁷ Это утверждается, в частности, в статье: Асаф Уни, «Треугольник отношений Германия–Израиль–Египет: что можно сказать о “военной тайне”, которую не раскрыл Нетаньяху» // *Глобс*, 24 марта 2019 г. [на иврите].

посвященная коррупции в сфере продажи немецкого оружия зарубежным странам; к сожалению, среди пяти государственных деятелей, чьи портреты «украшает» ее обложку, – и бывший глава правительства Израиля Б. Нетаньяху⁵²⁸. Ясно, что и в Египте были те, кто хорошо заработал на подписании и реализации контрактов, касавшихся поставок подводных лодок, – и это очевидно были люди из армии и оборонной промышленности, а не из движения «Братьев-мусульман». Высказывались даже кажущиеся очевидно преувеличенными предположения о взаимосвязи между контрактом на поставки подлодок египетской армии, с одной стороны, и государственным переворотом, совершенным командованием этой армии, с другой; в нашем распоряжении нет никаких сведений об этом. Очевидно, что до свержения Мухаммеда Мурси ни одна подводная лодка для Египта достроена не была, но, насколько можно судить, и в то время, когда у власти в стране были «Братья-мусульмане», их строительство остановлено не было, а продолжалось в рабочем порядке.

Подписанный Египтом с *ThyssenKrupp AG* контракт предусматривал возможность заказать еще две подлодки, в дополнение к двум уже заказанным, и в 2015 году египтяне объявили, что заинтересованы удвоить первоначальный заказ. К этому моменту они не получили еще ни одной подводной лодки: первая из них, имеющая кодовое обозначение S-41, была передана им в Киле в 2016

⁵²⁸ См.: Frederik Richter, *Geheimsache Korruption: Wie die deutsche Schmiergeldindustrie weltweit die Demokratie verrät* (Essen: Correctiv-Buch zeigt, 2020).

году, а вторая, S-42, в 2017 году. «Это новый этап в истории нашего военно-морского флота, качественно новый уровень возможностей. Мы становимся в один ряд с флотами морских держав», – заявил на церемонии подъема государственного флага на второй подводной лодке командующий военно-морским флотом Египта адмирал Ахмад Халид Саид⁵²⁹.

В 2015 году египтяне заказали подлодки более высокого качества, оснащенные системой АР, позволяющей им оставаться незамеченными для радаров потенциального противника. Первую из этих подлодок, имевшую код S-43, египтяне получили в 2020 году, а вторая, S-44, должна быть поставлена, согласно контракту, не позднее конца 2021 года⁵³⁰. Отметим, что это будет уже восьмая подводная лодка на вооружении военно-морского флота Египта. Напомним, что Египет, как и Израиль, входит в весьма эксклюзивный клуб из всего тринадцати государств, на вооружении которых стоят дизель-электрические подводные лодки такого класса.

Следует указать, что министр обороны Израиля в 2013–2016 годах генерал армии Моше (Буги) Яалон был против закупок дорогостоящих подлодок, утверждая, что в них нет необходимости. Хуже того: руководители

⁵²⁹ Цит. по: «Египет получает вторую построенную в Германии подлодку, сестру израильского “Дельфина”» // *newsru.co.il*, 8 августа 2017 г.

⁵³⁰ См.: Шай Леви, «Глубокое погружение: пять фактов о современных подводных лодках, приобретенных Египтом» // *tako.co.il*, 15 мая 2020 г. [на иврите].

Генерального штаба армии и военно-морского флота утверждали, что Б. Нетаньяху не проинформировал их о том, что на тех же конвейерах и верфях, где изготавливались подводные лодки для нужд израильской армии, строились и подлодки для армии египетской. «Решение о согласии на продажу германских подлодок Египту я принял самостоятельно», – признал Биньямин Нетаньяху в телевизионном интервью в марте 2019 года, сообщив, что не поставил в известность ни министра обороны Моше Яалона, ни начальника Генерального штаба (тогда этот пост занимал Бени Ганц, ставший 17 мая 2020 года министром обороны Израиля). «Есть вещи и подробности, которые знает только глава правительства», – отметил тогдашний премьер-министр. Эти слова шокировали обоих генералов армии. «Что именно он пытался скрыть от меня?» – недоумевал М. Яалон. Б. Ганц, со своей стороны, подчеркнул, что речь идет о долгосрочном стратегическом и политическом решении, о котором в обязательном порядке необходимо было проинформировать руководителей Министерства обороны и Генерального штаба⁵³¹. Сложилась абсурдная ситуация: канцлер Германии, президент Египта и их советники знали информацию, касающуюся характеристик вооружения, приобретавшегося непосредственно граничащей с Израилем страной, но глава правительства еврейского государства почему-то не считал необходимым донести эту информацию до сведения тех, кто напрямую

⁵³¹ Цит. по: «Нетаньяху: решение о продаже подлодок Египту я принимал самостоятельно» // *Вести* (Израиль), 24 марта 2019 г.

отвечает за обеспечение безопасности этого государства. С Ангелой Меркель Биньямин Нетаньяху обсуждал эту тему и лично, и по телефону; со «своими» же министром обороны и начальником Генерального штаба – нет.

Б. Нетаньяху повторил тот же цитировавшийся выше аргумент, который озвучил Я. Амидроп: «Египет приобрел бы подводные лодки в любом случае, с помощью Израиля или без»⁵³², не приведя, впрочем, ни одного конкретного доказательства в пользу этого тезиса.

Поскольку израильская полиция, после проведенного ею расследования, не выдвинула каких-либо обвинений в финансовой нечистоплотности в отношении Биньямина Нетаньяху⁵³³, особенно важно постараться понять, какими именно мотивами он руководствовался. Достоверный ответ на этот вопрос может дать только сам Б. Нетаньяху, который, однако, молчит. Я. Амидроп утверждал, что согласие на продажу современных подводных лодок Египту было дано в 2015 году Б. Нетаньяху с целью выстраивания отношений стратегического партнерства с новым президентом Египта А.Ф. ас-Сиси; якобы это было частью «пакетной сделки», касавшейся, главным образом, сотрудничества между двумя странами в противодействии боевым исламистским группировкам на Синайском полуострове и в секторе

⁵³² Там же.

⁵³³ Впрочем, тема эта еще не закрыта: министр обороны Израиля Бени Ганц и министр юстиции Гидеон Саар выступают за создание Государственной следственной комиссии по изучению контрактов на покупку подводных лодок в Германии.

Газа⁵³⁴. Согласно официальной информации, первая встреча Б. Нетаньяху и А.Ф. ас-Сиси состоялась «на полях» заседания Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, в резиденции египетской делегации, 19 сентября 2017 года; сообщалось также об их второй встрече там же 26 сентября 2018 года. В израильской прессе сообщалось и о тайной встрече в Акабе (Иордания) в феврале 2016 года, в которой приняли участие Биньямин Нетаньяху, государственный секретарь США Джон Керри, король Иордании Абдалла II и президент Египта Абд эль-Фаттах ас-Сиси⁵³⁵. Затем прошла информация о тайной встрече Б. Нетаньяху и А.Ф. ас-Сиси, состоявшейся в Каире в апреле 2016 года⁵³⁶. Однако генерал Амос Гилад свидетельствовал, что главы двух стран «встречались большее число раз. Это заняло время, но в конечном итоге контакт был налажен, в том числе и в связи с вопросами военного сотрудничества. Для Израиля здесь существуют исключительные возможности»⁵³⁷.

⁵³⁴ «Высокопоставленный представитель органов безопасности: “Подлодки Египту – стремление Нетаньяху к стратегическому союзу с ас-Сиси”» // *Глобс*, 24 марта 2019 г. [на иврите].

⁵³⁵ См.: Барак Равид, «Керри представил Нетаньяху региональную мирную инициативу на тайной встрече с ас-Сиси и Абдаллой примерно год назад; глава правительства высказал свои возражения» // *Глобс*, 19 апреля 2017 г. [на иврите].

⁵³⁶ См.: Йоси Вертер, «Нетаньяху и Герцог тайно встречались с ас-Сиси в Каире» // *Ха'арец*, 12 июня 2017 г. [на иврите].

⁵³⁷ См.: Шимон Шифер, *Предупреждающий. Беседы с генералом запаса Амосом Гиладом*, стр. 129.

III

КПП «Рафиях» – единственный на границе между сектором Газа и Египтом, и то, как он функционирует, кто через него проходит, и что через него провозят, имеет огромное влияние не только на динамику палестино-израильского конфликта, но и на повседневную жизнь в Сдероте и Ашкелоне, в Ашдоде и Беэр-Шеве, а в худшие времена – и Тель-Авива и его окрестностей. Израиль очень заинтересован в том, чтобы в сектор Газа попадало как можно меньше боевиков и оружия извне, ибо инфраструктура исламистского террора там является основным фактором, подрывающим спокойную и безопасную жизнь сотен тысяч жителей еврейского государства, которые периодически оказываются жертвами то минометных атак, то ракетных обстрелов. *КПП «Рафиях» – единственный официальный пункт въезда в Газу и выезда из нее, не контролируемый Израилем; то, в какой мере он при этом будет «головной болью» Израиля, полностью зависит от египетской стороны.*

В девятой главе книги уже рассказывалось о погромах, учиненных по инициативе ХАМАСа на КПП «Рафиях» 4 января 2006 года и 23 января 2008 года. Падение режима Хосни Мубарака стало катализатором интенсификации посреднических усилий новых египетских властей, видевших в «Братьях-мусульманах» и их палестинском «ответвлении» – движении ХАМАС – легитимного участника политических процессов и стремившихся добиться прекращения взаимной вражды

между ХАМАСом и ФАТХом. 4 мая 2011 года глава ПНА Махмуд Аббас и председатель Политбюро ХАМАСа Халед Машаль подписали в Каире согласованный накануне договор⁵³⁸; обязательство египтян открыть КПП «Рафиях» было их важнейшим вкладом во внутripалестинский переговорный процесс. Спустя менее месяца, 28 мая 2011 года, египтяне в самом деле открыли КПП «Рафиях», хотя мужчины – жители Газы в возрасте от восемнадцати до сорока лет могли перейти на территорию Египта исключительно после получения специального разрешения, которое другим категориям населения не требовалось⁵³⁹.

Вопреки подписанному соглашению, ХАМАС, захвативший власть в Газе в июне 2007 года, этой властью ни с кем не собирался делиться; все пограничники с палестинской стороны, направленные обслуживать КПП, были отобраны Исламским движением сопротивления (именно так расшифровывается акроним ХАМАС). Это положение дел не удовлетворяло египтян, которые справедливо сочли себя обманутыми. В июне 2011 года после новых беспорядков, организованных ХАМАСом⁵⁴⁰, они на четыре дня опять закрыли КПП «Рафиях», а затем

⁵³⁸ См.: «Всеобщее соглашение о межпалестинском примирении заключено в Каире» // *РИА «Новости»*, 3 мая 2011 г.

⁵³⁹ См.: “Egypt eases blockade at Gaza’s Rafah border” // *BBC*, 28 May 2011.

⁵⁴⁰ «Беспорядки на КПП Рафиях: десятки палестинцев прорвались через переход» // *tako.co.il*, 4 июня 2011 г. [на иврите].

ограничили численность тех, кто мог пересечь его, до пятисот человек в сутки⁵⁴¹. Эта ситуация, в целом, оставалась неизменной до июля 2013 года. В 2012–2013 годах египетские власти поддерживали ХАМАС, закрывая глаза на происходившее на севере Синайского полуострова, где при поддержке ХАМАСа усиливались позиции ультрарадикальных исламистских группировок, в т.ч. «аль-Джихад»⁵⁴².

В глазах военных, свергнувших Мухаммеда Мурси, ХАМАС был ближайшим соратником тех, против кого они выступали, а потому, при всей декларируемой симпатии к «палестинскому делу», они отнюдь не были настроены идти на уступки исламистам. КПП «Рафиах» на несколько дней был полностью закрыт египетской армией; в дальнейшем его открывали лишь на четыре часа в сутки. После того, как 14 августа 2013 года армия разогнала и жестоко расправилась с лагерями протеста, созданными сторонниками свергнутого президента Мухаммеда Мурси на площади Нахда у Каирского университета и возле мечети Рабаа аль-Адавия на востоке города (по данным министерства здравоохранения Египта, число погибших в тот день достигло 525 человек, из которых 482 —

⁵⁴¹ Об этом было сообщено в выпуске новостей Второго канала израильского ТВ 8 июня 2011 г. [на иврите].

⁵⁴² Решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. включено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

гражданские лица, а 43 — полицейские), КПП «Рафиях» был закрыт «на неопределенный срок». Позднее египтяне открывали его на несколько дней лишь раз в несколько месяцев. Сильнейшим ударом по движению ХАМАС стало принятое каирским судом в марте 2014 года решение, запрещающее деятельность организации и постановившее закрыть все его отделения в Египте, включая штаб-квартиру в столице страны.

После проведенной Израилем в секторе Газа в июле-августе 2014 года операции «Нерушимая скала», А.Ф. ас-Сиси пришел к выводу, что все же не может позволить себе хотя бы символически не «протянуть руку помощи» «палестинским братьям» в секторе Газа. 12 октября 2014 года в Каире даже открылась конференция по восстановлению сектора Газа, на которой присутствовали генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, госсекретарь США Джон Керри, министры иностранных дел ряда европейских и арабских государств⁵⁴³. Однако эта игра в солидарность продлилась недолго, и уже 22 января 2015 года единственный КПП между Газой и Египтом был вновь закрыт. Условиями возобновления его работы египетские власти назвали передачу контроля над ним Палестинской национальной администрации и отсутствие представителей ХАМАСа среди пограничников и обслуживающего персонала терминала. Спустя несколько дней каирский суд внес боевое крыло ХАМАСа «Бригады Изз-ад-Дина аль-Кассама» в список террористических

⁵⁴³ «Конференция в Каире: ас-Сиси обращается к Израилю» // *NEWSru.co.il*, 12 октября 2014 г.

организаций⁵⁴⁴. 28 февраля подобная участь постигла и само Исламское движение сопротивления, чьи лидеры выступили с резкой критикой в адрес властей Египта⁵⁴⁵, которая, понятно, лишь ухудшила отношение к ним со стороны режима, укрепившегося к тому времени в Каире.

За редкими исключениями, КПП «Рафиях» оставался закрыт до 18 ноября 2017 года; впрочем, и до этого Египет периодически разрешал поставки в Газу через этот КПП дизельного топлива и некоторых других товаров. В 2018–2019 годах из Газы в Египет ежедневно переходили около двухсот человек, многие из которых обратно в Газу не возвращались, направляясь в другие страны арабского мира, Турцию, а также страны Западной Европы⁵⁴⁶. С марта 2020 года через КПП была разрешена исключительно доставка товаров; возможность его пересечения жителями Газы была фактически запрещена, официально – с целью ограничить распространение коронавируса. В начале ноября 2020 года, обвинив ХАМАС в нарушении достигнутых ранее договоренностей, египетские власти закрыли КПП и для движения товаров. Он был снова открыт в феврале 2021 года, когда в Каире вновь, как и за десять лет до этого, шли переговоры между

⁵⁴⁴ Суд Египта признал боевое крыло ХАМАС террористической организацией // *Interfax*, 31 января 2015 г.

⁵⁴⁵ Египет признал ХАМАС террористической организацией // *Лента.ру*, 28 февраля 2015 г.

⁵⁴⁶ См., например: Daniel Estrin and Bashir Abu Bakr, “‘I Want To Get The Hell Out Of Here’: Thousands Of Palestinians Are Leaving Gaza” // *NPR.org*, July 4, 2019.

ХАМАСом и ФАТХом, которые, впрочем, опять ни к чему не привели. Египтянам это надоело, и 23 августа 2021 года они закрыли КПП в очередной раз.

До августа 2005 года КПП «Рафиях» находился, как известно, под контролем израильских сил безопасности, действия которых рассматривались под увеличительным стеклом всеми, кем только можно; Израиль по поводу и без повода слышал, что виновен в охватившей Газу «гуманитарной катастрофе». Египтянам такие претензии никто не предъявлял, и то, что они делали на единственном КПП на их границе с сектором Газа все эти шестнадцать лет, оставалось их сугубо «внутренним делом». С момента прихода к власти А.Ф. ас-Сиси возможности ХАМАСа использовать КПП «Рафиях» для ввоза оружия и боеприпасов значительно сократились. Когда Кнессет утверждал решение правительства о выводе израильских войск из «Филадельфийского коридора», депутатами высказывались весьма апокалиптические пророчества. Если бы «Братья-мусульмане» задержались у власти в Египте подольше, то пророчества эти вполне могли сбыться, но *после июля 2013 года ситуация существенно изменилась; Израиль в значительной мере добился нужных ему результатов* (не худших, в сравнении с теми, которые он достигал в начале 2000-х, когда еще контролировал «Филадельфийский коридор» и КПП «Рафиях») – *египетскими руками.*

Показательно при этом, что ХАМАС объявлен террористической организацией и запрещен на территории Египта, но Израилю А.Ф. ас-Сиси советует

этой организации идти на уступки в ходе переговоров⁵⁴⁷, которые ведутся, как ни странно, под его же патронажем. Запрещенной в их стране террористической организации египетские руководители дают покровительственные наставления⁵⁴⁸. Несколько удивительным образом, на такой в значительной мере противоестественный формат согласились и ХАМАС, и Израиль – просто потому, что *никакого другого приемлемого для них обоих посредника, кроме Египта, нет*, а сектор Газа вот уже почти пятнадцать лет остается квазигосударством, вся власть в котором принадлежит именно ХАМАСу. Президент Египта, как и руководители Израиля, однозначно хотели бы, чтобы Газой правили другие силы, но ни та, ни другая сторона не готова вводить в сектор свои сухопутные войска и пытаться силой отстранить ХАМАС от власти. Исламисты понимают это – и ведут себя соответственно. Времена, когда Израиль и Египет спорили о том, кто из них будет контролировать Газу, давно канули в лету. Им на смену пришли другие времена, когда каждая из сторон стремится завершить свое с сектором Газа «одностороннее размежевание» (именно таким был лозунг Ариэля Шарона в августе 2005 года), но ни одна из них не в силах этого сделать.

⁵⁴⁷ См., например: «Египет Израилю: “Пойдите на уступки ради сделки об обмене пленными с ХАМАСом”» // *Израэль хайом*, 20 февраля 2021 г. [на иврите].

⁵⁴⁸ См., например: «Египет ХАМАСу: “Переговоры об успокоении ситуации с Израилем должны включать и тему пленнх”» // *Едиот ахронот*, 29 мая 2021 г. [на иврите].

IV

Район Шарм-аш-Шейха стратегически важен для судоходства между Эйлатским заливом и основной акваторией Красного моря. В нем расположены два незаселенных острова, контроль над которыми Израиль вернул Египту после подписания мирного договора между двумя странами: Тиран (площадь – 59 кв. км), расположенный в семи километрах от мыса Рас-Нусрани на побережье Синая при входе в Эйлатский залив, и Санафир (площадь – 24 кв. км). Берега островов и бухт окаймлены коралловыми рифами, в связи с чем реальная ширина Тиранского пролива, соединяющего Эйлатский залив с Красным морем (формально – четыре километра), резко сужается, оставляя не более трехсот метров для прохода судов⁵⁴⁹. Пролив этот – единственный выход из Эйлатского залива в Красное море. Закрытие президентом Египта Г.А. Насером Тиранского пролива для израильского судоходства стало одной из основных причин войн между двумя странами в 1956 и 1967 годах⁵⁵⁰.

Суверенитет Египта над островами был впервые закреплен в Лондонской конвенции 1840 года, подписанной после того, как египетский правитель Мухаммед Али поднял восстание против Османской

⁵⁴⁹ См.: «Шарм-аш-Шейх» // *Краткая еврейская энциклопедия*, том 10 (Иерусалим, 2001), кол. 72–74.

⁵⁵⁰ См.: Арик Бендер, Ясир Окаби, «Причина споров: острова Тиран и Санафир вызвали войны между Израилем и Египтом» // *Едиот ахронот*, 12 апреля 2016 г. [на иврите].

империи. В 1906 году острова были признаны территорией Египта по британо-турецкому соглашению, урегулировавшему вопрос, связанный с переходом Египта под протекторат Великобритании. Однако в 1930-е годы возникшее в качестве единого государства Королевство Саудовская Аравия выдвинуло претензии на острова, заявив, что они являются частью Хиджаза – территории на западе Аравийского полуострова, которая вошла в состав королевства⁵⁵¹. Впрочем, эти претензии оставались без ответа. Израильская армия занимала эти острова в 1956 (на пять месяцев) и в 1967 (на пятнадцать последующих лет) годах, затем возвращала их Египту, чье право на контроль над ними безусловно признавалось международным сообществом.

Нуждавшийся в деньгах новый египетский режим подошел к вопросу с несколько неожиданной стороны, предложив богатому королевству эти острова выкупить. В процессе обсуждения совместных инвестиционных проектов две страны начали и переговоры об уточнении делимитации территориальных вод и статусе островов. 8 апреля 2016 года в Каире король Саудовской Аравии Салман ибн Абд эль-Азиз аль-Сауд и президент Египта Абд эль-Фаттах ас-Сиси подписали соглашение о делимитации морской границы между государствами, в соответствии с которым Египет признал суверенитет Саудовской Аравии над островами Тиран и Санафир.

Решение отказаться от островов в пользу Саудовской Аравии вызвало волну возмущения в Египте – многие

⁵⁵¹ «Острова Тиран и Санафир. Досье» // ТАСС, 26 июня 2017 г.

расценили действия властей как недопустимый акт продажи национальной территории. 15 и 25 апреля 2016 года в Каире прошли массовые акции протеста против передачи островов. А.Ф. ас-Сиси подошел к решению проблемы привычным для него путем: полиция применила против демонстрантов слезоточивый газ и водометы, а более чем 150 участникам этих акций были вынесены обвинительные приговоры (от двух до пяти лет тюрьмы и выплата штрафов). Попытки противников соглашения дезавуировать его в правовом поле тоже успеха не имели. После того, как в июне 2017 года соглашение с Саудовской Аравией было утверждено пропрезидентским большинством в Народном собрании⁵⁵², его подписал президент А.Ф. ас-Сиси.

Как справедливо отмечал египетский политолог Мухаммед Мусса, согласно мирному договору с Израилем, Тиран и Санафир являются частью демилитаризованной «зоны С», и в отношении этих островов Египет брал на себя определенные обязательства⁵⁵³. Понимая это, египтяне запросили у саудовской стороны соответствующие гарантии, чтобы они могли предоставить их Израилю. 8 апреля 2016 года, в день подписания соглашения, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман направил письмо премьер-

⁵⁵² Руслан Сулейманов, «Египет передает Саудовской Аравии два острова в Красном море» // *КоммерсантЪ*, 14 июня 2017 г.

⁵⁵³ Мухаммед Муса, «Важность островов Тиран и Санафир для трех государств» // *Мобтада*, 6 июня 2017 г., цит. по пер. с араб. на рус. яз.: <https://inosmi.ru/politic/20170619/239614165.html>

министру Египта, в котором от имени своей страны взял обязательства: (а) обеспечивать свободу судоходства в Тиранском проливе для кораблей всех стран; (б) не вести никаких военных действий на этих двух островах; (в) не размещать на них никакие воинские контингенты.

16 мая 2016 года министр иностранных дел Египта Самех Шукри переправил это письмо Биньямину Нетаньяху (занимавшему в то время по совместительству и пост министра иностранных дел Израиля), сопроводив его собственным, в котором, ссылаясь на мирное соглашение между двумя странами и договоренности о размещении миротворческого контингента, попросил подтвердить, что Израиль принимает саудовские гарантии и не возражает против изменения суверенитета над островами⁵⁵⁴.

В этих условиях Израиль мог довольно многое; в его силах было торпедировать столь важное для А.Ф. ас-Сиси соглашение, мотивировав это, например, тем, что, в отличие от Египта, Саудовская Аравия до сих пор мирный договор с Израилем не подписала. Однако после дополнительных переговоров 19 декабря 2016 года Б. Нетаньяху сделал египетской стороне царский подарок, письменно известив, что у него нет возражений против передачи двух островов под саудовский суверенитет⁵⁵⁵.

⁵⁵⁴ См.: Цви Мазель, «Передача островов Тиран и Санафир под саудовский суверенитет» // портал Иерусалимского центра по общественным и государственным вопросам, 24 августа 2017 г. [на иврите].

⁵⁵⁵ «С согласия Израиля: Тиран и Санафир переданы Саудовской Аравии» // *Израэль хайом*, 5 марта 2018 г. [на иврите].

V

В целом, в период правления А.Ф. ас-Сиси израильско-египетские отношения развивались принципиально иначе, чем когда бы то ни было прежде. С одной стороны, Абд эль-Фаттах ас-Сиси не был и не собирался бывать в еврейском государстве, но, в отличие от Хосни Мубарака, никто в Израиле не предъявлял ему претензий в связи с этим. В Израиле были счастливы, когда в конце 2015 года в страну был назначен новый египетский посол; им стал Хазем Хайрат. В ходе заседания кабинета министров Израиля 3 января 2016 года Биньямин Нетаньяху сказал: «Я приветствую возвращение египетского посла в Израиль, оно позволит нам продолжить укрепление отношений с этим ключевым арабским государством»⁵⁵⁶. Когда 10 июля 2016 года в Израиль прибыл министр иностранных дел Египта Самех Шукри, согласившийся к тому же встретиться с Б. Нетаньяху не в Тель-Авиве, а в Иерусалиме⁵⁵⁷, радость была такой, будто ни А. Садат, ни Х. Мубарак, ни кто бы то ни было из глав внешнеполитического ведомства Египта Иерусалим не посещали и переговоров с израильскими руководителями там не вели. «Этот визит крайне важен, и он свидетельствует об изменениях, наступивших в отношениях между нашими странами», – сказал

⁵⁵⁶ Цит. по: «Египетский посол прибыл в Израиль после трехлетнего перерыва»// *РИА «Новости»*, 3 января 2016 г.

⁵⁵⁷ См.: «В Иерусалиме состоялась встреча Нетаньяху и главы МИД Египта»// *Newsru.co.il*, 10 июля 2016 г.

Б. Нетаньяху⁵⁵⁸. «Старое» было не таким и старым, но столь «хорошо забытым», что прямо-таки сияло новизной.

Подобно тому, как Барак Обама, спустя менее года после прихода к власти, получил Нобелевскую премию мира только за то, что он не был ни Джорджем Бушем-мл., которому он пришел на смену, ни Джоном Маккейном, которого он победил на выборах, так и А.Ф. ас-Сиси в Израиле были готовы носить на руках только за то, что он отстранил от власти «Братьев-мусульман». Шок в военно-политическом руководстве Израиля от событий, произошедших в Египте в 2011–2012 годах, был настолько сильным, что отношение к тому, кто, в целом, вернул ситуацию к эпохе Х. Мубарака, было как к Георгию Победоносцу. При этом А.Ф. ас-Сиси соглашался встречаться с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху на египетской земле исключительно втайне; две их единственные встречи, информация о которых была обнародована сразу же, прошли в США, причем обращал на себя внимание тот довольно-таки вопиющий факт, что в зале, где встречались лидеры двух стран, стоял флаг лишь одной из них – Египта⁵⁵⁹. Столкнись Израиль с подобным во времена А. Садата или Х. Мубарака, хор возмущенных голосов гремел бы на весь мир, но в адрес А.Ф. ас-Сиси в публичном пространстве не прозвучало ни

⁵⁵⁸ См.: «Нетаньяху: “Визит египетского министра важен для происходящего в регионе”» // *newsru.co.il*, 10 июля 2016 г.

⁵⁵⁹ См.: «Впервые перед камерами: Нетаньяху и президент Египта встретились в Нью-Йорке» // *Едиот ахронот*, 19 сентября 2017 г. [на иврите].

одного замечания. Хосни Мубарака израильтяне всё время сравнивали с Ануаром Садатом последних четырех лет его жизни, когда он трижды прилетал в Израиль ради ведения переговоров о мире, и это сравнение было явно не в пользу преемника убитого президента. В свою очередь, Абд эль-Фаттаха ас-Сиси израильтяне сравнивали не с Ануаром Садатом и даже не с Хосни Мубараком, а с Мухаммедом Мурси, и это сравнение было и остается для совершившего государственный переворот маршала крайне выгодным.

У А.Ф. ас-Сиси, как и у Х. Мубарака, – общие с Израилем враги, главным из которых остается движение «Братьев-мусульман», на короткий срок пришедшее в Египте к власти, а затем вновь запрещенное. Жестокость, с которой новый египетский режим борется с исламистами, не только вызывает в Израиле определенное изумление, но и заставляет неустанно задаваться вопросом: почему мировое сообщество сквозь пальцы смотрит на устроенную по прямому приказу А.Ф. ас-Сиси 14 августа 2013 года резню в Каире, но при этом уже тридцать лет попрекает Израиль резней в Сабре и Шатиле, где ни один человек не был убит кем-либо из солдат и офицеров израильской армии. Израилю очень удобно, когда ХАМАС объявляет террористической организацией и запрещает страна, в которой находится штаб-квартира Лиги арабских государств. При этом не нужно тешить себя иллюзиями: А.Ф. ас-Сиси пошел на эти шаги не ради Израиля и не в связи с (откровенно говоря, несуществующей) дружбой с этой страной, а руководствуясь исключительно собственными интересами: хорошо помня, кем был убит Ануар Садат и чьи демонстрации привели к досрочному

уходу с поста и преданию суду Хосни Мубарака, А.Ф. ас-Сиси, ощущая несомненную близость с ними, принимает меры к тому, чтобы его собственное правление не закончилось подобным образом. У Иерусалима и официального Каира, несомненно, общие враги – радикальные исламисты, однако важно понимать, что сама по себе общность врагов не превращает А.Ф. ас-Сиси в друга еврейского государства.

А.Ф. ас-Сиси, не пойдя, фактически, ни на какие уступки Израилю и никак не продвинув процесс нормализации отношений между двумя странами в сферах экономики, науки и культуры, удалось добиться от Израиля крайне значимых шагов, на которые еврейское государство не соглашалось пойти при ком-либо из его предшественников. Во-первых, Израиль согласился изменить приложение по военным вопросам к мирному договору между двумя странами, что позволило египетской армии значительно увеличить своё присутствие на Синайском полуострове. Официальным обоснованием этого присутствия является необходимость борьбы с «аль-Джихадом» и другими исламистскими группировками на Синайском полуострове. Ни в коей мере не отрицая важности борьбы с ними, уместно напомнить, что эти группировки действовали на Синае и как минимум в последние годы правления Хосни Мубарака, а то и раньше, но согласия на превышение квоты египетских военных на почти полностью демилитаризованном Синайском полуострове Израиль не давал.

Во-вторых, Израиль согласился на то, что два острова в Красном море, которыми он владел в 1967–1982

годах и которые вернул Египту в соответствии с мирным договором, были переданы Саудовской Аравии, фактически просто их выкупившей, выделив Египту существенную финансовую помощь. Учитывая, что Саудовская Аравия до сих пор формально Израиль не признала и мирный договор с ним не заключила, оказалось, что на выходе из Эйлатского залива израильские корабли вынужденно проходят острова Тиран и Санафир, находящиеся теперь под юрисдикцией недружественного государства. Несмотря на это, Израиль выполнил просьбу Египта не препятствовать передаче этих островов под саудовский контроль.

В-третьих, с согласия Биньямина Нетаньяху, количество подводных лодок, находящихся на вооружении египетской армии, за последние пять лет удвоилось, причем самые новые, поставленные Египту в 2020–2021 годах, практически не уступают тем, которыми располагает ВМФ Израиля, и построены на тех же верфях. Учитывая крайне низкий уровень жизни десятков миллионов египтян, не представляется естественным тот факт, что эта страна потратила почти два миллиарда евро на покупку одних только подводных лодок, а также купила у Франции два универсальных десантных корабля-вертолетоносца «Мистраль» (контракт об их покупке был заключен 13 октября 2015 года). В процессе наращивания военной мощи А.Ф. ас-Сиси рассчитывает не только на страны Запада, но и на Россию, контакты с руководством которой на самом высшем уровне он начал сразу же после прихода к власти. И на этом направлении Египет не столкнулся с какими бы то ни было попытками

противодействия со стороны Израиля. Очевидно, что в прежние времена Израиль выступал бы категорически против подобной гонки вооружений, обращаясь к американцам, немцам и французам с просьбой обуздать аппетиты египетских военных, однако Абд эль-Фаттаху ас-Сиси удалось полностью нейтрализовать израильский фактор на пути превращения возглавляемой им страны в региональную военную державу.

В 2011–2013 годах большинство израильтян, в том числе голосовавших за «левые партии» и считавших себя частью «лагеря мира», ожидали в краткосрочной перспективе разрыва Египтом мирного договора, а в перспективе среднесрочной – новой войны. *Избежав войны и вернувшись к «холодному миру», за который им пришлось – и они были готовы – заплатить гораздо дороже, чем прежде, израильтяне были счастливы.*

Спустя две недели после формирования нового правительства Израиля, 28 июня 2021 года, было объявлено о том, что А.Ф. ас-Сиси готов встретиться со ставшим премьер-министром Нафтали Беннетом; встреча эта действительно состоялась в Шарм-аш-Шейхе два с половиной месяца спустя, 13 сентября. Ни о каких конкретных достигнутых договоренностях после нее объявлено не было, но сам факт ее проведения вселил в израильтян редкостный оптимизм. Что ж, учитывая, что предыдущая публично объявленная встреча лидеров двух стран на египетской земле состоялась более десяти лет назад, в январе 2011 года, когда с визитом к Хосни Мубараку приезжал Биньямин Нетаньяху, то поводы для радости, и вправду, были – но их не стоит переоценивать.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА*

На русском языке

Сборник исторических документов

СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы (Москва: Издательство политической литературы, 1989).

Научная и мемуарная литература

Р.С. Абдулмаджидов, «О египетско-израильских отношениях в 1981–2002 гг.» // *Ближний Восток и современность*, №17 (2003), стр. 92–103.

Александр Баршай, *Гибель Ямита* (Иерусалим: «Лира», 2005).

Ронен Бергман, *Восстань и убей первым. Тайная история израильских точечных ликвидаций* / пер. с англ. М.Ю. Попова (Москва: «Колибри», 2020).

Михаил Богданов, «Трансформация отношений между Россией и Египтом (1991–2011 гг.)». Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук (Москва: Институт Африки РАН, 2017).

* В список не включены процитированные в книге статьи, опубликованные в периодической печати и на Интернет-сайтах.

Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим* / пер. с англ. (Москва: Институт Африки РАН, 1999).

Алексей Васильев, *Египет и египтяне* (Москва: «Мысль», 1986).

Владислав Зубок, *Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева* [2007] / пер. с англ. (Москва: РОССПЭН, 2011).

Александр Князев, *Египет после Насера, 1970–1981* (Москва: «Наука», 1986).

Голда Меир, *Моя жизнь* [1976] / пер. с иврита (Чимкент: «Аурика», 1997).

Татьяна Носенко и Нина Семенченко, *Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений, 1948–1991 гг.* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2015).

Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, 2-е издание (Москва: «Российская газета», 2012).

Ден Равив и Йосси Мелман, *История разведывательных служб Израиля* (Москва: «Международные отношения», 2000).

Марат Ражбадинов, *Египетское движение «Братьев-мусульман»* (Москва: Институт востоковедения РАН – Институт Ближнего Востока, 2004).

Марат Ражбадинов, *Анатомия египетской революции 2011 г.* (Москва: Институт востоковедения РАН, 2013).

Говард Сакер, *История Израиля* [2007] / пер. с англ. (Москва: «Книжники», 2011), том II (1952–1978).

Меир Хатина, «Израильско-египетский мирный договор: процесс и результаты». Текст лекции / пер. с иврита (Иерусалим: общество «Тезна», 2002).

Ицхак Шамир, *Подводя итоги* [1994] / пер. с иврита Ю. Шлейфман (Центр изучения наследия Иерусалима, 2000).

Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – Ассоциация «Мосты культуры», 2008).

Алек Д. Эпштейн, *От Владимира Жаботинского до Биньямина Нетаньяху: Национально-либеральное движение Израиля – прошлое и настоящее* (Москва: Институт Ближнего Востока – Центр изучения Израиля и диаспоры, 2019), в 2-х томах.

Алек Д. Эпштейн, *Израиль и Египет: пять войн за четверть века* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2020).

Алек Д. Эпштейн, *Выжить и выстоять: Израиль в Организации Объединенных Наций. Первые четверть века* (Иерусалим – Санкт-Петербург: Центр изучения Израиля и диаспоры – «Деан», 2021).

Алек Д. Эпштейн, *ООН в арафатке: Израиль в тисках «освобождения» Палестины* (Санкт-Петербург: Центр изучения Израиля и диаспоры – издательство «Деан», 2021).

В.П. Юрченко, *Египет: проблемы национальной безопасности, 1952–2002 гг.* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003).

На английском языке

Сборники исторических документов

Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIV. Middle East Region and Arabian Peninsula, 1969–1972 (Washington: Department of State, 2008).

Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume VIII. Arab–Israeli Dispute, 1977–1978 (Washington: U.S. Department of State, 2013).

Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume IX. Arab–Israeli Dispute, 1978–1980, 2nd edition (Washington: U.S. Department of State, 2018).

Egypt–Israel Arbitration Tribunal: Award in Boundary Dispute Concerning the Taba Area // *International Legal Materials*, Volume 27, Issue 6 (1988), pp.1421–1538.

Israel–Egypt Agreements on Taba // *Israel Law Review*, vol. 23 issue 1 (1989), pp. 111–116

Israel's Foreign Relations, Vol. 18 (1999–2001) (Jerusalem: Ministry of Foreign Affairs, 2001).

Peace in the Making. The Menachem Begin – Anwar el-Sadat Personal Correspondence, ed. by Harry Hurwitz & Yisrael Medad (Jerusalem: Gefen Publishing House, 2011).

Public Papers of the Presidents of the United States: James E. Carter, Jr. 1977, book I. January 20 to June 24, 1977 (Washington, 1977).

Public Papers of the Presidents of the United States: James E. Carter, Jr. 1979, book I. January 1 to June 22, 1979 (Washington, 1979).

Научная и мемуарная литература

Jimmy Carter, *Keeping Faith* (New York: Bantam Books, 1982).

Jimmy Carter, *White House Diary* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010).

Hillary Rodham Clinton, *Hard Choices: A Memoir* (New York: Simon & Schuster, 2014).

Moshe Gat, “Kissinger, the Architect of Sinai-2 Agreement between Israel and Egypt, September 1975” // *Athens Journal of History*, volume 2, issue 4 (2016), pp. 239–248.

Matti Golan, *The Secret Conversations of Henry Kissinger: Step-by-step Diplomacy in the Middle East*, translated from the Hebrew (Toronto: Quadrangle, 1976).

Efraim Halevy, *Man in the Shadows* (London: Phoenix, 2007).

Henry Kissinger, *Years of Upheaval* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1982).

Chelsi Mueller, «Egyptian and Saudi Intervention in the Israeli-Palestinian Conflict (2006-2009): Local Powers Mediation Compared” // *International Intervention in Local Conflicts: Crisis Management and Conflict Resolution since*

the Cold War, edited by Uzi Rabi (New York: Tauris Academic Studies, 2010), pp. 211–219.

Michael Oren, *Ally. My Journey Across the American-Israeli Divide* (New York: Random House, 2015).

Tarek Osman, *Egypt on the Brink: From Nasser to Mubarak* (New Haven & London: Yale University Press, 2010).

William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics* (Washington: The Brookings Institution, 1986).

Dennis Ross, *The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004).

Alain Roussillon, “Republican Egypt interpreted: Revolution and beyond”, in M.W. Daly (ed.), *The Cambridge History of Egypt* (Cambridge University Press, 1998), vol. 2, pp. 334–393.

Anwar el-Sadat, *In Search of Identity: an Autobiography* (New York: Harper and Row, 1977).

Jeremy M. Sharp, “The Egypt–Gaza Border and its Effect on Israeli–Egyptian Relations” (Washington: Congressional Research Service, 2008).

Kenneth W. Stein, *Heroic Diplomacy: Sadat, Kissinger, Carter, Begin and the Quest for Arab-Israeli Peace* (New York: Routledge, 1999).

Kenneth W. Stein, “Egyptian–Israeli Relations” // *Israel Affairs*, vol. 3, no. 3–4 (1997), pp. 296–320.

Gerald M. Steinberg and Ziv Rubinovitz, *Menachem Begin and the Israel-Egypt Peace Process: Between Ideology and Political Realism* (Indiana University Press, 2019).

Saadia Touval, *The Peace Brokers: Mediators in the Arab-Israeli Conflict, 1948–1979* (Princeton: Princeton University Press, 1982).

“Toward Peace in the Middle East”. Report of the Middle East Study Group (Washington: Brookings Institution, 1975).

Cyrus R. Vance, *Hard Choices: Critical Years in America’s Foreign Policy* (New York: Simon and Schuster, 1983).

Amr Yossef, “Israel and Post-Mubarak Egypt: Perils of Historical Analogy” // *Digest of Middle East Studies*, Vol. 21, No. 1 (2012), pp. 49–68.

На языке иврит

Сборник исторических документов

Менахем Бегин – шестой глава правительства. Сборник документов, под ред. Арье Наора и Арнона Ламмфромма (Иерусалим: Государственный архив Израиля, 2014).

Научная и мемуарная литература

Михаэль Бар-Зохар, *Феникс. Шимон Перес – политическая биография* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2006).

Бегин, под ред. Мирона Изаксона (Тель-Авив: «Едиот Ахронот», 2008).

Йосеф Бен-Аарон, «Внешнеполитическая борьба в 1981–1992 годах» // *Министерство иностранных дел*.

Пятьдесят первых лет, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 168–173.

Элияху Бен-Элисар, *Дальше – без войн* (Тель-Авив: Библиотека «Маарив», 1995).

Ализа Вайсман, *История эвакуации поселений из района Ямита* (Бейт-Эль: «Сифрият Бейт-Эль», 1990).

Эзер Вейцман, *Битва за мир* (Иерусалим: «Эйданим», 1981).

Авиэзер Голан и Шломо Накдимон, *Бегин* (Иерусалим: «Эйданим», 1978).

Шимон Голан, *Разъединение сил под угрозой войны на истощение* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 2019).

Йоси Гольдштейн, *Рабин. Биография* (Тель-Авив: «Шокен», 2006).

Моше Даян, *Этапы пути. Автобиография* (Иерусалим: «Эйданим», 1976).

Моше Даян, *Будет ли меч пожирать вечно? Переговоры о мире – личные записи* (Иерусалим: «Эйданим», 1981).

Эфраим Дубек, *И все-таки, мир* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1998).

Эфраим Дубек, *История жизни* (Иерусалим: «Яд Сара» – НКО «Память, ответственность и будущее», 2019).

Нурит Калиот и Шмуэль Альбек, *Синай – анатомия эвакуации поселений* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны, 1996).

Илан Кфир и Яков Маор, *Израиль и Египет – мирный процесс* (Иерусалим: «Ревивим», 1980).

Давид Ландау, *Арик. Жизнь Ариэля Шарона* (Ор-Иехуда: «Двир», 2015).

Рут Лапидот, «Переговоры об автономии вследствие Кемп-Дэвидских соглашений, 1979–1982» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 161–167.

Рут Лапидот, «Вердикт арбитража в конфликте о Табе» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 174–176.

Мишель Мазаль, *Супруга посла* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2002).

Ицхак Навон, *Весь путь. Автобиография* (Иерусалим: Издательство «Кетер», 2015).

Эхуд Ольмерт, *От первого лица* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2018).

Шимон Перес, *Новый Ближний Восток* (Бней-Брак: «Стеймацкий», 1993).

Ицхак Рабин, *Служебный блокнот* (Тель-Авив: «Маарив», 1979).

Итамар Рабинович, *Отдаляющийся горизонт. Израиль, арабы и Ближний Восток, 1948–2012* (Ор-Иехуда: «Двир», 2012).

Эльяким Рубинштейн, *Пути к миру* (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 1992).

Али Салем, *Поездка в Израиль* / пер. с арабского Давида Сагива (Иерусалим: «Кетер», 1995).

Моше Сассон, *Семь лет в стране египтян* (Иерусалим: Издательство «Едиот ахронот», 1992).

Робби Сабель, «Переговоры о компромиссе в конфликте о Табе» // *Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*, под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: «Кетер», 2002), том 1, стр. 177–185.

Давид Султан, *Между Каиром и Иерусалимом* (Тель-Авив: Университетский институт дипломатии и регионального сотрудничества, 2007).

Авраам (Абраша) Тамир, *Солдат, жаждущий мира* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 1988).

Ави Шилон, *Бегин: 1913–1992* (Тель-Авив: «Ам овед», 2007).

Шимон Шифер, *Предупреждающий. Беседы с генералом запаса Амосом Гиладом* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2019)

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Институт Ближнего Востока (ИБВ, до 2005 года – Институт изучения Израиля и Ближнего Востока) был основан в 1993 году. Основатели ставили перед собой задачу остановить деградацию российской науки в области изучения Ближнего и Среднего Востока, сохранить архивно-библиотечные фонды, поддержать действующих и привлечь молодых специалистов. Немалую роль в становлении Института сыграло знакомство его создателей с опытом работы американской, британской, французской и израильской школ изучения Ближнего и Среднего Востока. Библиотека и архив Института уникальны.

Институтом Ближнего Востока опубликованы тысячи статей в отечественных и зарубежных печатных и электронных СМИ и более двухсот семидесяти книг. В их числе монографии, сборники, страноведческие справочники, серии «Ближний Восток и современность», «Арабские страны», молодежный «Востоковедный сборник». Институт ежемесячно выпускает обзоры «Военно-политическая обстановка в Ираке», «Иран – военно-политическая ситуация» и «Иран – экономическая ситуация», ситуационные обзоры по Турции, Алжиру, Египту, Ливии, Марокко, Сомали. Еженедельно выходит обзор «Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Реализуемые

Институтом Ближнего Востока проекты в области изучения Израиля не имеют мировых аналогов.

С Институтом сотрудничают более семисот высококвалифицированных специалистов, в т.ч. около ста – из стран Ближнего и Среднего Востока. Ежедневно новые информационно-аналитические материалы публикует сайт ИБВ (www.iimes.ru). Институт проводит конференции и круглые столы, посвященные наиболее острым проблемам Ближнего и Среднего Востока. Эксперты Института регулярно посещают страны Ближнего и Среднего Востока, находясь в центре идущих там процессов.

Институт тесно взаимодействует с российскими официальными учреждениями и ведомствами, занимающимися проблемами Ближнего и Среднего Востока, высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими центрами и институтами. Стратегию Института определяет экспертный совет, возглавляемый президентом, Е.Я. Сатановским. Текущей работой руководит директор, Е.Л. Жигун.

Институт Ближнего Востока – независимый научный центр с российским финансированием. Его работа деидеологизирована и деполитизирована. Задача экспертов – объективные описания и прогнозы. Единственный критерий, определяющий результаты работы – ее качество.

Институт открыт для взаимодействия с партнерами из любого учреждения или страны. Специалисты привлекаются к его работе на межведомственной основе, по контрактам или в рамках научного обмена.

Приоритетом в работе является всесторонний комплексный анализ национальных интересов России в регионе.

Институт Ближнего Востока не занимается процессами, идущими в Российской Федерации и странах СНГ. Исключение – сфера взаимодействия этих стран с государствами Ближнего и Среднего Востока и деятельность их представителей на постсоветском пространстве. Сфера интересов Института ограничена современным состоянием политики, экономики, экологии, сферы безопасности региона и стран, его составляющих. Вопросы истории, этнографии, религиоведения, лингвистики, культуры и т.д. рассматриваются в связи с современностью.

Книги, выпускаемые Институтом Ближнего Востока, издаются ограниченным тиражом. Они рассылаются в российские ведомства и организации, занимающиеся Ближним и Средним Востоком, представительства Российской Федерации в регионе и посольства стран Ближнего и Среднего Востока в Москве, библиотеки основных российских и зарубежных университетов, учебных и научно-исследовательских институтов.

